

ТЕА БЮТТНЕР

ИСТОРИЯ АФРИКИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

**Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981**

9(М) Б98

Б 98

Thea Buttner

GESCHICHTE AFRIKAS

VON DEN ANFANGEN BIS ZUR GEGENWART

Akademie-Verlag. Berlin, 1976.

Перевод с немецкого
Р. М. СОЛОДОВНИК

Ответственный редактор и автор послесловия
Л. Е. КУББЕЛЬ

Бюттнер Т.

Б98 История Африки с древнейших времен. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

253 с.

Книга известного немецкого (ГДР) историка Т. Бюттнер посвящена истории Африки с древнейших времен до территориального раздела континента между империалистическими державами. Написанная с марксистских позиций и с использованием трудов прогрессивных зарубежных ученых, эта работа разоблачает расистские и колониально-апологетические концепции буржуазной историографии.

© Akademie-Verlag. Berlin, 1976.

© Перевод и послесловие: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

OCR и вычитка – Aspar, 2010.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава I

Является ли Африка колыбелью человечества? Тенденции развития древнейшей и древней истории

Глава II

Мероэ и Аксум — классовые государства древнего Востока

Глава III

Государственные образования к югу от Сахары в VIII—XVI вв.

1. Государства Западной Африки

1.1. Гана

1.2. Государство Мали

1.3. Сонгай

1.4. Царства моси и города-государства хауса

1.5. Канем-Борну

1.6. Бенин и народы йоруба

1.7 «Королевство» Конго

2. История Восточной Африки

2.1. Эфиопия

2.2. Зимбабве — государство Мвене Мутапа

2.3. Главные торговые города на побережье Восточной Африки

3. Социально-экономический строй государственных образований к югу от Сахары

4. Многообразие и сложность этапов общественного развития

Глава IV

Африка — «заповедное поле охоты на чернокожих» (К. Маркс). История Тропической Африки в период с XVI до начала XIX в.

1. Начало колониальной экспансии и народы Африки

1.1. Причины и последствия колониальной экспансии Португалии

1.2. Побережье Восточной Африки и его хинтерланд в период колониальной экспансии Португалии

1.3. Португальское господство в Конго и Анголе

1.4. Соперничество европейских держав в период меркантилизма

- 1.5. Последствия трансатлантической работорговли
- 1.6. Союзы племен и государства луба-лунда, йоруба, дагомейцев и ашанти
2. Образование раннефеодальных государств и племенных объединений в XVIII—начале XIX в.
 - 2.1. Государства фульбе и тукулёров
 - 2.2. Государства Межозерья в период с XVII до конца XIX в.

Глава V

Африка в XIX в. (до Берлинской конференции 1884 г.)

- 1.1. Воздействие колониальной экспансии промышленного капитализма Европы на народы Африки
- 1.2. Колониальные интересы Франции в районе Сенегала
- 1.3. Тиджания ал-Хадж Омара и его последователи
2. Колониальная политика Англии в Западной Африке и на Золотом Береге
 - 2.1. Сьерра-Леоне и Либерия
 - 2.2. Основание колонии Золотой Берег и сопротивление ашанти
 - 2.3. Колониальная политика Англии в Лагосе и районе Нигера
 - 2.4. Освободительное движение образованного купечества и интеллигенции
3. Колониальное проникновение буров и англичан в Южную Африку. Героическое сопротивление коса (восемь «кафрских» войн), суто и зулу
 - 3.1. Историческое и общественное развитие народов и племен Южной, Юго-Восточной и Юго-Западной Африки до середины XIX в.
 - 3.2. Колониальное проникновение буров и англичан в Южную Африку
 - 3.3. Героическое сопротивление коса и зулу
4. Господство маскатских арабов на Занзибаре и в восточной части материка. Союз племен ньямвези
 - 4.1. История восточноафриканского побережья в XVIII в.
 - 4.2. Господство маскатских арабов на Занзибаре
 - 4.3. Маскатско-арабское господство на побережье и работорговля
 - 4.4. Племенной союз ньямвези и другие племена восточной части Африканского материка
5. Эфиопия в XIX в.
6. Мадагаскар
7. Подготавливали ли христианские миссионеры и путешественники почву для колонизаторов?

Краткие итоги

Примечания

Избранные источники

Избранная библиография

Хронологическая таблица

Основные европейские экспедиции по исследованию Африки

Послесловие

ВВЕДЕНИЕ

«Африка сама напишет свою историю, славную и почетную для всего континента, от севера до юга», — сказал незабвенный Патрис Лумумба незадолго до того, как он был убит в 1961 г. И действительно, сейчас Африка* (* Под словом «Африка» подразумевается Африка к югу от Сахары, т. е. Тропическая Африка. Только в главе I, посвященной древнейшей и древней истории, прослеживаются общие тенденции развития Северной Африки и Сахары.— *Примеч. авт.*) с присущим ей революционным энтузиазмом оживляет важнейшие исторические традиции и восстанавливает культурные

ценности. При этом ей приходится непрестанно преодолевать барьеры, которые воздвигли и тщательно оберегали колониалисты, чтобы отгородить африканцев от истины. Наследие империализма глубоко проникает в самые различные области жизни. Его идеологическое воздействие на сознание народов Тропической Африки было и остается не менее важным фактором, чем унаследованные от колониализма экономическая и социальная отсталость, нищета, униженное положение и зависимость от иностранных монополий.

Ныне, однако, народы Африки решительно срывают с себя цепи, которыми их связывали колониалисты. В 50-х и начале 60-х годов большинство народов Африки, находившихся под игом империализма, достигли политической независимости. Это явилось важной вехой на трудном пути их борьбы против империализма, за национальный суверенитет и социальный прогресс. Постепенно они приходят к пониманию того, что их борьба составляет часть мирового революционного процесса, в котором главная роль принадлежит социалистическому содружеству государств во главе с Советским Союзом. Африканские народы прилагают огромные усилия, чтобы укрепить завоеванную политическую независимость и дать отпор многочисленным проискам неоимпериалистов. Перед ними стоят такие сложные задачи, как глубокие социальные и экономические преобразования, демократические аграрные реформы, ликвидация преобладания иностранных монополий, создание самостоятельной национальной экономики. Однако на нынешнем этапе не менее актуальна задача возрождения национальной культуры, частично уничтоженной или приниженной колониальными державами, и восстановления в памяти народной исторических традиций и славных деяний прошлого.

Изучение истории африканских народов получило новое направление. Чтобы успешно бороться против империализма, надо не только знать о славных подвигах борцов против колониализма, но и представлять себе замечательную историю государственных образований доколониального периода. Исследователям удалось почти повсеместно сорвать окутывавший ее флер романтики и мистики, и теперь они стремятся выявить важнейшие прогрессивные и революционные традиции, столь важные для современной национально-освободительной революции. Прогрессивная африканская историография сможет выполнить эту трудную задачу только при поддержке марксистов и других сил во всем мире, борющихся против империализма. Их объединяет общее стремление свергнуть, иго империалистов и неоколониалистов, устранить насаждаемую ими дискриминацию и, конечно, опровергнуть реакционные буржуазные теории истории Африки, представляющие собой апологию колониализма.

К каким только измышлениям не прибегали капиталисты, чтобы оправдать ограбление колоний! Через множество печатных трудов красной нитью проходит мысль, что до прихода колониальных господ африканцы были полностью или почти полностью лишены способности к общественному прогрессу. Эта идея разрабатывалась на все лады и усиленно распространялась. Всего лишь 30 лет назад один колониальный чиновник назвал африканцев «дикарями, которых миновала история». Нет числа высказываниям, относящим народы Африки к «неисторическим» и даже низводящим их до «уровня диких животных». История Африки изображалась в виде постоянных приливов извне и отливов «волн высшей цивилизации», которые в известной мере способствовали развитию африканского населения, обреченного на застой. Европейские колонизаторы приписывали «динамическим, созидательным, культурным импульсам, поступающим со стороны», продолжительное рациональное воздействие, ибо «древнеафриканская культура лишена присущего западной цивилизации фаустианского стремления к вечной жизни, исследованию и открытиям»¹.

По сути дела, история народов Африки к югу от Сахары сводилась к системе чуждых культурных напластований. Для вящей убедительности империалисты изображались «высшими культуртрегерерами». Продолжая фальсификацию истории Африки, апологеты колониализма оценивали безжалостное колониальное ограбление африканцев как благодеяние, особенно благотворное для их культуры и якобы открывшее

им путь от стагнации к современному прогрессу. Совершенно очевидно, какие политические и социальные функции призваны выполнять подобные теории: они предназначены замаскировать истинную сущность и масштабы колониального угнетения и тем самым лишить антиколониальное и национально-освободительное движение его антиимпериалистической направленности.

Сейчас эти лживые вымыслы об историческом развитии Африки распространяются не так уж часто. Империалистическая пропаганда вынуждена — и не только в историографии и политике — прибегать к более изощренным и гибким формам. Растущее могущество реально существующего социализма и успехи национально-освободительного движения заставляют ее выдвигать теории, которые соответствуют новым задачам неоколониализма в большей мере, чем колониально-апологетические и расистские версии старого образца. Однако тон по-прежнему задают империалисты. Правда, буржуазная историография подвержена многообразным процессам дифференциации.

В некоторых капитальных трудах, например и монографиях Р. Корневена, Р. Оливера, Дж. Мэтью, П. Дуигнена, Л. А. Ганна, Фр. Аншпренгера, и во многих специальных работах история Африки рассматривается с более реалистической точки зрения. Их авторы в отдельных случаях достигли весьма важных результатов в эмпирических исследованиях и в рассмотрении частных вопросов, но оценка исторических источников, постановка проблемы и — последнее по счету, но не по важности — ненаучность выводов и классификации материалов заставляют отнести этих ученых к идеологам позднего капитализма. Выдвигаемые ими теоретические положения не менее опасны, чем идеи апологетов империализма. Достаточно сказать, что в некоторых из последних работ по истории и социологии предпринимается попытка отделить борьбу прогрессивных сил национально-освободительного движения за социальный прогресс от мировой социалистической системы и рабочего движения в высокоразвитых капиталистических странах.

Многие исторические труды на узкие темы, например о причинах отсталости той или иной страны, об образовании «элит», служат для маскировки неоколониалистской экспансии.

Марксисты и другие прогрессивные элементы, борющиеся против империализма, в том числе и в африканских национальных государствах, объявили войну этим воззрениям. В очерке истории Тропической Африки с древнейших времен, составляющем содержание этой книги, должно быть объективно прослежено историческое и культурное развитие народов континента к югу от Сахары и выявлена бесчеловечная эксплуатация их колониализмом. Тем самым опровергаются основные положения проимпериалистической «науки».

В Советском Союзе после Октябрьской социалистической революции, а в странах мировой социалистической системы после 1945 г. начался новый период африканистики. Ученые этих государств, а также марксисты и другие прогрессивные исследователи во всем мире, и все чаще в самих африканских странах, публикуют в последние годы серьезные работы по древней и новой истории Африки. Это вызвало революцию в африканистике, которая раньше почти полностью находилась под влиянием колониалистов (особенно историография Тропической Африки от древнейших времен до раздела ее территории империалистическими колониальными державами). Монография «Народы Африки», составленная коллективом авторов под руководством Д. А. Ольдерогге И. И. Потехина (в 1961 г. была издана в ГДР), заложила основы для многочисленных серьезных исследований отдельных проблем советской африканистикой. Благодаря этому труду работы советских ученых по лингвистике и истории Африки получили международную известность. Э. Шик (Венгрия), И. Хрбек (Чехословакия), М. Маловист (Польша) стремились восполнить своими работами известные пробелы в изложении общей истории доколониального периода народов Африки. Следует упомянуть также изданные и в ГДР работы французского историка и экономиста

марксиста Ж. Сюрэ-Каналья по истории Западной и Центральной Африки и английского публициста Б. Дэвидсона.

Несмотря на бесспорные успехи африканистики в последние 20 лет, по-прежнему отсутствует обстоятельный обобщающий труд по истории народов Африки, особенно в отдельные периоды до колониального раздела континента империалистами. Многолетние изыскания побудили меня сделать достоянием широкого круга читателей важнейшие моменты исторического развития народов к югу от Сахары.

Особые трудности по сей день представляет проблема периодизации общей истории народов Африки, в том числе в нашу эру. По этому вопросу нет единодушия даже среди ученых-марксистов. Правильный подход к нему требует, чтобы африканцы не рассматривались как пассивный объект чужеземных влияний, а чтобы прежде всего учитывались внутренние закономерности их общественного развития, соотносимые, разумеется, с важнейшими периодами мировой истории и качественными изменениями отдельных социально-экономических общественных формаций. При этом необходимо иметь в виду диалектическое единство этапов развития мировой истории и региональных особенностей африканских стран. Именно на основе этих общих критериев в книге выделены периоды исторического развития народов Тропической Африки от древнейших времен до империалистического раздела Африки в последней трети XIX в. К примеру, XVI век, когда западноевропейский капитализм производил экономическую и политическую подготовку к завоевательным походам и тем самым положил начало новой эпохе, не только был важной вехой в мировой истории, но и явился поворотным пунктом в жизни некоторых народов Тропической Африки.

Анализ общественного и исторического развития населения столь многих регионов и выявление в нем общих закономерностей и тенденций связаны с известными трудностями. Они усугубляются еще и тем, что страны к югу от Сахары достигли самых различных степеней прогресса. Кроме того, общественному развитию многих африканских народов несомненно присущи специфические особенности, и тем не менее можно с уверенностью утверждать, что это развитие отнюдь не происходило вне закономерного всемирно-исторического процесса смены общественно-экономических формаций. Неопровержимые исторические факты доказывают, что народы Африки, и отстававшие и шедшие впереди, стремились и стремятся идти по пути прогресса. Путь этот длинный и трудный, но, как показывает весь опыт истории, в конечном счете он приведет к социализму также и народы Тропической Африки.

В заключение следует сделать некоторые предварительные замечания относительно источников и вспомогательных материалов, которые имеются в распоряжении африканиста.

Не будет преувеличением сказать, что и в этой области лишь в последние десять лет поднята целина и несколько раздвинута завеса, закрывавшая «Черный» континент. Колониалисты считали археологические находки лишь приложением к весьма прибыльной добыче железных руд и минералов. Развалины легендарного государства Мономотапа и ценнейшие памятники искусства Бенина были обнаружены или случайно, или действовавшими без всякого согласования экспедициями. После того как африканские государства достигли независимости, ассигнования на научные исследования стали более систематическими и целеустремленными. Результаты этих исследований исключительно важны. Так, благодаря чрезвычайно интересным раскопкам Килвы (Танзания) города-государства Восточной Африки предстали в совершенно ином свете. Руины столицы древней Ганы Кумби-Сале (на юге Мавритании) оказались немymi свидетелями давно исчезнувшей африканской цивилизации. На безводных сейчас нагорьях Центральной Сахары найдены десятки тысяч прекрасных наскальных картин и фресок; эти высокохудожественные произведения реалистического искусства сообщают ценные сведения о развитой культуре Африки. Находки последнего времени позволяют уточнить

представления о древнейшей и древней истории африканских народов. Поскольку сейчас научные учреждения молодых национальных государств сами организуют археологические экспедиции для раскопок центров древних цивилизаций, мы вправе ожидать, что их работы обогатят историю новыми данными.

Многие племена и народности Тропической Африки по сей день не имеют письменности. Тем не менее нам известны в общих чертах отдельные этапы их истории. При дворах правителей и вождей существовал институт сказителей, напоминавших средневековых миннезингеров. До нас дошли передававшиеся из уст в уста перечни имен правителей, хроники, героические сказания, эпические поэмы, воспевавшие подвиги и деяния правителей. В последнее время большая их часть была тщательно собрана и записана африканскими учеными и их помощниками. Сейчас они приступили к исследованию содержания этих источников, и тут немедленно выявились пределы возможностей их использования. В них тесно переплетаются вымысел и правда. История того или иного племени или народа сводится к деятельности отдельных правителей. Оставляет желать лучшего и хронология. Тем не менее африканист может и должен работать над этими устными преданиями, чтобы с помощью научного анализа превратить их в надежные источники африканской историографии.

В целом следует отметить известную скудость письменных источников для отдельных периодов и регионов. Историю некоторых народов можно подчас довольно точно воссоздать на основании как сообщений арабских путешественников, так и оставленных самими этими народами письменных свидетельств, но при исследовании прошлого других народностей приходится довольствоваться немногочисленными сведениями, иногда даже косвенными. Кроме того, они обычно неоправданно много касаются событий политической жизни, тогда как экономические и социальные отношения отражены в них очень плохо.

Первые письменные свидетельства о Тропической Африке содержатся в реляциях египетских военачальников. Далее следуют сведения, полученные карфагенянами, греками и римлянами во время путешествий, военных походов и торговых экспедиций. Однако эти данные, дошедшие от периода античности, весьма скромны и носят случайный характер.

Только арабские историки периода, соответствующего европейскому средневековью, уделили наконец должное внимание областям к югу от Сахары, которые тогда стали широко известны благодаря многочисленным экспедициям и путешествиям, а также оживленным торговым связям. Рассказы арабских путешественников, хронистов, географов и историков, и прежде всего описаны путешествий ал-Масуди, ал-Бакри, ал-Идриси, Ибн Батуты, Льва Африканского, содержат ценную информацию. Они были дополнены начиная с XVI в. первыми записями на месте в государствах западной и центральной зон Судана (имеется в виду вся полоса Сахеля, которая тянется с запада на восток к югу от Сахары и не совпадает с территорией современного Судана). Серьезные пробелы в наших знаниях были позднее устранены мусульманскими учеными крупных торговых центров государства Сонгай — Томбукту, Гао и Дженне, — писавшими хроники по-прежнему на арабском языке. Сведения об истории народов Западной Африки содержатся и в записях, которые делались в городах-государствах хауса в Северной Нигерии, и в письменных документах начального периода государств фульбе и тукулёров в XVIII и начале XIX в., найденных и опубликованных только в последнее время. Из них лишь незначительная часть написана на арабском языке.

О жизни восточноафриканских городов-государств сообщают несколько местных хронистов. Они писали сначала по-арабски, позднее на суахили и пользовались своей собственной системой письма, восходящей к арабской письменности.

Наиболее древние письменные данные мы черпаем также из памятников царств Мероэ и Аксум (см. гл. II). В средние века их традиции нашли успешное продолжение в летописании и церковной историографии Эфиопии.

На оубеже XV и XVI вв., когда португальские мореплаватели открыли путь вокруг Африки и основали многочисленные опорные пункты колонизации, появились первые подробные отчеты европейцев рассказы об их путешествиях и исторические сочинения. От этого начального периода колониальных предприятий дошли красочные описания, ярко рисующие жизнь в Бенине и других приморских областях Западной Африки, в древнем государстве Конго, а более всего — в Восточной и Центральной Африке. По словам Барруша, Барбосы, Баррето, Кастаньюзу, Алькасовы и Даппера, они, к своему великому удивлению, увидели здесь высокоразвитые государства с крупными торговыми центрами, где жизнь была ключом. В первое время португальцы еще довольно объективно и деловито записывали свои впечатления. Но когда мечты завоевателей о сказочных богатствах натолкнулись на противодействие населения Африки, их рассказы — и чем дальше, тем больше — начали уснащаться клеветническими вымыслами.

В XIX в. Африканский континент стал заветной целью исследователей, путешественников и миссионеров. Из-под пера членов различных экспедиций, купцов и посланцев церкви, которые прямо или косвенно подготавливали капиталистические завоевания, вышло множество заметок о геологии, географии, экономике и климате африканских стран (ср. гл. V, 7). Они оставили нам и подробные историко-этнографические очерки общественного развития некоторых народов Африки. Хотя авторы этих работ, например известный Генрих Барт в середине XIX в., не могли скрыть, что действуют по поручению или по инициативе колонизаторов, они часто стремились к подлинно научным исследованиям и признавали исторические и культурные достижения неевропейских народов. Однако их труды очень скоро были забыты в Европе, в последней трети XIX в. на область к югу от Сахары навесили ярлык «Черного» континента и отказали ей в способности к историческому прогрессу. В соответствии с этой точкой зрения многие свидетельства культуры и устные предания африканских народов отрицались или приписывались влиянию иноземных культуртрегеров. В конце концов расистские теории апологетов колониализма восторжествовали и стали тормозить любые научные исследования, в том числе изучение истории и общественного развития народов Африки.

Это еще более обязывает всех ученых-марксистов совместно с прогрессивными африканскими историками воссоздать и правильно оценить на основе фундаментальных исследований историю народов Африки, фальсифицированную апологетами империализма и колониализма.

Глава I

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ АФРИКА КОЛЫБЕЛЬЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ И ДРЕВНЕЙ

ИСТОРИИ

По-видимому, первые на земле люди появились на Африканском континенте, поэтому он занимает совершенно особое место в изучении всей истории человечества, и истории древнейших и древних периодов нашей цивилизации в частности. Открытия последних лет в Южной и Юго-Восточной Африке (Стеркфонтейн Таунг, Брокен-Хилл, Флорисбад, Кейп-Флэтс и т. д.), в Сахаре особенно же в Восточной Африке показали, что прошлое человечества исчисляется миллионами лет. В 1924 г. Р. А. Дарт нашел в Южной Африке остатки австралопитеков (человекообезьян), чей возраст насчитывает примерно миллион лет. Но проф. Л. Лики, впоследствии его сын и жена после продолжительных и трудный раскопок на территории Кении и Танзании — в ущелье Олдувай к югу от озера Виктория, и в районе Кооби-Фора и Илерет (1968), а также погребения Лаэтвлил в Серенгети (1976) — нашли костные остатки, возраст которых оценивается уже от 1,8 до 2,6 миллиона, а в Лаэтвилле — даже в 3,7 миллиона лет.

Установлено, что только на Африканском континенте обнаружены костные остатки, представляющие все ступени развития человека, чем, очевидно, подтверждается на основе новейших антропологических и палеонтологических данных эволюционное учение Дарвина, который считал Африку «прародиной человечества». В Олдувайском ущелье в Восточной Африке мы находим остатки представителей всех этапов эволюции, предшествовавших возникновению *Homo sapiens*. Они эволюционировали (частью параллельно и не всегда получая дальнейшее развитие) от австралопитека к *Homo habilis*, а затем к последнему звену эволюционной цепочки — неантропу. Пример Восточной Африки доказывает, что формирование *Homo sapiens* могло происходить самыми различными путями и что далеко не все они изучены.

Климатические изменения, наступившие в четвертичном периоде и длившиеся больше миллиона лет, особенно три больших пльвиальных (влажных) периода, оказали большое влияние на Африку и превратили области, ныне являющиеся пустынями, в саванны, где с успехом охотились доисторические люди. Связанные с пльвиалами смещения и изменения уровня вод могут быть использованы в числе других методов для датировки первобытных находок. Уже среди археологических материалов, относящихся к первым пльвиальным периодам, наряду с костными остатками пра-человека найдены первые каменные, вернее, галечные орудия труда. На территории Европы подобные им изделия появились значительно позднее — только во время межледниковых периодов.

Находки древнейших галечных и каменных орудий олдувайской и стелленбошской культур, равно как и датированных началом верхнего палеолита (около 50 тысяч лет назад) многочисленных остатков толстых и тонких обработанных нуклеусов и рубил с черенком, обнаруженных теперь уже во многих районах Магриба (атер, капсий), Сахары, Южной Африки (фаурсмит), Восточной Африки и бассейна Конго (Заир), свидетельствуют о развитии и успехах ранне- и позднепалеолитических людей на африканской земле * (* О л д у в а й с к а я культура (названа по ущелью Олдувай в Танзании, где в 1959 г. были открыты первые ее памятники) — древнейшая из археологических культур; датируется временем от 2,5 млн. до 600 тыс. лет назад. Культура стелленбош (по названию поселка в Южной Африке) примерно соответствует нижне- и верхнеашельской стадиям нижнего палеолита; Датировка — от 500 тыс. до 60 тыс. лет назад. Фаурсмит — среднепалеолитическая культура в Южной Африке, датируемая промежутком между 60 тыс. и 40 тыс. лет назад. Атер и капсий (соответственно Восточное Марокко и Тунис с Восточным Алжиром) — культуры среднего каменного века; датируются: атер — от 30 тыс. до 19 тыс. лет назад, капсий — от 10 тыс. до 6500 лет назад. *Здесь и далее звездочкой обозначены примечания ответственного редактора Л. Е. Куббеля.*). Огромное количество усовершенствованных каменных орудий и наскальных изображений, относящихся к мезолиту (среднему каменному веку), говорит о значительном росте населения и высоком уровне доисторической культуры в определенных областях Африки начиная с X тысячелетия до н. э. Культуры лупембе и читоле в бассейне Конго, а также мезолитические центры в Северо-Восточной Анголе, в некоторых районах Уганды, Замбии, Зимбабве и на северном побережье Гвинейского залива представляют важный этап дальнейшего прогресса культуры. Люди лупембской культуры умели делать долота и полые предметы, остроконечники со сбитой спинкой и каменные листовидные наконечники для копий и орудий типа кинжала, которые выдерживают сравнение с лучшими каменными наконечниками, найденными на территории Европы.

Для капсийской культуры на территории Кении (примерно V тысячелетие до н. э.) ** (** Кенийский вариант капсийской культуры относится примерно к VI—V (по другим датировкам — к VIII—V) тысячелетиям до н. э.) типичны высокая техника обработки резцов, употребление керамики и изящных сосудов из хорошо обработанного камня. В это же время единичные керамические изделия появляются в отдельных районах Зимбабве, Юго-Западной Африки и Капской провинции (культура уилтон). Носители этой цивилизации по-прежнему занимались охотой и целенаправленным собирательством, но одновременно

впервые в истории важной отраслью хозяйства становится рыболовство, которое привело к увеличению оседлости населения, особенно в некоторых приморских районах. Уже в период мезолита высокого развития достигло наскальное изобразительное искусство в виде рельефов и росписей на темы охоты. Во многих областях Африки — в Магрибе, Сахаре, долине Нила, Нубии, в Восточном Судане, Эфиопии, Восточной Африке, в центральном бассейне Конго (Заир) и в Южной Африке — сохранились прекрасные наскальные изображения, на которых показаны чаще всего дикие животные степей и саванн, а также люди на охоте, во время танцев и при исполнении культовых церемоний. С наступлением неолита наскальное изобразительное искусство продолжало развиваться, и частично его традиции дожили до нового времени.

Сейчас историки и археологи уже имеют более четкое представление о непосредственно доисторическом периоде истории Африки (неолит). В это время возникли новые отрасли хозяйства — земледелие и скотоводство. Благодаря применению более совершенных технических приемов, например шлифовки, неолитические люди могли более искусно придавать камню необходимые формы. В результате появилось много каменных изделий, неизвестных ранее или известных лишь в зачаточном виде. Лук и стрелы были усовершенствованы, и это облегчило охоту. Появление просверленных и полированных изделий, изобретение и усовершенствование гончарства, более широкое распространение керамики — все эти достижения резко отделяют неолит от предшествующих периодов, когда человек жил преимущественно охотой. Теперь основой его существования становятся земледелие и скотоводство. Естественно, от этого периода дошли первые признаки того, что оседлый образ жизни стал массовым. Люди уже строили себе хижины; несколько хижин составляли поселения.

Переход от охоты, собирания растений и эпизодической рыбной ловли, как единственных источников пищи, к земледелию и разведению домашнего скота был важнейшим шагом вперед. Общий подъем производительных сил в период неолита явился базой для развития новых форм общественного устройства. Суть изменений состояла в том, что укрепились структура родовой общины и связи между отдельными коллективами такого типа. Повсеместно возникали племена, которые представляли собой высшую ступень организации родового общества, складывавшегося еще в недрах позднего палеолита на основе кровнородственных связей. Производство и присвоение его продуктов по-прежнему носили общественный характер, сохранялась и общественная собственность на важнейшие средства производства. Индивидуальное присвоение и личная собственность на орудия труда имели очень ограниченное распространение.

В некоторых местностях Африки использование жерновов и керамики, тесно связанных с переходом бывших охотников к оседлому образу жизни, началось раньше, чем в Европе.

Конечно, развитие не было процессом равномерным и порождало множество переходных форм. Часть племен даже в период зрелого неолита продолжала вести жизнь охотников и рыбаков. Эти племена жили в более или менее неблагоприятных условиях, затруднявших переход к новым формам хозяйственной деятельности. В то же время особенно благоприятные условия сложились долине Нила, в районах шоттов Северной Африки * (* Шотт — впадина, заполненная соленой водой, соляное болото в странах Северной Африки к югу от прибрежных хребтов Атласа.), например Тунисе и Алжире, а также в Сахаре той эпохи. Именно различием природных условий объясняется огромный хронологический разрыв в датировке неолита.

Как будет видно из описания важнейших находок, ярко выраженная неолитическая культура и земледельческие поселения были присущи Египту уже в V тысячелетии до н. э., Северной Африке — в IV, а к югу от Сахары типично неолитические находки относятся как к I тысячелетию до н. э., так и к I тысячелетию н. э. В этом регионе развитие различных неолитических культур земледельцев и скотоводов продолжалось на протяжении нескольких тысячелетий, и они частично впитали, а частично уничтожили

или вытеснили более древние культуры охотников и собирателей. В некоторых областях к югу от Сахары сохранялась техника обработки камня, сложившаяся в конце гемблия (XII—X тысячелетия до н. э.) ****(** Гемблей — последний из африканских плювиалов, т. е. периодов повышенной влажности климата. Хронологически примерно совпадает с последним, вюрмским, оледенением в Европе (окончание вюрма датируют около 12 тыс. лет назад).**), и так и не был сделан решающий шаг к неолиту. Для многих районов Южной Африки типичен пример боскопидных бушменов. Это охотники и собиратели, происходящие по прямой линии от первобытного человека и не вышедшие из стадии мезолита. Их историческое развитие зашло в тупик и отчасти приостановилось. Бушмены прославились десятками тысяч принадлежащих им наскальных изображений, свидетельствующих о высокоразвитой охотничьей культуре. Напротив, в других областях Африки в результате исключительно благоприятного стечения обстоятельств, в том числе хороших природных условий, обнаруживается ускоренное развитие.

Особенно досконально изучены неолитические культуры Египта. Периодические наводнения и последующие отложения ила сделали долину Нила на редкость плодородной. При раскопках в Среднем Египте, в частности в Дейр-Таса, наряду с костными остатками был найден богатый археологический материал, из которого можно заключить, что население Египта в период неолита, кое-где даже с VI тысячелетия до н. э., помимо охоты и рыболовства занималось земледелием или, по крайней мере, собирало дикорастущие злаки. Были найдены полированные топоры, небольшие костяные гарпуны и множество примитивных глиняных изделий. С помощью достаточно надежного радиоуглеродного метода удалось точно датировать находки с берегов Фаюмского озера, и большой впадины в Северном Египте (4500—4000 гг. до н. э.). Жители Фаюма занимались охотой, рыболовством, земледелием и скотоводством. Они сеяли пшеницу-однозернянку, ячмень и лен, знали примитивную ирригацию. Здесь были найдены деревянные серпы с кремневыми вкладышами. На охоте и на войне жители пользовались луком со стрелами и боевыми булавами. Им были известны гончарное дело и плетение. Одежду они делали из тканей и шкур. В Египте обнаружено много других поселений неолитического периода (культуры эль-омари, амратская и бадарийская).

Последней неолитической культурой, предшествовавшей исторической эпохе Египта, была герзейская (Негада II, к северу от Фив) с характерными для нее более совершенными формами домашней утвари, орудий труда, керамики. Здесь, в Верхнем Египте, самые лучшие образцы сохранились в огромном некрополе, насчитывающем более 3 тысяч захоронений. Еще применявшиеся тогда каменные орудия — мотыги, серпы, жернова — отличались высоким качеством обработки и сохранили свой прежний облик и в исторический период. Подлинного совершенства достигла обработка кремня. Наряду с кремневыми топорами в Верхнем Египте появились изделия из меди (правда, впервые и скорее всего как побочный продукт), но каменные орудия по-прежнему составляли основу инвентаря египетских земледельцев. Вся материальная культура быстро развивалась и достигла исключительного богатства форм. Активизировался обмен продуктами труда. Это повлекло за собой дифференциацию общества, и между 3500 и 3000 гг. до н. э. возникла древнеегипетская деспотия, опиравшаяся на первые государственные образования. Появились знаки-изображения (иероглифы) — первая форма письменности.

Необходимость и возможность строительства оросительных сооружений в долине Нила и регулирование их действия ускорили; процесс объединения отдельных номов (областей) Египта и применение государственных средств принуждения. Мы, правда, не располагаем прямыми данными об организации оросительных работ в этот период складывавшегося древнеегипетского государства, но нет сомнений, что высшее руководство было сосредоточено в руках главы государства — царя, которого почитали как бога ***(* Как показал советский египтолог акад. М. А. Коростовцев, древнеегипетского царя следует рассматривать не как «подлинного бога», а скорее „богочеловека“,**

приближенного к богам обстоятельствами своего рождения» (см.: М. А. Коростовцев. *Религия Древнего Египта*. М., 1976, с. 153—154).). Неудивительно, что Египет сравнительно быстро перешагнул порог неолита. Более широкое применение металлов, присвоение узкой верхушкой родовой аристократии и жрецов во главе с семьей номарха всевозраставшей доли прибавочного продукта, зарождение отношений эксплуатации и зависимости одного человека от другого — все это ускоряло экономическую и социальную дифференциацию и разделение общества на классы. Впоследствии в богатой событиями истории Египта сложилось в специфической форме раннеклассовое общество, столь типичное для древнего Востока.

С помощью радиоуглеродного метода удалось датировать многочисленные неолитические поселения III—II тысячелетия до н. э., обнаруженные в ныне труднодоступной или вовсе не обитаемой пустыне. Экспедиция фирмы «Берлие», работавшая с 1959 по 1961 г. к востоку от Аира в области Тенере (Республика Нигер), раскопала селения людей, которые жили на берегах больших озер и, подобно додинастическим египтянам, добывали пропитание охотой, рыболовством и частично земледелием. Один из участников экспедиции писал: «В глубине эрга (песчаной пустыни), в Тенере, я обнаружил следы стоянок древних рыбаков: большие груды рыбьих костей (они заняли несколько двухколесных тележек), скелеты гиппопотамов и слонов, каменные орудия. В пятистах километрах к югу, на границе Сахары и Судана, я нашел еще добрый десяток стоянок. Тут были кучи рыбьих костей, черепаши панцири, раковины моллюсков, кости гиппопотамов, жирафов и антилоп, среди которых лежали человеческие скелеты»².

В последние годы очень ценные археологические материалы выявлены и на территории Республики Судан, где некогда находилась древняя Нубия. Открытие наиболее ранних из них связано с именем Э. Дж. Аркелла. При раскопках близ Хартума им были обнаружены следы неолитических поселений. Найдены просверленные кремневые топоры, напоминающие находки из Тенере и Фаюма, костяные орудия труда, остатки плетеных корзин со следами злаков. При датировке эти селения были отнесены к первой половине IV тысячелетия до н. э. В этих же пластах обнаружены части костяков и черепов людей явно негроидного типа — еще одно доказательство того, что уже в столь отдаленный период на земле Африки сложились основные антропологические типы. Дальнейшие находки на территории Нубии были разделены на культуры А, В, С и датированы. В период культуры С (2400—1600 гг. до н. э.) население Нубии отражало нападения египтян. Относящиеся к этому времени находки — каменное оружие, богатая керамика, украшения из меди и бронзы, а также ценные каменные топоры — показывают, что в Нубии, как и в Египте, возникли первые центры обработки металлов.

Неолит широко представлен также по всей Северной Африке и в Сахаре. Во вскрытых здесь культурных слоях залегали полированные каменные топоры, булавы, зернотерки и остатки глиняных сосудов. Орудия и целые селения периода неолита открыты в зоне Атласа, где люди жили в пещерах. На их стенах остались интересные рисунки, например в районе Орана (Алжир). Извлеченные на поверхность земли орудия труда позволяют заключить, что в Северной Африке уже в глубокой древности расселялись племена скотоводов и земледельцев.

В период между VIII и III тысячелетиями в Сахаре был исключительно хороший климат. Обильное выпадение осадков создавало благоприятные условия для скотоводства, охоты и отчасти земледелия. Сахарские саванны, области вокруг озер и рек притягивали из болотистых местностей Судана, района озера Чад и гор Магриба многочисленные народы, находившиеся на стадии палеолита или мезолита. Так, во многих частях Сахары сложился неолит, носители которого были охотниками, пастухами, рыбаками и земледельцами. От них дошли отличающиеся особой прелестью наскальные рисунки и фрески, из которых мы черпаем важные сведения об образе жизни населения этого района в период мезолита.

Всемирную известность получили открытия французского исследователя А. Лота в горах Тассили (Ахаггар) в Южном Алжире и итальянца Ф. Мори в Фецане (Ливия). Эти и другие ученые открыли на почти безводных сейчас возвышенностях Центральной Сахары и в горах Атласа десятки тысяч рисунков, которые не только являются важным свидетельством прошлого, но и поражают своими высокими художественными достоинствами. Росписи, фрески, высеченные на скалах рельефы представляют собой творения развитого реалистического искусства. Более поздние из них несколько стилизованы. Древнейшие изображения животных — слонов, носорогов, бегемотов, жирафов, львов и других хищников — датируются примерно X—VIII тысячелетиями. Изображения людей, часто со звериными головами (позднее многочисленные фигурки едва намечены тонкими линиями или даже, штрихами), в сочетании со сценами охоты или исполнения культовых церемоний отражают весьма развитую деятельность мезолитических охотников. В этом до некоторой степени сказывается влияние традиций североафриканской капсийской культуры.

Реалистическая живопись, в которой на первых порах преобладали контурные изображения, с течением времени становилась все более стилизованной и абстрактной и приобретала черты, характерные для пластики. Содержание картин говорит о том, что с IV тысячелетия в этих горных областях, а также на бескрайних просторах Сахары основой экономики стало разведение скота с длинными и короткими рогами. На прекрасных цветных фресках мы видим быков с закрученными рогами. Однако и охота на диких животных, которые водились здесь в изобилии, не утратила своего значения. Наскальная живопись дополняет наши представления о различных периодах и ступенях развития неолита в густонаселенной Сахаре, где рыбакам и земледельцам, жившим в саванне, близ многочисленных озер и рек, принадлежала не меньшая роль, чем скотоводам, кочевавшим со своими стадами по пригодным для выпаса скота районам. А. Лот насчитал на юге Ахаггара, у подножия плато Ин-Геззам, около 80 доисторических поселений.

Но прежде всего грандиозные наскальные росписи убеждают в том, что в это время (IV—I тысячелетия до н. э.) в основе своей сложились главные антропологические типы африканского населения, и именно на земле самой Африки. Эти данные исследователя решительно опровергают легенды, особенно энергично распространяемые апологетами колониализма, будто все важнейшие достижения культуры, определяющие общественное развитие, были привнесены в Африку извне. Научно не обоснованные расистские теории проникновения чужеземных культур послужили питательной средой для создания целых систем, делящих африканцев на «высшие» и «низшие» группы. Между тем по сохранившимся костным остаткам человека можно установить, что уже в период мезолита существовали серьезные различия антропологических форм. Костные остатки периода неолита нетрудно классифицировать по различным антропологическим признакам. К этому времени наряду с формированием основных антропологических типов произошла ярко выраженная расовая дифференциация. Скорее всего с эпохи неолита начали складываться и многие из современных языковых семей. Наскальная живопись всей силой реалистического искусства убеждает в том, что в период влажности в Сахаре были более или менее широко представлены все антропологические типы населения, впоследствии возобладавшие на Африканском континенте. Их отличительные признаки отчасти отражают различия в способах добывания пищи.

Уже на ранних древнеегипетских памятниках III тысячелетия до н. э., как и на наскальных рисунках, открытых Мори в Фецане, фигурируют высокие светлокожие люди. Эти скотоводы, кочевавшие по Сахаре и Северной Африке, стали носителями берберско-ливийских диалектов, которые наряду с египетским и коптским языками относятся к семито-хамитской семье языков* (* В последнее время в советской литературе вместо определения «семито-хамитская» принято определение «афразийская семья языков»). И по своему антропологическому типу, и по языку они явились предками многочисленных берберских и ливийских племен Присредиземноморья, туарегов,

живущих на центральных нагорьях Сахары (Тассили, Ахаггар, Адрар, Аир) и фульбе Западного Судана. В саваннах и на плоскогорьях Северо-Восточной Африки, в верховьях Голубого Нила вплоть до зоны неолита с капсийской традицией Кении обитали племена и роды охотников, частично оседлые, но главным образом пастушеские, которые следует отнести к эфиопско-кавказоидному антропологическому типу. Они были распространены в огромных районах Восточной Африки и говорили на кушитских языках. В очень близком родстве с ними по антропологическим признакам и отчасти по языку находились многие племена скотоводов, населявшие впоследствии Сомали, Эфиопию и восточноафриканское побережье.

Однако в это же время — в начале неолита — и в Сахаре и на территории Судана обитали оседлые земледельцы негроидного типа. А. Лот сообщает о рисунках-масках в горах Тассили, обладающих бесспорным сходством с рисунками сенуфо Берега Слоновой Кости, относящимися к более позднему периоду. Безусловно, образование главных антропологических типов и языковых групп в районах Сахары и Судана, а также в других центрах эпохи неолита в Тропической Африке дает исключительно много материала для важных исторических заключений, если только отвлечься от буржуазно-апологетических теорий о расовом превосходстве.

Геологический процесс высыхания Сахары, начавшийся III—II тысячелетиях до н. э., положил конец влажному периоду неолита и, естественно, повлек за собой ряд серьезных изменений. Правда, через Сахару по-прежнему осуществлялись многочисленные контакты, а в конце I тысячелетия н. э. были даже вновь установлены торговые связи Северной Африки с государствами Западного и Центрального Судана. Но образование необитаемого в основном пояса пустынь, где только в окраинных районах изредка прогоняли свои стада кочующие скотоводы, привел к тому, что экономическое, культурное и политическое развитие народов Северной Африки, с одной стороны, и населения Тропической Африки — с другой, происходило отныне в различных направлениях. Во II тысячелетии до н. э. Сахара была хотя бы частично заселена, однако в I тысячелетии произошли большие перемещения населения. Светлокожие скотоводы-кочевники продвинулись в северные и восточные области или нашли пастбища для своих стад в саваннах на юге, а земледельческое, негроидное население отступило на территорию Западного Судана. Только незначительная его часть по-прежнему жила в оазисах Сахары.

В это время начались переселения народов «банту», которые вызвали множество противоречивых предположений, в тех или иных вариантах проникших в науку. Сейчас невозможно точно установить детальные маршруты многочисленных племен и вызвавшие эти переселения причины. Много еще требует выяснения. Бесспорно, однако, что начиная с периода неолита и используя металлы население некоторых центров резко возросло и по степенно распространилось по всему континенту. Часть исследователей считают причиной таких перемещений, происходивших с I тысячелетия до н. э. до позднего средневековья обычно в направлении с севера на юг, относительную перенаселенность отдельных местностей, которая неизменно толкала к поискам новых участков для земледелия, скотоводства, рыболовства и охоты. Для Тропической Африки большое значение имеет еще одно обстоятельство: там в избытке имелась земля, пригодная для возделывания, поэтому часто отсутствовали стимулы для введения интенсивных методов земледелия и других способов добывания пропитания, которые в Египте, на Среднем Востоке и в Индии вынуждали население жаться к долинам рек и к оросительным системам.

Возможно, переселения народностей Тропической Африки были вызваны сильным притоком негроидных обитателей Сахары, находившихся на стадии неолита, в зону Западного Судана, где они смешивались с местными жителями. Большие людские потоки двигались также из центров неолитической культуры, сложившихся на территории Северной Нигерии, Камеруна, в районе озера Чад, нынешних республик Конго и Заир, и

в конце концов в движение пришел весь континент, что повело к распространению на больших пространствах важнейших пищевых растений, например проса и одного из сортов риса, к внедрению новых методов земледелия, усиленной добыче железной руды и более широкому применению металлов.

При попытках объяснить эти явления следует решительно отказаться от укоренившихся в буржуазной литературе розысков прародины «протобанту», часто используемых в качестве *dues ex machina* для всего общественного развития Африканского континента к югу от Сахары. В этих теориях не учитывается, что «банту» — чисто лингвистический термин для обозначения относительной общности, предполагающей тесное родство примерно 350 языков и диалектов банту в Центральной, Восточной и Южной Африке. Переносить это лингвистическое понятие на антропологические и культурные характеристики недопустимо и ненаучно. Племена и народы этой языковой семьи имеют довольно существенные антропологические различия, находятся на разных ступенях общественного и культурного развития и обладают особенностями, которые отражают процессы слияния в результате переселения народов* (* Миграция предков современных бантуязычных народов, конечно, не была главной причиной сложения тех или иных форм общественной организации в субсахарской Африке — и об этом вполне справедливо пишет Т. Бютнер. Однако эта миграция из какого-то центра, располагавшегося где-то около экватора — то ли в нынешних Камеруне и Нигерии, то ли в районе заирской провинции Шаба (бывшая Катанга), — сыграла все же заметную роль в культурной и этнической истории населения той части Африканского материка, которая расположена к югу от экватора.).

После продолжительных, часто переименовывавшихся передвижений в I тысячелетии н. э. области Камеруна, бассейны Убанги и Шари, Северная и Центральная Катанга, территория будущего государства Конго и восточноафриканское побережье до Замбези (Замбия, Мозамбик) выделились в качестве региональных центров бантуязычного населения.

Об этом свидетельствуют раскопки захоронений на берегу озера Кисале в Катанге** (** Ныне провинция Шаба (Заир).), относящихся к VIII и IX вв. н. э. Арабские путешественники оставили достоверные сообщения о том, что говорящие на языках банту племена в VII и VIII вв. н. э. достигли восточных берегов великих восточноафриканских озер и в последующие столетия продвинулись на территорию Южной Родезии. Племена и народы, заселявшие здесь огромные территории, под давлением пришельцев откатились в Центральную и Южную Африку и вытеснили обитателей этих местностей, в основном охотников и собирателей, находившихся еще на стадии позднего палеолита. В девственных лесах Центральной Африки и на берегах Конго обитали предки современных пигмеев. На всей территории

Южной Африки жили охотники и собиратели «бушбоскопидного» типа, потомки боскопского ископаемого человека древности. Как показывают последние исследования, не исключено, что они населяли даже некоторые районы Восточной Африки и здесь вступали в контакт со скотоводами-кочевниками эфиопско-кавказоидного типа. Правда, многие из этих племен, предков бушменов и готтентотов, говорившие в пору их самостоятельности на койсанских языках * (* Койсанские языки — традиционное, хотя и неточное, обозначение языков древнейших из современных обитателей Южной Африки — бушменов и готтентотов. До сравнительно недавнего времени в литературе было распространено преувеличенное представление о близости языков этих народов.), были в конечном счете ассимилированы или вытеснены.

Другим очень древним центром интенсивного заселения явился район Нигерии. На высокогорном плато Центральной Нигерии, близ Джоса, на территории плоскогорья Баучи, до южной границы среднего течения реки Бенуэ, были найдены палеолитические орудия, сделанные, по мнению Б. Фэгга, около 40 тысяч лет назад. Судя по некоторым признакам, отдельные слои могут засвидетельствовать пребывание человека в этой

местности начиная с палеолита вплоть до среднего и позднего неолита. Около деревни Нок в окрестностях Зарии были обнаружены следы высокоразвитого неолита. При повторном вводе в эксплуатацию оловянных рудников Джоса английские горные инженеры, а вслед за ними и археологи нашли остатки неолитического поселения оседлых земледельцев, которые хорошо знали гончарное дело. От них остались изображения большой художественной ценности. Среди находок преобладали терракотовые фигурки, изображающие людей негроидного типа, головы слонов, сидящих на корточках обезьян. Больше всего привлекали к себе внимание своеобразно стилизованные головы и бюсты из терракоты в натуральную величину. Тот же английский археолог Б. Фэгг раскопал большое число таких фигурок культуры нок на территории прилегающего района, где они были рассеяны в радиусе около 45 километров. Вероятно, первоначально они были распространены далеко за пределами Центральной Нигерии.

Наибольшее значение имело открытие того, что у частично стилизованных натуралистических фигурок из терракоты много общего с более поздним искусством Ифе (XIV—XVI вв.) в Южной Нигерии и они являются предтечей не только этого направления, которое специалисты считают «классическим» в африканском искусстве, но и более поздней африканской скульптуры. Б. Фэгг отмечает, что терракотовые статуэтки из Ифе мало чем отличаются от произведений культуры нок — только треугольным разрезом глаз и «длинноухими» головами. В остальном же, и в технических приемах и в формах, наблюдается удивительно большое сходство. Эти выводы помогли опровергнуть многие апологетические теории, утверждавшие, что негроидное население не создало собственной традиционной антропоморфной скульптуры. Как и сенсационные открытия А. Лота в Сахаре, где коренное африканское население эфпопско-кавказоидного и негроидного типов уже в IV тысячелетии до н. э. умело создавать прекрасные реалистические изображения мужчин и женщин, найденные в Центральной Нигерии глиняные головы и статуэтки I тысячелетия до н. э. имели большое значение для критики ненаучных теорий. Они послужили как бы трамплином для открытия заново исторического прошлого Африки, которое предпринимает сейчас прогрессивная историография молодых национальных государств вопреки теориям и противодействию колониалистов и неоколониалистов. С помощью радиоуглеродного метода установлено, что самые древние слои неолитического центра, откуда вышли фигурки нок, датируются примерно 900 г. до н. э., а верхняя граница — 200 г. н. э.

Интересно и то, что фигурки найдены в оловянных рудниках. Наряду со статуэтками и сосудами из терракоты здесь обнаружены железные кирки, остатки плавильных печей и воздуходувных мехов, железные шлаки. Таким образом, рудники, заложенные, вероятно, еще в I тысячелетии до н. э., говорят о том, что в последние века до нашей эры в Тропической Африке умели добывать и обрабатывать железо. В Центральной Нигерии чаще всего встречается латеритовая * (* Латерит — железистые или железисто-алюминиевые породы, образующиеся только в тропических областях земного шара главным образом под влиянием дождевой эрозии.) руда, легко добываемая и плавящаяся при исключительно низкой температуре. Хотя жители этих районов довольно рано научились обрабатывать бронзу, железо они добывали еще раньше. Бэзил Дэвидсон справедливо отмечает по этому поводу, что культура нок была переходной от позднего каменного века к веку металлов и что пик ее расцвета приходится на последние два или три столетия до нашей эры ** (** Последние данные археологических работ в Северной Нигерии заставляют отнести культуру нок полностью к железному веку (см., например: Дж. Д. К л а р к. Доисторическая Африка. М., 1977, с. 205—206).). Но еще долго каменные и металлические орудия применялись параллельно, предваряя многовековой процесс перехода к применению железа и других металлов, а следовательно, и образование государств на основе раннеклассового общества.

Центры неолитической цивилизации были обнаружены наряду с Центральной Нигерией прежде всего в бассейне Конго, в Замбии и Зимбабве, в различных областях

Западной Африки, на юге Мавритании, в Гвинее, в бассейне Сенегала, а также на берегах озера Чад. Население этих районов перешло к земледелию и применяло каменные и железные орудия, что с I тысячелетия н. э. постепенно повлекло за собой образование к югу от Сахары процветающих государств.

Хотя в последние годы исследование древнейшей и древней истории Африки достигло несомненных успехов, изучение взаимодействия неолитических культур во времени и пространстве делает лишь первые шаги, и пока мы располагаем весьма неполной неточной картиной их распространения.

При попытках восстановить события этих периодов можно опереться на первые упоминания об Африке, появляющиеся в письменных источниках со второй половины II тысячелетия до н. э. особенно ценные сведения сообщают египетские, а позднее греческие и римские надписи.

Первые данные такого рода содержатся в победных реляциях египтян. В конце II тысячелетия до н. э. к границам Египта подступали огромные скопления кочевых и полукочевых племен. Расширение пустыни постепенно лишало их пастбищ и полей. То и дело вспыхивали войны; оазисы и другие плодородные орошаемые земли непрерывно подвергались нападениям. Рамсес II украсил стены храма в Мединет-Абу рельефами и надписями своих победах над врагами, среди которых преобладали народы и племена Ливии и Феццана. В это время (ок. 1000 г. до н. э.), когда Нубия еще подчинялась власти египтян, в египетских источниках часто упоминается «страна Пунт» — страна золота и благовоний. Где она находилась, до сих пор не установлено окончательно, известно лишь, что она включала области к юго-востоку от Нубии, простиравшиеся до Красного моря, и платила Египту дань золотом, слоновой костью и миррой. Известно также, что царица Хатшепсут (ок. 1501—1480 гг. до н. э.) посылала экспедиции в Пунт. Оттуда египетские корабли доходили до восточного побережья Африки.

Из рассказов карфагенян, греков и римлян о военных, торговых и исследовательских экспедициях можно черпать многочисленные сведения о географии Африканского континента, но они мало что сообщают о населении даже береговой полосы, наиболее часто посещаемой, и вообще о глубинных районах. Карта, составленная великим греческим географом * (* Имеется в виду александрийский ученый Клавдий Птолемей (ум. в 168 г. н. э.), автор руководства по географии, карты которого подводят итог знаниям античности и эллинизма об Африке.), показывает, что более или менее были известны наряду со средиземноморским побережьем и долиной Нила восточный берег Африки до мыса Делгаду и западный — до Гвинейского залива. Однако и эти знания частично основывались на легендах.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. западная часть побережья Северной Африки была усеяна поселениями и торговыми факториями финикийцев, центром которых служил Карфаген. Их было сравнительно много до Могадора (Марокко), но дальше на юг располагались только периодически посещавшиеся торговые пункты и маленькие фактории, ведущие обменные операции с населением прибрежных районов. Геродот (484—425) и греческий географ Псевдо-Скилак, живший в IV в. до н. э., сообщают о так называемом немом, или тихом, торге** (** Речь идет о такой форме торгового обмена, при которой его участники непосредственно не встречаются. Пришельцы оставляют свои товары в определенном традицией месте, с тем чтобы контрагенты могли положить рядом с этими товарами соответствующий, по их мнению, эквивалент в виде золотого песка. «Немой» торг отмечен не только в Африке, но и в ряде других районов земного шара.) с жителями северной части западноафриканского побережья. В обмен на золото, очень рано фигурирующее в коммерческих операциях, населению Западной Африки предлагали такие предметы роскоши, как благовония, драгоценные камни из Египта, керамические изделия из Афин и другие товары.

Заслуживающие доверия источники, в том числе Страбон (География, III, 326), сообщают что в V в. до н. э. (ок. 470 г.) карфагенянин Ганнон прошел через Геркулесовы

Столбы (Гибралтарский пролив) и совершил плавание вдоль северной части Западной Африки. Ему было поручено пополнить новыми людьми персонал пунических торговых факторий и разведать возможности торговли с южным районом этого берега. Путешествие привело его к побережью Камеруна. Упомянутые огненные потоки и столбы огня, извергавшиеся неизвестным вулканом, по-видимому, указывают на гору Камерун.

После того как иссякают немногочисленные ссылки на военные кампании египтян, источники, особенно после римского завоевания Северной Африки, уделяют большое внимание восточному побережью Африки к югу от Сахары и истокам Нила. Во второй половине I тысячелетия до н. э. греческие моряки по опыту знали, что можно, выйдя из Красного моря, достигнуть северо-западного берега Индии. Они совершали плавания также вдоль восточноафриканского побережья и доходили до границ современного Мозамбика.

От этого времени дошла чрезвычайно интересная логия, руководство для греческих мореплавателей, — «Перипл Эритрейского моря» анонимного автора. Скорее всего, он был составлен греком из Александрии, который, очевидно, сам плывал у южных берегов Восточной Африки. Он сообщает о торговых станциях, тянувшихся по восточноафриканскому побережью до поселения Рапта (между Дар-эс-Саламом и Тангой). Составитель «Перипла» описывает оживленные портовые города на побережье «Азании» — ныне здесь находятся Кения и Танзания — и сообщает кое-какие сведения об их жителях.

Еще за несколько веков до распространения ислама на территории Африки между населением ее восточных областей и южными арабами существовали очень тесные экономические и политические связи, и некоторые вожди племен побережья даже непосредственно подчинялись химьяритским правителям Южной Аравии. В первые века нашей эры африканцы продавали чужеземцам Железные орудия труда и оружие, производившиеся в Музе, на берегу Красного моря (о центрах плавки чугуна в Тропической Африке речь пойдет особо). Из портов «Азании» вывозили слоновую кость, пальмовое масло, черепаховые панцири, рабов.

«Отцу истории», греческому историку Геродоту, совершивше в V в. до н. э. путешествие по странам Востока, мы обязаны интересной и достоверной информацией о населении некоторых районов Западной и Центральной Африки, находящихся в Сахаре дальше к югу. Геродот описывает знаменитых гарамантов Феццана и их переходы через Сахару, «эфиопов-троглодитов» и насамонов Восточной Ливии. «Эфиопами» в то время называли людей негроидного типа с курчавыми волосами, живших не только в Восточной, но и в Западной Африке. Начиная с VI в. до н. э. их часто изображали на греческих вазах. По словам Геродота, область, простиравшаяся от египетского города Фив до Геркулесовых Столбов, уже тогда представляла собой безводную пустыню, где было ни растительности, ни диких животных. Ко времени Геродота Сахара в основном уже приняла свой нынешний облик.

По-видимому, в VII в. до н. э. (?) экспедиция насамонов в составе пяти человек отправилась из оазиса Ауджила на юг. По пути им встретились город и страна, «где все люди были... малы, и... черного цвета. Мимо этого города протекает большая река, а течет она с запада на восток, и в ней были видны крокодилы: (II, 32). Скорее всего, насамоны шли через Феццан на юго-запад к излучине Нигера (наличие таких путей предположил на основе наскальных изображений А. Лот), и достигли районов Гао и Томбукту.

Еще больший интерес представляет описание Геродотом похода гарамантов на юго-запад, в долину Нигера, из самого Феццана. Гарамантам Феццана уже было известно высокоразвитое земледелие и скотоводство. На колесницах, запряженных лошадей, они пересекли Сахару и встретили «пещерных эфиопов», которые объяснялись на языке, напоминавшем «писк летучих мышей». Хотя исследователи еще не пришли к однозначным выводам и не могут точно сказать, о какой именно стране идет

речь, они предполагают, что этот язык может быть идентифицирован с так называемыми суданскими языками, в которых, как известно, важную роль играют изменения высоты тона. Следовательно, не исключается, что рассказ Геродота о гарамантах относится к жителям бассейна Нигера или озера Чад. Археологические раскопки и остатки первобытного человека свидетельствуют, что в периоды палеолита и неолита эти местности были ранними центрами заселения, где после ускоренного высыхания Сахары и последовавших за ним перемещений народов обосновались большие массы африканцев негроидного типа.

Во времена римского господства в Северной Африке снова предпринимались экспедиции на юг. Плиний сообщает о военных походах в этом направлении. Римский проконсул Корнелий Бальб в 19 г. до н. э. дошел до Феццана, страны гарамантов, и, по предположению А. Лота, пересёк Сахару и достиг Гао. У Плиния также встречается упоминание о пещерных жителях долины Нигера, «троглодитах», уже описанных Геродотом. В 70 г. н. э. путь гарамантов был снова пройден, на сей раз Септимием Флакком, который, по словам некоторых авторов, достиг Бильмы. Птолемей сообщает, что в 86 г. н. э. Юлий Матери по повелению императора Домициана пересек вместе с гарамантами пустыню и дошел до Агисимбы, области, «где собираются носороги». Агисимбу обычно отождествляли с оазисом Аир (Республика Нигер). Но такое отождествление, скорее всего, ошибочно: из Феццана трудно достигнуть Аира. Бовилл считает, что римляне добрались до нагорья Тибести, где поблизости пролегал древний путь из Феццана в Центральный Судан, уже в то время использовавшийся для торговых связей. В пользу Тибести говорит сообщение, что там водились носороги. Эти животные в течение нескольких последующих столетий еще встречались в районе озера Чад и окрестных водоемов вплоть до Тибести.

В поисках истоков Нила, а главное, в погоне за золотом снаряжались экспедиции и в Восточный Судан. По повелению императора Нерона в 70 г. две центурии поднялись вверх по течению Нила, миновали государство Мероэ (у 5-го порога) и достигли, очевидно, заболоченной местности на берегах Белого Нила и у Бахр-эль-Газала с «огромным лабиринтом болот, покрытых трясинной, где не может пройти лодка» (Сенека, VI, 8). Так была достигнута граница древнейшей и древней Африки. К югу от Сахары она характеризовалась переходом к применению и обработке металлов и возникновением раннеклассовых обществ.

Когда в конце XV в. первые португальские завоеватели и путешественники ступили на землю Африки, значительная часть ее населения уже в течение многих веков умела выплавлять и применять железо. Исключение составляли лишь некоторые племена, жившие изолированно в отдаленных областях тропического девственного леса и Южной Африки.

Многие первобытные племена, подобно носителям неолитических культур I тысячелетия до н. э., параллельно с металлическими продолжали применять орудия труда, оружие и другие аналогичные предметы из камня и кости. Такой параллелизм наблюдается в культуре сао бассейна озера Чад и в неолитической культуре биго в Уганде с X по XIV в. н. э., а также в центрах культуры нок перед началом нашей эры.

С какого же времени в Тропической Африке началось применение металла, которое знаменует конец каменного века, а следовательно, и первобытного общества? Этот вопрос имеет особое значение, ибо у любого народа возникновение экономической и социальной дифференциации, формирование классового общества связаны с его вступлением в век металла.

За исключением Египта, где обработка бронзы достигла наивысшего развития в период Нового царства (1262—1085 гг. до н. э.), и некоторых областей Северной Африки и Мавритании, в Африке южнее Сахары не было отдельного медного или бронзового века, хотя и медь и бронза во многих местностях еще в древности, а кое-где и на протяжении ряда веков занимали в быту главное место. В Западной Африке, бедной медью, но богатой

золотом, в ходе торгового обмена через Сахару большую роль играла в древности ливийская медь, обменивавшаяся на западное африканское золото. Начало этим операциям положили в I тысячелетии до н. э. гараманты — ездвые на колесницах из Феццана. Французский археолог Р. Мони датирует употребление на территории Мавритании меди в виде топоров и наконечников копий временем с 1200 г. до н. э.

Систематическая добыча меди началась к югу от Сахары сравнительно поздно. Знакомство с ней оставалось чисто региональным и ограниченным немногими месторождениями и узловыми пунктами на путях торговых караванов с медью в Западной Центральной Африке и не оказывало существенного влияния на развитие производительных сил. Напротив, добыча меди и особенно распространение медного литья предполагали наличие железных орудий труда и другого инвентаря. Только уже на рубеже I и II тысячелетий н. э. и именно благодаря применению железных орудий интенсифицировалась эксплуатация залежей меди на Замбези и в Катанге, красной медной руды в Такедде (Мали) и олова на плато Баучи в Нигерии. Из описаний ал-Бируни известно, что в XIII в. в Катанге существовали медные рудники. Ибн Баттута сообщает в XIV в. о месторождении красной медной руды близ Такедды в Мали.

Знаменитые бронзовые и медные произведения искусства Ифе и Бенина датируются не раньше начала XII в. Статуэтки из меди и бронзы, найденные Ж.-П. Лебефом в местах расселения народа сао на берегах озера Чад, относятся к X—XIII вв. Как показывают археологические данные, в Тропической Африке медь и бронза почти не употреблялись для производства орудий труда, утвари и оружия, но зато придворные ремесленники с высоким совершенством изготавливали из них, а также из золота произведения искусства и ценные предметы обихода. В отличие от стран Переднего Востока и Средиземноморья в Африке к югу от Сахары сначала научились плавить и обрабатывать железо, а уже потом овладели искусством получения меди. Во многих областях Африки в конце неолита железо начали употреблять непосредственно после камня. Периода бронзы в собственном смысле этого слова, характеризуемого обработкой меди, а также энеолита (периода камня и бронзы) здесь не было.

Тем большее значение имело умение обрабатывать железо. Оно повлекло за собой в конце концов коренные изменения в состоянии производительных сил, а следовательно, и в социально-экономической области, в отношениях собственности.

Следует подчеркнуть, что африканцы самостоятельно научились добывать железо и создали свои способы его производства и обработки.

Тропическая Африка богата болотной железной рудой, озерным и луговым бурым железняком. На первых порах болотную железную руду плавили на обычном дровяном костре в простой яме, но постепенно техника производства железа совершенствовалась. Эта «лесная металлургия» местного происхождения, развившаяся очень рано, распространилась и в саванных районах. Во многих частях саванны, где население, переживавшее стадию неолита, знало керамическое производство, сравнительно рано появились зачатки доменного процесса с применением простейших приспособлений для плавки железа. Наиболее древние центры обработки железа находились, очевидно, в районах Замбези в Юго-Восточной Африке, озера Чад и на Нигерийском плоскогорье. По некоторым данным, скорее всего предположительным, на Конго-Замбезийском плато плавка железа возникла в начале I тысячелетия до н. э., но материалы раскопок, например в пещере Мумбва на притоке Замбези — Кафуэ или же близ деревни Нок на плоскогорье Баучи, не подтверждают столь раннюю датировку. В собственно Тропической Африке более прогрессивные способы производства железа сложились ко II в. до н. э. Впоследствии они настолько совершенствовались, особенно в центрах будущих государственных образований, что по технике добычи и качеству африканское железо вполне выдерживает сравнение с европейским и азиатским. Железо из Софалы, вывозившееся в XII в. через города-государства восточного побережья в Среднюю Азию и Индию, славилось своим отличным качеством.

Признано, что в Тропической Африке выплавка и обработка железа появились в разных местностях почти одновременно и достигли относительно высокого уровня. В последних научных работах рассматривается вопрос, откуда пришло на юг от Сахары знание железа и умение его применять — из сложившихся в V в. до н. э. железоделательных центров в Северной Африке или из царств Напата и Мероэ в Судане в III в. (см. гл. II), но эта дискуссия ни в коей мере не ставит под сомнение автохтонный характер металлургии Тропической Африки. Конечно, как и во всем мире, на Африканском континенте имели место экономические и культурные связи и обмен в самых разнообразных формах.

На стадии развитого первобытного общества и ранних классовых формаций происходившие переселения народов, торговля и военные походы сближали племена, народности и ранние государственные образования и способствовали распространению новых сельскохозяйственных культур, орудий труда, методов разведения скота, достижений культуры. Население Африки в это время также не находилось в изоляции или в замкнутом пространстве. Однако внешние стимулы оказывались действенными и вели к дальнейшему развитию базиса и надстройки лишь в том случае, если этому соответствовали состояние производительных сил и уровень общественного развития местного населения. Одни эти стимулы, часто спорадические, никогда не были единственными рычагами экономических, социальных, политических и духовно-культурных изменений, но в связи со сложными процессами изменений в различных областях общественной жизни приобретали важное значение.

Точно так же складывавшиеся центры добычи железа в Тропической Африке были, вероятно, связаны многочисленными узлами с другими районами материка. И тем не менее эта металлургия носила самобытный характер, ибо зиждилась на богатых и легко разрабатываемых залежах природных ископаемых и определенном общественном устройстве, которое сложилось в африканском обществе после того, как оно миновало период неолита.

Во многих областях Тропической Африки плавка и обработка железа были революционным явлением, стимулировавшим возникновение новых, более сложных и более развитых форм общественной организации, преодоление племенных рамок позднего первобытного общества. С использования железа во всем мире начался новый важный этап общественного производства, период «железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора»³. После того как люди научились плавить железо, оно оказалось куда более полезным и вызвало значительно больше преобразований, чем медь и бронза. По справедливому замечанию Ф. Энгельса, высказанному в «Происхождении семьи, частной собственности государства», «железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов». Ф. Энгельс отмечает, однако, что железо внедрялось в быт очень медленно, лишь постепенно вытесняя каменные орудия труда и оружие. Тем не менее «прогресс продолжался теперь неудержимо, с меньшими перерывами; и быстрее» и повел к решительному улучшению орудий производства, оружия, к тому, что «увеличивалось разнообразие и совершенствовалось мастерство производства»^{3а}, к отделению ремесла от сельского хозяйства и ко многим иным явлениям. На этой основе и с равной интенсивностью происходил процесс усиления экономической и социальной дифференциации, укрепления позиций племенной знати, в руках которой новое оружие становилось средством завоевания и покорения других племен и народов, еще его не имевших. Так, аз-Зухри сообщает около 1150 г. н. э., что в древней Гане знатные люди со своими свитами совершали набеги на соседей, «которые еще не знали железа и сражались дубинами из эбенового дерева». И арабский историк поясняет: «Жители Ганы смогли их победить, ибо были вооружены мечами и копьями».

Нет сомнения, именно добыча железа и его употребление сыграли немаловажную роль для общественного прогресса многих народов Африки и в совокупности с другими факторами, такими, как образование городских центров на перекрестках торговых путей, возникновение цивилизаций на берегах рек и рост производства в районах саванн, ускорили зарождение государств к югу от Сахары. Этот процесс перехода от родовой организации периода неолита к сложению более крупных государственных образований на базе раннеклассовой дифференциации длился века и лишь с конца I тысячелетия н. э. положил начало качественно новому этапу в истории народов Тропической Африки.

Только царства Мероэ в Судане и Аксум на Эфиопском плоскогорье находившиеся в сфере непосредственного влияния египетского царства и раннеклассовых обществ Аравийского полуострова, до начала нашей эры достигли расцвета, продолжавшегося до середины I тысячелетия н. э.

Глава II

МЕРОЭ И АКСУМ — КЛАССОВЫЕ ГОСУДАРСТВА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Оглядываясь на древнюю историю Африки, нельзя не упомянуть о двух государственных объединениях, относящихся к числу самых крупных и значительных на территории Африки. Расположены они были в ареале прямого влияния Египта и некоторых южноаравийских государств и достигли наивысшего развития в период между IV в. до н. э. и серединой I тысячелетия н. э. Царство Аксум на территории Эфиопии, в IX в. почти полностью исчезнувшее с лица земли, представляло позднюю фазу древневосточного классового общества, которое во многих районах Переднего Востока и в Египте существовало тысячелетиями. В Тропической Африке такое общество воплотилось только в царствах Напата и Мероэ в Судане и в легендарном царстве Аксум на Эфиопском плоскогорье.

В VIII в. до н. э. на территории Нубии (Северный Судан), до того времени полностью подчинявшейся Египту, образовалось самостоятельное государство Куш, столица которого, Напата, находилась у 4-го порога Нила. В течение 75 лет новые правители Напаты властвовали даже над значительной частью Египетского царства, дав Египту фараонов XXV, «эфиопской», династии. До нас дошло очень мало сведений об этом древнем периоде северосуданского государства. В храмах и на стелах из Гебель-Баркала вблизи Напаты и из Кавы сохранились некоторые надписи на египетском языке. По ним можно восстановить, хотя и с очень большими пробелами, историю политической жизни государства, в первую очередь военных завоеваний, смены правителей, отношений между двором и жречеством, с VIII по III в. до н. э.

По примеру египетских фараонов правители Напаты, а впоследствии Мероэ строили себе гробницы в форме пирамид. Открытые в результате археологических раскопок пирамиды значительно меньше известных сооружений Древнего царства в долине Гизе. Царство Напата расширяло свои владения на юг и юго-восток, и в IV в. до н. э. его войска продвинулись до северо-западных областей современной Эфиопии. Уже в середине VI в. до н. э. цари Напаты перенесли свою столицу дальше на юг, в Мероэ. Причины и более точные хронологические рамки основания новой столицы относятся к числу многих еще не решенных проблем истории Напаты и Мероэ. Перенести столицу, несомненно, заставили не только набеги египетских царей и персидского войска на северные области Напаты, но и веские основания социального и экономического характера.

В Мероэ, лежавшем между 5-м и 6-м порогами, пастбища были гораздо лучше, а в окрестностях столицы условия благоприятствовали интенсивному земледелию и садоводству. Вскоре Мероэ стал важным центром на стыке путей в Египет и из Египта, к побережью Красного моря и на Эфиопское плоскогорье. Это открывало ему доступ к

месторождениям золота и драгоценных камней в высохших долинах рек и ущельях к востоку от Нила. Важнейшее значение имело, конечно, и то обстоятельство, что территория Мероэ изобилвала горючими материалами для переработки богатых окрестных залежей железной руды. Мероэ очень скоро превратился в центр черной металлургии, недаром его теперь нередко называют африканским Бирмингемом.

После того как царская резиденция была перенесена в Мероэ, Напата еще некоторое время оставалась важным религиозным центром. Здесь находились гробницы царей — пирамиды, здесь по-прежнему происходило венчание правителей Мероэ на царство. Их избрание зависело от воли жрецов и утверждалось ими. Однако с III в. до н. э. бывшая столица лишилась и этих остатков престижа. Именно с этого времени начинается период расцвета собственно Мероитского государства, длившийся до первых веков нашей эры. Царь Эргамен (248—220 гг. до н. э.) провел важные политические реформы и укрепил центральное управление. Он лишил напатских жрецов Амона политической и религиозной власти и ввел наследование царского титула. При дворе правителей Мероэ существовала очень дифференцированная система титулов и рангов среди аристократов по происхождению и чиновной знати. Большим авторитетом, важными политическими и экономическими привилегиями пользовалась царица-мать (обычно этот сан принадлежал вовсе не родной матери правителя). Теперь цари возводили пирамиды вблизи своего престольного города.

Оставшиеся от этой эпохи развалины крупного экономического, политического и культурного центра Мероз, а также городов Мусавварат-эс-Суфра и Нагаа еще и сегодня производят весьма сильное впечатление. Они принадлежат к величайшим памятникам древнего мира. Хотя на территории Напаты и Мероэ, изобилующей руинами дворцов, храмов, стел, уже неоднократно производились раскопки, их земля по-прежнему скрывает несметные сокровища. История Мероэ все еще полна загадок, которые пока не удается разрешить, несмотря на прилагаемые учеными усилия. В последнее время экспедиция ученых ГДР из университета им. Гумбольдта в Берлине, руководимая Фр. Хинце, почти десять лет работала к северу от Хартума и раскопала важный центр мероитской культуры — храмовой город Мусавварат, прояснивший многое в таинственной истории Мероэ. Весной 1970 г. была успешно-завершена реставрация раскопанного учеными из ГДР храма львиноголового бога. Сейчас, как в древности, посетители видят на его стенах искусно выполненные рельефы.

На внутренних стенах храма воспроизведены сцены из жизни мероитов, некогда возведших здесь здания. В Львином храме, древнейшей из мероитских построек — она относится ко второй половине III в. до н. э., — открыты также надписи, еще на египетском языке, выполненные преимущественно иероглифами эпохи Птолемеев. Таким образом, спустя почти две тысячи лет после его создания возвращен суданскому народу первый памятник истории Мероэ.

Однако перед наукой встают все новые и новые вопросы. Благодаря связям и тесным контактам с Египтом, Эфиопией и Южной Аравией культура Мероэ получала многочисленные внешние импульсы, но это не помешало мероитам, частично синтезировавшим и развившим достижения соседей, создать значительные самобытные творения. Следует отметить возведение внушительных каменных сооружений и оборонительных валов, требующее, как известно, больших земляных работ. Керамика и по форме и по узору намного превзошла египетские изделия, ее сюжеты и их художественное воплощение свидетельствуют о появлении самостоятельного стиля.

Мероиты поклонялись египетским богам — Амону, Исиде, Осирису, но наряду с ними на изображениях выступают и боги чисто мероитские, а именно львиноголовый бог Апедемак и бог творения Себинмекер. Наконец, нельзя не упомянуть и о создании собственной письменности, превзошедшей египетскую, ибо в основе мероитского письма лежит настоящий алфавит из 23 букв, включающих и гласные. Они были идентифицированы в 1910 г. благодаря надписям царя Натакапани (12 г. до н. э.— 12 г.

н. э.), в которых его имя воспроизведено и египетскими иероглифами и мероитскими буквами. Однако язык Мероэ до сих пор недоступен нашему пониманию. Еще не найдены многоязычные письменные памятники, которые дали бы ключ к переводу текстов. Поэтому многие события истории Мероэ остаются для нас тайной. Даже нельзя с полной уверенностью отнести язык Мероэ к той или иной семье африканских языков.

Естественно, мы мало что знаем о социально-экономической и политической обстановке в государстве строителей великолепных храмов, каменных зданий и оросительных сооружений. Известно лишь, что мероиты создали значительные культурные ценности. Но наши сведения о быте обитателей Мероэ, об их врагах и друзьях, о жизни трудовых слоев населения и правящей знати на удивление скудны.

Несмотря на попытки устройства в некоторых местностях больших оросительных систем, в царствах Напата и Мероэ было сравнительно мало плодородных земель, которые круглый год приносили бы урожай. В некоторых районах, очевидно, земледелие сочеталось с полукочевым скотоводством. Часть жителей Мероэ, собрав урожай, покидала деревни на берегах Нила и отправлялась со своими стадами в глубь страны. В степях и немногочисленных оазисах также жили скотоводческие племена, порой подчиненные лишь нерегулярно действовавшей системе данничества. Время от времени они наводняли узкую полосу плодородной земли. В царствах Напата и Мероэ свободные, точнее, полусвободные пахари (так их вслед за Геродотом называют греческие источники) и скотоводы были теми слоями населения, которые несли все повинности. Они жили организованными на коллективных началах деревенскими общинами, в сохранении которых были заинтересованы правители, ибо община вносила налоги и поставляла рабочую силу для строительства пирамид и оросительных сооружений.

Мы не располагаем конкретными сведениями о податной системе Мероэ, и остается лишь предполагать, что она не отличалась существенно от принятой в Египте. Египетская администрация не имела себе равной в древнем мире по изощренности, с какой она облагала государственным налогами, арендной платой и трудовыми повинностями «царских крестьян» в подчиненных только короне сельских общинах на берегах Нила. Эти поступления составляли основной доход правящей верхушки. Кроме того, вышедшая из родовой знати скотоводов аристократия во главе с царем имела огромные стада и большое количество земель. Храмам, очевидно, также принадлежали крупные стада и обширные усадьбы, куда входили не только знаменитые виноградники. Далее, как цари, так и высокопоставленные сановники контролировали медные копи, серебряные рудники, прииски, где добывались драгоценные камни и, конечно, золото.

В то время, когда был построен Мусаварат. т. е. в период расцвета Мероэ, во многих районах царства была распространена выплавка и обработка железа. При раскопках найдены плавильные печи, в окрестностях Мероэ еще и сейчас можно обнаружить горы шлака. Царь и храмы пользовались исключительной монополией плавки и обработки железа, поэтому все рудники и печи были их собственностью. Им принадлежали также различные мастерские, где работали высококвалифицированные ремесленники. Царскую монополию составляли и доходы от контроля над перевозками и внешней торговлей. Социальный и политический авторитет жрецов в Напате и Мероэ опирался на экономическое могущество храмов, на сплоченность жрецов и силу их идеологического воздействия на население.

Последними исследованиями установлено, что в усадьбах и в рудниках царя, знати и храмов наряду с арендаторами были заняты рабы. Рабский труд использовался как дополнение к трудовым коллективным повинностям деревенских общин на строительстве дворцов, храмов, укреплений и оросительных сооружений. Главным источником рабов в рассматриваемый период служили, по-видимому, войны и в меньшей мере долговое рабство местного населения. Из надписей следует, что рабский труд, прежде всего женщин, широко применялся в домашнем хозяйстве вельмож. Тем не менее, так же как в

Египте и других восточных деспотиях, в царстве Мероэ рабство не играло ни главной, ни решающей роли в системе эксплуатации.

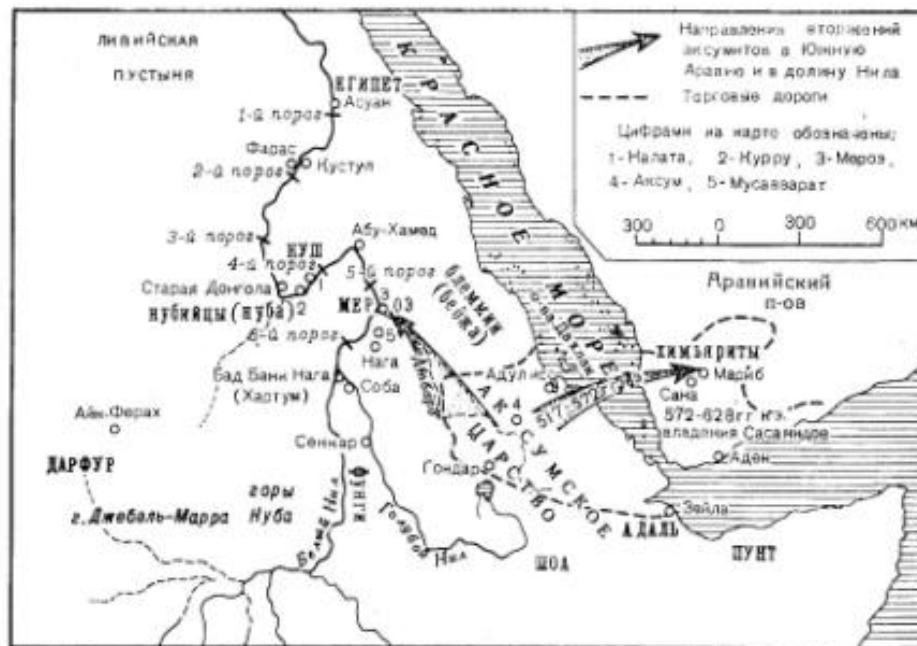
По словам Страбона и Гелиодора, основную часть войска составляли свободные члены деревенских общин и родов. Однако воинская добыча пополняла преимущественно сокровищницы двора, храмов и знати.

В последние века до нашей эры торговля со странами к северу от Мероэ несколько сократилась, но в Египет караваны и суда мероитов по-прежнему доставляли звериные шкуры, золото, редкие породы древесины, драгоценные камни и рабов. И наоборот, в городах царства Мероэ мы находим множество предметов, вывезенных из Египта. Торговые пути, которые вели из глубины материка к берегам Красного моря, улучшались и становились все оживленнее.

Властители Мероэ главное свое внимание направляли на пограничные южные области. Вначале они не утратили полностью связей с Египтом и влияния на него. Не раз цари Мероэ стремились использовать в собственных интересах упадок политической власти и обострение социальных конфликтов в Египте при Птолемах. Войска Мероэ пытались поддержать борьбу населения Фив против римских завоевателей, в 30 г. до н. э. захвативших Египет. В 23 г. до н. э. царица Аманишакете разрушила храмы на острове Филэ. В ответ римская армия из десяти тысяч пехотинцев и восьмисот всадников под командованием префекта Египта Гая Петрония разрушила Напату. Римляне, однако, не могли удержать эти отдаленные области и довольствовались несколькими северными районами бывшего царства Напата, от которых мероитским царям пришлось отказаться.

Куда большую опасность представляли для царства Мероэ в первые века нашей эры набеги кочевников с юго-востока. Мероэ вело продолжительные войны против блеммиев, предков современных беджа. С запада, из Кордофана, к Мероэ также подступали кочевники, затруднявшие тем самым торговлю с севером. Усиление засушливости на рубеже тысячелетий — к этому времени Сахара приняла почти нынешний вид — и трудности социального характера заставляли племена кочевников все более энергично устремляться в долину Нила. Царство Мероэ оскудело и в конце концов распалось.

Опасным соперником и врагом Мероэ стало с конца III в. н. э. царство Аксум, расположенное на Эфиопском нагорье. Оно нападало не только на караванные пути к Красному морю, но и на столицу Мероэ. В середине IV в. прославленный царь Аксум а Эзана окончательно разгромил царство Мероэ. Столица была завоевана и разграблена, и некогда могущественное мероитское государство утратило свое значение. Но еще долго этот высокоразвитый центр экономики и культуры поддерживал разносторонние связи и контакты с соседними областями, в том числе с лежащими к югу от Сахары, и оказывал на них сильное воздействие.

Куш-Мероэ и Аксумское царство

Существование царства Аксум⁴ в северной части территории современной Эфиопии прослеживается уже в первые века нашей эры. От его столицы Аксума в провинции Тигре по сей день сохранились надписи и многочисленные руины великолепных каменных строений. Аксум считался священным городом, и многие цари правивших династий Эфиопии короновались там. Последние раскопки позволяют предположить, что это государство уходит своими корнями в V в. до н. э. Его древнейшая история тесно связана с государством Саба и Химьяритским царством. На это намекают фантастические легенды о происхождении царской власти. Истинная связь истории Аксума с сабейской культурой получила своеобразное отражение в хрониках, составленных с XIII в. христианами монахами эфиопских монастырей. Хронисты ведут родословную эфиопских царей от Менелика, который якобы был сыном царя Соломона и царицы Савской. В Эфиопии до сих пор очень популярна легенда о посещении царя Соломона царицей Савской. С этого легендарного правителя, который, как полагают, жил в X или IX в. до н. э., началась Соломонова династия эфиопских царей, считавшаяся единственно законной.

Хотя эта легенда представляет всего лишь благочестивый вымысел, она содержит больше чем просто зерно истины. Дело в том, что в это время, а именно между 950 и 115 гг. до н. э., на юге Аравийского полуострова существовало государство Саба. Возвышение южноаравийских государств объясняется не только высоким развитием у них орошаемого земледелия, но и важной ролью, которую они, и в первую очередь Саба, играли в иноземной торговле. Арабские купцы выступали преимущественно в роли посредников. Через их руки проходили благовония, пряности и драгоценные камни из Индии. Эти товары доставлялись по морю в Южную Аравию, отсюда их на верблюдах переправляли по древним караванным тропам, вдоль вырытых в пустыне колодцев, к побережью Средиземного моря. В торговом обороте преобладали предметы роскоши. Купцов из Сабы и Иудеи более всего влекли к себе западный берег Красного моря и сомалийское побережье.

Аксум, расположенный на подступах к этим районам, был словно самой природой предназначен вести посреднические операции. К тому же с его территории нетрудно было держать под контролем возделанные месторождения золота и области, где добывались благовония и слоновая кость. Через Аденский пролив маршруты, ведущие из Аксума, смыкались с караванными дорогами на Аравийском полуострове, а те, в свою очередь,

соединялись с путями в Индию. В этом свете легенда о происхождении Соломоновой династии в Эфиопии представляется вполне достоверной.

Правда, у нас почти нет исторических свидетельств ранних связей Аксума с государством Саба, но ничто не противоречит предположению, что Саба основала на территории Африки «колонии» и поселения и что они-то и образовали впоследствии государство Аксум. Переселение семитических племен с Аравийского полуострова на Эфиопское нагорье также не представляло явления, исключительного для того времени. И в последующие столетия эти регионы поддерживали между собой очень тесные контакты. В научном труде, изданном в Эфиопии в 1963 г., отрицается какое-либо влияние семитических элементов Южной Аравии на историю Эфиопии. Это, однако, опровергается всеми данными лингвистических и археологических изысканий, в частности тем обстоятельством, что в первый период существования в государстве Аксум использовалась сабейская письменность. Однако объективная констатация того факта, что в рассматриваемый период между южной частью Аравийского полуострова и территорией Эфиопии существовали разносторонние экономические, этнические, языковые и культурные контакты, нисколько не умаляет самостоятельных творческих достижений народов этого государства, находившегося на северо-востоке Африки.

Значительно больше сведений мы имеем о связях с Химьяритским царством, преемником государства Саба. Во II в. до н. э. существенно изменились условия торговли в районе Южной Аравии. Монополия сабейских купцов перешла к грекам и римлянам, основавшим в Персидском заливе и на Красном море множество торговых факторий. Правомерно предположить, что важные политические изменения, происшедшие на юге Аравийского полуострова в конце II в. до н. э., совпали с упадком сабейской торговли. В 115 г. до н. э. государство Саба прекратило свое существование, власть перешла к химьяритам, населявшим юго-западную часть Аравии. Правители химьяритов называли себя «царями Сабы и Райдана».

И вот тогда-то, перед началом нашей эры, на северо-востоке современной территории Эфиопии в роли конкурента химьяритов выступило новое государство — Аксум. Из надписей, найденных в Южной Аравии, явствует, что армия и флот этого государства рано появились на арене истории. Цари Аксума неизменно поддерживали арабские племена, восстававшие против Химьяритско-го царства. Постепенно оно утратило свои ведущие позиции в морской и посреднической торговле. Его столица Мариб, бывшая конечным пунктом протяженных караванных путей и обширных оросительных систем, быстро пришла в упадок. Зато город Адулис, основанный греками на берегу Красного моря, превратился в торговый и промышленный центр возвышавшегося государства Аксум.

В римскую эпоху, при Птолемах, этот порт играл важную роль в торговле с Индией, и даже еще в первые века нашей эры его населяло множество купцов различных национальностей. Правители Аксума обеспечили себе монополию торговли и право сбора пошлины в этом важном торговом городе и на подступах к нему. Они монополизировали торговлю золотом и слоновой костью, и именно из этих источников поступала значительная часть государственных доходов. Важные изменения происходили и внутри страны, сначала в экономике, в области социальных отношений, а затем и в политическом строе. Так, большого прогресса достигла добыча и обработка железа. Продуктивность сельского хозяйства сильно повысилась благодаря сооружению гигантских террасных оросительных систем, и впервые возникла возможность обеспечения продовольствием больших торговых городов и столицы Аксума. Рост прибавочного продукта позволил аристократии, вышедшей из рядов племенной знати, присваивать значительную его часть и накопить таким образом большие богатства. Правящая династия Аксума укрепляла государственную власть в отношениях с другими государствами и усиливала эксплуатацию населения внутри страны.

В первые два века нашей эры правители Аксума лишь изредка упоминаются в античных источниках, но с III в. их имена встречаются все чаще. В начале III в. как правитель царства Аксум упоминается Зоскалес, владевший кроме родного греческим языком. Он распространил власть Аксума до побережья и поддерживал торговые отношения с внутренними частями Африки и с долиной Нила. Найденные в Адулисе греком Космой Индикопловом надписи сообщают о далеких военных походах царей Аксума «в это время. В надписи, обнаруженной близ Асмэры, Сембритэс гордо величает себя «первым великим царем аксумитов». Эпиграфические материалы из Аксума и окрестностей Асмэры свидетельствуют, что древнеаксумская письменность геэз сложилась на основе сабейско-химьяритской. Древнейшие аксумские надписи выполнены еще сабейским письмом, затем их частично сменяют сообщения на греческом языке, но уже в IV в. они уступают место эфиопским записям, сделанным эфиопскими буквами. Геэз сохранялся на протяжении многих веков как язык литургии в коптской церкви Эфиопии. В отличие от сабейского алфавита в нем есть знаки для обозначения не только согласных, но и гласных. Он послужил основой для слогового письма, принятого и в современном государственном языке Эфиопии — амхарском.

Период расцвета царства Аксум приходится на IV—VI вв. Мы располагаем достоверными сведениями о царе Эзанае, правившем в середине IV в. Эзана одержал победу в вековой войне с Мероэ и, потеснив кочевые племена беджа, значительно расширил свои владения на севере. Таким образом, сфера, находившаяся под влиянием и контролем аксумской короны, охватила караванные пути, ведущие от Адулиса по реке Атбара до среднего течения Нила. В конце концов Эзана восторжествовал над многими врагами, о чем сообщил в победной реляции. Ему приписывают переселения целых племен, которые в результате становились его данниками и более прочными узлами соединялись с государством. Аксум поддерживал оживленные внешние связи, особенно с Восточной Римской (Византийской) империей. Сохранилось послание, адресованное в 356 г. н. э. византийским императором Констанцием его «высокопочтимым братьям Эзанае и Сезанае», которое свидетельствует о большом авторитете этого царства.

При Эзанае священники из Сирии, входившей тогда в состав Восточной Римской империи, начали в Аксуме проповедь христианства. О крещении царя Эзана сообщается как о важном событии в надписях на сабейском языке, геэз и греческом. Эфиопская традиция подчеркивает также политическое значение принятия царским домом христианства как государственной религии. Это не только способствовало укреплению государственной власти, урегулированию налогового обложения и многим другим внутренним мероприятиям, но и придало властителям Аксума, а потом и их амхарским преемникам сознание своей самобытности, своего отличия от соседей. Но лишь в VI и VII вв. христианство получило широкое распространение вне среды правящей знати. По всей стране основывались монастыри, которые впоследствии приобрели большое экономическое и политическое влияние.

Союз правителей Аксума с Восточной Римской империей объясняется важными политическими мотивами — общими интересами в борьбе против притязаний Персии на первенство в южных районах Аравийского полуострова и Персидского залива. Царь Калэб, особенно часто превозносимый греческими и персидскими источниками, в 517 г. совершил новый военный поход в Южную Аравию, и до 572 г. Йемен принадлежал Аксуму. Однако эта попытка утвердить политическую власть и экономические интересы Аксума на обоих берегах Красного моря имела лишь кратковременный успех. Персидский царь Хосров предпринял контрнаступление. Оно положило конец периоду наивысшего расцвета Аксума.

Из многочисленных надписей явствует, что население Аксума вело оседлый образ жизни, занималось земледелием и скотоводством. Широко распространена была культура пшеницы. Сложные оросительные сооружения и высокоразвитое террасирование создавали возможность получения прибавочного продукта. Цари Аксума и окружавшая их

знать умели его отчуждать, облагая зависимые деревенские общины и племена-данники регулярными налогами, религиозными повинностями в виде «подношений» и отработок.

Ведущая роль Аксума во внешней и заморской торговле сказалась и в том, что с III в. н. э. он чеканил золотые, серебряные и медные деньги. До этого на его территории имели хождение только иностранные монеты, прежде всего римские. Примечательно, что в Аксуме существовал свой собственный золотой стандарт. На некоторых из найденных монет изображены нарождающийся серп луны и две звезды — символы анимистических верований населения, но на более поздних находках, датируемых IV в., уже воспроизведен христианский крест. Чеканка денег предполагает наличие царских мастерских по обработке металла. По-видимому, высокого развития достигли также производство оружия и орудий труда.

В подтверждение своего могущества цари Аксума возводили монументальные сооружения, дворцы, каменные памятники и скульптуры. Наряду со свободным населением, несшим трудовую повинность, на строительстве широко использовались рабы. Их захватывали в многочисленных военных походах против соседних племен, находившихся преимущественно еще на первобытной стадии развития. Слово «раб», по-амхарски — «бареа», явно говорит о том, что в то время рабы происходили главным образом из племени бареа, потомки которого до сих пор живут в окрестностях Аксума. По своему социальному, экономическому и политическому устройству Аксум мало чем отличался от других государств Южной Аравии и древнего Востока.

В Аксуме сложилась самостоятельная богатая культура, следы которой дошли до нас в виде каменных монументов и эпиграфических памятников. Многочисленные посетители территории древнего Аксума с восхищением любуются раскопанными руинами роскошных дворцов, укрепленных зданий эллиптической формы, гробниц. Самый большой дворец занимал площадь 80X120 метров и состоял из многочисленных башен, террас, стен и главного замка высотой в несколько этажей. Укрепленные замки-крепости такого рода возводились и в других частях страны. Высокого совершенства достигло искусство каменной кладки по-сухому, без применения извести. Но наиболее типичны для Аксума огромные монолиты, так называемые стелы. Наибольшая из них достигает высоты около 34 метров. Некоторые стелы были установлены перед самым принятием христианства Эзаной в IV в., например стелы из Анза и Матара. Одно время в науке было распространено мнение, что стелы служили надгробиями, но последние археологические изыскания заставляют усомниться в справедливости этой точки зрения. Прежде всего стелы имели религиозное назначение.

С началом арабских завоеваний при Мухаммеде и первых халифах в VII в. н. э. Аксум утратил свое могущество. В последующие века греческие и арабские источники упоминают об Аксуме реже. Установление господства арабов в Красном море, временное прекращение морских связей с Индией и оживление караванной торговли подорвали экономические позиции царства Аксум. В VIII в. был разрушен порт Адулис. Но торговля побережья с долиной Нила не ослабевала в течение еще нескольких столетий. В изданных недавно в Эфиопии трудах⁵ показано даже, что в IX в. приморские районы Дахлак и Зейла еще находились под властью Аксума. Тем не менее изоляция христианского государства увеличивалась. Его история в последующие несколько веков покрыта мраком. Только в XIII в. снова заявляет о себе новое могущественное государство — Эфиопия, которое заняло почетное место в ряду раннефеодальных государств всей Тропической Африки.

Глава III

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ К ЮГУ ОТ САХАРЫ В VIII-XVI вв.

1. Государства Западной Африки

В I тысячелетии н. э. Западная Африка миновала стадию первобытного общества и у многих народов этого региона сложились более высокие и сложные формы общественного устройства. Новый период в развитии человеческого общества начался с того, что оно узнало железо и научилось его обрабатывать.

Такие предпосылки возникли во многих обширных районах Западной Африки. По новым данным, в Мавритании железо широко распространилось около середины V в. до н. э. — тогда же, когда и в североафриканском Средиземноморье, — а на рубеже нашей эры проникло и в остальные части Западной Африки. Богатые и легкодоступные залежи железной руды на территории Мавритании и в других районах Западной Африки — их наличие подтверждает возможность независимого возникновения в одно и то же время различных центров металлургии на африканской земле — способствовали дальнейшему прогрессу технологии обработки железа и совершенствованию производственного инвентаря. Это, в свою очередь, стимулировало общественное разделение труда между ремеслом и сельским хозяйством.

Для селений рассматриваемого периода характерны особые кварталы, где жили члены касты кузнецов. В Западной Африке получила также некоторое распространение обработка меди, вообще-то мало известная в Тропической Африке; из медной руды — ее добывали в Сахаре или доставляли из Северной Африки — здесь изготавливали утварь и орудия труда.

Другим важным событием этого этапа развития, охватывающего в основном I тысячелетие н. э., явилось внедрение многих новых культурных растений, в том числе хлопчатника, индигоферы, хенны, различных овощей и клубнеплодов, а также разведение домашних животных, несомненно заимствованных из Азии. Поскольку для этого периода характерны оживленные культурные связи, которые, однако, никоим образом не подтверждают вымыслы империалистов о расовом и культурном превосходстве тех или иных народов, заимствования могли происходить как через Северную Африку и зону Сахары, так и через восточноафриканское побережье. Страны бассейна Индийского океана, Оманского залива и Южной Аравии издавна поддерживали очень тесные контакты с побережьем Восточной Африки. Наряду с совершенствованием методов выращивания риса и чисто местных сортов зерновых (сорго, дурры, фонию) повышалась продуктивность сельского хозяйства в целом и зарождающегося ремесла (например, производства хлопчатобумажных тканей). В результате кое-где в зоне саванн производство зерна превысило потребление. Появление прибавочного продукта послужило исходной точкой для серьезных изменений в экономике и политике.

Особенно важным стимулом начавшегося процесса социальной и экономической дифференциации, связанного с преодолением первобытных форм политической * (* В советской этнографической литературе последних лет для обозначения отношений власти в первобытном обществе принят термин «потестарный» (см.: Ю. В. Б р о м л е й. Этнос и этнография. М., 1973, с. 15), так как политическими, строго говоря, следует считать такие отношения только в классовом обществе.) организации и образованием первых раннеклассовых государств, явилось в Западной Африке, как и в других регионах, оживление торговли, и в первую очередь транзитных операций через Сахару. Возникновению на территории Западной Африки крупных государств — Ганы, Мали, Сонгай, городов-государств хауса и Канема-Борну — способствовала активизация обмена и торговли внутри Африки. Главную роль играла торговля через Сахару и Северную Африку по древним «дорогам колесниц» и другим путям, о которых сообщают финикийцы, греки и римляне. Благодаря торговым караванам удавалось хотя бы время от времени преодолевать огромные пустыни, возникшие из-за высыхания Сахары на месте единого центра неолитической культуры и уничтожившие важное связующее звено в прочных и длительных сношениях североафриканского Средиземноморья с Тропической Африкой. Это позволило сохранить некий минимум контактов, которые с расцветом торговли

оказались немаловажными для общего развития некоторых народов Западного и Центрального Судана.

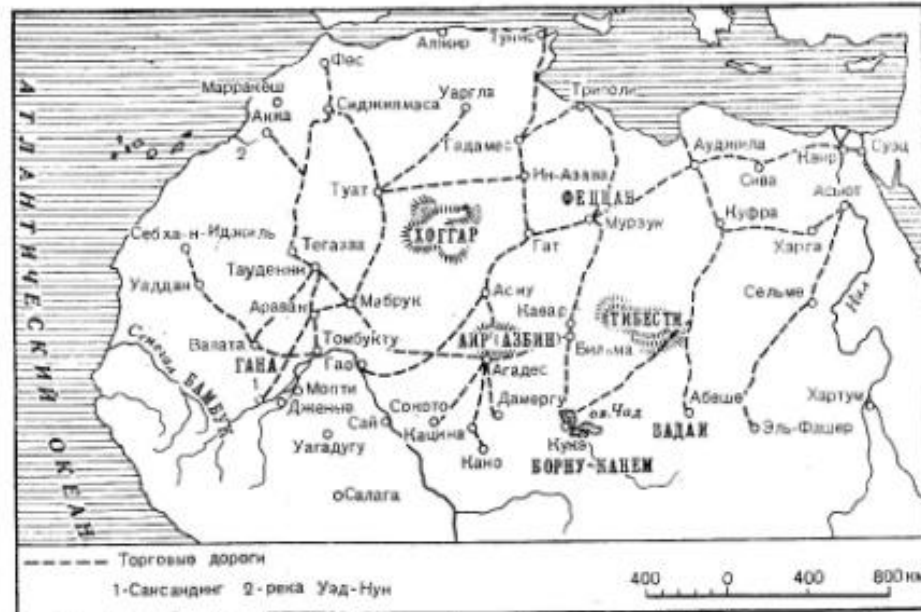
Караванное сообщение через пустыню пережило новый подъем после приручения одногорбого верблюда — дромедара. По сравнению с другими животными — лошадьми или быками, которых запрягали в знаменитые колесницы, — верблюд довольно быстро преодолевал большие расстояния и достигал самых отдаленных оазисов. Как домашнее животное верблюды упоминается примерно со 150 г. до н. э. в надписях, найденных в Северной Африке. Он был известен при Юлии Цезаре: в битве при Тапсе в 46 г. до н. э. римляне захватили 22 верблюда нумидийского царя Юбы, правившего на территории современного Марокко. В III и IV вв. н. э. приручение и использование верблюдов для перевозки грузов и всадников, а также для хозяйственных нужд было уже широко распространено на огромных пространствах Северной Африки и Сахары среди кочевых скотоводческих племен, в том числе и среди берберов (предков туарегов). Сахара была уже не в состоянии прокормить табуны лошадей. В византийских источниках этого времени очень часто говорится о применении верблюда, точнее, дромедара для передвижения на нем или перевозки грузов, из чего следует, что он уже получил признание в Сахаре. Верблюд выдержал испытание, когда после образования арабского халифата и завоевания Северной Африки арабами (Египта — в 641 г. н. э., Карфагена — в 697 г.) активизировались торговые связи через Сахару с Западным и Центральным Суданом.

Но еще до этого важным стимулом к расширению обмена послужило открытие богатых россыпей золота в некоторых лесных районах Западного Судана, в том числе в верховьях Сенегала, Нигера и Вольты. Суданское золото, ценившееся за его высокое качество во многих странах Средиземноморья, быстро выдвинулось на первое место в экспорте стран Судана. Наиболее интенсивно его добыча велась в местности между верхним течением Сенегала и его притоком Фалеме, где находились древние центры золотодобычи Буре, Мандинг и Бамбук — последний играл очень важную роль в древнем государстве Гана. Золотом были богаты и долины других рек, например Черной Вольты. Оно имело аллювиальное происхождение, реки сносили его с возвышенностей на равнины, где оно было легко доступно.

Добычей золота на протяжении веков занимались местные племена, находившиеся на стадии первобытнообщинного строя. Купцы-негроиды — вангара (в средневековых источниках и картах так названа и сама область добычи золота) — и другие посредники — арабы и берберы — доставляли золотой песок и слитки в города, лежавшие на зарождавшихся караванных путях Западного Судана, которые вели и в древнее государство Гану. Из многих арабских сообщений следует, что не только арабским торговцам, но и посредникам-африканцам очень часто был запрещен въезд в области, где добывалось золото, и им приходилось вести обменные операции в форме «немой» торговли. Арабский географ XII в. Якут, ссылаясь, впрочем, на рассказ более древнего автора, рисует яркую картину такой торговли: в обмен на золотой песок населению предлагали соль, вязанки смолистой древесины, голубые стеклянные бусы, медные браслеты, серьги и кольца-печати. При этом торговцы обычно не встречались с местными жителями.

В некоторых перевалочных пунктах, там, где транссахарские караванные пути скрещивались с потоками местной посреднической торговли, правящая верхушка устанавливала контроль над доходными операциями с золотом и с помощью таможенных сборов и других регулирующих мероприятий извлекала большие прибыли. Для усиления своего влияния она захватывала золотоносные земли и вводила государственную подать правителю, которую следовало выплачивать только крупными золотыми самородками. И лишь с XIV в., когда государства Мали и Сонгай достигли более высокой ступени развития, правящая знать непосредственно возглавила возросшую добычу золота, ведущуюся теперь руками рабов * (* **Насколько можно судить по имеющимся в**

распоряжении науки данным, ни в средневековом Мали, ни в Сонгай не велась добыча золота в пользу государства с использованием рабского труда. Формы получения золота правителями этих государств оставались традиционными: преобладали поставки в виде дани или «немой» торг.).

Транссахарские торговые пути

Не менее популярным предметом торговли была соль, в которой население влажных жарких стран испытывало острую нужду. Соль добывали, однако, только в немногих местностях по течению Нигера и на территории Мавритании. Она служила важным предметом обмена с золотоносными лесными районами Западного Судана. Большие залежи соли и солеварни на западном караванном пути, в Тегаззе и Тауденни, интенсивно эксплуатировались еще на рубеже I и II тысячелетий н. э. В XIV в. Ибн Баттута писал: «Тегазза — мало привлекательное место, где дома и мечети сложены из соляных блоков и покрыты верблюжьими шкурами. Деревьев там нет, один песок. Среди песков расположены соляные копи, из них толстыми пластами добывают соль. Единственные обитатели этого места — рабы мессуфа, которые работают в коях. Питаются они финиками, доставляемыми из Дра и Сиджилмасы, верблюжатиной и дуррой из стран Нигера».

На протяжении веков залежи соли разрабатывались, конечно, разными способами, посредниками в торговле выступали люди разных народов, но среди них всегда было много берберов племени санхаджа. Обладание соляными копиями, а следовательно, и безраздельный контроль над торговлей солью были главной целью складывавшихся в Западном Судане государств и союзов племен, которые боролись с воинственными племенами берберов, населявшими Сахару и Северо-Западную Африку.

Наряду с золотом из Судана в Северную Африку с незапамятных времен везли слоновую кость, страусовые перья, меха и звериные шкуры, полудрагоценные камни и в ограниченном количестве рабов. В обмен Судан получал в период средневековья стеклянные бусы из Венеции, льняное полотно, дешевые шелка, хлопчатобумажные ткани, медные и латунные изделия высококвалифицированных марокканских ремесленников, в том числе орудия труда и домашнюю утварь, а также скобяные товары, зеркала, бумагу, оружие, лошадей из Северной Африки. В некоторых городах Западного и Центрального Судана, например в городах-государствах хауса, возникли специальные ремесленные предприятия, производившие товары для экспорта: дорогие ткани, обувь, кожаные изделия и т. д., которые достигали Средиземноморья.

Естественно, у начала караванных путей в Судане, т. е. в важных узловых пунктах общеконтинентальной торговли, рано начали складываться поселения городского типа, где обосновывалась аристократия, стремившаяся укрепить свое экономическое, социальное и политическое положение; они становились центрами зарождавшихся государств.

Наряду с главным городом древней Ганы заслуживают упоминания известные с конца I тысячелетия н. э. торговые города на Нигере: Гао (с 890 г.), Дженне, Томбукту (XI в.), города хауса (с X в.), а к западу от Томбукту и Ганы — Аудагост, резиденция правителей берберского племени лемтуна.

Западный и Центральный Судан связывали с Северной Африкой три главных торговых пути через Сахару. Западный маршрут начинался в Марокко, чаще всего в Сиджилмассе, где золото перегружали, и вел через соляные копи Тегаззы, Тауденни и Аравана в Томбукту, а оттуда в Западный Судан. Многочисленные ответвления соединяли дорогу с более или менее крупными селениями по ее сторонам. В древнее государство Гану можно было попасть караванными тропами, которые вели из Южного Марокко в Южную Мавританию и проходили еще дальше на запад. Средняя суданская дорога, ставшая особенно оживленной после возвышения государств хауса, брала начало в районе Туниса и Триполи и через Гадамес, Гат, Аир-Агадес достигала Кацины, Кано или, идя к западу, — Гао, а оттуда шла дальше вниз по течению Нигера к самому побережью. Восточный маршрут, так называемый борнуанский торговый путь, из Триполи или Фецца-на выводил через Бильму в государство Канем-Борну на берегу озера Чад. Было, конечно, много и других дорог, но все они имели второстепенное значение, например дорога, соединявшая Фее с Туатом и Агадесом.

Названные сложные явления, обусловленные добычей и применением железа в виде орудий труда и оружия, расцветом транссахарской транзитной торговли, хорошо налаженным обменом и ростом общественного разделения труда, в свою очередь, вызвали решительные изменения в экономике и политике. Они привели к отмиранию первобытнообщинного строя и к возникновению ранних государств в Западном и Центральном Судане. Точно такие же явления определяли развитие восточноафриканского побережья и глубинных районов.

1.1. Гана

Самым ранним образованием такого рода было государство Гана. Под названием «Страна золота» оно с VIII в. фигурирует в арабских источниках, например у ал-Фазари. Очевидно, в 734 г. арабские караваны доставили из Судана в Северную Африку «значительное количество золота». Ибн Хаукал, совершивший путешествие по Западной Африке* (* Как недавно было доказано, Ибн Хаукал не бывал в странах Западной Африки и описание их составил, видимо, на основе рассказов североафриканских и испано-арабских купцов, с которыми встречался в Марокко и Алжире.), заметил в 977 г., имея в виду запасы золота: «Гана ** (** Здесь «Гана» — титул правителя. В данном случае мы встречаемся с довольно типичным для арабской географической литературы превращением титула правителя в топоним. Более поздний автор — ал-Бакри (XI в.) — прямо говорит о том, что «Гана» — царский титул, страна нее носила название «Аукар».) же — богатейший из царей земли». Нет сомнения, что в письменных свидетельствах современников начиная с VIII в. упоминается именно Гана, но сообщение суданской хроники «Тарих ас-Судан», что до 790 г. в этом государстве сменилось 22 белых правителя, до сих пор вызывает споры. Последние данные раскопок и исследований не позволяют, однако, полностью отрицать, что на территории древней Ганы уже к началу нашей эры, особенно же начиная с IV в. н. э., мог происходить длительный процесс перехода от одной общественной формации к другой, сопровождавшийся образованием племенных объединений. Возможно, указания традиционной историографии на правление

«белых властителей» говорят о влиянии ливийско-берберских племен и их аристократии в этом районе.

Некоторые авторы-марксисты считают, что для дальнейшего развития истории решающее значение имели политические события III и IV вв. н. э. в римской провинции Северной Африке, когда после поражения крупных восстаний берберов многочисленные племена были вынуждены откатиться на юг. В источниках отсутствуют упоминания о военных столкновениях под руководством военной знати или о слиянии берберов с негроидным населением, т. е. о таких обстоятельствах, которые могли бы способствовать ускорению общественного развития и отмиранию первобытнообщинного строя. Но это отнюдь не дает оснований для вывода, будто африканцы не способны к более высоким формам общественной жизни.

Последнего правителя «древнего» периода свергли в конце VIII в. сонинке. Из среды этой крупной этнической общности на территории Западной Африки выдвинулась династия сараколе* (* Сонинке и сараколе — названия одного и того же народа на разных языках, соответственно на мандинго и фульфульде.), при которой Гана достигла в IX и X вв. известного прогресса и развитие государственности раннеклассового общества продвинулось вперед. В этот период Гана — кстати, она отнюдь не тождественна современному государству Гана, возникшему на основе бывшей английской колонии Золотой Берег, — простиралась от атлантического побережья примерно до Томбукту и от центров золотодобычи на реке Фалеме до относящихся к Южной Мавритании участков Сахары, где вожди берберского племени лемтуна временами платили ей дань.

Как во всех формировавшихся раннеклассовых обществах, подчинение таких огромных территорий носило подчас чисто номинальный характер, ибо выражалось только в нерегулярной выплате дани и в личных связях. Социально-экономическая дифференциация, выделение правящей верхушки, эксплуатировавшей население, образование государственных институтов и органов власти ограничивались небольшим районом, на который, собственно, и распространялась власть правящей династии и знати.

Долгое время невозможно было установить, где находился торговый и административный центр древней Ганы. После неоднократно проводившихся раскопок столицу Ганы, о которой писали арабские путешественники, удалось локализовать в Мавритании, в 330 километрах к северу от современного Бамако, на месте городища Кумби-Сале. В 1950 г. П. Томассе и Р. Мони снова производили здесь раскопки и на площади свыше 2,5 квадратных километров выявили остатки множества жилых домов, мечети и двух дворцов, что предполагает многочисленное население — очевидно, около 30 тысяч человек. Среди находок отсутствуют золотые и серебряные вещи, но большое число железных предметов — ножей, наконечников стрел, гвоздей, ножниц, а также сельскохозяйственных орудий — свидетельствует о высоком развитии сельской и городской культуры. Найденные в изобилии черепки керамических изделий, каменные осколки с остатками росписи, несомненно происходящие из Марокко и других областей Северной Африки, говорят о том, что Кумби-Сале был важным центром торговли.

Материалы раскопок подтверждают, в частности, самое подробное описание Ганы, принадлежащее перу арабского географа XI в. ал-Бакри. Он, скорее всего, никогда не был в Африке, но использовал надежные сообщения, доходившие до испано-мавританской Кордовы. Ал-Бакри описывает город с каменными домами, производящий внушительное впечатление. В одном его квартале с прекрасными садами и 12 мечетями жили мусульманские купцы, преимущественно арабы, и ученые.

В каждой мечети был свой имам, свой муэдзин и чтец на жалованье. В городе жили законоведы и другие образованные люди. «А город царя расположен в 6 милях от этого; называется он ал-Габа. Между обоими городами — непрерывные жилые кварталы, постройки сделаны из камня и дерева акации. У царя есть дворец и купольная беседка, все то окружено стеноподобной оградой». Арабский автор описывает далее роскошь царского двора, богатство правителя, его семьи и свиты, а также знати. В это время — в середине

XI в. — царская фамилия еще не приняла ислам, но царь брал себе переводчиков и многих других дворцовых чиновников и везиров из среды мусульман.

Ал-Бакри подробно перечисляет главные доходы царя Ганы. Царь взимал дань с многочисленных племен, находившихся в отношениях неустойчивой вассальной зависимости; кроме того, он получал золотой динар за ввоз одного ослиного вьюка и два динара — за вывоз. За вьюк меди ему платили пять мискалей, за вьюк другого товара — десять. Мискаль содержал около 3,125 грамма золота* (* 3,125 грамма соответствуют не мискалю, а дирхаму, притом дирхаму как торговой, а не монетной весовой единице. Величина же канонического золотого мискаля составляла 4,235 грамма, а в Северной Африке — даже 4,722 грамма; вес золотого динара обычно составлял 1 мискаль.). Таможенные сборы, обусловленные монопольным положением в посреднической торговле, несомненно, являлись важным источником богатства правящей династии. Кроме того, правители Ганы рано пытались установить контроль над месторождениями золота и присвоить себе его добычу.

Ал-Бакри сообщает, что «лучшее золото в... стране — то, которое находится в городе Гайарава; между этим городом и столицей царя 18 дней пути по стране, населенной племенами черных, с непрерывными селениями. Когда на любой из россыпей страны этого царя находят золотой самородок, царь его забирает; людям же он оставляет из золота лишь мелкую пыль... И говорят, будто у царя есть самородок, подобный огромному камню»⁶.

О политической и социальной жизни Ганы в IX—XI вв. мы знаем очень мало, но все арабские путешественники и ученые единодушны в том, что одной из главных функций этого древнего, государства Западной Африки было обеспечение внутриафриканской торговли и транссахарских связей, особенно регулярного обмена золота и рабов на соль и изделия североафриканских ремесленников, строительство и поддержание в хорошем состоянии торговых путей и рынков, а также установление монопольного контроля над ними со стороны правящей аристократии. Сборы за счет торговой монополии составляли основу налогообложения в древней Гане. Внешняя торговля, сосредоточенная преимущественно в руках иноэтнических купцов (арабов, берберов, евреев), еще не оказывала влияния на экономическую и социальную обстановку внутри страны и не вызывала формирования отношений эксплуатации. Как и в раннеполитических центрах Восточной Африки — Мапунгубве, Зимбабве и других, в Гане сохранялись многие пережитки патриархально-родового строя. Она может служить типичным примером общества переходного типа, где в ходе формирования государственных органов подавления и соответствующих изменений в экономическом и социальном строе, а следовательно, и в сложении отношений зависимости и эксплуатации еще не были полностью изжиты традиции доклассового общества.

В дальнейшем многие африканские государства решительно преодолели препятствия, восходившие к первобытному обществу, и достигли более высокой ступени социального развития. Об этом пойдет речь ниже, в разделе, посвященном социально-экономическому и политическому строю африканских государств в период с VIII по XVI в.

Начиная с IX в. Гана была вынуждена бороться с кочевавшими у ее северных границ берберскими племенами, в том числе-лемтуна и санхаджа, которые контролировали залежи соли и старались прибрать к рукам транссахарский торговый путь Марокко — Аудагост — Гана. Однако значительно более серьезную опасность представляло для Ганы движение за обновление ислама во главе с Алморавидами. Участвовавшая в нем военная знать родовой аристократии берберского племени геззула в первой половине XI в. под предводительством проповедника-реформатора Ибн Ясина из Кайруана повела наступление от побережья-Мавритании и захватила большую часть Марокко, а затем и Испанию. После того как к движению примкнула верхушка берберского племени лемтуна, реформаторы в 1054 г. овладели торговым центром Аудагост.

Отсюда они при поддержке принявших ислам вассалов и соседей Ганы, например Текрура на реке Сенегал, двинулись на Гану.

Десять лет Гана сопротивлялась, но в 1076 г. Алморавиды взяли столицу, разграбили ее и предали огню. В правление Абу Бакра население было вынуждено платить дань Алморавидам, государство лишилось самых богатых провинций и правители Ганы, исповедовавшие прежде анимистическую религию, приняли ислам, еще раньше распространившийся среди купцов и некоторой части знати. Непосредственное господство Алморавидов продолжалось всего 11 лет, вскоре Гана вновь обрела независимость, но она уже так и не достигла прежнего блеска. Завоевание государства Алморавидами усилило соперничество между различными племенами и династиями и их стремление к автономии, в результате многие провинции отложились. В начале XIII в. некогда независимое племя сосо, одно из племен сонинке, завоевало столицу Ганы. Многочисленные купцы, жившие в городе (арабы, берберы, мандинго), покинули знаменитый торговый город и в 1224 г. обосновались на 150 километров дальше к северу, в селении Уалата (Виру). В последующие годы Гану завоевал и сделал провинцией своей империи легендарный правитель Мали Сундьята.

1.2. Государство Мали

Традиция формирования ранних государств в Западной Африке не угасла после упадка Ганы: ее преемником стало Мали, которое наряду с более молодым Сонгай относится к числу самых значительных государств Западного Судана.

Их история известна намного лучше, чем история Ганы. И о них наиболее важные и ценные сведения сообщают арабские историки, географы Северной Африки, купцы и путешественники из стран Магриба, посещавшие эти районы. Особый интерес представляют сообщения, содержащиеся в трудах Ибн Баттуты и Льва Африканского. Ибн Баттута, родившийся в 1304 г. в Танжере, в берберской семье, объездил весь мусульманский мир и даже восточные окраины Азии. В 1352—1354 гг., выехав из Феса, он посетил области, принадлежавшие государству Мали. Ал-Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан аз-Зайяти ал-Фаси из Марокко, получивший при крещении имя Лев Африканский, в 1526 г., находясь на службе Ватикана, написал книгу «Об описании Африки и о примечательных вещах, какие там есть». В основе этого труда лежат богатые материалы, собранные географом в его путешествиях по Западному и Центральному Судану* (* При крещении ал-Хасан получил имя Джованни Леоне Африкано в честь папы Льва X, которому его подарили, захватив в плен, сицилийские пираты. Таким образом, Лев Африканский — скорее прозвание. Что касается «службы Ватикану», то она выразилась в преподавании арабского языка в католических университетах Рима и Болоньи.).

Кроме того, сохранились ценные исторические хроники, также на арабском языке, составленные мусульманскими учеными Судана. Их было бы значительно больше, если бы не войны и другие катаклизмы. Многие исторические источники стали жертвами колониальных войн империалистических держав, происходивших много веков спустя. Особенно большое значение имеют суданские хроники, происходящие из Томбукту, например «Тарих ас-Судан», принадлежащая перу Абд ар-Рахмана ас-Сади (1655), и «Тарих ал-фатташ», начатая Махмудом Кати и его внуком, а затем доведенная неизвестным автором до 1660 г. * (* Хроника «Тарих ал-фатташ» закончена правнуком Махмуда Кати Иби ал-Мухтаром Гомбеле, жившим в середине XVII в. Однако ее текст доведен только до 1599 г.). Обе книги написаны на основе личных наблюдений и содержат подробные описания культурных достижений народов Судана. Труд ас-Сади состоит из хроники суданских царств, биографий выдающихся деятелей, которых он знал, и рассказа о его собственной дипломатической службе. Махмуд Кати, автор «Тарих ал-фатташ», сопровождал аскию Мухаммеда I во время его паломничества в Мекку, а в 1591

г. стал очевидцем вторжения марокканских войск в Сонгай. Тогда же Ахмед Баба написал биографии нескольких выдающихся ученых Томбукту.

Этническую основу государства Мали составляли мали, или малинке** (** В данном случае скорее произошло превращение названия государственного образования в этноним: «мали-нке» означает «люди Мали»). Еще в XI в. между реками Нигер и Бакой существовало небольшое родо-племенное княжество Мали, временами подпадавшее под власть Ганы. Правившая им аристократия и купцы уже поклонялись Аллаху. Сильная военная знать Мали в непрестанных войнах с соседями закрепила этнические и политические основы своей власти и, используя первые проявления эксплуатации и торговую монополию, расширила свои владения и упрочила государственную организацию. В этом деле важная роль принадлежала легендарному основателю собственно государства Мали — Сундьяте (1230—1255), который в 1235 г. в битве при селении Крина, к северу от современного города Куликоро, разбил вождя сосо и верховного правителя Ганы, разрушил его столицу Гану и воздвиг новую резиденцию дальше к югу, там, где ныне на реке Санкарани стоит деревня Ниани. Сундьяту, подобно героям эпосов раннего средневековья, бесчисленные сказания, песни и легенды по сей день прославляют как могущественного воителя сверхъестественной силы и «отца мандинго». Он сумел объединить под своей эгидой царство, превосходившее размерами древнюю Гану. На западе его граница проходила по нижнему течению Гамбии, на юге — по предгорьям Фута-Джаллона (Гвинея), на востоке земли Сундьяты по Нигеру доходили до района города Дженне, а на севере простирались до Валаты (Мавритания), крупного перевалочного пункта караванной торговли в Западном Судане. Важнее всего, что новое государство включало известные золотые россыпи «Вангара», а именно Галаод и Бамбук в междуречье Фа-леме и Сенегала, а также Буре, новый золотоносный район в самой глубине страны мандинго, где добыча золота быстро увеличивалась.

При Сундьяте улучшилась внутренняя организация государства, система налогов и поборов стала более совершенной. Хронисты сообщают, что по велению Сундьяты корчевали лес, расширяли посевы, вводили новые методы земледелия и неизвестные дотоле культуры, в частности хлопчатник. Царь уделял большое внимание и ремеслам.

Его преемники, например Сакура (1285—1300), бывший раб царского семейства, продолжали вести завоевательную политику. Сакуре удалось занять Масину и отбить у своего соперника, правителя Диары, захваченный им было Текрур.

Однако наибольшую славу стяжал манса (царь) Канку Муса, правивший с 1307 по 1332 г.* (* Более верной представляется другая датировка правления Мусы I: 1312—1337 гг.). При нем государство Мали имело наибольшие размеры, чрезвычайно усилилось и достигло вершины своего культурного развития. Мы знаем о мансе Мусе со слов современных ему арабских писателей XIV и XV вв., описывающих его пышное паломничество в Мекку к гробу пророка в 1324 г., которое произвело неизгладимое впечатление на весь тогдашний мусульманский мир. Правителя, ехавшего верхом на коне, сопровождали огромная свита и множество рабов. Полтысячи рабов несли невиданное количество золотых слитков. Шествие Мусы через Каир, караваны верблюдов и вереницы рабов, расточительность царя и окружавшая его роскошь многие годы служили неистощимой темой разговоров. Манса Муса со свитой будто бы роздали в Каире столько золота, что его цена сильно упала и в течение многих лет впоследствии не возвращалась к прежнему уровню. Паломничество Мусы укрепило политические и торговые связи Мали с его восточными соседями вплоть до Египта, что, естественно, повлекло за собой усиленный приток мусульманских купцов и ученых в Западный Судан.

Позднее транссахарская торговля явно переместилась на восток и осуществлялась по срединной и восточной дорогам, ведущим в Триполитанию и Египет.

Мали поддерживало дружественные отношения с правителями Египта и Аравийского полуострова, а также с султаном Феса ** (** Имеются в виду государи из берберской династии Маринидов (Бану Марин), правившие в Марокко в 1269—1465 гг.).

Вести о богатстве и могуществе царей Мали достигли даже Европы. На портулаках — географических картах XIV в. — часто фигурируют владения «короля Мелли». На карте Судана в каталанском атласе короля Франции Карла V изображена фигура царя, восседающего на троне. В одной руке он держит скипетр, в другой — слиток золота, который протягивает всаднику под покрывалом — туарегу. Сверху надпись: «Имя этого негритянского князя Муса Мали, правитель негров Гвинеи». До XVI в. государство Мали изображалось на многих европейских картах. При мансе Мусе или даже еще при его предшественнике Мали обложило данью город Гао в излучине Нигера, местопребывание сон-гайской аристократии. В конце XIV в. Муса II наконец присоединил давний предмет вожделений малийских правителей, медные копи Такедда в Аире, и государство Мали достигло своих наибольших размеров.

Особенно много интересных сведений сообщает Ибн Баттута, который в 1352—1353 гг. побывал в главных провинциях Мали и описал царившие в них порядок, безопасность, благосостояние и гостеприимство. При мансе Мусе города Гао, Томбукту и Джен-не стали не только центрами торговли и ремесел, но и средоточием мусульманской учености. Наезжавшие купцы жили в отдельных кварталах. Существовали и специальные кварталы ремесленников, что говорит о процветании ремесел. Аристократы строили для себя роскошные дворцы, появились новые красивые мечети. Большая мечеть в Гао и пышно украшенный дворец в Томбукту считались творениями андалузского архитектора эс-Сахили, с которым манса Муса познакомился во время паломничества в Мекку. Оба здания могли быть возведены и позднее, в царствование одного из правителей Сонгай, но не вызывает сомнений, что при мансе Мусе, когда государство Мали достигло наибольшего расцвета, благодаря расширению торговых связей бурно развивались города, а следовательно, и градостроительство. При мансе Мусе наступил и новый период усиленной исламизации, сопряженной с укреплением высшей государственной власти и образованием важных центров культуры.

Но и государство Мали, как многие другие непрочные государственные объединения раннеклассового общества, подверженные нападениям воинственных кочевников и соседних союзов племен, постепенно распалось.

С конца XIV в. династические раздоры ослабляли страну и мешали ей обороняться против вторжений исповедовавших анимизм племен моси с юга и туарегов с севера. В 1433 г. туарегские племена кочевников-верблюдоводов захватили Томбукту, Араван и Валату. Династия Кейта удержалась у власти до 1645 г., но ее владения непрерывно сокращались, к числу исконных врагов добавились тукулёры и бамбара, и с XV в. о ее былом величии остались только воспоминания.

Однако в городе Мали и в XVI в. еще процветали ремесла, производившие в числе прочих изделий хлопчатобумажные ткани для вывоза в Дженне и Томбукту. Лев Африканский пишет, что зерновые и скот имелись там в изобилии, а город Мали насчитывал около 6 тысяч прочных зданий. Но начиная с XV в. в восточной части некогда могущественного Мали зарождалось на основе векового союза племен сонгаев из Гао еще одно великое государство, которому суждено было стать важным этапом развития Западного Судана.

1.3. Сонгай

Центр третьего крупного государства средневекового Судана — Сонгай, которое к началу XV в. получило политический перевес, находился к востоку от Ганы и Мали. Сонгай населяли область в среднем течении Нигера, выше порогов Бусы. Сначала их основными занятиями были рыболовство и возделывание риса. Ранняя традиция туманно сообщает о длившихся десятилетиями оборонительных войнах против восточных хауса и западных мандинго. Гао упоминается как местопребывание сонгаев уже в 890 г.

В литературе о Западном Судане происхождение государств на его территории, в том числе и Сонгай, обычно объясняется вторжениями «чужаков». Конечно, рассматриваемые районы Центрального и Западного Судана вообще и области расселения племен хауса и государство Канем-Борну в частности действительно испытывали сильное влияние воинственных кочевых племен берберов, ливийцев, арабов, но тем не менее к соответствующим показаниям суданских хроник следует относиться с большой осторожностью и оценивать их критически.

Как известно, принявшие ислам племена, правящие династии и аристократия формировавшихся государств часто приписывали себе чужеземное происхождение. Нередко они выводили свою генеалогию от того или иного из арабских правителей, являвшегося якобы родственником пророка, или даже от самого пророка. Многие легенды такого рода были измышлениями мусульманских ученых: возвеличивая правящую династию, они стремились тем самым оправдать ее притязания на власть над эксплуатируемым родным народом и покоренными соседними племенами. Все теории элитарного происхождения правящих классов и слоев в эксплуататорском обществе отмечены расовой или религиозной окраской. Известный советский африканист Д. А. Ольдерогге на основе систематического исследования названий государственных институтов, должностей и должностных лиц в государстве Сонгай пришел к выводу, что все они местного происхождения* (* Автохтонный характер этих институтов впервые доказал в 1912 г. французский ученый М. Делафосс, опубликовавший список титулов и должностей Сонгайского государства (см.: М. Delafosse. Haut-Senegal — Niger (Soudan Francais). Т. 2. Р., 1912, с. 88—89). Впоследствии эту работу продолжил французский исследователь Ж. Руш (см.: J. Rouch, Contribution a l'histoire des Songhay. Dakar, 1953, с. 192—193, примеч. 2).). Только в терминологии, связанной с религией, удалось проследить близкое родство с арабскими словами.

Трудно установить, когда именно началось образование первых форм государственной организации, связанное с выделением аристократии и развитием отношений эксплуатации среди сонгаев. При легендарном вожде по имени Фаран Бер, о котором по сей день повествуют многочисленные сказания, сонгаем покорилась вся долина Нигера до окрестностей Томбукту.

Государство Сонгай уже вполне сложилось в начале XV в., а в правление сонни (титул правителя) Али и аскии Мухаммеда I достигло наивысшего развития. Еще в XIV в. Сонгай было вассалом Мали, но к концу этого столетия обрело независимость. Сонни Али по прозвищу Великий, правивший с 1464 по 1492 г., в 1468 г. захватил Томбукту и успешно отразил вторжения туарегов и моси.

Он завоевал и важный центр торговли Дженне, нанеся этим еще один сокрушительный удар государству Мали. В эти годы происходила ожесточенная борьба за малийское наследство, и правителям Сонгай приходилось утверждать свою власть в непрерывных войнах. Сонни Али был очень одаренным полководцем. Умело используя все внутренние ресурсы военных дружин сонгаев и крестьянских ополчений, он в конце концов создал могущественную империю, простиравшуюся на западе до Мопти и Валаты, а на востоке — до местностей, населенных хауса. При нем упорядочилось также внутреннее управление, усилилась централизация. С захватом Дженне правители Сонгай получили доступ к золотым россыпям Биту (Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, современная Гана) и установили свой контроль над ними. Эксплуатация этих месторождений велась с XIV в., но при правителях Сонгай она активизировалась.

Одновременно с передвижением важнейших государственных центров с территории Ганы дальше на восток, в Сонгай, переместились и центры добычи золота, а также некоторые торговые пути. Помимо золотых приисков в Галаме и Батмбуке, разрабатывавшихся еще древней Ганой, и в Буре, на территории Мали, золото добывалось теперь на золотоносных участках в государстве Сонгай, на севере Гвинейского побережья.

Суданские хронисты изображают сонни Али жестоким тираном, творившим беззакония. Он изгнал из городов мусульманских ученых, хотя сам принял ислам. никоим образом не следует считать его деспотом, который мог появиться только на африканской почве: это был типичный правитель раннефеодальной эпохи. Сама собой напрашивается аналогия с французскими Меровингами, которые в борьбе с местной родовой знатью и другими воинственными соперниками не гнушались никакими средствами. К тому же на этом раннем этапе формирования государства в основном путем военной экспансии ислам, как, впрочем, и любая другая монотеистическая религия в сходный период, еще не играл той роли, в которой он выступал позднее, когда государство укрепилось.

В Сонгай процесс внутренней консолидации государства происходил в основном при аскии Мухаммеде Туре I, правившем с 1493 по 1528 г. Он стремился создать хорошо действующее центральное управление. Выходец из племени сонинке, в течение многих лет бывший сановником и военачальником сонни Али, Мухаммед Туре I положил начало новой мусульманской династии аскиев. В XVI в., когда она достигла наибольшего могущества, государство Сонгай продвинулось на западе до Сегу и важного оазиса и опорного пункта на границе с Сахарой — Анра, принадлежавшего прежде туарегам, а на северо-востоке — до западного предела Борну. С тех пор правители Сонгай владели богатыми соляными и медными разработками в Тегаззе и Тауденни. В этих отдаленных местностях стояли сонгайские гарнизоны. Войска Сонгай неизменно отражали непрекращавшиеся набеги моси и почти без труда покорили города хауса Замфару, Кацину и Зарию, но Кано долго оказывал им сопротивление.

Военным успехам Сонгай немало способствовало то обстоятельство, что аския Мухаммед I наборы контингентов знати и вассалов, а также свободных крестьян в народное ополчение заменил постоянным войском из рабов и профессиональных солдат. По всей территории были разбросаны сильные гарнизоны, закладывались и возводились все новые пограничные укрепления. Войско несло и полицейские функции внутри страны. По Нигеру даже курсировала сонгайская флотилия.

Подобно некоторым правителям Мали, Мухаммед I прославился пышными паломничествами в Мекку. Самое знаменитое его путешествие продолжалось с 1495 по 1497 г., в нем участвовали полторы тысячи рабов — пятьсот конников и тысяча пеших. В пути Мухаммед I также растратил огромные суммы денег и задолжал египетским купцам 150 тысяч дукатов. Аббасидский халиф ал-Мутаваккил * (* После взятия монголами Багдада в 1258 г. аббасидский халифат был восстановлен в Каире мамлюкским султаном Рукн ад-дином Байбарсом I в 1261 г. и просуществовал до завоевания Египта турками в 1517 г. Халифы этого периода были безвластными марионетками в руках мамлюков, сохранявших халифат ради укрепления собственного авторитета в мусульманском мире. Здесь речь идет о халифе ал-Мутаваккиле II (1479—1497).) пожаловал ему титул Амир ал-Муслимин — «Государь верующих в странах Судана».

Великая заслуга аскии Мухаммеда I в том, что он всячески поощрял в своей империи культурное творчество. Он приглашал арабских врачей, ученых, архитекторов, и благодаря им в городах развивалась культура. Он вернул из Валаты ученых, которых в свое время изгнал сонни Али. Исламские школы в Томбукту и Дженне переживали новый расцвет. В высшем учебном заведении Санкоре в Томбукту — его можно сравнить с университетом, ал-Азхар в Каире — наряду с Кораном и другими теологическими дисциплинами изучали литературу, историю, географию, математику и астрономию (семь свободных искусств). В биографиях выдающихся ученых Томбукту, написанных местным автором, ученым Ахмедом Баба, названо более ста поэтов, законоведов, математиков, которые в XVI в. определяли духовный климат Томбукту. При этом собственно западносуданская культура и здесь создавалась вокруг центров мусульманского образования. К этому периоду относятся многочисленные научные труды, исторические хроники и рукописи на различные темы (большая их часть была уничтожена в конце XVI в. во время нашествия марокканцев).

Мухаммед I, как и многие другие правители, всемерно поддерживал мусульманское духовенство и использовал ислам для укрепления государственности. Так, с 1502 г. при дворе аскии подвизался известный знаток всех тонкостей мусульманской религии ал-Магили из Тлемсена (Алжир), живший прежде в Кано, крупном хаусанском городе. Его перу принадлежит знаменитый трактат о двенадцати обязанностях правителя, в котором рассматриваются основные проблемы централизованного мусульманского государства. Идеология ислама и проникнутое его принципами законодательство играли роль фермента в отмирании старых организационных форм доклассового общества.

Проникновение ислама в Западную, равно как и в Восточную, Африку характеризуется двумя обстоятельствами: он был тесно связан с торговыми дорогами и купцами, которые первыми прокладывали пути к его мирному распространению, и стал религией правящего класса. Уже в VIII в. Судан посещали мусульманские купцы из Магриба и Египта, а за ними следом поспешали священнослужители. В важнейших торговых центрах, например в Кумби-Сале, столице древнего государства Ганы, возникали целые колонии мусульман, которые жили в особых кварталах. Хотя нашествие Алморавидов ускорило процесс принятия ислама, прежде всего правителями Ганы и Мали, дорогу ему по-прежнему расчищали в первую очередь купцы и «святые люди».

Так, шаг за шагом ислам завоевывал правящую знать и население городов по течению Сенегала и в излучине Нигера: Дженне, Гао, Томбукту. И в Борну ислам с XI в. стал государственной религией в основном благодаря тому, что, будучи узловым пунктом на караванных путях, эта страна занимала выгодное положение в торговле. По поводу областей хауса источники сообщают противоречивые сведения, но и они дают право предположить, что уже в XIV в. ислам проникал в эти районы с разных сторон, в особенности через посредство купцов, паломников и священнослужителей из Западного Судана, Борну и Северной Африки, и что этому процессу благоприятствовали тесные политические связи с Борну и государством Сонгай.

Приморские города и города-государства Восточной Африки подпали под влияние ислама с VIII в., после расселения там арабов, и вскоре под воздействием арабсуахильской аристократии приняли мусульманскую религию как государственную. Проникновение ислама из Египта на юг происходило медленно и с интервалами. Только в 1415 г. во главе Донголы в Восточном Судане стал мусульманский правитель, а в восточносуданских оазисах Дарфур, Вадаи, Багирми и других династии последователей анимистической религии лишь с XVI в. стали уступать место «правоверным» властителям.

Как известно, ислам особенно легко распространялся среди городского населения. В городах, где были сосредоточены ремесла, торговля и культура, мусульмане вступали в контакт с местным населением. Определение Энгельса: «Ислам — это религия, приспособленная для жителей Востока, в особенности для арабов, следовательно, с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и ремеслами, а с другой — для кочевников-бедуинов»⁷ — справедливо и в применении к Западному и Центральному Судану и другим районам Африки. Многие кочевые племена, особенно те, что, находясь в процессе перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, переживали стадию «военной демократии», подхватывали знамя ислама и призывали к «священной войне» против «неверных». Для купцов и посредников в торговле, особенно для сонинке, диула и хауса, этих исконных торговых племен Западной Африки, переход от анимизма к мусульманской религии стал настоящей экономической необходимостью.

Ислам создавал могущественную организацию верующих, которая не считалась с племенными границами и способствовала экономическим и торговым связям. Кроме того, ислам обеспечивал своим последователям преимущества в экономике и культуре над автохтонными племенами. Принятие ислама не только облегчало торговлю с мусульманскими странами—наследниками халифата, например с государствами Северной Африки и Аравийского полуострова, но и помогало проникновению элементов более

высокой образованности, таких, как письменность и духовные школы, которые быстро становились опорными пунктами чисто африканской культуры.

Но в первую очередь распространение ислама как идеологии раннеклассового общества, в том числе раннефеодального, служило укреплению авторитета и власти правящих династий и формированию аристократии. Правители обеспечивали себе особое религиозное почитание, создавался монотеистический государственный культ* (* «Религиозное почитание» правителя существует в исламе только в некоторых шиитских сектах, например у исмаилитов. В средневековой Африке исмаилитство было государственной религией лишь в фатимидском Египте. Обычно же правитель выступал в исламе в качестве имама, т. е. главы данной мусульманской общины. В то же время как раз для многих неисламизированных обществ Африканского континента была характерна традиционная фигура священного царя (например, у ашанти, йоруба).). Следуя принципу «Cuius regio, eius religio» («Чья страна, того и вера»), аристократия стремилась оправдать ссылками на Коран свои притязания на власть и эксплуатацию покоренных народов. Введение мусульманских систем права и налогообложения ускорило создание государственного аппарата власти и упорядочивало его. Не вызывает, однако, сомнений, что в государственных образованиях до XVI в. ислам не проникал в деревенские общины и на первых порах даже мало влиял на эти традиционные социальные институты. Масштабы его распространения среди подчиненных и эксплуатируемых слоев населения, безусловно, зависели от степени внутренней классовой дифференциации и развития эксплуататорских отношений.

Характерно, что на почве Африки сначала привились не столько теологические принципы ислама, сколько мусульманские институты и культ. Местные условия заставляли включать в ритуал многие элементы домусульманских религий: отдельные представления, обычаи и церемонии, например свадебные обряды, культ святых, народные празднества, — и постепенно они ассимилировались с исламом. В результате в Африке ислам и в своей теории, и в практике приобрел ряд специфических черт и на протяжении веков все больше становился народной религией.

Духовенство (имамы, алкалы, модибо, маламы) — во многих районах его функции наследовались в пределах нескольких семей — в экономическом отношении, как правило, зависело от религиозных подношений и даров, ибо в Африке были неизвестны вакф* (* В а к ф (арабск.) — земельное пожалование в пользу религиозного или благотворительного учреждения. Вакфные земли не могли отчуждаться и не подлежали налогообложению. В Марокко и Западной Африке вакфы именовались также «хаббус».) и передача по наследству права собственности на земли и другую недвижимость. Подобные институты сложились только в государстве Сонгай и некоторых городах-государствах хауса, где «альфа» (духовенство) играла важную роль в экономике и политике. Аския Мухаммед I одаривал главные мечети Томбукту и Дженне землями, рабами и крупными денежными суммами, которые шли на уплату жалованья церковным служащим и обучение духовных лиц.

«Тарих ал-фатташ» сообщает, что альфа Кати, один из высших представителей мусульманского духовенства, обратился к аския с просьбой о поддержке. Тот одарил его земельным имением Диангадя в области Юна, с тринадцатью рабами и надсмотрщиком, а также 40 мерами семенного зерна.

Как и в древней Гане, административное управление осуществлялось в Мали и Сонгай по территориальному принципу. Аския Мухаммед I ввел регулярное налогообложение, прежде всего в своих коренных владениях. Государство Сонгай состояло из четырех крупных провинций, подчиненных обычно власти родственников царя, и ряда более мелких княжеств и областей, плативших царю дань. Центральная власть, прежде всего в интересах купцов, ввела единую систему мер и весов, поощряла торговлю и ремесла предоставлением особых привилегий, внедряла новые сельскохозяйственные культуры и методы земледелия (ирригационные каналы на Нигере,

переселение еврейских огородников из оазиса Туат, эксплуатация соляных залежей Тегаззы). Наряду с налогообложением свободного населения, входившего в деревенские общины, основой общественного строя был труд рабов** (** Термин «раб» здесь условен, как об этом справедливо пишет дальше сама Т. Бюттнер. Речь идет скорее о зависимых людях, иногда приближавшихся по своему положению к крепостным.), живших в специальных селениях на землях царской фамилии, чиновников, духовенства и придворных. По сравнению с Ганой социально-экономическое устройство Сонгай в большей мере определялось появлением эксплуатации внутри страны, и правящая верхушка извлекала прибыли не только из своего монопольного положения в посреднической торговле. Возросшее разделение труда в городах между ремеслом и сельским хозяйством имело своим следствием развитие высокоспециализированного производства на экспорт. При аскии Мухаммеде I Сонгай превратилось в централизованное государство с отчетливо выраженными отношениями зависимости и эксплуатации.

Но и оно стало во второй половине XVI в. жертвой междоусобиц, династических распрей и сепаратистских устремлений вассалов. Из этих войн Сонгай вышло очень ослабленным.

Этому немало способствовало и то обстоятельство, что в конце XVI в. сонгаем угрожал султан Марокко Мулай Ахмед ал-Мансур. Марокканских султанов давно привлекала выгодная транссахарская торговля, они мечтали наложить руку на месторождения золота в Судане. В 1584 г. марокканцам удалось захватить рудники Тегаззы, а в 1591 г. армия под командованием паши Джудара достигла левого берега Нигера и захватила Томбукту. Аския Исхак быстро мобилизовал 18 тысяч конников и 9700 пехотинцев, но они уступали по своей боевой мощи марокканцам, имевшим огнестрельное оружие. Города Томбукту, Дженне и Гао пали и были разграблены.

Английский купец из Марракеша сообщил в 1599 г., что по возвращении из похода паша Джудар принес в дар султану 30 верблюдов, до предела нагруженных золотом, рабов и рабынь, лошадей, перец, рога носорога и другие товары.

Марокканские войска установили кровавую диктатуру. Кади Томбукту направил султану ал-Мансуру письмо, где жаловался на невыносимые условия жизни. Вместо ответа султан послал на подкрепление своей армии 12 тысяч солдат и отдал варварский приказ заковать в цепи и отправить в Марокко кади, всех ученых и их родных со всем имуществом и книгами. Многие из них погибли еще в пути. В числе живых остался историк Ахмед Баба. Много лет провел он в заточении в Марракеше и только в 1607 г. возвратился на родину.

И все же марокканским войскам не удалось полностью подчинить себе Сонгай и утвердиться в Судане. Новый аския, Нух, ведя из Денди партизанскую войну, ослабил марокканские войска, а некоторые подразделения и вовсе уничтожил. Содержание наемников поглощало все доходы марокканцев. Вскоре из Дженне, Гао и Бамбы были выведены гарнизоны. Против марокканцев то и дело вспыхивали мятежи, даже в самой марокканской армии возникло волнение. Остатки разбитого войска осели в Томбукту. Их потомки — арма, или рума, — образовали паразитическую верхушку, которая со временем слилась с суданской аристократией.

Но пора могущества государства Сонгай миновала безвозвратно. И без того непрочные связи многочисленных вассальных племен и государственных объединений с государством Сонгай порвались окончательно. Народ бамбара в Сегу отделился и напал на Дженне и Томбукту. Участились набеги туарегов и некоторых кочевых племен фульбе с севера. В 1680 г. столицу государства — Гао захватили туареги. К этому времени сказалось влияние европейских колониальных захватов, распространявшихся сначала только на побережье. Оно проявилось прежде всего в перемещении традиционных торговых путей, что положило конец первому периоду расцвета африканских государственных образований в Судане.

1.4. Царства моси и города-государства хауса

С XI—XII вв. военные союзы племен или ранние государственные образования возникали и в области между излучиной Нигера и верхним бассейном Вольты. Жившие здесь моси вошли в историю Судана благодаря тому, что создали два небольших государства: Уагадугу и Ятенга. Государства эти могли гордиться сравнительно высоко организованной системой администрации, но во многих других областях общественной жизни они оставались на поздней стадии дифференцированного первобытнообщинного строя. Так, торговля не получила у них существенного развития, и занимались ею купцы из сараколе и мандинго. Ислам не смог здесь потеснить родовые и племенные религии и культы правителей.

История этих немусульманских государств известна очень мало, хотя в суданских хрониках и сообщениях рано появляются известия о новом государстве, Ятенге, которое совершало военные набеги на ближние торговые города в богатой долине Нигера. В начале XIV в. племена моси из Ятенги часто нападали на Томбукту, а в конце XV в. правитель моси Насодоба попытался захватить города Багана * (* Багана — не город, а историческая область к северо-западу от средней дельты р. Нигер.) и Валата. Однако сонгайские цари успешно отражали эти и другие военные предприятия моси на территории их владений.

Кроме того, португальские путешественники, посещавшие побережье Гвинеи, сообщали о существовании в глубине материка государств моси и дагомба.

На северо-западе современной Нигерии и в значительной мере на территории Республики Нигер начиная с X в. развивались города-государства хауса. В некоторых местных хрониках, составленных иногда на арабском языке, но чаще на языке хауса, излагается история отдельных городов. К сожалению, в начале XIX в., когда при Османе дан Фодио в городах хауса к власти пришла аристократия фульбе, многие документы были уничтожены. Остались лишь скудные местные сообщения, в том числе хроника Кано. По сведениям, относящимся, вероятно, к XVI в., еще в глубокой древности существовало семь городов-государств, «основание» которых легенда приписывает сыну и шести племянникам правительницы торгового города Даура.

Действительно, в Дауре, Гобире, Бираме, Каципе, Зарии, равно как в Кано и Рано, издавна образовались важные центры торговли и ремесла, где правили так или иначе связанные между собой династии. Две из них легенда называет «царями рынка». В Кано и Рано, где производились преимущественно ткани, правящие династии носили титул «цари индиго». Гобир, «царь войска», заботился о защите других городов, особенно от постоянно угрожавших с севера племен туарегов и тубу. Шестой брат, правитель Зарии, поставлял остальным царям рабов, а потому назывался «повелитель рабов». Кроме того, существовало, очевидно, еще семь населенных родственными племенами и народами «незаконных» владений (Кебби, Замфара, Илорин, Нупе, Гвари и др.), где хауса находились в меньшинстве.

Хотя содержание легенд требует критической оценки, они несомненно отражают некоторые специфические особенности общественного и социального строя хаусанских государств. Прежде всего они создают впечатление некоего единства, как если бы различные города хауса составляли одно государство. Обнесенные толстыми крепостными стенами, города с их пригородами представляли собой самостоятельные округа со своей администрацией и своим правителем. Глубокая экономическая и социальная дифференциация привела к выделению в них хорошо организованных государственных органов власти, наследственной знати и устойчивых династий. Об этом свидетельствуют многочисленные городские хроники, в основном восстановленные лишь в XIX в. на основе устных преданий, рассказы Ибн Баттуты, относящиеся к середине XIV в., и Льва Африканского, жившего в XVI в. Хроника Кано сообщает, что при правителе Нагуджа (1194—1247) уже взимались постоянные налоги; они составляли

одну восьмую часть урожая, собиравшегося деревенскими общинами крестьян в подвластных Кано областях.

В источниках прослеживается систематическое использование «рабского» труда в типичной для Западного Судана форме. Царь («сарки») Кано Тсамиа (1307—1343) получил однажды в качестве дани 200 рабов из числа военнопленных. Галадима (мажордом царя и высший сановник) Даура после успешных походов в южные области посылал своему господину Абдулахи Бурджа (1438—1452) тысячу рабов ежемесячно. Наблюдавшаяся и в других государствах Западного Судана система эксплуатации рабов путем поселения в специальных деревнях являлась важной экономической опорой трона. Даура, например, по возвращении из южных походов основал 21 поселение по 500 рабов обоего пола в каждом. Селения эти подчинялись непосредственно царю, если он не передавал их царским чиновникам или иногда высокопоставленным мусульманским священнослужителям. Рабов заставляли обрабатывать государственные земли и вносить ренту типа феодальной.

Описывая свое пребывание в некоторых государствах хауса, Лев Африканский сообщает в 1507 г. о большом количестве богатых купцов, ведших широкую караванную торговлю через Аир и медные копи Такедды с Северной Африкой. Среди товаров выше всего ценилась медь, из которой ремесленники делали предметы искусства и маски умерших, особенно на юге, в среднем течении Нигера, где жили нупе, и у йоруба. Предметами вывоза из городов хауса служили в первую очередь изготовленные в местных ремесленных мастерских металлические и кожаные предметы и прекрасные хлопчатобумажные ткани цвета индиго. Они и по сей день составляют славу этих мест. В больших ткацких мастерских и красильнях, обнесенных стенами, трудились в основном рабы. Ислам распространялся, по-видимому, медленно и только в XIV в. достиг заметных успехов. Царь Кано Румфа (1463—1493) сделал ислам государственной религией. Он разрушил старые храмы и построил большие мечети.

XVI век был важным этапом в истории государств хауса. В этот период усилилось классовое расслоение общества, укрепились государственные формы организации, отдельные государства хауса сплотились теснее благодаря употреблению общего языка. В начале XVI в. Кано, Кацина, Зариа и Замфара были покорены аскией Мухаммедом I и стали данниками государства Сонгай. Сообщение Льва Африканского о подчинении городов хауса представляется вполне правдоподобным, хотя «Тарихи» Томбукту и хроника Кано умалчивают об этих событиях* (* **Хроники Томбукту упоминают о подчинении Кацины в 1513—1514 гг.; «Тарих ас-Судан» сообщает также о походе на Кацину в 1554 г.**). Кацина, а впоследствии и остальные хаусанские города вновь получили независимость в 1554 г., после победы при Карфате. Таковы исторические факты.

С ними тесно связаны такие явления, как временное объединение в борьбе за независимость против Сонгайской державы обычно враждовавших между собой городов-государств хауса, консолидация народности хауса и официальное применение ее самоназвания. Кроме того, есть все основания заключить, что многочисленные легенды о «настоящих» и «ненастоящих» государствах хауса возникли в период войн с государством Сонгай, а следовательно, должны быть датированы XVI в. Нет сомнений, эта оборонительная борьба представляла собой совместное выступление вовне, в основе которого лежало определенное феодальное чувство «национальной» общности. Но в последующие годы эта чувство общности весьма быстро снова уступило место партикуляризму городов-государств при номинальном признании верховной власти одного из них или соседнего Борну.

В XVII—XVIII вв. то одно, то другое государство хауса выдвигалось как узловой пункт караванной торговли, а следовательно, и как важный политический центр. После того как из-за распада государства Сонгай изменились маршруты караванов в Центральном Судане, в наиболее выгодном положении оказалась Кацина, цветущий центр торговли и мусульманской науки, но и ей пришлось отстаивать свои позиции в ожесточенной

борьбе с Кано за контроль над транссахарской торговлей. В XVIII в. выдвинулся и стал ведущей политической силой среди городов-государств хауса Гобир. Но единства между ними по-прежнему не было, и то и дело возникали конфликты.

1.5. Канем-Борну

Процесс формирования племенных союзов и развивавшихся на их основе централизованных государственных образований происходил очень рано и в районе озера Чад, древнем центре неолитической цивилизации. К югу от озера, в болотистой местности в междуречье Шари и Логоне, археологи раскопали интересные материалы периода позднего неолита, принадлежавшие народу сао. Сао оставили не одни только искусные изделия высокоразвитого гончарства и терракотовые фигурки, они умели обрабатывать высоко ценимые металлы — бронзу и медь. Каста кузнецов пользовалась у них большим почетом. Нет, однако, никаких указаний на то, что сао, населявшие с VIII по X в. южный и восточный берега озера Чад, достигли высоких форм общественной организации. Напротив, они очень рано стали жертвами набегов правителей Канема-Борну, и с XIII в. упоминания о них полностью исчезают из источников.

Район озера Чад в I тысячелетии н. э. был не только важным центром развития неолитической культуры. Здесь оседали многочисленные кочевые племена теда (тубу) и канури, здесь их родовая знать вела войны с соседними негроидными племенами и народами. В конце концов в VIII в. (?) правителям династии одного из племен теда удалось подчинить своей власти ряд одноязычных племен из области Тибести и родственные им народности с берегов озера Чад, говорившие на языке канури. Государство Канем с центром и столицей в Нджими находилось к востоку и северо-востоку от озера Чад.

В первые столетия после воцарения правящая династия Сефува укрепила свое положение, проводя политику экспансии и централизации власти. Одной из основ ее могущества было то, что она рано захватила контроль над торговлей с другими государствами и над караванными путями, ведущими на север через Феццан (Ливия), а на восток через оазисы Дарфура к Нилу и далее, до Сомали. Извлекавшиеся прибыли давали царской фамилии и знати значительные экономические преимущества. Во второй половине XI в. правитель Канема Хуме (1085—1097) принял ислам и тем укрепил внутреннее устройство своего государства. Он призвал ко двору многих мусульманских ученых. Его сын Дунама (1097—1150) (?) дважды предпринимал паломничество в Мекку, во время третьего путешествия в священный город он погиб перед высадкой на Аравийский полуостров. Ему приписывают введение конного войска, состоявшего первоначально из арабских воинов, а впоследствии из рабов.

Наибольших размеров древнее государство Канем достигло при май (с XII в. — титул правителя) Дунама Диббалами, правившем с 1221 по 1259 г. Чтобы подчинить себе движение караванов по великому транссахарскому пути, соединявшему озеро Чад с Триполи, правитель Канема вел нескончаемые войны за расширение сферы своего влияния. Располагая конным войском в 30 тысяч человек — это число, безусловно, несколько преувеличено в источниках, — царь Канема раздвинул границы своих владений на севере до Феццана, на юге до современного Дикоа (область расселения сао), на востоке до Вадаи, на западе до границ государств хауса. В это время существовали оживленные экономические и политические связи с Северной Африкой и Египтом. В 1257 г. царь послал подарки правителю Туниса, в том числе жирафу, — «от царя Канема и господина Борну». Посольство из Канема произвело в Тунисе большое впечатление.

В начале XIII в. государство Канем приобрело необычайно большое значение. В уже упоминавшемся каталанском атласе, представляющем очень большой интерес, на карте Судана наряду с царем Мелле, или Мали, изображен только правитель Канема. Один из лучших знатоков истории Канем-Борну, И. Юрвуа, заметил: «Сефува заботились

не только о военном могуществе своего государства. В средние века Канем воистину был средоточием цивилизации в Центральном Судане, как преемник Ганы — Мали в Западном Судане».

Во внутреннем социальном и политическом строе Канема много сходства с другими западносуданскими государствами. Правители главных провинций, часть которых передавала свой титул по наследству, на первых порах были в основном членами царской фамилии, т. е. царского рода. Трон передавался по мужской линии, хотя еще были живучи и пережитки материнского права. Царский совет (ногена) имел решающее слово в вопросах законодательства и управления. Рабский труд применялся в патриархальной форме — в домашнем хозяйстве, а также в специальных поселениях.

Уже при май Диббалами феодальные распри и сепаратизм аристократии, особенно же членов царского дома, подрывали внутреннее единство государства. Этому способствовали и центробежные тенденции и восстания некоторых племен теда и булала. Именно булала вынудили правящую династию (в XIV в. один за другим были убиты в разные годы четыре царя) покинуть в конце XIV в. собственно Канем, находящийся к северо-востоку от озера Чад, и обосноваться к западу от озера, в Каго. Теперь центром государства стало Борну, населенное в основном канури. Булала правили Канемом до конца XV в. Только Идрису II (1504—1526) удалось вернуть Канем и вновь включить в свои владения столицу Нджими.

Но на этом, втором этапе возвышения государства Канем-Борну резиденцией царей династии Сефува остался Борну. При Идрисе Алома (1571—1603) были восстановлены прежние границы государства, т. е. оно расширилось. Был покорен Аир, во временную зависимость попал хаусанский город Кано. Войска Канема-Борну заняли оазис Кавар на пути к Фецдану, имевший немаловажное значение благодаря богатым залежам соли и соды. Хроника и другие исторические источники изобилуют сообщениями о непрерывающихся восстаниях тубу и булала. Май Идрис и его преемники пытались подавить волнения, переселяя целые племена и принимая другие решительные меры. В XVII в. царю Борну платило дань и Багирми, хотя в это же время Дарфур в правление мусульманской династии Кейта добился независимости. В последующие столетия государство Канем-Борну, как и многие его соседи, переживало упадок, отмеченный внутрifeодальными междоусобицами.

1.6. Бенин и народы йоруба

Побережье Верхней Гвинеи, от Берега Слоновой Кости до устья Нигера, населяли народы (кру, эве, акан, йоруба, ибо), очень близко стоявшие друг к другу по языку и этническим особенностям. Об истории населенной ими территории, и в первую очередь Юго-Западной Нигерии, мы узнаем из устных преданий «придворной» историографии, из ценных материалов археологических раскопок, поразивших специалистов прекрасными произведениями искусства, а также из рассказов португальских и голландских путешественников, которые с конца XV в. сообщали интересные подробности быта и государственного устройства этих народов. Однако недостаток письменных источников чрезвычайно затрудняет детальную реконструкцию их истории.

В 1486 г. Аффонсу д'Авейру по приказу португальского короля предпринял торговую и исследовательскую экспедицию ко двору правителя Бенина — обы. К этому времени Бенин, подобно другим городам-государствам йоруба, существовал уже много веков. Первые португальские путешественники описывали большие корабли, вмещавшие около ста человек. Европейские купцы, которых манила торговля у побережий, с удивлением рассказывали о величине и красоте города, о богатстве его жителей, о впечатляющем придворном церемониале, о высоком развитии ремесел и искусства. Анонимный автор второй половины XVI в., подписавшийся инициалами Д. Р., в своем «Описании королевства Бенин» дает известное представление об этом центре

западноафриканской культуры: «Дома в этом городе стоят в большом порядке и построены один возле другого, так же, как дома в Голландии. В дома, в которых живут важные люди, знать или другие, надо подыматься на две-три ступени. Они имеют спереди галерею, где можно укрыться в дождь... Каждое утро галерею подметают рабы»⁸.

Голландский географ О. Даппер, живший в XVII в., также, сравнивал города Западной Африки с голландскими. Он оставил описание дворца правителя Бенина. Квадратный в плане, дворец не уступал размерами тогдашнему голландскому городу Харлему и был обнесен прочной стеной с воротами.

Однако прославили Бенин на весь мир ценнейшие памятники искусства. Экспедиции 1897 г. (во время которых английские колонизаторы разграбили дворцы и похитили ценные бронзы), исследования немецкого африканиста Лео Фробениуса, раскопки и случайные находки в стране йоруба, например во дворце они в Ифе в 1938—1939 гг., выявили большие коллекции и отдельные предметы из бронзы и латуни, а также прекрасные резные работы из слоновой кости в Бенине и соседнем Ифе. Они привлекли к себе самое пристальное внимание и вызвали множество гипотез и предположений. Стены дворца были украшены бронзовыми изображениями и рельефами знатных людей, военачальников, священнослужителей, богов и священных животных. Прекрасные бронзовые фигуры и головы членов царской фамилии, стилизованные изображения животных, в том числе змеи и петуха, выполненные из высококачественного литья, служили культовыми предметами и украшали так называемый алтарь предков во дворце правителя.

Большую известность получили и найденные Бэконом в 1897г. бронзовые доски. На более поздних из них запечатлены, иногда во весь рост, европейцы. Придворное искусство синтезировалось в культе предков с творчеством деревенских мастеров, которые в сельских общинах объединялись в касты резчиков и литейщиков. Неудивительно поэтому, что многие произведения, предназначенные прославлять правящую династию и ее предков, демонстрировать богатство и могущество царя, поражают своим «крестьянским» характером. Деревенские мастера работали чаще всего с деревом, глиной, терракотой, т. е. с быстро разрушающимися материалами, тогда как при дворе по приказанию обы и его чиновников создавали изделия в основном из бронзы, слоновой кости и терракоты.

Как и в творениях искусства долины Нок и прилегающей области, появившихся на свет приблизительно на тысячу лет раньше, дошедшие до нас произведения Бенина представляют собой стилизованные портретные изображения, доведенные почти до совершенства. В них подчеркнуты типические черты, индивидуальные же особенности играют второстепенную роль, они, даже если говорят о разнице в социальном положении, выявлены лишь во второстепенных деталях — в одежде, драгоценностях, раскраске тела и головных украшениях. Высококвалифицированные придворные резчики и литейщики владели искусством особого литья методом потерянного воска и достигли в нем высокого мастерства.

Датирование этих прекрасных по форме и богато украшенных отливок было иногда сопряжено с большими трудностями, но в некоторых случаях ясность внесли аналитические исследования с применением современных химико-физических методов. В настоящее время общепринята точка зрения, что преобладающая часть произведений искусства создана при дворах правителей Бенина и Ифе в XIII—XVII вв. Если верить устной традиции, Бенин заимствовал технику бронзового литья у Ифе. В первой половине XIII в. правитель Бенина Огуола якобы пригласил из Ифе, тогдашнего религиозного центра всех городов-государств йоруба, опытных литейщиков. На самом деле некоторые из прелестных терракотовых и бронзовых фигурок Ифе, а также бронзы Тады, Джеббы и Гираги или Игбо-Укву (ок. 900 г. н. э.) относятся к более раннему периоду.

Необходимые для бронзового литья металлы, в том числе медь, ввозили из очень отдаленных местностей, благо торговля с ними велась с глубокой древности. Добывали их, скорее всего, в копиях Северной Африки, в Южной Сахаре и в Дарфуре. Выявленные к настоящему времени предметы искусства из Ифе и Бенина, особенно бронзы, по совершенству технического выполнения не только превосходят соответствующие произведения самого Судана, но и не уступают по тщательности художественной обработки и качеству литья произведениям мастеров европейского Ренессанса.

После открытия этих прекрасных творений многие буржуазные ученые пытались приписать их чужеземным влияниям, отвергнуть их африканское происхождение. Не раз даже «доказывалось», что бронзы Бенина были изваяны в XV и XVI вв. португальцами. Их родиной объявляли Грецию, в них даже усматривали индуистские влияния. Широкий отклик получили оказавшиеся впоследствии совершенно необоснованными предположения Лео Фробениуса, будто цивилизация йоруба создана древними этрусками и представляла собой окраину легендарной Атлантиды на западном берегу Африки. Реальные результаты изучения подлинной истории народов Африки опровергли многие из этих теорий и гипотез, которые в период империалистических завоеваний и колониального господства пополнили арсенал расистских и колониально-апологетических аргументов. Что касается произведений Бенина и Ифе, то сейчас уже невозможно отрицать, что они — творение рук африканских мастеров.

Это не означает, что следует полностью отвергать наличие культурных контактов по старым торговым путям, достигавшим Средиземноморья, Египта, Нубии и Эфиопии. Еще ждут ответа многие вопросы, в частности о связях между отдельными центрами искусства в Южной Нигерии (у ибо) и в Береге Слоновой Кости, где издавна производилось золотое литье по методу потерянного воска. Но это никоим образом не подтверждает иноземного происхождения искусства Бенина и Ифе, глубоко негроидного по своему существу.

Государство Бенин основал, очевидно, в середине XII в. правитель Эвека, выходец из Ифе, религиозного центра йоруба. Территория Бенина соответствовала области расселения группы племен эдо, которых устные предания называют близкими родичами йоруба. Даже еще в начале XX в. голову каждого умершего обы Бенина хоронили в Ифе. Нигерийскому историку Дж. И. Эгхарезбе принадлежит заслуга реконструкции истории Бенина на основе перечня правителей и других преданий.

В более или менее самостоятельной роли Бенин выступает начиная с XII в., когда он выделился из союза городов-государств йоруба, но этому, несомненно, предшествовала борьба за власть между членами царских фамилий. Образование в Бенине государственных институтов повлекло за собой, как и в других городах-государствах йоруба, появление сложной системы титулов и связанных с ними прав и обязанностей и, конечно, отношений эксплуатации. В первой половине XIII в. Эведо ввел культ новых правителей, построил тюрьму, учредил много новых придворных должностей и упрочил свою власть по отношению к государственному совету. Его преемнику традиция приписывает строительство в XIII в. укрепленных стен вокруг Бенина и введение бронзового литья. Некоторые правители Бенина своими военными походами против соседних племен заслужили занесение в хроники. Так, к моменту появления на земле Бенина в конце XV в. первого португальского посла оба Озуола уже много лет воевал против эгба и заставил их платить дань. Над покоренными областями он ставил вождями и правителями своих сыновей.

Государственное устройство и все социально-экономические условия в Бенине убедительно свидетельствуют о наличии важных черт племенного строя. Это была, скорее, система управления свободными крестьянскими общинами в сельских местностях, сохранившая почти без изменений многие элементы древней сельской организации (роль старост и совета старейшин, формы коллективного и индивидуального культа предков). Деревенская община как коллектив также осталась неприкосновенной. Каждый городской

округ в союзе йоруба имел своего отдельного вождя, т. е. правителя. Как и в случае с городами-государствами хауса, легенды устанавливают династическую связь между всеми государственными образованиями йоруба.

Начиная с XI в. Ойо (Старый Ойо, или Катунга, к западу от Джеббы) считался политической столицей и резиденцией алафина, являвшегося общепризнанным верховным правителем. Напротив, они из Ифе выступал лишь как религиозный глава и хранитель священного меча; он короновал алафина. Ислам только в XIX в. распространился в некоторых северных областях. До этого времени он не мог поколебать влияние древней традиционной религии йоруба — культа предков с поразительно богатым пантеоном. Правители, однако, были объектами истового религиозного поклонения. Города-государства йоруба очень часто враждовали между собой и подчиняли одно другое. Примером могут служить Эгба и Ифе.

Власть алафина или отдельных оба была ограничена советом сановников. Эта служилая знать поддерживала тесный контакт с родовой аристократией через тайное религиозное общество. В то же время правители Бенина и всех других государств йоруба жаловали своим приближенным, правда без права передачи по наследству, титулы, привилегии и статьи дохода, пополняя таким образом правящую верхушку. Теоретически доступ к иерархической лестнице был открыт для всех, и это надолго задержало образование широкого слоя наследственной знати. Доходы правящей верхушки состояли преимущественно из податей и трудовых повинностей свободных крестьян и таможенных сборов и налогов с внутренней и внешней торговли и с ремесел.

Рассказы португальских и голландских путешественников XVI и XVII вв. об эксплуатации многочисленных рабов не могут быть безоговорочно отнесены к социальным условиям в Бенине и других государствах йоруба в XIII—XV вв. Появление здесь рабов вполне могло быть следствием основания европейских факторий, занимавшихся работорговлей, и их обратного воздействия на африканские государства. Хотя первые колониальные завоевания европейцев и основание колоний развязали процессы дифференциации и на первых порах правители Бенина извлекали выгоду из некоторых торговых сделок, именно с XVI в. город-государство Бенин начинает клониться к упадку, типичному для этого периода.

Почти одновременно с образованием Бенина и других городов-государств йоруба вдоль побережья Западной Африки и до самого устья Конго возникали центры объединений племен, находившихся на поздней стадии родового общества.

1.7. «Королевство» Конго

Историю государства Конго можно проследить начиная с XIV в., но особенно хорошо известен период после проникновения на его территорию португальцев, т. е. после XVI в. Это относится и к лежавшим дальше на юго-восток «царствам» народов луба и лунда в верхнем течении Касаи.

Когда в 1484 г. Диогу Кан, первый европеец в этих местах, прибыл с официальным поручением в широкое устье Конго, он очень скоро узнал, что большая территория вокруг подвластна одному великому правителю — маниконго. Ко времени появления португальцев этот непрочный племенной союз, только еще вступающий в стадию государственности, занимал внушительную площадь и объединял ряд бантуязычных племен от побережья близ устья Конго до реки Кванго в глубине материка. Правителю Конго, или маниконго, были подвластны владения вождей Нгойо, Каконго и Лоанго, вплоть до современного Габона, находящегося в 600 километрах к северу от устья Конго. К югу от Кванзы власти маниконго покорился и верховный вождь Ндонго (Ангола). По устной традиции, впервые преобладания над другими вождями добился в XIV в. вождь маленького племени Ньими-а-Лукени, Выдавая себя за высшего жреца и представителя культа предков на земле — титул «мани» буквально означает именно это, — он установил

систему данничества и зависимости, которая обеспечивала привилегии маниконго и племенной аристократии народности баконго.

С XV в. на коренной территории Конго государственное управление осуществлялось по территориальному принципу. Было выделено шесть главных провинций, они, в свою очередь, делились на округа. Из сообщений, относящихся к более позднему периоду, следует, что в Конго совершался торжественный церемониал введения сановников и придворных во власть над провинциями и районами, с которых они взимали налоги. Права эти могли быть в любой момент отменены и вначале далеко не всегда передавались по наследству. Аналогичный ритуал пожалования лена соблюдался и в Западной Европе.

Однако первоначально в государстве Конго, безусловно, производилось только утверждение в «должности» бывшей племенной и родовой аристократии. Маниконго получал значительные доходы от таможенных сборов с процветавшей еще перед приходом португальцев торговли с побережьем, от натуральных податей, рыболовства, охоты, земледелия в сельских общинах и трудовой повинности на строительстве царских дворцов, улиц, дорог и т. д. Столицей государства был Мбанза-Конго, впоследствии получивший название Сан-Сальвадор. В это время добыча железа и меди и производство из этих металлов орудий труда, оружия, украшений достигли наивысшего развития. Железную руду добывали открытым способом с применением примитивных средств, железо выплавляли в конусообразных печах. Из него делали топоры, молотки, ножи, цепи, копья, боевые секиры, мечи и даже искусно украшенные браслеты. Из волокон рафии ткали ткани.

С утверждением влияния португальцев в государстве Конго его история пошла по иному пути.

2. История Восточной Африки

2.1. Эфиопия

1270 год ознаменовал начало новой эры в истории эфиопского государства, которая лучше предыдущей освещена в хрониках и документах: к власти пришел Йекуно Амлак, первый из династии, которая, храня преемственность по отношению к правящему дому Аксума, претендовала на происхождение от Менелика, сына Соломона и царицы Савской * (* **Дело было не столько в преемственности, как таковой, сколько в стремлении представить законным и оправдать переворот, в результате которого Йекуно Амлак пришел к власти, свергнув последнего государя из династии Загве.**). В историографии и преданиях это событие получило название реставрации Соломоновой династии. Действительно, с конца XIII в. укрепляется центральная власть, создается аппарат внутреннего управления, благодаря систематическим воинским наборам удается покорить соседние племена.

Хотя Йекуно Амлак (1270—1285) короновался в Аксуме как «царь царей», он перенес центр своего государства в провинцию Шоа. Подобно всем другим правителям раннефеодальных государств, например европейским Каролингам, эфиопские цари и впредь часто меняли местонахождение своей резиденции и только в XVII в. окончательно обосновались в Гондэре, к северу от озера Тана. До этого же двор со всеми сановниками, военачальниками и церковными прелатами часто переезжал с места на место. В стране с труднопроходимыми горными дорогами это была единственная возможность утвердить верховную власть и вершить высший суд в отдельных провинциях, а главное — и самое сложное — добиться поступления налогов и податей и выполнения трудовой повинности. В источниках, относящихся к этому времени, упоминаются пять провинций — Тигре, Амхара, Ласта, Годжам и Шоа, — которые составляли ядро средневековой Эфиопии. Она

занимала, несмотря на проводимую негусами политику экспансии, лишь половину территории современной Эфиопии, за пределы которой в конце XIX в. вышел Менелик.

В XIV и XV вв. ускоренными темпами происходило объединение и укрепление центральной власти на основе упрочения позиций христианской монофизитской церкви. Эти меры были вызваны сепаратизмом данников негуса — вассальных племен и ранне-мусульманских султанатов на восточной границе провинции Шоа (Ифат, Харэр, Адаль, или Зейла). Мусульманские княжества богатели на торговле с Аравийским полуостровом и даже с Индией за счет доступа к морю и в силу своего экономического превосходства очень скоро стали тяготиться политической зависимостью от христианских правителей Эфиопии, с главными провинциями которой их связывали лишь незначительные экономические интересы.

В начале XIV в. султану Ифата Хак эд-Дину удалось освободиться от господства Эфиопии. Султанат Адаль-Харэр также пытался в вековой борьбе, шедшей с переменным успехом, разбить войска негуса и завладеть эфиопскими землями, но в XV в. центральной власти еще удавалось остановить это наступление. Зара Якоб (1434—1468) даже приглашал в Эфиопию мусульманских купцов, желая оживить торговлю с районом Красного моря. Но уже при его преемнике прежде победоносные войска негуса потерпели поражение в Данакильской пустыне.

Тем временем в важный хозяйственный и культурный центр превратилась область Харэр. К нападению на Эфиопию готовился и султанат Адаль. В 1527 г. его султан Ахмед Грань (Левша) захватил все восточные и центральные провинции Эфиопии, разрушил Аксум и Годжам и уничтожил царскую семью. Негус Давид II со свитой был вынужден отступить в горы. Фоном для этих событий послужило усиление Турции. В 1517 г. ее провинцией стал Египет; турецкие войска очень быстро продвинулись до побережья Красного моря и установили контроль над Зейлой и Массауа. Остальным мусульманским княжествам и эмиратам на Красном море Турция поставляла огнестрельное оружие и военных инструкторов и всячески подстрекала их к войне против Эфиопии. Но в конце концов заново организованные эфиопские войска и призванные им на помощь подразделения португальцев разбили Ахмеда Граня. Тем не менее прибрежные эмираты подпали под власть турок. Лишившись самостоятельности, они утратили какое бы то ни было значение.

В период относительной стабилизации центральной власти в Эфиопии в XIII—XV вв. очень усилилось монашество. Основанные в это время монастыри не только были центрами культурной жизни, но и укреплялись экономически. Необычайно многочисленное и сильно разветвленное эфиопское духовенство стало одним из могущественнейших землевладельцев и получило в собственность третью часть всех обрабатываемых площадей. С этими землями и огромными доменами негуса и светской знати была связана система всемерного внеэкономического принуждения, усиленная в этот период введением сложных юридических норм, в соответствии с которыми оседлое крестьянское население обязывалось нести барщину, военную службу, облагалось натуральными поставками и прочими налогами. Кроме того, во многих областях экономики военнопленные по-прежнему применялись в качестве рабов для возведения роскошных зданий, обелисков, церквей. «Цари-реформаторы» Амда Сион (1314—1344) и Зара Якоб усиливали влияние духовенства и поощряли историографию, служившую возвеличению правящей Соломоновой династии и аристократии. При Амда Сионе в монастыре Дабра-Либанос была составлена «Фетха Нагаст», хроника легенд во славу царского дома.

Другие монастыри переводили труды коптов по истории иудеев и христиан. Эта литература представляет для нас особый интерес, так как некоторые работы, например «Всемирная история» Иоанна Никиусского, написанная в VII в., «История евреев» Иосифа бен Гуриона, сохранились только в гезском варианте. Упомянутый неоднократно император Зара Якоб, один из наиболее выдающихся эфиопских правителей, в середине XV в. сам написал пособия по теологии и христианской морали, где трактовал вопросы

определения причастия и разграничения христианских и языческих обычаев. Видя, что Эфиопию окружают мусульманские султанаты и государства, он стремился установить связи с папой римским. В 1439 г. делегация эфиопской церкви, еще признававшей тогда верховенство каирского патриарха* (* Эфиопская церковь признавала главенство коптского патриарха в Каире до 1959 г.), приняла непосредственное участие во Флорентийском соборе.

Зара Якоб вошел в контакт также с королем Португалии, и в результате в 1490 г. португальское посольство во главе с Педру Ковильяном совершило сложное путешествие в Аден, а оттуда на арабских судах добралось до противоположного берега и предстало перед императором Эфиопии Александром. Готовясь предпринять поиски морского пути в Индию, португальцы вняли просьбам эфиопских правителей о помощи в борьбе против усиливавшихся турок и наступавших прибрежных султанатов. Они усмотрели в этом благоприятную возможность мирным путем и без особых усилий захватить огромную добычу и надежный опорный пункт. В 1541 г. в красноморский порт Массауа вошла португальская эскадра под командованием племянника Васко да Гамы. На ее кораблях находилось 400 португальских солдат. Прежде всего они атаковали грозного султана Адаля, захватившего значительную часть территории Эфиопии, но потерпели поражение. Только несколько лет спустя объединенным силам португальцев и эфиопов удалось одержать победу в этой войне. Однако после реставрации Соломоновой династии Португалия не смогла достигнуть своей цели и оказывала на Эфиопию лишь косвенное влияние, в том числе через иезуитов.

Хотя формально Эфиопии удалось отстоять свой суверенитет, в последующие века ее раздирали усиливавшиеся внутренние раздоры и распри влиятельных правителей и высшей знати. К началу XIX в. центральной власти по сути дела уже не было, ибо провинции Тигре, Амхара, Шоа, Годжам и другие стали самостоятельными княжествами. Распаду средневекового эфиопского государства с конца XV в. немало способствовали набеги и завоевания кочевых племен галла, которые в конечном счете захватили весь юг Эфиопского плоскогорья, образовав выдававшийся на север до озера Ашанге анклав. В этническом составе населения над амхара численно возобладали галла, которые в это время лишь частично переходили к земледелию и только начинали образовывать первые племенные союзы. Серьезным препятствием на пути развития Эфиопии были, кроме того, ее изолированное положение и удаленность от центров заморской торговли, находившихся на побережье Красного моря.

2.2. Зимбабве — государство Мвене Мутана

На остальной территории Восточной и Юго-Восточной Африки многие племена и народы к концу I тысячелетия н. э. в процессе общественного развития также достигли границы между родовым обществом и раннегосударственными формами организации. От этого периода остались прекрасные творения из камня, железные орудия, керамика и разнообразные золотые украшения.

Хинтерланд «зенджа» (так многие арабские путешественники называли в своих сообщениях побережье; слово это до сих пор звучит в наименовании «Занзибар») — Кения, Танзания, Уганда — продолжал развитие великих традиций африканского палеолита и неолита. Здесь на протяжении последующих столетий развивались цивилизации железного века и складывались их центры. Для этого этапа равно типичны как огромные земляные валы Биго в Уганде, так и многочисленные каменные поселения, окруженные террасами и толстыми стенами. На границе Танзании и Кении археологи обнаружили руины большого поселения и стершиеся следы старых террас.

Один из специалистов по древнейшей и древней истории Африки писал по этому поводу: «Я полагаю, что город насчитывал 6300 домов на галечных склонах возвышенностей и свыше 500 — в долинах, где погребений было еще больше».

Численность населения «колебалась, возможно, между тридцатью и сорока тысячами человек, но я даже допускаю, что это преуменьшение». Здесь еще многое по сей день остается загадкой, о многом мы можем лишь строить предположения. Точно не установлен, например, возраст развалин в Энгаруке, мало что известно о его жителях, но высокий уровень культуры тогдашнего населения не вызывает сомнений. О нем свидетельствуют не только руины Энгаруки, но и другие многочисленные развалины монументальных каменных строений, очень рационально разбитые террасы, оросительные сооружения, улицы, кузницы, рудники, а также впечатляющие на скальных рисунки.

Богатый археологический материал (жернова, шлаки, разбитые литейные формы и т. д.) позволяет заключить, что в этой местности жило оседлое население, занимавшееся земледелием. Жители строили на склонах холмов террасы для орошения, с большим мастерством изготавливали железные орудия, успешно занимались сельским хозяйством. В этих поселениях, появившихся около 700 г. н. э., несомненно, был постоянный излишек продуктов питания. Большое развитие получили ремесла, в частности очень рано привилегированное место в обществе заняла каста кузнецов.

Однако в этот период земледельческое население Восточной Африки в целом, по-видимому, еще не вышло за пределы родового общества и племенной организации. Действовала система кровного родства, с которой была вынуждена считаться родоплеменная знать. Только после того как начавшееся с XIV в. продвижение с севера и северо-востока кочевых скотоводческих племен и выделение в восточноафриканском Межозерье правящей верхушки вызвали сложные социальные процессы расслоения и перемешивания общества, в недрах консолидировавшегося на протяжении многих веков родового строя ускорились процессы экономической и социальной дифференциации и образования государств. Крупные государства сложились в Межозерье в XVIII — начале XIX в., но им предшествовали ранние государственные объединения, одним из которых была «империя» Китара-Буньоро на территории Уганды (см. гл. IV, 2.2).

Хотя до сих пор не обнаружено свидетельств торговых контактов и связей поздненеолитических селений восточноафриканского хинтерланда с побережьем, именно такие связи при равных условиях развития в Зимбабве, Мозамбике и других районах к югу от Замбези, по-видимому, послужили стимулом к появлению более высоких форм общественного устройства.

О них говорят мощные стены археологического комплекса Зимбабве, очень крупные остатки рассеянных на большом пространстве монументов того же периода, стоящая на холме резиденция Мапунгубве в Северном Трансваале (Южно-Африканская Республика). На территории от берега Индийского океана до центральных областей Зимбабве найдено более 300 руин каменных строений. Здесь же обнаружены тысячи выработанных месторождений золота, меди, железной руды, цинка. До бесконечности, кажется, тянутся следы террасных полей, оросительных каналов, каменные развалины поселений и кладбищ. Тут раскопан и колодец, пробитый в скале на глубину 12 метров. Это все немые свидетели давно погибшей высокоразвитой культуры. Европейцы, видевшие «акрополь» (так они называли крепость на горе), «храм», огромное, искусно построенное здание в виде эллипса, стоявшее в долине, террасные сооружения вокруг, не могли и не хотели поверить, что это творение рук предков народа шона, тех самых насельников этой местности, которые продолжают вести кочевой образ жизни и заниматься примитивным земледелием.

Португальский историк Ж. де Барруш писал в 1552 г., ссылаясь на известия других исследователей: «В центре страны (Бена-метапа) стоит квадратная (?) крепость, каменная внутри и снаружи, сложенная из камней поразительной величины, по-видимому, без применения извести... Это здание почти со всех сторон окружено холмами, на которых стоят другие строения, сходные с крепостью обработкой камня и отсутствием извести, и одно из них представляет башню высотой более двенадцати саженьей»⁹. Это сообщение

было забыто к тому времени, когда исследователи, предпринимавшие путешествия в связи с началом колониальных захватов, и среди них Карл Маух, в 1872 г. обследовали район Зимбабве.

Маух энергично оспаривал африканское происхождение этих построек и видел в них копии храма царя Соломона и дворцов царицы Савской в Йемене. Другие апологеты колониализма, например авторы «финикийской легенды», пытались доказать все что угодно, но только не исторические факты и культурные достижения Африки, являющиеся естественным следствием ее общественного развития. Еще и сегодня [в 1976 г.] режимы Южной Родезии (Зимбабве) и Южной Африки и их идеологические пособники открыто и официально приписывают этой культуре чужеземное происхождение, хотя в результате усиленных изысканий последних 40 лет археологи и историки с полным основанием пришли к противоположным выводам. Можно не сомневаться, однако, что история вынесет свой приговор и угнетенные народы Зимбабве и ЮАР, сбросив господство расового меньшинства, получат возможность вновь открыть важные традиции своего исторического развития.

Ученые-марксисты и прогрессивные буржуазные исследователи никогда не оспаривали автохтонное происхождение Зимбабве, в чем их убеждали найденные археологические материалы. Между находками из Мапунгубве к югу от реки Лимпопо — остатками костяков, прекрасными золотыми бусами (около 1200 штук), наручными браслетами и обручами, осколками тончайших золотых пластинок и безделушек — и создававшимися на этой территории с I тысячелетия н. э. земледельческими культурами, знавшими железные орудия труда и оружие, а главное — высокоразвитое художественное ремесло, прослеживается столь тесная связь, что нельзя не видеть в них творения местных жителей негроидной расы.

Правда, наука до сих пор не может дать исчерпывающих сведений об умелых строителях монументальных каменных зданий, о людях, в них живших, и их социальных отношениях, о тех, кто трудился в рудниках и мастерских. Знаменитые каменные строения Большого Зимбабве на протяжении многих веков явно служили резиденцией правителя и центром государства Мвене Мутапа (Мономотапа) — «Господина рудников». Титул правителя был искажен арабскими и португальскими авторами, и к тому же они перенесли это наименование на все государство. Местные письменные документы пока не найдены, но в отдельных сообщениях арабов в период X — начала XVI в. при описании прибрежных городов упоминаются «поставщики» важнейших товаров для заморской торговли: золота, слоновой кости, железных и медных пластин и др. После того как португальцы около 1500 г. установили власть сначала над городом Софала, а затем над городами Сена и Тете на Замбези (Мозамбик), сложились архивы, документы которых иногда представляют большой интерес. Они дают необходимые подтверждения богатому археологическому материалу.

Первые большие каменные сооружения Зимбабве были построены бантуязычными народами шона. Увлекаемые, вероятно, большими переселениями народов, они из области Центрального Конго (Заир) пришли в район Замбези, продвинулись к Замбии и Зимбабве и здесь смешались с местным населением. В XIII и XIV вв. они начали возводить на равнинах величественные здания. Шона же основали опорные пункты на юге, например в Мапунгубве, к югу от слияния рек Лимпопо и Шаши. На пороге XV в. коренные насельники Мапунгубве подчинялись аристократии шона. Однако, как показывают галечный и «зольный» слои периодов I и II Большого Зимбабве, еще до монументальных строений правителей шона в Зимбабве дома строили более ранние обитатели этой местности. Последними исследованиями выявлена нижняя граница культурного слоя в Зимбабве, более ранняя, чем считавшиеся ею следы поселения VIII—IX вв.

Это не было неожиданностью, ибо на северо-востоке (Машо-наленд), в Ботсване и Трансваале археологи открыли железные орудия и керамику, которые датируются — для центров Зива и Го-комере — еще последними веками до нашей эры. Следовательно, в

Южной и Центральной Африке в I тысячелетии н. э. уже должны были происходить различные процессы, вызванные развитием и совершенствованием горного дела, гончарства, производства орудий труда и оружия и, что не менее важно, всей хозяйственной деятельности, имевшей своей целью увеличение производства продуктов питания и рост скотоводства. Эти процессы, в свою очередь, ускорили разделение труда. И, конечно, развитие всех этих отраслей экономики было теснейшим образом связано с расцветом прибрежной торговли.

Во второй половине XV в. государство Мвене Мутапа очень окрепло и стабилизировалось. Ветвь племени шона—розви с 1425г. подчинила своей политической власти другие племена шона и основала новую династию. Мутота и его преемник Матопе совершали большие военные походы, покорили Данде и распространили власть мутапы на севере до Замбези, на юге до Лимпопо, на западе до пустыни Калахари, на востоке в некоторых местах до хинтерланда, непосредственно примыкавшего к побережью Мозамбика. В этом раннефеодальном государственном образовании основу центральной власти составлял прямой контроль над главными провинциями, ключевыми позициями в торговле и горнодобывающей промышленности, а также религиозный культ предков, обожествлявший правителя.

Мвене мутапа был высшим религиозным авторитетом. После смерти ему, подобно всем его предкам, было уготовано место в сонме богов. Правитель и его двор строго блюли сложный церемониал. Мвене мутапа обычно восседал на богато украшенном троне за занавесом; чиновникам, знатым вельможам, вассалам и прочим лицам разрешалось приближаться к нему только на коленях. Предметом особого почитания, имевшего глубокий символический смысл, был царский огонь. Его возжигали на священных местах во дворе правителя и поддерживали жрецы и члены касты кузнецов. Вассальные вожди в знак верноподданнических чувств и признания верховной власти мутапы заимствовали «священный огонь» для своих резиденций в провинциях. Вожди подвластных племен ежегодно платили мутапе дань слоновой костью, золотом, рабами и скотом. В главных провинциях, где правили сыновья и племянники мутапы, близкие к нему вельможи и придворные, система дани и подношений получила еще большее развитие.

И все же львиную долю царских доходов приносила торговля. Централизованная власть шона-розви не только извлекала большие прибыли в виде налогов и таможенных сборов со всей торговли с побережьем и с производства железа и меди, над которыми она установила контроль, но и, выступая в роли «защитника» торговых дорог, укрепляла свои политические позиции и власть над аристократией своих и соседних племен. Следует учесть, что период XII—XV вв. был эпохой расцвета арабо-суахилийских городов-государств на основе широкого развития внутриафриканской и заморской торговли на восточном побережье Африки (об этом пойдет речь в следующем разделе).

Внутренние районы Центральной Африки поставляли в первую очередь золото, слоновую кость, железные и медные пластины, шкуры леопарда, а в последующие века и рабов. В обмен мусульманские посредники ввозили во внутренние области хлопчатобумажные и шелковые ткани и предметы роскоши, очень дорогие из-за дальности перевозок и высоких таможенных пошлин на побережье. Особенно ценились красный жемчуг из Индии и прекрасный светящийся китайский фарфор. В Зимбабве найдены осколки китайского фарфора XIII—XV вв. и стеклянных сосудов арабского и персидского производства XIII в. Главные торговые пути начинались в Софале и Килве. Уже в X в. ал-Масуди, имея в виду самый южный порт, построенный арабскими купцами для нужд экспорта, сказал: «Софала золотая».

В конце XV в. государство Мвене Мутапа, подобно другим образованиям такого рода, распалось на несколько почти независимых территорий. Его единство было подорвано соперничеством между членами правящей династии розви, в частности из-за исключительных торговых привилегий. Вскоре северная провинция, являвшаяся коренной частью бывшего государства и еще хранившая верность мутапе, утратила свое значение.

На юге, близ Зимбабве, усилилась династия Чангамире. Захват португальцами с начала XVI в. колоний на побережье принес существенные изменения и областям в глубине материка.

2.3. Главные торговые города на побережье Восточной Африки

Арабские путешественники и купцы очень рано сообщают о торговых поселениях на восточноафриканском берегу. Уже в VIII и IX вв. в местности между Могадишо и Софалой были основаны арабские торговые конторы и фактории. Маленькие колонии давно сложились в Унгуджа-Укуу на Занзибаре. Торговля между Аравийским полуостровом и восточноафриканским побережьем процветала и в домусульманский период, но начиная с VII в. ее объем увеличился еще больше. В связи с перипетиями политической борьбы с VII в. в южную часть восточноафриканского побережья переселялись не только арабские купцы, но и целые роды со своими старейшинами. Религиозные расколы и феодально-династические распри также заставляли арабских эмигрантов устремляться на ближайшее к ним побережье Африки. Так, с 740 г. в окрестностях Могадишо поселились последователи зайдитов * (* **Зайдиты — одна из шиитских сект в исламе.**) из Йемена.

Начиная с XII в. уже на всем побережье Восточной Африки выросли крупные торговые центры и города-государства, обнесенные каменными стенами. Только часть из них возникла на базе маленьких арабских факторий, да и то эту связь можно проследить не всегда. Важнейшие торговые города — Могадишо, Пате, Малинди, Момбаса, Занзибар, Ламу, Килва, Софала и те, что разбросаны на многочисленных мелких островках, — обязаны своим происхождением не столько поселениям арабских, персидских и даже индийских купцов и воцарениям чужеземных династий, сколько социальным процессам среди бантуязычного населения прибрежной полосы Африки. В XIII и XIV вв. на фоне расширения внешней торговли происходили важные социально-экономические и культурные изменения, которые повлекли за собой формирование мусульманских по религии, но бесспорно африканских по существу торговых империй и государственных образований.

Имеющиеся в нашем распоряжении арабские и раннепортугальские источники не оставляют сомнений в том, что большинство населения, причем во всех его слоях, составляли африканцы и что они создали собственный язык — суахили (т. е. «прибрежный») и собственную культуру (культуру «зинджей»), В этих городах арабские, персидские и индийские купцы, обычно происходившие из знатных фамилий, осев на постоянное жительство, ассимилировались с местной знатью и образовали единую верхушку населения, говорившую на суахили. Ее стараниями в XIII—XIV вв. ислам стал государственной религией. Арабским путешественникам и географам ал-Масуди (947 г.), ал-Идриси (XII в.) и другим арабским авторам X—XII вв. было хорошо известно, что в населении прибрежных районов преобладают зинджи — негры.

Когда в 1331 г. Ибн Баттута посетил Килву, он отозвался о ней как об одном из самых прекрасных из виденных им городов, хорошо распланированном и красиво построенном. Большинство его жителей были зинджи с очень черной кожей, лица их покрывала татуировка. Последние археологические раскопки особенно убедительно опровергают мифы о персидском (ширази) и арабском происхождении суахилийских городов. Хотя торговые контакты несомненно оказывали глубокое влияние на общественное развитие городов-государств восточного побережья Африки, это никоим образом не дает права отрицать их негроидно-африканский характер (равно как и значительных государств и городов-государств западноафриканского побережья в это же время).

После многих лет серьезных археологических исследований Дж. Мэтью был вынужден признать ошибочность своего первоначального тезиса, будто исследованные им руины — остатки арабских или персидских колоний на побережье. Он привел хорошо

аргументированные доказательства того, что история этих городов-государств является историей африканской культуры, которая постепенно исламизировалась: «Но и став мусульманской, эта культура оставалась негритянской». Даже архитектура побережья, сильно подверженная культурным влияниям извне, представляла собой, по его мнению, ярко выраженный вариант средневековой мусульманской культуры. Так были опровергнуты вековые легенды, распространявшиеся местными городскими хрониками. Ибо, как и в других странах, африканские правители, мыслившие космополитически благодаря широким торговым и культурным контактам, охотно использовали в своих интересах миф о нездешнем, божественном происхождении их власти и искали подтверждения своего господства в арабско-персидской традиции.

Восточноафриканские города-государства XIII—XV вв. стали центрами, исходными точками и очагами оригинальной суахильской культуры, прославившейся своим высокоразвитым языком и созданными на нем многочисленными литературными произведениями, равно как и историческими хрониками. Начиная с XVI в. все надписи делались на суахили. На этом языке местные поэты складывали утонченные лирические стихи и эпические поэмы и записывали их собственным письмом, созданным на основе арабской письменности. Кроме того, история некоторых городов-государств запечатлена в местных хрониках, преимущественно на суахили. Только немногие из них составлены, как встарь, на арабском языке. Наибольший интерес представляют написанная в 1520 г., еще по-арабски, хроника Килвы и относящиеся к более позднему времени хроники Пате и Ламу, сохранившиеся в различных вариантах на суахили. История Момбасы, также написанная на суахили, дошла в английском переводе. Килва, важный торговый пункт на восточноафриканском побережье, многие века занимала первенствующее положение среди соседних городов, поэтому ее хроника дает возможность создать представление о всех них. Археологические раскопки дополнили это представление недостающими в цепи звеньями и интересными данными об экономике и культуре.

При раскопках в Килве, Геди, Занджи-я-Като близ Килвы, в Куа, на коралловом острове Сонго-Мнара и во многих других прибрежных районах найдены остатки великолепных мечетей, гробниц, каменных дворцов, монеты арабской, персидской и местной чеканки, множество глазурованных каменных изделий, черепки китайского фарфора от позднесунского периода до раннего периода Мин (ок. 1127—1450), украшения и предметы роскоши из Индии и стран Персидского залива. Находки говорят о том, что с развитием судостроения и навигационной техники, а также благодаря использованию благоприятных течений и ветров установились очень тесные торговые отношения этого района побережья с северо-западной частью Индийского океана и — через Малаккский пролив — с китайской провинцией Кантон. Прибрежные города Восточной Африки служили перевалочными пунктами в морской торговле, сюда же сходились нити всех посреднических (в прямом смысле этого слова) операций в глубине материка.

Как уже было показано на примере государства Мвене Мутапа, торговля на побережье и посреднические операции между ним, с одной стороны, и племенами и сферами влияния государств в глубинных районах Центральной и Южной Африки — с другой, были сосредоточены в руках арабо-суахильского купечества. Барбоса* (* **Дуарти Барбоса — португальский моряк, спутник Магеллана в его кругосветном путешествии, погибший вместе с Магелланом в 1521 г. Оставил описание своих плаваний, содержащее богатую информацию о восточном и красно-морском побережьях Африки.**), который наблюдал внутриафриканскую торговлю, когда она еще не была подорвана португальскими завоевателями, рассказывает: «На маленьких судах — „самбуках" они приходили из королевств Килва, Момбаса и Малинди в Софалу и доставляли большое количество хлопчатобумажных платков — разноцветных, белых, синих, а иногда и из шелка, и множество маленьких бус серого, красного и желтого цвета. Все эти вещи привозили в названные королевства из больших индийских государств Камбея другие суда большего размера». Морская торговля осуществлялась в основном на судах арабов и

персов, ее маршруты вели через южные порты Аравийского полуострова, в том числе через Аден, и Персидского залива в Индию, Индонезию (Ява, Суматра) и Китай.

С XV в. в торговле участвовали китайские флотилии. Численность их команд и пассажиров в иных случаях достигала 30 тысяч человек. В 1417—1418 гг. высокопоставленный чиновник императорского двора адмирал Чжэн Хэ, сопровождаемый огромным флотом, нанес ответный визит в Малинди на побережье современной Кении. Но это был исключительный случай: китайские суда редко бросали якорь у восточных берегов Африки. Китайские товары поступали на рынки Восточной Африки из портов Южной Индии, куда издавна заходили китайские суда и купцы из района Персидского залива и из других промежуточных пунктов. Города восточноафриканского побережья вывозили добывавшиеся во внутренних областях материка золото, железо и медь в виде брусков, слоновую кость, шкуры животных. В начальный период рабы занимали в товарообороте второстепенное место; лишь после того как в XVI в. в Африке появились португальские работоторговцы и возник спрос на рабов, этот товар стал цениться больше. Этому способствовало вторжение маскатских арабов и установление их господства в XVIII в. На побережье и в его хинтерланде наиболее популярными из ввозившихся товаров были хлопчатобумажные и шелковые ткани, стеклянные товары, бусы, благовония, фарфор, изделия из золота и серебра.

Благосостояние арабо-суахильской верхушки приморских городов зиждилось прежде всего на доходах от торговли. Знатные люди либо сами, либо через посредников деятельно занимались коммерцией и богатели за счет приносимых ею барышей. Многие из них, будучи чинами различных органов административного аппарата, получали прямым или косвенным путем свою долю прибылей с таможенных сборов и налогов на ввоз и вывоз товаров. Например, за вывоз золотых брусков стоимостью 1 тысяча мискалей таможенные власти взимали 50 мискалей. Наряду с твердо установленной пошлиной султаны приморских городов-государств часто облагали товары дополнительными сборами.

Напротив, взимание налогов с жителей городов и с окрестных сельских общин, занимавшихся рыболовством, земледелием и огородничеством, приносило правящей верхушке весьма ограниченные доходы. Судя по сообщениям, существовал институт домашнего рабства и множество рабов использовалось в качестве слуг, надзирателей и других служащих, но о применении рабского труда в производстве источники не упоминают. Только один неизвестный португалец писал в начале XVI в. о плантациях вокруг города Килва, обрабатываемых черными рабами. Лишь начиная с XVII—XVIII вв., когда власть арабско-маскатских династий распространилась на побережье и Занзибар, применение труда рабов и лично зависимых людей в имениях аристократии (на суахили — «машамба» * (* Слово «шамба» (мн. число — «машамба») обозначает на языке суахили вообще поле или любой возделанный участок земли; значение «имение» лишь вторичное.)) увеличилось.

Обработка меди и железа, в частности для производства сельскохозяйственного инвентаря, наконечников для стрел, ножей, иголок, достигла сравнительно высокого уровня, но тем не менее на развитие общества суахили ремесло не оказало сколько-нибудь существенного влияния: оно не было органически связано с внешней торговлей.

О политическом и государственном устройстве этих городов в период XII—XV вв. нам известно мало. В некоторых семьях сан правителя передавался по наследству, но это определялось правовыми нормами суахили, а не велением Корана. Правители неизменно стремились утвердить свою власть над племенами глубинных районов: без этого нельзя было обеспечить безопасность передвижения и торговли.

Необходимо подчеркнуть, что города восточного побережья никогда не объединялись в единый федеративный союз, пусть даже непрочный, хотя периодически то один, то другой город возвышался и занимал более или менее ведущее положение: в XIII в. — Килва, в XIV в. — Пате, в XV в. — Занзибар.

Когда в конце XV в. на побережье Восточной Африки появились первые португальские завоеватели, они еще нашли цветущие центры торговли, чьи богатства и доходы разожгли их аппетиты. Пытаясь их удовлетворить, они варварски разрушили приморские города и захватили в свои руки торговые связи. Тем самым был положен конец существованию городов-государств Восточной Африки и их культуры. Выразительную картину рисует Б. Дэвидсон: «Приморские города Африки по красоте и удобствам не отличались от большинства приморских городов Европы или Индии. Так же гордо стояли они на берегу сверкающего океана, так же высоки были их дома, так же прочны стены, так же вымощены камнем были их набережные. Вершины холмов были застроены крепостями и дворцами. Казалось, города эти достаточно сильны, чтобы сохраниться навечно. И тем не менее от них ничего не осталось. Почти все они исчезли с лица земли. Лишь немногие ученые знают сейчас об их существовании. Их руины, затерянные в прибрежных джунглях или среди пустынных холмов, — лишь предмет загадок для любителей древности»¹⁰.

3. Социально-экономический строй государственных образований к югу от Сахары

В доколониальную эпоху, закончившуюся в разных областях в разное время, в пределах периода от португальских захватов, т. е. от XV—XVI вв., и до территориального раздела Африки империалистами в XX в., многие ее народы достигли относительно высокой ступени развития, не уступая в этом жителям других регионов. К югу от Сахары тогда сложилось много значительных государственных объединений. Их первый взлет приходится на XIII—XVI вв. Следующим этапом, как говорится ниже (глава IV, 2), явилось возникновение в XVIII и начале XIX в. в глубинных районах Африки ряда новых государственных образований. По уровню материального производства, общественной и государственной организации, развития культуры они имели много общего и по существу, и по форме с ранними государствами эпохи первоначального подъема, но их отличали новые явления социально-экономической и политической жизни.

До сих пор еще бытуют буржуазные теории, утверждающие, что к югу от Сахары даже после образования ранних государств якобы веками длился застой. Авторы этих теорий не только отрицают губительные последствия европейской колонизации и трансатлантической работорговли, начало которым положил приход португальцев, но и заявляют, что обществам Тропической Африки «была чужда какая-либо внутренняя динамика», что они никак не могли выйти за рамки патриархально-родовых отношений. Последние исследования, проливающие свет на объективный ход развития народов Африки, опровергают эти буржуазно-апологетические построения. История многих народов Африки, которые перешагнули рубеж неолита и с I тысячелетия н. э. создавали основанные на эксплуатации и ранней классовой дифференциации крупные государства, развивалась по восходящей линии.

Однако прогресс был прерван, часто из-за воздействия «извне», т. е. прежде всего из-за европейской колонизации, начавшейся с конца XV в., но иногда и в силу внутренних социальных причин. И тем не менее между древним государством Гана, где еще были очень сильны пережитки первобытнообщинного строя, и Сонгай, Эфиопией, а главное — государствами фульбе и тукулёров, возникшими в XVIII или начале XIX в., лежат важные этапы развития, о которых нельзя не сказать.

Верная своей методологии, марксистская наука при изучении социальных отношений доколониальных государств Африки опирается на всеобъемлющий анализ социально-экономического базиса, видя в нем фактор, который имел решающее значение для возникновения эксплуатации и классовых отношений и, как следствие, для изменений в области политики и права. Несмотря на это, в последние десять лет среди ученых-марксистов, особенно среди тех из них, кто занимается африканистикой, велись

творческие дискуссии об уровне развития, достигнутом народами Африки, и их месте в мировой истории. Такие дискуссии, несомненно, будут продолжаться и впредь. В частности, всесторонне рассматривается вопрос об «азиатском способе производства» (Карл Маркс говорит о нем в «Критике политической экономии»), о том, каково соотношение между ним и классическим рабством и феодализмом за пределами Европы.

С VIII—IX вв. феодализм вытеснил с арены мировой истории первую классовую формацию — рабство, воплотившуюся в государствах древнего Востока, в Древней Греции и Риме, и определил направление общественного развития многих регионов. В зависимости от конкретных природных и исторических условий феодальные отношения принимали различные формы и развивались в различных вариантах. В Африке феодализм также имел свою социальную и экономическую специфику.

В дальнейшем мы постараемся доказать, исходя из некоторых особенностей социально-экономического и политического развития отдельных народов Африки, что при всех различиях в хронологических рамках и ходе развития в основе доколониальных государственных образований на территории Африки находились раннефеодальные отношения. Нам придется сослаться в этой главе и на несколько примеров феодальных новообразований XVIII и начала XIX в., поскольку они позволяют лучше понять социально-экономическую структуру ранних африканских государств.

В земледелии многие африканские народы рано перешли от беспорядочного использования полей к систематической их обработке, научились применять удобрения, а кое-где даже практиковали высокоразвитое террасирование и искусственное орошение. Тезис, будто такие формы земледелия привнесены вторгшимися скотоводческими племенами (например, в Эфиопии), опровергается бесчисленными примерами. Раскопки на восточноафриканском побережье и в Большом Зимбабве доказывают, что во многих областях Восточной и Юго-Восточной Африки существовали хорошо налаженная система каналов и продуманное до мельчайших деталей террасирование. Тем не менее в земледелии, являвшемся в большинстве районов главным источником общественного богатства, в целом преобладали экстенсивные методы обработки почвы. Африканцы не знали плуга и пользовались лишь мотыгой для обработки участков, которые они расчищали с помощью подсеčno-огневого метода. Далее, колесо как часть транспортных средств в общем было африканцам неведомо. Отсутствие этих орудий производства объясняется только тем, что климат и окружающая природная среда делали их применение нецелесообразным.

Было бы неправильно считать признаком общей отсталости отсутствие того или иного орудия труда, часто прослеживаемое и в истории Европы, или даже наличие различных форм экстенсивного земледелия (длительные периоды нахождения земли под паром, нерегулярный севооборот или даже вообще его отсутствие) * (* **Справедливо, что, основываясь на таких аргументах, нельзя говорить об общей отсталости Африки. Но тем не менее приводимые здесь примеры со всей определенностью говорят о материально-техническом отставании общественного производства. А это влекло за собой и замедление темпов общественного развития и, как следствие, нарастание разрыва между Африкой, с одной стороны, и Западной Европой и Ближним Востоком — с другой.**). Африканское земледелие в сильнейшей мере зависело от таких естественных условий, как климат и структура почвы, а его-продуктивность в древности вполне соответствовала плотности населения, уровню его культурного развития и т. д. Но главное то, что оно обеспечивало производство избыточного продукта, особенно в районах саванн.

В это время африканские народы умели добывать и с высоким мастерством обрабатывать металлы. Выше уже говорилось, что они самостоятельно научились выплавлять из руды железо и что у них сложились самобытные формы металлургии. В Западной Африке замечательного расцвета достигло бронзовое и медное литье. Археологи и искусствоведы установили, что высокохудожественные бронзовые статуэтки и скульптуры Бенина периода XIV— XVII вв. качеством литья и тщательностью

обработки не уступают бронзовым изделиям европейских мастеров этого времени, даже художников Ренессанса. Мы не хотим и не должны идеализировать или преувеличивать успехи некоторых народов Африки в материальном производстве и культуре, но названный нами «актив» их эволюции показывает, что наиболее развитые районы Тропической Африки участвовали в общественном прогрессе своего времени.

Относительно высокий уровень земледелия, скотоводства и ремесла (этапы первого общественного разделения труда между земледелием и скотоводством, а также выделение ремесла остались к этому времени уже позади) вызвал к жизни более развитые по сравнению с первобытнообщинным строем формы собственности. Появились зачатки классов.

Степень развития отношений зависимости в обществе определяется прежде всего наличием в той или иной мере собственности на землю, скот, а значит, и на пастбища. Следует установить, что, несмотря на своеобразие африканских государств, несмотря на их отличия от аналогичных сообществ других регионов, многие государства Африки в том, что касается собственности на землю, скот и пастбища, имеют большое сходство с остальными феодальными государствами, особенно Переднего Востока. В Африке земля и крупный рогатый скот часто находились в полном владении правителя, который во многих районах, например в древнем государстве Конго, наследовал свои прерогативы от старейшины рода или племенного вождя, персонифицировавшего права племени. Отделение права владения от рода или племени свидетельствует о начале преодоления родовых отношений, начале эволюционного превращения вождя в государственного правителя. Здесь необходимо оговориться, что в Африке владение политического правителя или аристократа землей часто отличалось от соответствующих привилегий западноевропейского феодала. Хотя африканский властитель имел широкие полномочия распоряжаться тем или иным владением, его права собственности на землю были слабо обоснованы. Он как бы олицетворял общие права всего населения на общественную собственность, а население в большей или меньшей мере (это зависело от степени развития данного общества) видело в нем высшего стража и хранителя бывших родовых или племенных земель.

Правитель, часто обладавший лишь символическими или религиозными прерогативами, олицетворял государство, поэтому считалось, что вся земля — его владение, над которым он осуществляет наивысшую власть. Согласно религиозным представлениям, например ашанти, их земля была священной и принадлежала всему народу. Во многих областях, подчиненных вождям низшего ранга, правитель выступал всего лишь как верховный страж и хранитель бывших племенных владений, хотя в XIX в. он уже имел и частную земельную собственность.

В Африке к югу от Сахары, бесспорно, существовали известные различия между странами, принявшими ислам, и остальными государственными образованиями. Введение в Западном Судане мусульманского права, преимущественно маликитского толка, вызвало многочисленные конфликты между коллективной собственностью на землю, предопределявшейся прежним традиционным правом, и собственностью частной, индивидуальной и ускорило выделение последней. Однако многие правители мусульманских государств первоначально также рассматривали свою верховную власть лишь как политическое управление, связанное со взиманием налогов с земли и населения, и не пытались осуществить свои фактические права для использования своей частной собственности в личных интересах.

Типичные для средневекового Востока особенности форм государственного землевладения (а также то обстоятельство, что по отношению к зависимым крестьянам государство выступало одновременно и как верховный землевладелец и как сюзерен, а следовательно, земельная рента и налог совпадали) наблюдаются на ранних этапах развития во многих африканских государствах, особенно исламизированных. В силу этих условий сложились такие формы зависимости и эксплуатации, которые основывались

наряду с данью зависимых племен на государственных податях или налогах, вносившихся коллективно сельскими общинами исконной территории государства. Это не помешало тому, что в более развитых государствах, прежде всего в Сонгай, Эфиопии и поздних государственных образованиях, аристократия захватывала права частного владения и частной собственности на сбор налогов, скот и пастбища, а также на поместья — поселения рабов и домены. Эти явления, несомненно, отражали усиление происходившего подспудно процесса феодализации.

В Африке феодальные или полуфеодальные отношения собственности не только находили выражение в характере землевладения, но во многих случаях базировались на верховных правах правителя, царской фамилии или царского рода, а также влиятельных сановников, аристократов, чиновников и военачальников на скот, а главное — на пастбища. В этом сказывается еще одна особенность общественного развития Африки, обусловленная ее географическими условиями: здесь, как и на Переднем Востоке и в Центральной Азии, области расселения оседлых земледельцев часто были окружены широким кольцом степей и полупустынь. Некоторые государства Центральной и Западной Африки, например Канем-Борну, отдельные государства фульбе, в особенности же государства Восточной Африки, возникали в результате захвата земель кочевыми племенами скотоводов, которые быстро устанавливали свое господство над оседлыми крестьянами и подвергали их эксплуатации. Подчинение земледельцев скотоводами ускоряло процесс экономической и социальной дифференциации и образования государств — явление, далеко не новое в мировой истории.

Этот процесс установления господства над захваченными землями обычно был неразрывно связан с подлинной дифференциацией внутри кочевых племен, с присвоением скота и права владения пастбищами кучкой патриархальных семей и родов, с эксплуатацией более бедных кочевников и выделением слоя завоевателей и правителей. Все эти признаки типичны для «военной демократии» (Ф. Энгельс). Более точные сведения об этих явлениях дает только этнографический материал, относящийся к XVIII и XIX вв.

К сожалению, события, связанные с захватом земель кочевниками и вызванным им ускорением формирования государств, часто становились предметом фальсификации. Не говоря уж о том, что далеко не все африканские государства обязаны своим происхождением захвату земель пришельцами, притоку вторгшихся извне больших или меньших групп переселенцев, тем, кто упорствует в фальсификаторских теориях, можно возразить, что в момент захвата земель кочевые скотоводы часто стояли на более низкой ступени развития, чем покоренное ими население. Кочевые племена во время своих нашествий нередко разрушали великие центры культуры и отбрасывали развитие общества далеко назад. Об этом говорят многочисленные примеры из истории Азии; мы же можем напомнить, какие пагубные последствия для всего Западного Судана имело разрушение Томбукту и гибель государства Сонгай в результате нападения полукочевых марокканских войск в 1591 г.* (* Марокканское войско, положившее конец существованию великой Сонгайской державы в 1591 г., состояло в основном из «ренегатов» — христианских перебежчиков и освобожденных (военнопленных, главным образом испанцев, и никак не может считаться «полукочевым»).).

Установление верховной государственной собственности на землю наталкивалось на серьезное сопротивление сельских общин. Африканская коллективистская сельская община, возникшая на последней стадии первобытнообщинного строя, основывалась на территориальном принципе, но еще сохраняла многие пережитки организационных форм патриархальных родов и большой семьи* (* Общинные структуры в традиционных африканских обществах отличались большим многообразием — и типологическим и стадийным. Скорее следует говорить о непрерывном ряде ступеней между родовой и соседской общинами, хотя последняя нигде в Тропической Африке не сложилась окончательно (см.: Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978).). Она оказалась

поразительно устойчивой и жизнеспособной; достаточно напомнить, что во многих странах она пережила период колониального угнетения и сохранилась до сегодняшнего дня. Чрезвычайно трудно выявить, какое значение имела сложная функция деревенского старейшины при переходе от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Пока находившиеся во владении старейшин богатства использовались в основном для общей пользы, нельзя говорить о наличии эксплуатации. Но как только вся социальная верхушка (обычно деревенские старейшины и их окружение) отстранялась от всякого производительного труда и для обеспечения своего существования посягала на часть произведенного общего продукта, присвоение лишалось общественного характера.

Как видно на примерах древних государств Конго, Канема-Борну, Бенина, государств Мономотапа, Мали и Сонгай, зависимость деревенских общин от центральной власти сначала выражалась в том, что они коллективно отдавали ей часть урожая и скота. Подати собирали деревенские старейшины, подчинявшиеся центральной администрации и получавшие в качестве вознаграждения определенный процент от взимавшихся податей и дани. К этому добавлялись обычно не устанавливавшиеся точно, но подчас весьма обременительные трудовые повинности на строительстве дорог и зданий, дополнительные взносы на военные походы правителя, подношения, доля от добычи охотников и рыбаков. Уже в ранних средневековых государствах на первых этапах их существования появилась еще одна форма трудовой повинности — дополнительная обработка принадлежащего деревенскому старейшине участка земли, урожай с которого отходил исключительно старейшине. В дальнейшем такая форма частного землевладения нередко служила основой для возникновения, частично на базе ленов, крупной земельной собственности, где применялась и более интенсивная феодальная барщина (например, в Эфиопии XIII—XVI вв.) ** (** Оттеснение традиционного старейшины «царскими людьми» — как раз очень нечастый случай в практике африканских традиционных поземельных отношений. Эфиопия, на которую ссылается здесь Т. Бюттнер, в этом смысле чуть ли не уникальна. Обычно же старая и новая власть существовали как бы параллельно, особенно когда первая считалась связанной магическими узами с духами местности.). Этот процесс чаще всего сопровождался тем, что место традиционного деревенского старейшины занимал член дружины или чиновник правителя либо могущественного сановника. Хотя и в Западной Европе сельская, или марковая, община долгое время сохраняла определенные формы, традиции и принципы коллективной организации, в Африке и, как известно, в Азии община оказалась особенно живучей и даже превратилась в серьезное препятствие на пути классового расслоения общества. Причины этого явления на Переднем Востоке, в Индии и других местах были вскрыты К. Марксом. Необходимость общественных работ, связанных с оросительными сооружениями, способствовала сохранению деревенской общины. К Африке подобное объяснение неприменимо. Здесь решающим было отсутствие во многих районах земельной проблемы. Сельскохозяйственные площади имелись в избытке, и, несмотря на преобладание экстенсивного метода земледелия, всегда изобиловала целина, годная для обработки.

При таком изобилии земли, порождавшем у целых племен, родов и сельских общин склонность к уходу с насиженных мест, к переселению, правящей верхушке, султану, царю было проще захватить еще не обработанные площади и таким образом избежать столкновений с организациями деревенских жителей, которые иногда энергично сопротивлялись эксплуатации. Тот факт, что экономическая и социальная дифференциация внутри общины протекала во многих случаях медленно, а на каких-то этапах и вовсе приостанавливалась, объясняется тем, что этот процесс часто был ограничен натуральным хозяйством, составлявшим обычно основу застойного состояния общества. Но это не единственная причина.

Дело в том, что принадлежавшее теперь индивиду (или большой семье) право распоряжаться либо «владеть» землей было настолько сковано многочисленными пережитками коллективной собственности, что не создавало благоприятной среды для

появления ярко выраженных социальных противоречий, хотя уже самый факт существования подобного права безошибочно указывает, что процесс классового расслоения начался. Кроме того, скотоводство даже при сравнительно примитивных методах ведения хозяйства открывает возможности для широкой экономической и социальной стратификации, в земледелии же для этого требуется сравнительно высокая продуктивность. Эти и некоторые другие второстепенные факторы — причина того, почему деревенская община в некоторых регионах удерживалась в прежней форме на протяжении тысячелетий, не претерпевая видимых изменений в результате социального расслоения.

Традиционная коллективная земледельческая община могла существовать как в позднеродовом племенном обществе, так и в раннеклассовой формации, составляя ее низовую ячейку. Она оставалась относительно самостоятельной экономической единицей, и изменить это положение часто было не под силу даже эксплуататорской верхушке сформировавшихся государств. Во многих из них, в частности в Бенине, городах-государствах йоруба, разные элементы деревенской общинной организации по преемственности перешли в государственные институты. Примером может служить совет старейшин.

Особая стабильность деревенской общины представляется нам одним из обстоятельств, под влиянием которых почти во всех крупных африканских государствах удерживалась вторая форма зависимости и эксплуатации, первоначально временно сосуществовавшая с первой, а затем сливавшаяся с ней во всеобъемлющую форму раннефеодальной эксплуатации. Речь идет об использовании труда несвободных людей. Патриархальное рабство как первая, а во многих регионах Востока даже единственная возникающая форма классового устройства общества в ранний период появилось во многих африканских государствах на стадии перехода к классовому обществу. Это было не «домашнее» рабство в узком смысле слова: по данным новейших исследований, рабы выполняли весьма важные функции в земледелии, скотоводстве и ремесле.

При всем многообразии этой разновидности рабства для нее характерны прочные семейные узы, заслоняющие истинный характер эксплуатации раба и его участия в производстве, ибо он являлся как бы членом семьи. Среди рабов распространяли учение ислама, и в результате им часто удавалось возвыситься в обществе, став надсмотрщиками, чиновниками, военачальниками, сановниками или просто скопив большие богатства. В государстве Сонгай бывшие рабы или несвободные воины составляли большинство чиновников царского двора, правителей районов и сборщиков налогов; они же служили в постоянной армии. Аналогичное положение сложилось в других суданских государствах, например в Канеме-Борну, и на территории Восточной Африки.

Однако право индивидуального владения землей со временем выделялось все более четко, возникали крупные землевладения — домены, число военнопленных, обращаемых в рабство, возрастало, и в результате зависимость и эксплуатация принимали более откровенный характер. Невольников из числа военнопленных стали широко использовать в ремесленных мастерских, рудниках и больше всего в сельском хозяйстве. Раньше «домашние» рабы жили в доме своего господина, теперь же несвободных людей селили отдельными деревнями вблизи больших доменов или же в самом имении правителя либо вельможи.

Жители этих селений, как в отдельных случаях и патриархальные рабы, получали в свое владение участок, хижину и кое-какие орудия труда, которые со временем становились их личной собственностью, а если не их самих, то уж, во всяком случае, их детей. За это они вносили арендную плату и под наблюдением надсмотрщика выполняли барщину на землях своего господина * (* Барщина не характерна для африканских обществ доколониальной эпохи. Применение ее засвидетельствовано источниками лишь в редких случаях (об этом говорит ранее и сама Т. Бюттнер).).

В первом поколении невольники еще подвергались юридической дискриминации, их можно было продавать и наказывать, т. е. они были лишены гражданских прав. Но уже их прямые потомки часто пользовались личной свободой и известными правами, они становились как бы прикрепленными к земле зависимыми людьми. Тем не менее «рабские» поселения находились в самом низу общественной пирамиды.

В применении к этому периоду истории Африки слово «раб» в известной мере вводит в заблуждение: условия его существования никоим образом нельзя сопоставить с жестокой эксплуатацией рабов в античной Греции и Риме или с бесчеловечным обращением, которому подвергались африканцы в эру капиталистической работорговли. Экономическому и социально-правовому положению несвободных людей в Тропической Африке больше соответствует термин «лично зависимый», хотя и здесь следует остерегаться механического перенесения на почву Африки западноевропейских норм.

«Рабские» поселения известны еще из ранних периодов истории государств Мали и Сонгай, хаусанских стран, Канема-Борну и в некоторой мере — городов-государств Восточной Африки. Главным источником несвободных работников явно были военные походы и войны. Например, аския Дауд сообщает в «Тарих ал-фатташ», впадая, правда, в риторическое преувеличение: «Вот это Сулейман, брат наш... Если ты примешь решение о посылке отряда в какую-нибудь область стран неверных, то он не проведет в разлуке с тобою и этой ночи, как захватит добычей десять тысяч невольников или более»¹¹. Многих несвободных просто покупали — число таких рабов было значительным. Тот же аския Дауд, унаследовав имущество умершего чиновника, радостно воскликнул, что он сразу стал обладателем 500 рабов и для этого ему не пришлось покупать их, предпринимать путешествия или вести войну против кого-либо.

У правителей государства Сонгай во всех главных провинциях были коронные имения, где селили несвободных. В этих имениях аския в каждой деревне имел рабов и надсмотрщика, говорится далее в «Тарих ал-фатташ». Некоторым надсмотрщикам подчинялось до 100 рабов, обрабатывавших землю. Относительно Мали также есть свидетельства, что целые племена, например бамбара * (* В хронике «Тарих ал-фатташ», где упомянут этот факт, слово «бамбара» не имеет значения этнонима, а обозначает немусульманское население малин-ских владений. К тому же и термин «племя» здесь нельзя понимать буквально: речь идет скорее о замкнутых эндогамных группах зависимых людей, прикрепленных к той или иной государственной повинности.), попадали в зависимость и их расселяли общинами в имениях правителя или высокопоставленных светских и духовных вельмож, т. е. они образовывали деревни рабов. Жители таких деревень в соответствии со своеобразной кастовой системой, основанной на этническом принципе, несли специальные службы, трудовую повинность и, кроме того, вносили многочисленные разновидности натуральных податей. «Рабские» деревни еще очень долго сохраняли этническую структуру, примером чего может служить Мали. Зато в государстве Сонгай, вокруг некоторых городов-государств Восточной Африки, а главное, в государственных новообразованиях последующих веков в поселениях рабов усиливались отношения эксплуатации все более ярко выраженного феодального характера.

Благодаря рассказам европейских путешественников XIX в. и данным этнографических исследований мы можем составить довольно ясное представление о том, как была организована работа в некоторых таких деревнях, а это позволяет реконструировать картину того, что происходило и в более раннее время. В государстве Сокото (ср. гл. IV, 2.1) в XIX в. заслужившие доверие рабы и их потомство получали собственный участок, но взамен были обязаны определенное количество дней работать на земле своего господина и платить ему подати. В Зарии раб трудился на господском участке («ганду») под наблюдением «саркан ганду» от шести до семи дней в неделю. В других областях государства Сокото трудовая повинность составляла четыре-пять дней в

неделю, причем и в эти дни несвободные имели право несколько часов работать на своем участке.

На исконной территории государства Сокото (Северная Нигерия) трудовая повинность, возложенная на потомков рабов, в течение XIX в. все более уступала место натуральным и денежным податям, а сами эти люди по своему правовому и экономическому положению приближались к обедневшим свободным крестьянам, попавшим в зависимость. Постепенное превращение зависимости личной в зависимость экономическую и усиление последней говорят о возникновении феодальных отношений. Поселение на землю военнопленных и начальные формы их эксплуатации на первых порах являлись новшеством для социально-экономических систем многих районов, но не были им чужды по существу и в конечном счете привели к образованию общественной структуры, носившей, с нашей точки зрения, типично феодальный характер.

Присвоение плодов труда несвободных людей, которые были захвачены на войне, куплены или закабалены за долги, характерно для правящей верхушки не только африканских государств. Это явление наблюдается во всех раннеклассовых обществах мира, а следовательно, никак не может служить доказательством особой жестокости или отсталости общества Тропической Африки. Многие исследователи, начиная от европейских путешественников и кончая современными буржуазными африканистами, желая доказать якобы цивилизаторские, гуманные цели колониализма вообще и капиталистической заокеанской работоторговли в частности, извращали и извращают масштабы и последствия обращения людей в неволю, степень и формы их эксплуатации в Африке. Эти авторы договариваются до явно апологетического утверждения, будто применение рабов африканской аристократией отличалось большей жестокостью и затронуло большее число людей, чем вся европейская трансатлантическая работоторговля начиная с XVI в., которая якобы «способствовала прогрессу». Такой фальсификации истории следует противопоставить доскональный анализ применения труда зависимых людей и невольников до прихода европейских захватчиков.

Во многих государствах Африки территориально-государственный принцип сложился отчасти на основе организации по происхождению, поэтому древняя родовая и племенная знать, из которой выходили правящие династии, сохраняла свое влияние. Только принадлежность к царскому роду, большой семье царя или родственным семьям открывала доступ к экономическим и политическим привилегиям, т. е. к управлению провинциями, участию во взимании налогов, получению в личное пользование имений, «рабских» поселков, скота и пастбищ. В государствах Гана, Мали, Сонгай, Канем-Борну, Конго, Мономотапа подавляющая часть губернаторов, высших придворных сановников и военачальников выходила из среды этой «знати по крови». Напротив, часть «служилой знати», а именно чиновники двора — «заведующий протокольным отделом», как сказали бы мы, казначей, управляющий царскими имениями или рыболовством, сборщик налогов, — а также чиновники и вожди среднего масштаба очень часто назначались из числа членов царской дружины или бывших рабов.

Процесс формирования государства во многих случаях сопровождался созданием аристократами собственных дружин, что во всей мировой истории, бесспорно, является важным показателем превращения родового общества в феодальное. Дружины состояли в основном из свободных бедняков или даже выходцев из несвободных слоев населения. Впоследствии многие из них получали земельные пожалования, и таким образом система кровного родства перекрывалась иным организационным принципом. И все же дружины не могли полностью вытеснить старую родо-племенную знать, и чаще всего она продолжала пользоваться влиянием наряду с новой служилой верхушкой. От степени могущества государства и правящей династии зависело, насколько ей удавалось замещать должности губернаторов и вождей своими ставленниками — членами дружины, придворными, приближенными лицами — и оттеснять родовую знать, в том числе даже членов царской фамилии.

Отношения эксплуатации и зависимости, зиждившиеся помимо налогов на торговлю и ремесло на дани, взимавшейся с зависимых племен, а более всего на поборах с крестьян, по-прежнему живших деревенскими общинами, были экономической базой правящей верхушки во многих областях Тропической Африки. Наряду с этим в некоторых районах эксплуатировался труд несвободных людей: во владениях правителя и аристократов, в «рабских» деревнях, в рудниках, а также в ремесленных мастерских. Об этом речь пойдет ниже.

Экономическое усиление «новых» аристократов выражалось в области политики в ожесточении их междоусобий, в борьбе за власть и за трон, что зачастую приводило к быстрому распаду государственных объединений. Стремясь пресечь сепаратистские тенденции знати, центральная власть пыталась использовать, особенно в войске и чиновничьем аппарате, бывших рабов, которые по своему юридическому статусу долго сохраняли известную зависимость от своих господ. Но в конечном счете эти попытки не давали выхода из заколдованного круга раннефеодальных отношений. Ведь правитель «вознаграждал» своих верноподданных помимо подарков передачей им права взимания налогов, пожалованием земель и несвободных людей.

Блистательные торговые центры в Западном Судане, например мусульманские города Томбукту, Гао, Дженне, города-государства хауса или города восточного побережья, подобно исламским городам Северной Африки или Переднего Востока, процветали прежде всего благодаря внешней торговле и мало зависели от развития внутренних торговых связей и рынка. Тем не менее по мере развития последних разделение труда между ремеслом и сельским хозяйством усиливалось.

Некоторые категории ремесленников — кузнецы, гончары, ткачи, красильщики, портные, сапожники, — выделившись из племенного и деревенского ремесла, организованного в своего рода касты, часто по этническому принципу, продолжали обособляться и в конце концов стекались к наиболее крупным центрам торговли. В некоторых городах государства Сонгай и в ранних хаусанских городах уже существовала довольно узкая специализация отдельных отраслей ремесла, особенно в текстильном производстве (прядельщики, ткачи, красильщики), кожевенной промышленности, производстве стекла и кузнечном деле (кузнецы по золоту, серебру, железу и меди). Эта тенденция проявилась и в высоком мастерстве придворных художников Бенина, в изготовлении и отделке хлопчатобумажных тканей в Килве, находящейся на восточноафриканском побережье, и в некоторых других торговых центрах.

По сведениям «Тарих ал-фатташ», в XVI в. в Гао было 26 мастерских, где работали портные с очень узкой специализацией, имевшие в среднем по 50 учеников, а некоторые даже от 70 до 100. Почти все арабские путешественники, вплоть до Льва Африканского, и многие местные хроники сообщают о широких масштабах внутриконтинентальной торговли, которая и на другом своем конце, в городах Западной Африки, способствовала развитию ремесла, рассчитанного в первую очередь на экспорт и мало зависевшего от внутреннего рынка. Естественно, что благосостояние этих городов никак не отражалось на окружающих сельских районах.

Уже К. Маркс писал о консервативном характере чисто посреднической торговли, которая часто не оказывала стимулирующего воздействия на производство. Тем не менее до нас дошли описания хорошо функционировавшей внутренней торговли в ряде городов-государств Восточной Африки и в Бенине. Анонимный автор оставил рассказ о рынке в Бенине, где торговля производилась несколько дней в неделю. В числе других предметов, сообщает он, «туда приносят на продажу множество различных железных изделий: рыболовные приспособления, земледельческие орудия, оружие, например ассегаи и боевые ножи. И рынок и торговля подчинены строгому порядку, и каждый, кто приходит на рынок с подобными изделиями или другим товаром, хорошо знает свой ряд и место, где он может разложить вещи».

Ремесленных цехов, какие существовали в средневековых городах Западной Европы, в Африке не было. Правда, в отдельных отраслях ремесла сложились организации наподобие гильдий, но их назначение состояло главным образом в том, что они помогали лучше организовать сбор налогов для царского чиновника. Здесь явно напрашиваются параллели с мусульманским Передним Востоком. Учениками и подмастерьями — если только правомерно употреблять эти понятия — были сыновья ремесленников и иногда несвободные люди. Роль последних часто выражалась в том, что они выполняли подготовительные работы (например, делали кузнечные поковки), но по своему экономическому положению они ничем не отличались от свободных подмастерьев.

Несмотря на значительное развитие торговли, деньги занимали в ней весьма скромное место. По-прежнему преобладал натуральный обмен посредством определенных единиц обмена в виде установленного количества тех или иных продуктов, скота, металлических изделий (например, медных колец, золотых или железных пластин), брусков соли, раковин каури, первоначально доставлявшихся из стран бассейна Индийского океана. Арабский динар, широко распространенный в Средиземноморье, в Африке к югу от Сахары приобретал важное значение только периодически, и то далеко не везде. Он имел хождение в торговых центрах восточноафриканского побережья, им пользовались арабские и местные купцы в посреднических пунктах Западного и Центрального Судана. Поэтому такое внимание привлекло относящееся к XI в. сообщение Ибн Хаукала о том, что он видел вексель на 40 тысяч динаров, выданный купцом из Сиджилмасы (Южное Марокко) жителю Аудагоста, входившего тогда в состав Ганы. Уже в XIII в. производилась чеканка медной монеты в тех мастерских, которые позднее использовались правителями Килвы и Занзибара в тех же целях.

Предполагается, что население некоторых торговых центров, например в Судане, составляло от 40 тысяч до 80 тысяч человек. Подсчеты показали, что в Гао находилось 7627 домохозяйств * (* Имеется в виду рассказ хроники «Тарих ал-фатташ» о том, как молодежь города Гао вознамерилась узнать численность населения этого города.). По данным этнографии, одна «сукала» (большая семья) насчитывала в среднем от шести до двадцати человек. Судя по этим данным, в Гао накануне вторжения марокканцев в XVI в. могло жить приблизительно 75 или 80 тысяч человек.

Как уже отмечалось, несвободные люди подвизались не только в сельском хозяйстве, но и в ремесле. Отдельные вельможи имели в городских центрах тысячи «рабов», которые самостоятельно занимались ремеслом или торговлей и значительную часть доходов отдавали своему господину. Таких людей было много, например, в промысловом городе Буса на территории современной Нигерии, где они пользовались полной профессиональной независимостью, сами заботились о содержании семьи, но были вынуждены около половины получаемых доходов отдавать своим владельцам.

В результате во многих областях производства, прежде всего в тех, товары которых шли на экспорт, и в горнодобывающей промышленности труд несвободных людей получил широкое применение. Они разрабатывали соляные копи в древнем государстве Конго и промывали золотой песок. Рабы во множестве использовались на различных стадиях производства тканей, которое в хаусанских государствах XVIII и XIX вв. достигло некоторых форм организационного объединения под началом одного владельца всех участвовавших в нем ремесленников: прядильщиков, ткачей, красильщиков. Мы не располагаем доскональными сведениями об организации труда в мастерских такого рода, но, судя по косвенным свидетельствам, занятые в них рабы, число которых иногда колебалось между 500 и 800, работали под надзором надсмотрщиков и в ходе всего трудового процесса номинально объединялись под верховенством одного господина. Фактически, однако, производство ориентировалось на кустарный труд отдельных семей и групп рабов, частично занимавшихся еще и своим личным хозяйством.

В доколониальный период ремесленное производство даже в высокоразвитых хаусанских городах не достигло раннекапиталистической стадии простой кооперации и мануфактуры. В этих городах отсутствовали почти все предпосылки, необходимые для возникновения даже самой простой капиталистической кооперации. Их было лишено и само ремесленное производство, и тесно связанный с ним торговый капитал, и, что не менее важно, сельское хозяйство. Здесь не мог появиться свободный наемный рабочий, подвергшийся экспроприации средств производства и потому полностью их лишенный, а бывший «раб», сохранявший многие черты прежней правовой зависимости, никак не восполнял этот пробел. Значение ремесленного производства и основные тенденции его развития можно определить только в связи со всеми сторонами материальной жизни и общественного производства.

Преобладание преимущественно сельскохозяйственного способа производства и то место, какое занимала во всей общественной структуре эксплуатация «рабов», убеждают, что, хотя в силу благоприятных географических и исторических условий в некоторых городах Судана сложились сориентированные на экспорт ремесла, они не стали почвой для возникновения капиталистических форм материального производства. Это относится не только к государствам, существовавшим до XVI века, который ознаменовал крутой поворот в истории Африки и всего остального мира, но и к государственным образованиям XVIII и начала XIX в.

4. Многообразие и сложность этапов общественного развития

Некоторые из наиболее передовых государств и централизованных иерархий Африки до известного момента находились в своем развитии на такой же стадии, какая определяла на том этапе ход всемирно-исторического процесса, а следовательно, полностью достигли возможного для того времени прогресса. И тем не менее даже эти государства в общем не вышли за рамки раннефеодального периода. Почему в Африке к югу от Сахары не сложились позднефеодальные и раннекапиталистические формации — вопрос, требующий в числе многих других неразрешенных проблем специального исследования.

Социально-экономический и политический строй ряда упоминавшихся государств рассматриваемого периода, особенно его начального этапа (Гана), а также образований, возникавших в последующие столетия в процессе перехода многих этнических групп и племен к классовому обществу, сплошь и рядом был отмечен чертами патриархального уклада. Часто в силу природных или исторических условий развитие замирало на определенной стадии и появившиеся были признаки перехода на более высокую ступень исчезали. Так, например, во многих областях Африки выделялась аристократия, которая с помощью аппарата власти и управления угнетала и эксплуатировала самые широкие слои населения и заняла прочные классовые позиции. Несмотря на это, процесс расслоения общества на классы правящие и угнетенные, эксплуатирующие и эксплуатируемые не завершился еще и в государствах XIX в.

Даже в самых развитых обществах аристократии, как классу эксплуататоров, и зависимому населению крестьян и пастухов, как классу эксплуатируемых, было далеко до положения «класса для себя». Повторяем: классовый антагонизм очень часто бывал заслонен патриархальным характером власти знати и государства. Этим объясняется почти полное отсутствие организованных и зрелых проявлений классовой борьбы эксплуатируемого населения городов и деревень. Это необходимо подчеркнуть, хотя имеется много свидетельств стихийных актов возмущения зависимых несвободных людей, крестьян, пастухов и ремесленников против гнета и эксплуатации знати.

Важную роль играло и то обстоятельство, что к началу европейской колониальной экспансии народы Африки достигли самых различных уровней социально-экономического развития. В непосредственной близости с блистательными центрами

государственного и культурного развития продолжали жить племена, еще находившиеся на стадии первобытного общества. Ниже всех по своему развитию стояли общества охотников и собирателей: пигмеи, населявшие влажные экваториальные леса Центральной Африки, и этнические сообщества бушменов и готтентотов, кочевавшие по сухим и засоленным степям Южной и Юго-Западной Африки. Многие племена, еще не знавшие классов, жили деревенскими или родовыми общинами и занимались земледелием, часто в сочетании с некоторыми формами скотоводства. Их можно было встретить и в саваннах — на территории от Судана до Восточной Африки, — и в лесных районах Западной и Центральной Африки. Кроме того, многочисленные скотоводы-кочевники Северо-Восточной, Восточной, Юго-Западной Африки и Судана по старинке объединялись в первобытнообщинные родственные группы на основе отцовского права.

Подобное многообразие достигнутых ступеней общественного развития опять же не является чисто африканской особенностью. Оно наблюдается во многих регионах всех континентов, например в Латинской Америке и Азии, которые не смогли сами достигнуть капитализма со всеми его последствиями в общественной сфере, включая и определенное нивелирование различий в уровнях развития.

Итак, некоторые факторы, тормозившие внутреннее развитие и с разной силой проявлявшиеся в разных государствах Африки, в целом не способствовали вызреванию раннекапиталистических отношений. Однако с конца XV в. естественное развитие африканского общества было насильственно прервано вмешательством извне. Появление и закрепление на континенте европейских колонизаторов, а особенно (начиная с XVI в.) связанная с первоначальным накоплением трансатлантическая работорговля с ее опустошительными последствиями оказали сильнейшее влияние на исторический прогресс Африки и в некоторых районах даже приостановили его или вовсе прервали. Конечно, это отнюдь не означает, что самостоятельное развитие народов Африки прекратилось полностью. В XVIII и XIX вв. во внутренних областях Африки снова образовался ряд феодальных государств. Как будет ясно из последующего изложения, некоторые из них достигли определенного прогресса, но в целом они были не в состоянии разорвать навязанные им со стороны путы, сдерживавшие общественное развитие. Экономическая и социальная пропасть, отделявшая их от европейских стран, которые вступили на путь капитализма, становилась все шире. За ускоренное историческое развитие отдельных стран Западной Европы и Северной Америки народы Африки заплатили бедствиями и историческим регрессом, от которых их могла избавить только национально-демократическая, антиимпериалистическая борьба.

Глава IV

АФРИКА — «ЗАПОВЕДНОЕ ПОЛЕ ОХОТЫ НА ЧЕРНОКОЖИХ» (К. МАРКС).

ИСТОРИЯ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ В ПЕРИОД С XVI ДО НАЧАЛА XIX В.

1. Начало колониальной экспансии и народы Африки

1.1. Причины и последствия колониальной экспансии Португалии

В XVI в. история народов Тропической Африки приняла оборот, имевший самые серьезные последствия. Наступил век колониализма, влияние которого сказалось во многих районах Африки, и прежде всего на ее побережьях.

Первые шаги к колониальному захвату Африки сделала Португалия, бесспорно самая развитая морская держава XV в. Начало ее колониальной экспансии в Африке обычно связывают с принцем Энрике, который вошел в историю под именем Генрих

Мореплаватель. Уже в 1415 г. португальские войска взяли штурмом Сеуту, напротив Гибралтара. Флот из 200 судов вышел из устья реки Тежу и высадил на территории Африки 45 тысяч человек. От сеутских купцов, ведших широкую торговлю даже с Индией и долиной Нигера, Генрих Мореплаватель получил сведения о других крупных торговых городах по ту сторону великой пустыни. Открытие и «освоение» западноафриканского побережья усилило бы позиции Португалии в Северной Африке, где она постоянно соперничала с Испанией. Продвижение португальцев в Северной Африке очень быстро застопорилось, но зато они добились значительных успехов в Атлантике и на Гвинейском побережье. После нескольких неудачных попыток они захватили Азорские и Канарские острова, а с 1433 по 1460 г. по инициативе Генриха Мореплавателя исследовали все западноафриканское побережье и основали там опорные пункты для снабжения судов и их команд, а также торговые фактории.

На острове Арген, что к югу от Кап-Блана, португальцы построили свой первый форт. Отсюда они вели оживленную торговлю с мавританцами, а также с купцами, приезжавшими из Западного Судана, обменивая ткани и металлические изделия на золото, меха, иногда и на рабов. В 1444—1447 гг. португальские суда достигли устья Сенегала. В сферу португальского влияния попали также низовья Гамбии, расположенный близ ее устья архипелаг Рио-Гранде и часть области Казаманс, послужившей «началом» позднейшей Португальской Гвинеи. О первых торговых базах в этом районе мы знаем чрезвычайно мало. Может быть, соответствующие данные еще скрываются где-нибудь в архивах Лиссабона или в тайниках римской курии. Дальнейшим завоеваниям в Западной Африке, очевидно, помешали смерть Генриха Мореплавателя в 1460 г. и война за престолонаследие с кастильским королем. Лишь в 1479 г., после заключения мирного договора с Кастилией, Португалия добилась монополии на «гвинейскую торговлю» к югу от Канарских островов. Теперь Испании оставалось искать путь в Индию только в западном направлении.

Всю торговлю с Гвинейским побережьем получил на откуп лиссабонский купец Фернан Гомиш. Взамен он обязался в последующие пять лет обследовать еще 100 миль приморской зоны Западной Африки. Так были открыты районы Гвинейского залива. Король Жуан II (1481—1495), удовлетворяя все увеличивающиеся запросы португальской короны, купечества и части дворянства, поощрял продолжение колонизации Западной Африки и поисков легендарных залежей золота и морского пути в Индию. В 1482 г. он повелел построить крепость Сан-Жоржи-да-Мина (Эль-мина в Гане), а впоследствии — еще несколько фортов на Золотом Береге. Своим названием эта местность обязана золоту, которое сразу же сделалось самым ходовым товаром. На острове Сан-Томе руками рабов выращивали сахарный тростник — этим было положено начало использованию района для целей сельского хозяйства.

В 1482 г. новая экспедиция португальцев — ее возглавлял Дногу Кан — открыла дальше к югу устье большой реки — Конго и узнала о существовании могущественного государства. Оставалось сделать совсем немного, чтобы войти в контакт с правителем государства Конго. Во время второго плавания, в 1485 г., три каравеллы Диогу Кана вошли по Конго в глубь страны. Немецкий астроном из Нюрнберга Мартин Бехайм сообщает в надписи на созданном им глобусе, что он участвовал в этой экспедиции. Она же достигла и тех приморских областей Анголы, которые впоследствии стали португальскими владениями: первое постоянное поселение было основано в Сан-Паулу-ди-Луанда только в 1576 г. Португальский король Жуан II приказал своим мореплавателям устанавливать в ключевых пунктах африканского побережья каменные столбы с надписями. Надпись на колонне высотой 2,16 метра, воздвигнутой на мысе Агостиньо, гласит: «Года 6681-го(!) от сотворения мира, года 1482-го от рождества Господа нашего Иисуса Христа вельми благородный, вельми славный и могущественный государь Жуан II, король Португалии, повелел рыцарю своего дома Диогу Кану найти сию землю и установить сей столб».

И все же Диогу Кан не смог открыть южный путь в Индию. Тем не менее все те, кто был заинтересован в колониальных захватах, по-прежнему стремились к одной цели: отыскать морской путь в Индию и избавиться таким образом от необходимости прибегать в торговле к услугам арабских посредников. Но вот после плаваний Бартоломеу Диаша в 1486—1488 гг. стало ясно, что Африку можно обогнуть с юга. Это подтвердил в 1490 г. Педру Ковильян, описавший свое путешествие на борту арабского судна из Софалы в Индию и обратно. Следовательно, португальскому двору эти факты были уже известны. В 1495 г. португальские корабли отправились в Индию, но перед Софалой, не дойдя до Мозамбика, попали в свирепый муссонный шторм и затонули — мы знаем об этом из дошедшего до нас сообщения арабского путешественника.

Однако страх, как бы Испания, извечный соперник, не пожала плоды многолетних усилий Португалии и не извлекла выгоду из морской торговли с Востоком и Индией, заставлял португальского короля снаряжать все новые и новые экспедиции. В 1497 г. Васко да Гама получил приказ пойти с небольшим флотом в Индию и основать там торговые фактории. Ему удалось обогнуть мыс Бурь, или мыс Доброй Надежды, как его потом стали называть, желая задобрить судьбу. Под рождество Васко да Гама достиг местности по другую сторону мыса, которая соответственно моменту открытия стала называться Натал * (* *Natal (порт.) — «Рождество»*). В 1498 г. Васко да Гама и его спутники, продолжая плыть вдоль восточного побережья Африки, обнаружили, к своему удивлению, цветущие торговые города, где жизнь кипела ключом.

Пораженные путешественники рассказывали потом о широкой заморской торговле с отдаленными странами, о больших кораблях, стоявших в гаванях. Вероятно, в порту Келимане (Мозамбик) была сделана такая запись в дневнике экспедиции: «После того как мы два или три дня стояли на якоре в этом месте, из глубины страны пришли посмотреть на нас два сеньора. Они держали себя весьма высокомерно и не обращали никакого внимания на вещи, которые мы пытались им подарить. На одном была тука (шапка), отделанная бахромой с шелковым шитьем, на другом — шляпа из зеленого атласа. Как мы поняли из их знаков, один молодой человек, сопровождавший их, прибыл из далекой страны и уже видел такие большие корабли, как наш». В Мозамбике португальцы наблюдали стоявшие на якоре арабские суда «значительных размеров», «нагруженные золотом, серебром, тканями, перцем, имбирем, серебряными кольцами, а также жемчугом, драгоценными камнями и рубинами в небольших количествах — всеми товарами, необходимыми жителям страны».

Португальская экспедиция заходила также в Момбасу и Малинди, и Васко да Гама наводил здесь справки, возможно ли добраться до Индии. В современной этим событиям хронике говорится о португальских пришельцах: «Когда народ Малинди их узрел, понял он, что несут они войну и гибель, и пришел в великое уныние. Им дали все, что они просили, — воду, древесину, дрова и прочие вещи. Франки, однако, потребовали кормчего, чтобы тот повел их в Индию и обратно, в их страну, да будет она проклята». Васко да Гама, по-видимому, получил кормчего* (* *Лоцманом Васко да Гамы был Ахмад ибн Маджид, видный южноарабский мореплаватель и автор нескольких трактатов по морскому делу*): он пересек Индийский океан и 20 мая 1498 г. прибыл в Каликут, важный торговый город в Индии, служивший перевалочным пунктом на стыке морских путей из Восточной Африки в страны Востока. Когда король Мануэл объявил во всеуслышание, что его флот обогнул Африку и благополучно прибыл в Индию, он с согласия папы римского присвоил себе титул «владыка Гвинеи и ее земель, владыка судоходства и торговли с Эфиопией, Аравией, Персией и Индией».

В 1502 г. Васко да Гама вторично появился у берегов Восточной Африки. Он зашел в Софалу (Мозамбик), а правителя Килвы, крупнейшего центра посреднической торговли, обложил ежегодной данью королю Португалии в знак его зависимости. В 1503 г. данником Португалии стал и Занзибар. Но только в 1505—1507 гг. португальцы начали строить постоянные крепости с гарнизонами в Софале, где уже не раз останавливались их

корабли на пути в Индию, а главное — в Килве и в Момбасе. Таким путем они стремились сломить превосходство арабо-суахилийских торговцев в этом районе. Килва, находящаяся на острове, Момбаса и некоторые другие города Восточной Африки были взяты приступом, разграблены и частично преданы огню. На Ламу португальцы наложили дань, а в Малинди в 1509 г. построили факторию.

Анонимный источник, относящийся к 1505 г., повествует о драматическом взятии Килвы, население которой, в том числе правитель со всем семейством, покинуло город. Многие города Восточной Африки один за другим были превращены в пепел. Их сопротивление было подавлено огнем корабельных пушек португальцев. Все это имело катастрофические последствия для Восточной Африки. Однако в северной части побережья португальцам закрепиться не удалось, хотя в 1541 г. их флот дошел до Могадисио. Правда, они оказали помощь негусу Эфиопии и благодаря своему военнотехническому превосходству отразили в 1541—1543 гг. наступление турок, заключивших союз с султанатом Адаль, но в общем к северу от Момбасы они чувствовали себя весьма неуверенно. Правители и вожди племен и народов побережья то и дело подымали восстания (об этом ниже) и искали помощи у турецких правителей Северной Африки. В конечном счете самой северной точкой португальского владычества в Восточной Африке оказалась Момбаса, которая была пожалована правителю Малинди в награду за верноподданнические чувства. В 1593 г. португальцы построили в Момбасе как символ своего могущества большую крепость Форт Жезу; ее мощные стены по сей день вызывают у зрителей удивление.

Первоначально восточноафриканское побережье должно было служить промежуточным этапом на пути португальцев в Индию. Оснащенное целой сетью крепостей, военных и морских баз, торговых факторий, оно составляло часть системы торговых и военных опорных пунктов португальской короны, охватывавшей Аден, Персидский залив, западное побережье Индийского субконтинента, остров Ланка и доходившей до Малайского полуострова (Малакка) и Молуккских островов. Под власть португальцев подпали даже области на берегах Южно- и Восточно-Китайского морей, в частности Макао (Китай) и Тайвань. Центром этой колониальной «империи» на Востоке был захваченный в 1510 г. Гоа (Индия), где находилась резиденция вице-короля. «Золотой Гоа», изобиловавший храмами и дворцами, «Славившийся легендарными богатствами, очень скоро стал вызывать удивление и зависть других держав. Под господством Португалии находились также Ормуз в Персидском заливе и восточноафриканское побережье, где остров Мозамбик использовался как стоянка для флота.

Когда в начале XVI в. была открыта и завоевана Бразилия, Португалия, казалось, находилась на вершине могущества. Только ей удалось преуспеть в Африке! Полвека спустя положение кардинально изменилось.

Что было тому причиной? И какие причины вообще толкали Португалию с начала XV в. к колониальным захватам?

Эпоху географических открытий и колонизации заморских земель открыли государства Иберийского полуострова — Испания и Португалия. Глубокие экономические процессы, в частности образование в городах раннего капиталистического производства и формирование элементов капитализма в торговле и банковском деле, изменили облик позднефеодального общества на Иберийском полуострове. В приморских городах, в которых рано появились зачатки капитализма и которые своим географическим положением были как бы предназначены строить морские суда, выделилось сословие, стремившееся вести торговлю с дальними странами. Состояло оно из купцов и судовладельцев. В Португалии XV в. их влияние не выходило за пределы городов, а главное, они отнюдь не имели намерения вкладывать получаемые доходы в мануфактуры, иначе говоря, в возникавшие промышленные предприятия. Именно это обстоятельство способствовало преждевременному упадку морских городов и выдвижению в них на первый план все той же феодальной аристократии.

Но на первых порах представители раннего капитализма выступали главными инициаторами и исполнителями морской экспансии * (* Как показывают исследования польского ученого проф. М. Маловиста, португальская колониальная экспансия XV—XVI вв. оставалась чисто феодальной по своему характеру. Интересы португальского купечества практически не принимались в расчет. Более того, тесная связь португальской короны с купцами и банкирами южногерманских городов (Аугсбург, Нюрнберг) делала последних более заинтересованными в португальских колониальных предприятиях, нежели немногочисленную и слабую португальскую буржуазию (см. M. Małowist. *Europa a Afryka Zachodnia w dobie wczesnej ekspansji kolonialnej*. Warszawa, 1969).). Именно они сделали первые шаги на пути колониализма, который, пройдя в ходе своего развития различные фазы, в целом тем не менее бесспорно представляет собой явление капиталистической формации. Ускоренный процесс первоначального накопления, с одной стороны, обуславливал расширение сферы влияния капитала и торговых связей, с другой — создавал потребность во всемирном рынке и толкал к колониальным захватам и эксплуатации чужеземных народов. В то же время эти действия раннего капитализма, столь пагубные для многочисленных народов, и в первую очередь для африканских, укрепляли нарождавшуюся буржуазию. «Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности... В той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от средневековья»¹². Это положение, высказанное Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии», относится и к колониальной политике Испании и Португалии, хотя их купечество не столько само осуществляло колониальную экспансию в рассматриваемый период позднего феодализма и зарождения капитализма, сколько пожинало ее плоды.

В борьбе за захваты новых земель и особенно за их ограбление с самого начала совпали интересы трех группировок: торговой буржуазии, рано вставшей на путь капиталистического развития, части феодальной знати и, что не менее важно, абсолютистской центральной власти. Там, где дело касалось присоединения и эксплуатации чужих территорий, они проявляли полное единодушие, хотя и в силу различных причин.

Не только обедневшие сыновья мелкопоместных и средних дворян надеялись на возобновление завершившейся в Португалии в XIII в. реконкисты (войны за возвращение южных областей Иберийского полуострова, захваченных арабской аристократией), ибо она сулила им земли и крестьян. Высшая знать также не скрывала своей заинтересованности в войне: дворяне особенно остро ощущали экономические спады, из-за которых сокращались денежные поступления от зависимых людей. Это вынуждало аристократов умерять свои потребности, и прежде всего потребление предметов роскоши, в основном именно для них доставлявшихся с Востока. Одни дворяне в поисках наживы обращались к пиратству и на мавританских судах из Гранады и Феса искали добычи в Северной Африке, другие участвовали в плаваниях и торговых операциях у берегов Западной Африки. В 1478 г. испанский двор предоставил герцогу Альбе право направить в Гвинею каравеллу водоизмещением до 540 тонн, но герцог уступил лицензию купцу из Севильи. В возмещение огромных расходов на финансирование флота и экспедиций король Португалии пожаловал Генриху Мореплавателю монополию на судоходство, рыбную ловлю и торговлю на захваченных землях. Более всего, однако, дворянство жаждало получить за морем землю и таким образом умножить свои владения. Поэтому на первых порах колонизации островов в Атлантике, а также Бразилии и отчасти Африки португальцы устанавливали привнесенные с родины нормы ленных и феодально-помещичьих отношений.

Третьей немаловажной силой тройственного союза был абсолютизм, который стремился сохранить равновесие между ранне-капиталистическими городами и

дворянской фрондой и в результате в XV в. сумел укрепить свои позиции в складывавшемся национальном государстве. Центральная власть поддерживала колониалистские тенденции португальского купечества, ограничивая участие иностранных судов, прежде всего итальянских, в перевозке товаров. Португальская корона сама была заинтересована в морских экспедициях — их открытия приносили ей большие прибыли — и сумела обеспечить свое влияние, раздавая многочисленные привилегии и монополии и подчиняя колониальные области феодально-абсолютистской власти. Осуществлялись только те экспедиции и колониальные захваты, которые отвечали особым интересам и видам короны.

Конкретным поводом к основанию первых опорных пунктов португальцев послужил скрытый кризис и даже прекращение торговли со странами Леванта. Сухопутные связи с Востоком, особенно торговля с поставщиком шелка и пряностей — Индией, нарушились из-за нового наступления турок. К этому добавились невозможность скомпенсировать пассивный платежный баланс и оскудение месторождений благородных металлов на территории Европы. Общая нехватка монеты затронула и Португалию.

Поиски золота и других благородных металлов, подстегиваемые сообщениями о богатых золотых россыпях на побережье Гвинеи, растущая заинтересованность в установлении прямой связи по морю со странами, производившими пряности и предметы роскоши, в обход конкурентов — посредников из арабских стран, Передней Азии и Северной Италии — таковы были экономические стимулы географических открытий, а следовательно, и распространения португальского влияния. Благодаря успешной торговой политике в Западной Африке Португалия получила материальные средства и обогатилась опытом, что дало ей впоследствии возможность выйти в бассейн Индийского океана. Естественно, португальские моряки приобретали географические и навигационные познания, важные практические навыки и в результате стали лучшими среди европейских мореплавателей, наравне с их испанскими соперниками. Они прекрасно умели составлять морские карты и отчетливо представляли себе, что земля имеет форму шара.

Португальская корона вела колониальные захваты под религиозно-политическим знаменем крестовых походов, т. е. во имя продолжения борьбы против ислама, от политического господства которого феодалы Иберийского полуострова только что освободились. Нуждаясь в международной поддержке отечественного судоходства и торговли, и португальский и испанский короли ставили свои заморские завоевания под защиту папы римского. Последний в многочисленных посланиях и буллах, например в 1452 г., поручал Португалии сражаться против язычников, значит, в первую очередь против мусульман. В послании от 1493 г. папа отдавал Испании и Португалии все земли, которые были открыты и захвачены раньше и будут открыты впредь в Западном и Восточном полушариях.

Церковь и духовенство вообще играли активную роль и в миссионерском деле, с самого начала тесно связанном с колониальными захватами португальцев, и в экономической эксплуатации народов, среди которых они подвизались. Многие монашеские ордены — францисканцев, иезуитов, августинцев и др. — направляли в захваченные области своих представителей. В Восточной Африке, и прежде всего в Конго, миссии учреждали собственные торговые предприятия, а в последующие столетия разбивали во многих районах огромные плантации.

В то время португальцы еще не помышляли о создании в Африке или в Азии постоянных колоний, замкнутых колониальных империй. Им нужны были лишь торговые, военные и морские опорные пункты, ибо колонизация такого рода отвечала интересам раннекапиталистических элементов португальского колониализма. Только в Бразилии португальцы по примеру испанцев оружием покоряли население обширных территорий. Португальцы вели систематический колониальный грабеж. Они объявляли своей монополией присвоение и вывоз самых ценных продуктов из зависимых областей, заключали грабительские торговые сделки, облагали население высокой данью в виде

золота, слоновой кости, а позднее и рабов, не гнушались даже обычными грабежами и поджогами. Методы этой политики и ее последствия, конечно, в разных местностях различались, но общими для них были необычайно жестокие проявления и характерные признаки португальской колониальной системы.

Слияние португальского колониализма с феодальными элементами с самого начала повлекло за собой важные последствия: от эксплуатации колоний в итоге больше всего выигрывала не ранняя буржуазия португальских городов, иными словами, не купцы, ведущие заморскую торговлю, торговые агенты, служащие факторий, а феодально-абсолютистская центральная власть и связанные с ней помещичья верхушка и католическая церковь. Все важнейшие предметы экспорта, такие, как пряности, шелка, да и многие другие товары, были объявлены монополией короны. Когда же они поступали из королевских факторий или в виде налогов в Лиссабон, королевские чиновники продавали их, точнее, поставляли торговым фирмам других европейских стран. Это приносило королю Португалии колоссальные прибыли.

Из среды феодальной аристократии вербовались высокопоставленные, ленные чиновники, военачальники, морские офицеры и командиры военных баз. Дворянство обогащалось, однако, не только за счет военных экспедиций, государственных налогов, дани и т. д., но и извлекало огромные доходы из торговых операций. В некоторых захваченных районах феодальная бюрократия пыталась пересадить на местную почву феодально-помещичьи формы эксплуатации. В результате доходы от колоний и коммерческие прибыли не поступали в торговые и промышленные предприятия раннекапиталистической буржуазии. Они уходили на роскошные постройки, пышные посольства и пенсии аристократам, а следовательно, не вели к экономическому и политическому укреплению государства и ускоренному развитию капитализма. Напротив, их следствием явилось загнивание метрополии и упрочение феодальных пережитков.

Могущественные торговые компании капиталистического характера в других развитых европейских государствах, таких, как Нидерланды, Англия и Франция, включились в борьбу за раздел «колониального пирога». В силу изложенных выше причин Португалия в XVII в. лишилась опорных пунктов в Азии — они перешли преимущественно к Нидерландам. На Африканском континенте Португалию также потеснили европейские державы, переживавшие период меркантилизма, а в Восточной Африке, кроме того, еще и арабские феодальные династии. К началу XIX в. власть Португалии, даже в Мозамбике и Анголе, почти повсеместно была только номинальной¹³.

К середине XIX в., спустя 400 лет после начала колониальных захватов, от португальской «колониальной империи» почти ничего не осталось, если не считать незначительных опорных пунктов на побережье Анголы и в других частях материка, а также острова Мозамбик, где помещалась резиденция губернатора. Тем не менее Португалии впоследствии удалось отстоять свои «исторические права» от колониальных посягательств империалистических держав, подымавших голову, и заявить свои притязания на большие территории, но это было обусловлено отнюдь не развитием в этой стране монополистического капитализма, а обстоятельствами второстепенного значения: Португалия сумела использовать к своей выгоде соперничество между империалистическими державами. Для Великобритании, которая оказывала ей экономическую и политическую поддержку, Португалия служила буферной зоной при приобретении колоний и была марионеткой в ее руках. После 1890 г. Португалия пыталась осуществить «эффективную оккупацию» выпавших на ее долю колониальных областей. Так начался новый этап колониального угнетения народов португальских владений, закончившийся только в 1975 г.

1.2. Побережье Восточной Африки и его хинтерланд в период колониальной экспансии Португалии

Строительство португальцами военных фортов и торговых факторий, разрушение некоторых важных приморских городов оказали глубокое воздействие на традиционную экономическую структуру Восточной Африки. Дело не только в том, что уничтожались те или иные объекты: действия португальцев влекли за собой полную экономическую катастрофу. Португальцы монополизировали' чрезвычайно выгодную для восточноафриканского побережья заморскую торговлю, в том числе и с Индией, а в южных районах захватили в свои руки также внутриконтинентальные коммерческие связи, имевшие жизненно важное значение для некоторых городов, например для Килвы и Софалы. Это, в свою очередь, вызвало цепную реакцию — опустошение целых районов, гибель централизованных иерархических структур, союзов племен и государств (Мономотапа), хозяйство которых основывалось прежде всего на вывозе золота, слоновой кости и горнорудной продукции. В сообщениях, относящихся к этому времени, говорится о полном упадке к началу XVI в. таких центров, как Килва, Пате, Момбаса, Малинди. Суахильское население этих городов быстро сокращалось. Племена в глубине континента, ранее зависевшие от них, использовали общее ослабление могущественных приморских городов для вторжений на их территорию. Так, в 1587 г. Килва подверглась нашествию пришедших с юга зимба. Они разграбили город и, как сообщает монах-доминиканец Жуан дос Сантос, перебили три тысячи жителей.

И все же португальцы не смогли закрепиться на всем побережье Восточной Африки и превратить свои колонии в прибыльные торговые базы. Им так и не удалось установить действенный контроль над торговлей со всеми заморскими странами, включая Ост-Индию. На севере, на путях, проходивших через Красное море, с ними продолжали конкурировать арабские и отчасти венецианские купцы. В Азии к торговле пряностями, над которой португальцы установили было свою монополию, им пришлось допустить других посредников. Но восточноафриканские города, часто по несколько раз подвергавшиеся разрушениям и обложенные огромной данью, не могли так быстро вернуться к жизни. Этому препятствовали поставленные над ними португальские губернаторы, военачальники и сильный военный флот. В целом, однако, у Португалии не хватало сил, чтобы долгое время удерживать под своей властью столь длинную береговую линию. Только на юге — в Келимане, Софале, Мозамбике и в заливе Делагоа — были созданы посреднические торговые фактории, приносившие большие барыши.

Многие португальские экспедиции, даже ранние, в поисках залежей золота и руд во владениях легендарного правителя Мономотапы проникали в глубь страны. Явились португальцы и ко двору мвене мутапы. В 1552 г. миссионер Гонсалу да Силвейра попытался обратить его в христианство, но поплатился за это жизнью. Влияние португальцев на правителя возросло лишь после того, как они продвинулись по Замбези в глубь страны и воздвигли в Сене и Тете сильные военные и торговые опорные пункты. Это оказалось губительным для местной посреднической торговли. Всего несколько дневных переходов отделяли Сену и Тете от столицы Мономотапы, которая в конце XV в. была перенесена дальше на север. Опасаясь, что португальцы могут окружить его • владения, и стремясь обезопасить себя от нападений с юга правившей в Зимбабве династии Чангамире, мвене мутапа за ничтожное вознаграждение предоставил свободный доступ в подвластные ему области португальским торговцам и эмиссарам. Но португальцев по-прежнему влекло к себе «африканское Эльдorado» — золотые копи и железные рудники. В 1570 г. португальская экспедиция направилась из Сены на Замбези к рудникам.

С начала XVII в. отношения между португальцами и государством Мономотапа все более ухудшались. Гатси Русере (1596— 1627), вынужденный все чаще прибегать к военной помощи португальцев в борьбе против враждебной династии Чангамире, в 1607 г. отдал под власть португальцев все рудники, где добывались золото, медь, олово и железная руда. Зависимость правителя Мономотапы от португальцев непрерывно увеличивалась. С начала XVII в. возникло новое грозное явление: в долине Замбези и

соседних районах португальцы стали разбивать плантации. Осевшие здесь португальские колонисты, отставные военные и выходцы из Гоа, почти не признававшие португальского губернатора, чья резиденция находилась на острове Мозамбик, создали свое частное войско. С его помощью они грабили и убивали, подчиняя себе соседние сельские общины и племена. В соответствии с феодальной ленной системой они заставляли поработенных и зависимых от них жителей выполнять трудовую повинность и платить дань в виде податей, подношений и пошлин.

Мвене мутапа, крайне обеспокоенный, как и вожди пограничных племен, распространением влияния португальцев к югу от Замбези, воспользовался тем, что они прекратили выплату какой бы то ни было компенсации, и предпринял карательную экспедицию против колонистов. Однако сводная армия португальцев — к ней присоединились многие африканцы, недовольные мвене му-тапой, — разбила его войска. Почти вся знать была перебита. Преемник Русере подписал унижительный договор и был низведен до положения марионетки. Португальцы вынудили правителя, ставшего отныне «вассалом короля Португалии», уступить права на добычу полезных ископаемых, обеспечить миссионерам свободный доступ в страну и поддержку, изгнать арабских купцов.

Правитель Мономотапы полностью лишился своей власти, независимые вожди и провинции окончательно вышли из его подчинения. Государство распалось.

Но португальцам было нелегко использовать горнорудные богатства. Африканцы засыпали рудники землей и уходили в глубь страны, лишь бы не работать на чужеземцев. Трудности такого рода и сложность транспортировки добычи ослабили интерес португальцев к эксплуатации природных богатств Мономотапы. В довершение неудач Чангамире, которые начиная с 1684 г. неоднократно и успешно нападали даже на португальский форт на Замбези Сену, в конце XVII в. захватили и без того полуразвалившуюся столицу марионеточного правителя Мономотапы. Они также вышли победителями из всех последующих боев за опорные пункты португальцев, находившиеся вне пределов государства Мономотапа. Торговля слоновой костью в областях, подчинявшихся вождям малави, вышла из-под контроля португальцев и сосредоточилась в руках торговцев яо.

Для спасения своих владений к югу от Замбези, где у него земля горела под ногами, король прибегнул к помощи системы «празуш да короа» (коронных имений). Начиная с 1650 г. празуш отдавались в виде ленных владений португальским арендаторам, которые взамен выплачивали метрополии определенную аренду, чаще всего золотым песком. Эти имения носили характер средневековых феодальных хозяйств, основывались на использовании принудительного труда африканцев и выполняли важную функцию — арендаторы именем короны управляли территориями, на которых они находились. Празуш впитали в себя племенную систему бантуязычного населения, и их владельцы переняли, помимо всего прочего, положение и права вождей. Но под давлением возникших в это время потоков переселенцев и непрекращавшихся военных набегов африканских племен празуш с трудом продержались около ста лет. Иначе и не могло быть — празуш основывались на позднефеодальных принципах управления и зависимости, а механическое перенесение на почву Африки феодальных отношений неизбежно должно было закончиться неудачей.

В то же время социально-экономические условия в метрополии отнюдь не способствовали созданию подлинной поселенческой колонии вроде тех, которые в то время уже основывали Голландия и Англия. Португальские владения отпадали одно за другим, у колонизаторов оставались лишь немногочисленные опорные пункты на Замбези и несколько торговых факторий на побережье Мозамбика. Приморские города лишались связи со своими тылами. Ничего не добился и маркиз де Помбаль, представитель просвещенного абсолютизма, который после отделения в 1752 г. «колонии» Мозамбик от Индийского Гоа пытался активнее использовать африканские владения как источник накопления в интересах развития капитализма в Португалии, усилить позиции португаль-

ского капитала в борьбе с нидерландскими и английскими конкурентами и положить конец «старой» практике колониальных феодальных чиновников и иезуитов.

Давно устаревший социальный строй Португалии проявил полную неспособность идти в ногу с изменениями, происходившими в колониальной политике. Как страшный гротеск выглядит, например, относящийся к 1812 г. рассказ о губернаторе доне Антонио Мануэле ле Мелло Кастро э Мендозу, который, с одной стороны, выступал в Мозамбике таким независимым феодальным князем старой закалки, а с другой — действовал как грабитель. Он, как утверждали, сколотил состояние в 80 тысяч фунтов стерлингов. Такие города, как Софала и Келимане, переживали упадок. Только в XVIII в. из этих портов начали вывозить рабов в Бразилию и на французские острова Маврикий и Бурбон. Но даже в начале XIX в. их число не превышало 10—15 тысяч человек в год, что не шло ни в какое сравнение с масштабами аналогичных операций в Западной Африке.

Население северной части восточноафриканского побережья пыталось сбросить хищническое владычество португальцев. То и дело вспыхивали восстания и другие акции сопротивления. Особое мужество и решимость проявили жители Момбасы, несмотря на наличие в этом городе могучей португальской крепости Форт Жезу. Восстание 1631 г. вошло в анналы истории Момбасы. Подробное сообщение о нем оставил анонимный автор итальянской рукописи «Рассказ о восстании Жерониму Чингулия, короля Момбасы». Жерониму в детстве воспитывался у священников и монахов Августинского ордена, и король Португалии поставил его, как своего верного вассала, над Момбасой. Он, однако, организовал восстание, значение которого вышло далеко за границы Момбасы. Очевидно, Чингулия со своими приближенными долго и тщательно готовился к выступлению.

Неизвестный автор так описывает события: «Во время визита к коменданту крепости... король напал на него и завладел всеми ключами. После этого свита короля сняла португальских часовых. Со стен крепости король подал сигнал к восстанию... Когда португальцы увидели, что лишились своего военного оплота — крепости, они с чадами и домочадцами, захватив все свои драгоценности, продукты и оружие, бросились искать прибежища в августиновском монастыре Святого Антония». Повстанцы арестовали всех португальцев, сожгли их дома и убили монахов-августинцев, пытавшихся вступить с ними в переговоры. Только тем, кто, подобно королю Момбасы, принял ислам, удалось сохранить жизнь и имущество. Обитель августинцев была подвергнута орудийному обстрелу, и лишь немногим португальским священникам и купцам посчастливилось спастись на острове Пате, откуда они сообщили о случившемся вице-королю в Гоа.

Тот немедленно отправил карательную экспедицию — португальскую эскадру под командованием генерала де Мора. Она прибыла к Момбасе в январе 1632 г., но была встречена сильным артиллерийским огнем и не смогла высадить десант. Начинаясь период муссонов, путь в Индию был португальцам закрыт, и они отступили к Занзибару. Три корабля остались в Пате, чтобы отсюда держать Момбасу под контролем. Когда год спустя португальские суда снова подошли к Момбасе, они обнаружили, что Форт Жезу да и весь город полностью уничтожены. Правитель Момбасы с огромной дружиной, все население, стар и млад, со всем своим имуществом отступили в глубь страны и увели туда артиллерию. Отсюда повелитель Момбасы до 1637 г. предпринимал набеги на португальцев. Помощь и поддержку он нашел на севере — у турок. В 1634 г. португальцы снова возвели дорогостоящие оборонительные сооружения. Фундамент новой португальской крепости закладывали колонисты Пате и Занзибара.

Восстание в Момбасе, направленное против колониального господства португальцев, обнаружило типичные для той эпохи черты. Оно, бесспорно, было хорошо подготовлено. Однако, хотя население Манды, Чаке-Чаке на острове Пемба и Пате одновременно отказалось платить дань португальскому государю, остальные города побережья и хинтерланда в решающий момент не поддержали Момбасу. Португальцам неизменно удавалось использовать в своих целях вражду и соперничество между арабо-

суахильски-ми правящими семьями. Снова сказались стратегическое и военнотехническое превосходство португальцев, прежде всего в организации колониальных войск. Повстанцам, несмотря на значительные временные успехи, под конец не оставалось иного выхода, как бежать подальше от побережья, чтобы спастись от мести португальцев. В то время подобные восстания не могли увенчаться успехом еще и потому, что не имели программы и не ставили перед собой далеко идущих целей * (* Восстания такого рода в средневековом обществе не могли иметь никаких осознанных «далеко идущих целей» социально-политического характера, помимо стремления (восстановить традиционные порядки. А их идеологическое оформление неизбежно оставалось религиозным вне зависимости от того, шла ли речь о столкновении между адептами разных религиозных систем или о движениях внутри какой-либо одной из них (например, в случаях ересей).). Идеологические требования повстанцев — возвращение к исламу и прекращение деятельности католических миссий и монашеских орденов, прокладывавших путь португальскому колониализму и извлекавших из него выгоды, — показывают, что задачей восстания было восстановление старых политических и социальных порядков, существовавших до португальского завоевания.

Несмотря на репрессии и разрушения, города восточноафриканского побережья в XVI—XVIII вв. оставались центрами развития; суахильской культуры. С середины XVII в. они обратились к поискам нового военного союзника, который вскоре появился, но отнюдь не принес им долгожданной независимости. Это был имам Маската-Омана. С 1652 по 1698 г. имам Султан ибн Сайф покорил все города к северу от Мозамбика и поставил над ними своих наместников. На восточном побережье Африки у португальцев появился новый соперник.

1.3. Португальское господство в Конго и Анголе

В Западной и Центральной Африке началась новая глава колониальной политики Португалии. На первых порах экспансии на побережье Западной Африки торговые фактории добивались «активного торгового баланса» в основном с помощью различных форм вымогательского обмена с местными торговцами и племенами. Крепости на Золотом Береге — в Эльмине, Аксуме, Шаме и недолгое время в Аккре — наряду со своим прямым назначением служили торговыми опорными пунктами. Наибольшим спросом пользовалось у европейцев на побережье золото, за ним шли слоновая кость, перец, воск и только затем рабы, исчислявшиеся единицами. В обмен на эти товары торговцам из племени фанти предлагали соль, ткани, орудия труда, огнестрельное оружие. Крепости были зримыми свидетельствами военного превосходства новых пришельцев, призванными подтверждать их власть над прибрежными районами и защищать их от посягательств европейских конкурентов. В Бенинском заливе португальцы обосновались лишь ненадолго.

С конца XV в. главное их внимание было направлено на область близ устья Конго, но только во время второго путешествия Диогу Кану удалось попасть ко двору маниконго. Правитель восседал на богато украшенном троне из слоновой кости, его голову венчал головной убор, сплетенный из пальмовых листьев, через плечо висел отделанный серебром лошадиный хвост — символ царской власти, левую руку украшал браслет из слоновой кости. За первыми контактами последовали очень оживленные отношения в ближайшие несколько лет. В энергичном правителе Конго, вынужденном преодолевать многочисленные трудности в связи с феодальным сепаратизмом * (* Утверждение о феодальном характере сепаратизма в средневековом государстве Конго основывается на несколько «завышенном» представлении об уровне развития этого раннеполитического организма. Исследования последних лет свидетельствуют скорее о том, что в Конго процесс формирования классового общества еще находился на очень ранних стадиях.), Португалия видела своего естественного союзника, которого в целях подготовки почвы

для эксплуатации Африки следовало поддерживать и одновременно использовать в своих интересах.

С 1489 г. происходил регулярный обмен посольствами между Португалией и двором маниконго. Король Португалии направлял в Конго не только миссионеров, но и ремесленников: каменщиков, плотников, кровельщиков, которые превратили столицу Мбанза (на севере современной Анголы) в город, состоявший из больших зданий. Были возведены церкви, и вслед за вождем приморской области Соньо маниконго и тысячи его подданных, совершив пышный ритуал, приняли католичество. При правителе Аффонсу I (1507—1543) миссионерам был открыт свободный доступ в столицу государства Конго, которая стала называться Сан-Сальвадор, придворный этикет маниконго был перестроен по португальскому образцу, управление государством «реформировано» по принципу португальских кодексов права, носивших феодально-абсолютистский характер. Место вождей и правителей заняли герцоги и маркизы, одевавшиеся по португальской моде. Благодаря этому мероприятию были не только учреждены новые служилые должности, но и укреплено внутреннее управление государством по территориальному принципу* (* Здесь перед нами модернизация исторической реальности, причем, так сказать, двойная. Во-первых, португальцы описывали общественную организацию Конго в привычных для себя категориях развитого европейского общества. Они основывались при этом на поверхностном сходстве явлений и не задумывались над тем, в какой мере оно отражает действительное положение вещей. Во-вторых, некритическое восприятие этой португальской терминологии позднейшими исследователями как раз и создало в науке своего рода традицию модернизации уровня общественного развития средневекового Конго.).

Сыновья конголезской знати обучались в Португалии. Сын Аффонсу I Энрике, долго живший в Португалии, был принят папой римским и рукоположен в сан епископа Утики. В архивах Португалии хранятся относящиеся к этому периоду 22 письма Аффонсу I королю Португалии Мануэлу, написанные различными секретарями на превосходном португальском языке. В них, как в зеркале, отразились мысли и действия правителя Конго, человека в известном смысле необычайно образованного для своего времени. Из писем видно, как он искал у европейских пришельцев помощи и поддержки в борьбе против сепаратизма отдельных княжеств, прежде всего своего южного соперника — Нголы из княжества Ндонго, но, кроме того, видел в них своих естественных, торговых партнеров. Аффонсу I признавал военное и навигационное превосходство португальцев и пытался с помощью их огнестрельного оружия победить своих врагов. Но в конце концов маниконго должен был понять, что это тщетные надежды. Точно так же в последующие столетия не раз обманывались представители племенной и феодальной верхушки африканских народов.

Прошло много времени, прежде чем колониальная практика португальцев открыла глаза Аффонсу. Этому способствовали интриги миссионеров, которые, умело используя в корыстных интересах внутренние противоречия в государстве Конго, и в первую очередь противодействие аристократии, подрывали центральную власть. Вначале Аффонсу I удовлетворял все пожелания португальцев. С его позволения они основывали торговые базы и миссионерские пункты и даже вели разведку полезных ископаемых. Но именно в его правление в колониальной эксплуатации Западной Африки начались важные изменения. Торговля золотым песком, слоновой костью и другими неодушевленными предметами сменилась варварским вывозом невольников за океан.

Около 1530 г. португальцы положили начало чрезвычайно выгодной работоторговле, которую в XVII и XVIII вв. довели до апогея их могущественные соперники — голландцы, французы и англичане. Уже на первые свои суда, возвращавшиеся из Африки в Лиссабон, португальцы грузили рабов. Их перепродавали в другие европейские страны или же использовали для домашних услуг либо в качестве крепостных на полевых работах в крупных поместьях португальских и испанских феодалов. Однако их число было

ничтожно. Социально-экономическая структура государств Иберийского полуострова исключала массовое применение рабского труда.

Положение изменилось, когда возросла потребность в труде рабов на вновь заложенных плантациях островов Сан-Томе, Зеленого Мыса и Бразилии. Да и испанские владения на Кубе, на Эспаньоле (Гаити и Доминиканская Республика) и в северной части Южной Америки также предъявляли усиленный спрос на рабов, которые могли бы заменить в рудниках и на капиталистических плантациях замученных работой, вымиравших индейцев, к тому же оказывавших сопротивление.

Государство Конго и все побережье Анголы особенно привлекали работорговцев. Объем работорговли, которая велась через специальные фактории, резко возрос. На вывозе невольников наживались не только ловкие работорговцы, но и католические миссии. Они принимали в нем непосредственное участие и за каждого предназначенного на продажу и погруженного на корабль раба получали «налог за крещение». На побережье и на дорогах, которые вели к государству Конго, были возведены окруженные толстыми стенами фактории, где торговые агенты «хранили» захваченных невольников до прибытия грузовых судов. В работорговлю были втянуты вассальные правители и племенная аристократия прибрежной полосы. Их превращало в послушные орудия работорговцев стремление любой ценой получить огнестрельное оружие и с его помощью добиться независимости от центральной власти маниконго. Они сами доставляли чужеземным купцам своих соплеменников, являвшихся членами многочисленных деревенских общин, и участвовали в их продаже.

Последствия трансатлантической работорговли не замедлили сказаться: целые районы обезлюдели, во многих местностях прекратилась традиционная африканская торговля, социальные основы общества были подорваны. Децентрализация возрастала день ото дня, государство Конго близилось к распаду. Поняв очень скоро, что пагубная политика работорговцев несет стране гибель, маниконго и часть аристократии попытались оказать ей сопротивление. В конце своего царствования король Аффонсу I запретил вывоз рабов, но ему не удалось воспрепятствовать ввозу в Конго европейских товаров и тем самым закрыть источник нелегальной работорговли. Он находился в плену иллюзий о «равноправии» с португальским королем, которому достаточно было сказать, чтобы прекратить разбойничьи происки работорговцев.

В письме к Жуану III Аффонсу I жалуется на «чрезмерную свободу, которую предоставляют Ваши чиновники и агенты тем людям и купцам, которые получают разрешение являться в это королевство и здесь открывать торговлю товарами и многими вещами, которые нами запрещены... Мы не в состоянии измерить, сколь велик наносимый ими ущерб, ибо названные выше купцы каждый день захватывают наших подданных... Они берут их в плен, а затем продают. Испорченность и разнузданность купцов столь велики, что наша страна близка к тому, чтобы сильно обезлюдеть». В заключение Аффонсу обратился к Жуану III с просьбой: «А потому мы просим Ваше Величество помочь нам в этих обстоятельствах и оказать нам поддержку тем, что Вы прикажете Вашим агентам не посылать сюда купцов и товары, ибо мы желаем, чтобы в этих королевствах (в Конго) ни работорговли, ни рынка рабов больше не было». «Королевский брат», разумеется, вовсе не был склонен выполнить эту просьбу. Но ведь не только маниконго, но и многие другие правители в последующие века в силу свойственного им образа мышления не могли постигнуть сущность и цели чуждого им общественного порядка, в котором усиление капитала предопределяло отношения эксплуатации.

Хотя государство Конго формально оставалось независимым, правящая династия и аристократия все больше запутывались в тенетах колониальной политики Португалии. Этому способствовала угроза военного нападения с востока хорошо организованных племенных объединений. При Алвару I (1568—1574) яга разграбили столицу Сан-Сальвадор. Маниконго был вынужден отменить ограничения в деятельности португальских купцов, в благодарность за что в 1570 г. он получил от Португалии подкрепления и с их помощью

оттеснил яга. Тем не менее в дальнейшем государство Конго сжалось до размеров небольшого княжества. В 1665 г. маниконго Антонио I также попытался восстать против опеки португальцев и против работорговли с ее губительными последствиями. Он изгнал из страны купцов и миссионеров и объявил недействительным договор от 1651 г., в силу которого правитель Конго окончательно отказывался от всех своих прав в Луанде и в областях к югу от Данде. Антонио собрал большую армию, по численности превосходившую силы португальцев, но в битве при Амбуиле она была разбита, а сам Антонио убит.

Вряд ли кто из его современников еще помнил, что в начале XVI в. при Аффонсу I Конго было могущественным государством. Сан-Сальвадор, некогда знаменитая столица, в XIX в. напоминал свою собственную тень. Усилиями европейских работорговцев и их африканских пособников огромные области лишились населения и пришли в запустение. Работорговля и мошеннический обмен огнестрельного оружия, железных предметов и хлопчатобумажных изделий на местные товары подорвали искони сложившееся ремесло и уничтожили внутриафриканские торговые связи. Государство Конго не смогло освободиться от тисков колонизаторов. В то время, когда происходил империалистический раздел Западной Африки, по рекомендациям Берлинской конференции 1884—1885 гг. обширные владения маниконго были беспрепятственно включены в состав португальской Анголы.

И все же Конго обмануло надежды португальцев: вопреки своим ожиданиям они так и не нашли на его территории богатые залежи благородных металлов. Зато к югу от реки Кванза, на побережье Анголы, купцов и агентов короны ожидали серебряные рудники и благоприятные условия для охоты на рабов, а потребность в рабах с каждым годом возрастала. На побережье Анголы португальцы построили новые крепости и опорные пункты, например в 1576 г. Сан-Паулу-ди-Луанда (Луанда), а в 1617 г. Бенгелу, и отстояли их от посягательств голландцев. Эти береговые опорные пункты на территории Анголы и их хинтерланд начиная с XVII в. превратились в огромное хранилище рабов, откуда их переправляли в Бразилию. Первоначально районы побережья служили своего рода феодальным пожалованием (*donatoria*) португальским дворянам.

Пришельцы из Португалии непрестанно стремились своекорыстно использовать желание верховного вождя Ндонго избавиться от власти его северного соседа — государства Конго. Плетя сеть колониальных интриг, португальцы поддерживали в военных столкновениях то маниконго, то Нголу из Ндонго и ослабляли обоих. Захватчики провозгласили свою власть над внутренними областями Анголы, но в то время это была не более как пустая формальность, ибо фактически они прочно удерживали в своих руках только прибрежные районы, и изменить это положение не могли даже миссионер, непрерывно наезжавшие ко двору правителя Ндонго. Точно так же португальцы были не в состоянии сломить ни на миг не затухавшее сопротивление различных слоев населения Конго и Анголы. Африканцы нападали на иностранные фактории и миссионерские пункты, разрушали и сжигали их, перегораживали реки свайными сооружениями, чтобы не дать пройти купеческим судам.

В государстве Конго образовывались центры сопротивления иностранным интервентам. Такая борьба принимала различные формы, и вели ее разные люди, руководившиеся разными целями. Наряду с открытыми восстаниями, охватывавшими порой целые племена, и стихийными нападениями на опорные пункты работорговцев освободительная борьба часто принимала религиозные формы и перерастала в социально-религиозный протест против засилья иностранных миссий. Восставшие справедливо причисляли миссии к главным участникам и идеологическим пособникам колониального разграбления государства Конго, которое только косвенно было подчинено португальскому господству.

В конце XVI в. произошло восстание, которым руководил человек из знатного рода — Мбула Матади. Оно было направлено против распространявшегося миссиями

христианства и их хищнической деятельности и призывало возвратиться к традиционным религиозным верованиям. Однако чаще всего в этот ранний период антиколониальная оппозиция выливалась в ереси и движения «пророков» в лоне самой католической церкви. Среди них наиболее значительной была секта антонианцев, во главе которой стояла одаренная женщина из знатного рода — Кимба Вита, выдававшая себя за пророчицу. С 1704 г. ее главной целью было усилить королевскую власть в Сан-Сальвадоре, ослабленную многочисленными военными столкновениями с разными претендентами на престол. Подобно французской Жанне д'Арк, жившей в XV в., она хотела возвести на трон сильного правителя, который прежде всего положил бы конец сотрудничеству с португальскими пришельцами.

Кимба Вита обвиняла миссионеров, особенно католических священников из римского ордена капуцинов, в том, что они — агенты европейской державы. «Ученики» разнесли весть о религиозных и политических мотивах ее выступления во все концы государства Конго. Политическая программа Кимбы Виты, облеченная в форму религиозного протеста с целью обновления христианства, предусматривала возрождение сильного, независимого государства Конго в границах времени его наивысшего расцвета, требовала принятия мер против работорговли и монопольного положения португальцев во внутриафриканской торговле слоновой костью, а также отмены всех податей и принудительных поборов. Содержание программы объясняет, почему к движению временно примкнула часть высшей знати, особенно те семьи, которые стремились выдвинуть из числа своих членов будущего претендента на трон. Это были знатные роды, не извлекавшие выгоды из работорговли и не связанные с европейскими экспортёрами живого товара. Однако Кимба Вита нашла последователей и среди крестьян и ремесленников. Они уже на этом, раннем этапе антиколониальной борьбы были самой последовательной ее силой, но в организационных и идеологических вопросах подчинялись еще военному командованию и руководству племенной аристократии.

Центральная власть в лице маниконго и его непосредственного окружения в решающие для судьбы страны годы чаще всего проявляла нерешительность и колебания. С одной стороны, маниконго по-прежнему старался заручиться поддержкой португальцев в борьбе против феодальных распри, с другой, — будучи официальным представителем интересов своего народа, он, чтобы полностью не дискредитировать центральную власть, не мог не выступать против безудержного разграбления родной страны. Двойственная позиция центральной власти — явление типичное для рассматриваемого периода. Характерно, что тот самый король, Педру IV, которому секта Кимбы Виты помогла взойти на трон и на которого она возлагала большие надежды, в конце концов отказал ей в поддержке, и с 1709 г. секта оказалась в изоляции. Сама же Кимба Вита еще в 1706 г. была сожжена как еретичка с согласия главы ордена капуцинов патера Бернардо.

Уже на пороге XVIII в. было выдвинуто требование, которое было подхвачено национально-освободительным антиколониальным движением конца XIX — начала XX в. и тогда привело к успеху: создание независимой от Рима, европейских миссий и монашеских орденов африканской церкви с африканским духовенством. Эта «протонационалистическая» программа отражала справедливое стремление к политической и экономической независимости, но она, естественно, еще не могла быть осуществлена.

Продвижение португальцев в Анголе затруднялось упорным противодействием вождей народа мбунду из государства Ндонго. Только в 1624 г. португальцы смогли посадить на место верховного вождя послушного им правителя, но и тогда это вызвало оппозицию некоторых аристократов во главе с Анной Нзингой, принадлежавшей к королевскому дому. Ее жизнь запечатлена в устных преданиях многих африканских народов. Действуя из восточной провинции Матамба на реке Кванза, она в 1630 г. остановила продвижение португальцев и в течение 20 лет оказывала им сопротивление с помощью могущественного и хорошо организованного военного союза племен мбунду,

бангала из Касанже и даже некоторых вождей яга. Легенды и устные предания об Анне Нзинге на редкость противоречивы. Действие в них происходит обычно при дворе ее брата-изменника, государя Ндонго, или в ее замке в горах Матамбы. В 1656 г. Анна Нзинга все-таки вошла в соглашение с португальцами и приняла католичество. Одна из главных причин этого, несомненно, в том, что участвовавшие в сопротивлении вожди и полуфеодалная аристократия не были сплочены и некоторые правители Матамбы и Касанже не могли отказаться от высоких прибылей, которые они, будучи монополистами в посреднических операциях, извлекали из работоторговли.

1.4. Соперничество европейских держав в период меркантилизма

С конца XVI в. в колониальных предприятиях у Португалии появились непримиримые конкуренты — Нидерланды, Франция и особенно Англия. Упорная борьба европейских государств за захват и расширение колониальных владений и первенство в торговле вылилась в многочисленные торговые войны. Военные действия велись не только на территории Европы — их продолжали на море в форме пиратства, а также путем основания в Америке, Азии и Африке новых опорных пунктов и нападений на них. Быстро рос торговый и военный флот. Настал конец гегемонии Португалии и Испании, сочетавших поздний феодализм с элементами раннего капитализма. Выход на колониальную арену таких стран, как Нидерланды и Англия, в которых формирование капиталистического способа производства и образование торговой и промышленной буржуазии как класса продвинулось очень далеко, ознаменовал также перерастание феодального периода колонизации в период капиталистической колонизации эпохи меркантилизма. Последний не только принес с собой перераспределение колониальных зон влияния, но и породил новые формы и методы колониальной политики.

В Азии наследниками португальской «торговой "империи» выступили крупные коммерческие компании, например основанная по королевскому указу около 1600 г. английская Ост-Индская или одноименная нидерландская компании. Привилегированные компании вскоре заявили о себе на Антильских островах, в Северной Америке и в Африке. Их операции приносили значительно больше доходов, чем удавалось выколлотить дорогостоящей государственной машине феодально-абсолютистской Португалии, и это ускорило концентрацию частного капитала торговой и промышленной буржуазии метрополии. «Активный» торговый баланс периода меркантилизма предопределялся не только прибылями от неэквивалентного обмена товарами, налогов, ограбления местного населения и т. д., но и использованием некоторых колониальных областей в качестве источников сырья и рынков сбыта для продукции европейских мануфактур, развивавшихся ускоренными темпами.

В этот период с еще большей очевидностью, чем в предыдущий, подтверждается положение Маркса, что колонии создали мировую торговлю, а она, в свою очередь, вызвала появление на свет крупной машинной индустрии. Необходимыми условиями ее возникновения были и плантации в Южной Америке, на Антильских островах и в южных штатах Северной Америки, где эксплуатировался рабский труд, и политика основания обособленных поселений капиталистического типа, и приносивший почти тысяче-процентные прибыли вывоз рабов с Западного побережья Африки за океан. Безжалостная эксплуатация чужих народов являлась и является неотъемлемой принадлежностью всех периодов истории капитализма. За бурное развитие экономики и культуры так называемого цивилизованного мира (Европа и после войны за независимость Северная Америка) большинство народов, в первую очередь африканские, заплатили страшную цену.

В Африке место ослабленной экономически и политически Португалии заняли с начала XVII в. Нидерланды. Победа буржуазной революции 1581 г. и провозглашение независимости Нидерландов послужили сигналом к активизации деятельности торгового

капитала в заморских странах. С 1600 по 1680 г. голландцы претендовали на контроль над трансатлантическим судоходством, преодолевая серьезное соперничество французов и особенно англичан. Кампании «гвинейских мореплавателей», основанные в нидерландских портах, создавали прочные опорные пункты на Гвинейском побережье. Первыми владениями Нидерландов были форты на Золотом Береге и построенные в 1617 г. укрепления на острове Горе у Зеленого Мыса (Сенегал). В 1621 г. они были переданы Вест-Индской компании. С 1637 г. голландцы укрепляли Эльмину, бывшую главную крепость португальцев на Золотом Береге, и превратили ее в свой надежный опорный пункт, хотя Сан-Томе и некоторые береговые укрепления в Анголе удерживались под их контролем всего лишь несколько лет. Более успешным оказалось начавшееся в 1652 г. заселение выходцами из Нидерландов (бурами) южной оконечности Африки у мыса Доброй Надежды. Сначала поселенцев было очень мало, они состояли преимущественно из отставных солдат, огородников и ремесленников, нанятых нидерландской Ост-Индской компанией. Капскую колонию называли «огород компании», из чего видно ее значение как базы снабжения. К концу XVIII в. буры, систематически захватывая земли местных жителей и поработав население, завладели всей южной частью современной Капской провинции до реки Фиш.

Почти одновременно с нидерландскими французские торговые компании приступили к основанию поселений, избрав для этого территории Сенегала и Берега Слоновой Кости. С середины XVI в. английская компания «Мерчант адвенчерерс», получившая привилегию от королевы Елизаветы, подвизалась в районе Гамбии (первые укрепления здесь были построены в 1618 г.), в Сенегале и на Золотом Береге. С конца XVII в. Золотой Берег с фортами Кейп-Кост, Аккра, Аннамабо стал предпочтительным полем деятельности британской Королевской африканской компании, которая руководила английскими поселениями и монопольной торговлей на Гвинейском побережье, превратившемся в важный центр расширявшейся трансатлантической работорговли.

В борьбе за добычу участвовали не только португальцы, голландцы и англичане. В середине XVII в. здесь выступили новые соперники — Швеция, Дания (ей принадлежал замок Кристиан-сборг близ Аккры), Курляндия и даже Бранденбургско-прусское государство. В 1682 г. великий курфюрст Фридрих-Вильгельм Бранденбургский направил к Гвинейскому побережью несколько кораблей. Этому событию предшествовало основание Торговой компании Гвинейского побережья, в которой главную роль играл голландец Бенъямин Рауле. В 1683 г. на территории современной Ганы была воздвигнута крепость Гросфридрихсбург. Люди бранденбургского курфюрста восстановили и форт на острове Арген, построенный еще португальцами. Однако в 1717 г. курфюрст заключил с нидерландской Вест-Индской компанией договор о передаче ей своих колониальных владений за 6 тысяч дукатов, и тем был положен конец колониальной политике этого феодально-абсолютистского княжества в эпоху меркантилизма.

В XVII и XVIII вв. рассеянные на Гвинейском побережье опорные пункты, крепости и фактории европейских держав и компаний много раз переходили из рук в руки, между ними то и дело вспыхивала вражда, приводившая к военным стычкам. Полным ходом шла борьба за «золотого тельца» — за монополию в трансатлантической работорговле. Наконец английским купцам удалось добиться преобладания, положить себе в карман огромный куш от продажи невольников и использовать его на развитие английской промышленности, сулившей еще большие барыши.

1.5. Последствия трансатлантической работорговли

С середины XVI в. все Атлантическое побережье Африки от Зеленого Мыса (Сенегал) до Луанды в Анголе превратилось в огромный резервуар рабов для плантаций Нового Света. Африканцев сотнями тысяч использовали как рабочий скот на сахарных,

табачных и хлопковых плантациях, а также в рудниках. Америка стала новым невольничьим рынком с чуть ли не безграничной емкостью.

Варварская работорговля была, несомненно, самым пагубным порождением колониальной экспансии, развязанной процессом первоначального накопления. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления»¹⁴, — установил К. Маркс.

Излюбленными «заповедниками», где велась охота на живой товар, были в первую очередь Ангола, низовья Конго и восточная часть Гвинейского побережья. В течение четырех столетий европейские работорговцы различных национальностей вывозили невольников из Западной и Центральной Африки, причем в XVIII в. из Африки было отправлено столько транспортов, сколько в XVI и XVII вв., вместе взятых. Определить общее число людей, переправленных через океан и захваченных с этой целью в Африке, далеко не просто. Последние исследования в отдельных районах принесли новые результаты: по предположительным данным, из Анголы было увезено 5 миллионов рабов; число вывезенных конголезцев Д. Ришон определяет в 13,25 миллионов, причем эти сведения не учитывают связанные с охотой на рабов потери населения.

Разумеется, гипотетические оценки численности невольников и жертв последствий трансатлантической работорговли по-прежнему сильно колеблются, но довольно достоверно можно установить, что берегов Америки достигло не менее 20 миллионов негров. Этот показатель увеличится, однако, во много раз, если добавить к нему число погибших в пути. Еще больше людей погибло во время набегов и войн с целью захвата рабов и в длительных переходах к побережью. Нет сомнений, что косвенных жертв было намного больше, чем собственно вывезенных из Африки рабов. У. Дюбуа даже считает правомерным сделать вывод, что на каждого раба, применявшегося в Америке в качестве дешевой рабочей силы, приходится пять убитых в Африке или погибших при перевозке, т. е. в целом число жертв составляет внушительную цифру—100 миллионов человек* (* У. Дюбуа оценивал в 100 миллионов человек общие потери Африки в результате работорговли. Из них 60 миллионов он относил за счет европейской, а остальные 40 — ближневосточной, т. е. главным образом арабской, торговли людьми. Советская исследовательница С. Ю. Абрамова также пришла к выводу, что трансатлантическая работорговля обошлась Африке в 60—70 миллионов человеческих жизней, 15—16 миллионов вывезенных невольников (см.: С. Ю. Абрамова. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978, с. 251).). Если принять за основу иные критерии, то и тогда нельзя не признать, что потери Африки, причем в основном молодыми и здоровыми людьми, были чрезвычайно велики и по своим последствиям не уступали стихийному бедствию.

Рассказы очевидцев более позднего времени, когда началась борьба против рабства, выявляют условия, в которых происходила работорговля. Многие африканцы, особенно женщины и дети, гибли еще во время охоты на рабов, так как она велась со страшной жестокостью и бесчеловечностью. После мучительных переходов через сотни километров безводных саванн или девственных лесов оставался в живых только каждый второй или третий из захваченных. На ночь их сковывали по рукам и ногам. Пищу и воду пленники получали очень редко. Но и тот, кто достигал корабля, не мог еще считать себя спасенным. Перед погрузкой пленных подвергали в факториях унижительной процедуре, чтобы отобрать для вывоза только наиболее здоровых.

Вот, например, что рассказывает Барбот* (* Барбот (Жан Барбо) — британский купец и мореплаватель французского происхождения. На рубеже XVII—XVIII вв. ходил к западному побережью Африки; оставил историю путешествий своих и своего племянника, Жака Барбо-младшего, озаглавленную «Описание Нижней Эфиопии».): «Когда рабы прибывают из внутренних районов в Видах (Республика Бенин), их всех запирают в дощатый

барак, своего рода тюрьму, поставленный специально для этой цели недалеко от берега; перед тем как передать людей европейцам, их выводят на равнину, где судовые врачи внимательно осматривают каждого в отдельности; при этом мужчины и женщины раздеты догола». После отделения неполноценных всякому, кто был признан годным, раскаленным железом ставили на грудь клеймо, фирменный знак французской, английской или голландской торговой компании, чтобы каждая из них могла опознать принадлежащий ей товар. Но вот наконец этих людей, испытывающих физические муки, часто в самый последний момент разлученных со своими родными, гонят на корабль. «Когда прибывает судно, — продолжает Барбот, — всех их, совершенно нагих, не делая различия между мужчинами и женщинами, заталкивают в стоящую наготове шлюпку». Только на очень немногих судах раб, «вступив на борт корабля, получает кусок парусины, который он может обернуть вокруг бедер; это очень по душе несчастным созданиям».

Но страшнее всего были условия на самих судах. По словам датского врача Изерта, «потому-то они и не верят никаким уговорам... будто их везут в прекрасную страну, и другим посулам и при малейшей возможности стараются сбежать или убить себя, потому что даже смерть куда менее им страшна, чем рабство в Вест-Индии»¹⁵. Рабы тысячами гибли от адской жары в трюме. Среди них свирепствовали чума, тиф, оспа, дизентерия. Заболевших и умерших просто выбрасывали за борт.

А что ждало тех, кто выживал, в Америке? Их, словно скот, выставляли на обозрение и продажу, после чего на плантациях и в рудниках для них начинались новые муки. «Обрабатывать эту землю часто намного труднее обычного из-за обилия камней, — с состраданием пишет Изерт. — Применить здесь плуг невозможно, и все достигается мотыгой и потом несчастных негров... Плантатор выжимает из них все, что может, но не убивает... Я видел, как за малейшую провинность, иногда даже вымышленную, их привязывали к столбу и били кнутом так, что кожа превращалась в клочья. У большинства из них на спине до конца жизни остаются следы порки». Жестокая работоторговля и жестокая эксплуатация труда рабов приносили огромные барыши кучке крупных купцов и плантаторов.

Многие рабы сопротивлялись зверствам и бесчеловечной эксплуатации и предпринимали отчаянные попытки избежать такой участи. Еще в пути «ночью им приходит на ум, что хотя они и закованы в цепи, но они сильнее европейцев своим числом, а потому могут их перебить и пригнать судно к суше. Обычно такое восстание случается или на рейде, или в первый день после выхода в море. Во время моего пребывания на Гвинейском побережье я был свидетелем разных печальных случаев. В 1785 г. рабы на голландском судне восстали в тот самый день, когда оно должно было отойти в Вест-Индию. Они взяли верх над европейцами и перебили всех, кроме маленького юнги, который взобрался на самую верхушку высокой мачты». Эти и другие попытки к освобождению были потоплены в крови. Как ни велико было соперничество между голландскими, английскими и даже португальскими работоторговцами, в подобных случаях они всегда помогали друг другу. Общие цели наживы и эксплуатации понуждали их принимать «коллективные» меры.

Трансатлантическая работоторговля вызвала далеко идущие изменения в хозяйственной и политической жизни Африки к югу от Сахары. В некоторых районах она полностью сковала развитие производительных сил.

Огромный отток людей, который можно сравнить с кровопусканием, между XVII и XIX вв. приостановил прирост населения на огромных территориях Западной Африки. А между тем в это время другие части мира переживали довольно сильный демографический взрыв. Африку же насильственный увод рабов лишал самых молодых и здоровых людей, т. е. наиболее ценной рабочей силы. Пытаясь преуменьшить значение этих явлений, буржуазные авторы часто указывают, что, не будь работоторговли, аналогичное действие на прирост населения в эти века могли бы оказать эпидемии, засухи, военные конфликты. Но главный их аргумент сводится к тому, что людские потери

Африки уравниваются ввозом европейцами новых пищевых культур — маиса, маниоки, земляного ореха, — по сей день составляющих основу пищевого рациона африканцев.

Такие исследователи, как Дж. Д. Фэйдж и А. Бруншви́г, подчеркивают «революционизирующую» и позитивную роль этого «культурного обмена», связанного с работоторговлей, и объявляют ее «фактором положительным» с точки зрения общего прогресса, поскольку в ней участвовали на равных правах с европейцами африканские торговцы и правители. К тому же, заявляют они, продажа невольников за океан была лишь продолжением той торговли рабами, которая на протяжении веков практиковалась в африканском обществе. Однако существовавшее в раннеклассовом обществе к югу от Сахары патриархальное рабство и применение в производственном процессе военнопленных и купленных «рабов» (точнее, лично зависимых людей) можно отождествлять с варварской работоторговлей периода первоначального накопления капитала и рабским трудом на плантациях Нового Света лишь с «одной целью — чтобы замаскировать истинную сущность капиталистической эксплуатации, устанавливаемой колонизаторами. Кроме того, ее воздействие на экономические и общественные отношения в Африке, имевшее, конечно, разные последствия в разных регионах, неразрывно связано с капиталистическим мировым рынком и колониальной системой. Приведенные выше аргументы позволяли торговому и формировавшемуся промышленному капиталу приписывать только себе заслугу «всеобщего» прогресса.

Не решаясь обычно проникать в глубь материка, европейские купцы предоставляли захват рабов и посредническую торговлю вождям африканских племен и местным купцам. Из соображений безопасности европейские суда даже бросали якоря в некотором отдалении от берега. В ряде районов образовался слой богатых купцов-африканцев, иногда мулатов, также наживавшихся на работоторговле. У этих африканских посредников и племенных вождей европейские торговцы в обмен на обычно недоброкачественные дешевые изделия европейских мануфактур: ткани, стеклянные и скобяные товары, — а также огнестрельное оружие и порох приобретали ценившиеся очень высоко партии рабов. Это были мошеннические сделки, выгодные только одной стороне и не приносившие никаких преимуществ другой, несмотря на временное обогащение части африканских торговцев и правителей.

Напротив, постоянная потребность в рабах вызывала цепную реакцию, имевшую сугубо отрицательные последствия: обезлюдение больших местностей, перерастание охоты за рабами в постоянные междоусобные войны племен и народов, которые часто вели к взаимному уничтожению или порабощению, к разрушению традиционной социальной структуры, к гибели местных ремесел и торговли. Вооруженные современным огнестрельным оружием отдельные отряды охотников за рабами проникали все дальше во внутренние районы. Их предводители увеличивали свои личные войска, персональная их власть усиливалась, но они полностью утрачивали интерес к материальному производству. Война становилась для них постоянным занятием, и весьма выгодным. Такая обстановка сложилась во всем хинтерланде побережья. Члены деревенских общин, находившиеся под постоянной угрозой нападения, не имели никакого стимула к занятию сельским хозяйством и ремеслами. Внутриафриканская обменная торговля замерла.

Последствия работоторговли затрагивали не только побережье и его непосредственный тыл, но и другие районы Центральной Африки, так как вызывали перемещения торговых путей, а часто и полное прекращение внутриафриканской торговли. Так, в XVII в. резко сократился товарооборот транссахарской торговли по дорогам Западного и Центрального Судана. Правда, в небольших масштабах торговые операции через Сахару, в основном через ее центральную часть, велись до конца XIX в., но главную роль чаще всего играл теперь более короткий и дешевый морской путь, связывавший Северную Африку с южными районами. Торговля золотом переместилась к южному побережью.

Сокращение транссахарского товарооборота и монополия европейских держав в морской торговле нанесли большой экономический урон Северной Африке (алжирское и марокканское побережья), которая лишилась традиционных торговых связей со странами европейского Средиземноморья. Под установившимся с XVI в. господством феодальной Турецкой империи в странах Магриба процветало только пиратство, приносившее его участникам большие прибыли, тогда как торговля и ремесла переживали все больший упадок. Это, в свою очередь, оказало воздействие на торговые центры Судана. Рынки Томбукту, Дженне, Гао захирели. Государство Сонгай, завоеванное в конце XVI в. марокканцами и в результате ставшее лишь жалким своим подобием, обрело могущественных соперников — это были союзы племен и раннегосударственные образования бамбара Сегу и Каарта, а также усиливавшихся народов моси, догон и гурма. Эра значительных мусульманских государств, казалось, миновала.

1.6. Союзы племен и государства луба-лунда, йоруба, дагомейцев и ашанти

Начиная с XVII—XVIII вв. в лесной полосе Гвинейского побережья, во внутренних частях Анголы и в других районах складывались объединения, которые прямо или косвенно были причастны к обмену рабов на оружие. Торговля человеческим товаром имела многообразные последствия, и одно из наиболее интересных среди них — образование раннегосударственных форм общества. В ходе навязанной извне торговли захваченными на войне людьми, других народностей или своими соплеменниками, обращенными в рабство, правящая верхушка некоторых племен добилась присвоения прибавочного продукта и тем укрепила свои политические и социальные позиции. Возникшие таким образом объединения находились не по соседству с европейскими факториями или в зоне их влияния, а вдали от побережья, часто в 200 километрах от него, в тех самых местностях, где велась охота на рабов.

Это были хорошо организованные военные государства, правящая аристократия которых не стала жертвой враждующих племен, а, напротив, одерживала решительные победы в войнах, развязанных вследствие погони за рабами. Вельможи окружали себя сильными дружинами, а иногда организовывали и постоянное войско, включавшее и рабов. С его помощью, вооруженные огнестрельным оружием, они нападали на малочисленные соседние племена, облагали их тяжелой данью, а часть населения угоняли в рабство. Впоследствии в борьбе с отдельными вождями береговых племен и работоторговцами они оспаривали свои преимущественные позиции в деле продажи рабов европейским экспортерам. Об этом говорит как архитектура их городов, напоминающих скорее военные лагеря, которые служили работоторговцам перевалочными пунктами, торговыми и административными центрами, так и непрекращающиеся усилия покорить племена побережья или, по крайней мере, подчинить своему контролю.

Непрерывно возрастала потребность в иностранных товарах — оружии, порохе, свинце, спиртных напитках, тканях, орудиях труда и некоторых предметах роскоши, — а удовлетворить ее можно было лишь одним путем: обеспечивая монопольное положение в торговле, которое позволяло получать эти предметы непосредственно у европейских купцов в обмен на рабов и отчасти на золото и слоновую кость. Необходимость защиты торговых центров и путей, сохранения преимущества в работоторговле и подавления соседних народов предопределяла процесс централизации и укрепления государственной власти. Связанные с охотой на рабов постоянные войны и территориальные захваты исказили внешнюю функцию этих раннегосударственных объединений и придали ей односторонний характер.

Ничего похожего мы не находим в государствах, где в основе внутреннего прогресса лежало развитие сельскохозяйственного и ремесленного производства. В рассматриваемых же объединениях усиленная социальная дифференциация и образование могущественной административно-милитаристской верхушки происходили на базе

абсолютного застоя производительных сил. В тех деревенских общинах, которым удавалось избежать полного физического уничтожения, производство падало до минимума. Возможность извлекать прибавочный продукт была ничтожной. Если они, подвергаясь опустошительным набегам, все же сохраняли жизнеспособность, то одной из причин этого было то, что в них каким-то удивительным образом законсервировались элементы первобытнообщинного устройства. Основным источником доходов правителя были торговые пошлины, продажа военнопленных, монополия ведения войн и охоты на рабов, рыночные сборы и т. д., тогда как налоги с государственных земель и личных владений чиновников составляли маловажную статью бюджета.

С середины XIX в., когда работорговля близилась к своей закатной поре, в некоторых африканских государствах труд военнопленных использовался на царских землях. Прежде эти народы знали лишь патриархальную форму рабства в большой семье, теперь же оно получило новое содержание. Военнопленных уже не продавали, их труд применяли в сельском хозяйстве, в армии, для хозяйственных нужд. Рабов тысячами селили в специальных деревнях. Примером может служить Дагомея. Но, как и всюду в Африке (см. гл. III, 3), они вскоре становились по существу лично зависимыми людьми. Их детей и внуков уже нельзя было продавать, однако они не имели права покидать землю, которую обрабатывали. Обычно они работали на участке своего господина до пяти дней и неделю, но иногда повинности ограничивались выплатой натуральной ренты.

Так специфические отношения эксплуатации, возникшие в результате европейской капиталистической работорговли, вписались в общую структуру общественного устройства. Это относится и к некоторым поселениям рабов, и к более широкому применению «домашних» рабов отдельными вождями береговых племен, а также наживавшимися на работорговле африканскими купцами (часто мулатами) Гвинейского побережья или Анголы. Правда, здесь четко прослеживается влияние плантационных предприятий, созданных капиталистическими европейскими державами. Португальцы, в частности, разбивали вблизи своих крепостей и укрепленных пунктов кофейные и сахарные плантации и обрабатывали их руками рабов. Монастырь Сан-Паулу-ди-Луанда располагал 12 тысячами рабов, и, по сведениям одного хрониста, их труд на землях миссии принес ей около 25 тысяч талеров.

На такой основе в глубинных районах Конго и Анголы и сложились племенные союзы и государства луба и лунда. Эти два народа, непрестанно ассимилировавшие другие этнические группы, в конце XVI в. образовали конфедерации в верховьях Конго и его западных притоков. До того времени через этот район постоянно проходили потоки переселявшихся племен и этнических групп. Конфедерация луба под названием Уруа * (* **Название «Уруа» состоит из префикса «у», обозначающего в ряде языков банту понятие страны, местности, и этнонима «руа», т. е. луба, поскольку в этих языках согласные л и р нередко чередуются.**), центр которой находился к западу от озера Танганьика, в саваннах около реки Луалабы, простиралась до Северной Катанги. Лунда утвердилась дальше на юго-восток, в верховьях реки Касаи, и распространились до северо-восточных областей современных государств Ангола и Замбия.

По своей структуре непрочный союз государств луба во главе с мукенге несколько напоминал царство Буганда в Межозерье в его начальный период. Из устных хроник царского семейства следует, что царь со своим двором обосновывался для удобства ведения военных действий то в одной, то в другой местности и превращал ее в военный лагерь и центр торговли. Когда в 1881 г. европейские путешественники Г. Висман и П. Погге посетили правителя луба Каламбу, их глазам предстала хорошо укрепленная резиденция, состоявшая из многочисленных домов и хижин. К этому времени от луба уже отделились некоторые вождества, покоренные было в XVIII в., и их племенной союз постепенно распадался. С юга их теснили чокве.

Государство лунда особенно возвысилось благодаря оживленным торговым связям с европейскими конторами на побережье в период царствования Мвата Ямво (1660—

1675). Через свои вассальные владения на западе — Матамбу и Касанже — правитель лунда контролировал торговлю рабами и оружием, тяготевшую к Лоанго на северном берегу Конго. Мвата Ямво даже завязал в обход португальцев самостоятельные контакты с факториями французов и англичан на побережье. В ответ португальские войска попытались снова передвинуть торговые пути к берегам Анголы, и в конце концов им это удалось благодаря соглашениям с верховными вождями Касанже и Матамбы, стремившимися к независимости. В государстве лунда, этом типичном раннегосударственном объединении, важная роль принадлежала армии и вооруженной огнестрельным оружием дружине. Мвата Ямво (с тех пор это имя стало названием царского титула) правил с помощью узкого совета из четырех сановников, принадлежавших к знати. Кроме того, некоторыми правами еще пользовалось народное собрание свободных воинов. Покоренные племена облагались данью по хорошо организованной системе. В 1875—1876 гг., когда Погге посетил столицу Мусумба, ее население насчитывало 8—10 тысяч человек. В то время правитель еще пользовался всей полнотой власти.

В конце XVIII в. из восточных провинций конфедерации лунда, находившихся на озере Мверу, выделилось военное государство Казембе * (* **Казембе — титул правителя восточных лунда, а не название страны, которой он управлял.**). Аристократия государства Мвата Казембе обогащалась за счет торговли рабами, слоновой костью и оружием, которая велась в разных направлениях. Рабов и слоновую кость поставляли в Анголу и Мозамбик, а с середины XIX в. продавали также и арабским купцам, прибывавшим с восточного побережья Африки. В конце XIX в. здесь сформировалась военно-административная организация во главе с Мсири, временами насчитывавшая под ружьем 10 тысяч человек и оснащенная по последнему слову техники. Резиденция Мсири Бункея казалась неприступной. В 1891 г. Мсири был убит из-за угла, после чего его владения стали добычей бельгийских колониальных войск.

Хорошо организованные военные союзы племен и государства были типичны и для хинтерлаида Невольничьего Берега в Гвинейском заливе. С XVII в. в дельте Нигера и на западном берегу залива вплоть до Эльмины выделялись центры, становившиеся со временем городами-государствами и перевалочными пунктами работорговли. Здесь находили пристанище изгнанники из самых, различных племенных объединений. Торговые поселения, где оседали представители всевозможных этнических групп, не были связаны древними узами кровного родства с населением окружающих районов. Они впитывали многочисленных людей племен йоруба, ибо, аджа, фон, эве и других и сплавливали их в новые этнические общности. Трансатлантическая работорговля чрезвычайно увеличила возможность обогащения «новых граждан» городов Кросс, Бонни, Брасс, Порто-Ново, Видах и т. д.

Новые правящие династии этих торговых городов, также наживавшиеся на торговле, стремились любой ценой, даже путем сотрудничества с европейскими партнерами и их войсками, удерживать в своих руках прибыльную монополию на посреднические операции внутри страны. В 1847 г., т. е. в то время, когда работорговля уже переживала сильный спад, правитель Крик-тауна по имени Эйо «владел многими тысячами людей. Не говоря уж о том, что велась широкая торговля... он использовал своих людей для возделывания пустынных земель, строительства городов и возведения укреплений в благоприятствовавшей этому местности, которые обеспечивали ему господство над реками и торговыми путями»¹⁶.

Существовавший в течение нескольких веков город-государство Бенин (см. гл. III, 1.6) также пытался первое время извлечь выгоды из обмена рабов на огнестрельное оружие и до середины XVII в. весьма успешно совершал сделки такого рода с португальцами, а затем с агентами Нидерландов. Оба Бенина повысил боеспособность своей армии и даже брал к себе на службу европейских наемников. Однако к 1700 г. город Бенин походил на деревню, окружавшие его земли в основном обезлюдели и превратились в пустыню, военные дружины аристократов непрерывно воевали друг с другом.

Знаменитое придворное искусство пришло в упадок. Правитель Бенина был не в силах принять меры, чтобы объединить свои владения и вырвать их из-под влияния соперничавших правителей государств дельты Нигера и деспотической касты жрецов.

Соседние города-государства йоруба в Западной Нигерии с политическим центром в Ойо также были вовлечены в водоворот событий. Союз этих городов, обладавший сначала весьма рыхлой организацией, в XVII в. достиг вершины могущества. Правители Ойо установили власть над всей областью расселения йоруба до самого Ибалана. Дань алафину Ойо платили и многочисленные вожди племен дагомейцев и моси (Верхняя Вольта). Временами ему подчинялись портовые города Аджа (Порто-Ново) и Бадагри. Однако с конца XVIII в. история йоруба была омрачена нескончаемыми войнами, которые вели к ослаблению отдельных членов этого раннегосударственного объединения. Впоследствии неоднократно предпринимались попытки восстановить утраченное единство, но ни одна из них не привела к полному успеху. В XIX в. ведущая роль периодически принадлежала то Абеокуте, то Ибада ну.

С XVII в. упрочились позиции военной аристократии государства Дагомея. В начале этого столетия племена фон объединили свои усилия в борьбе против грабительских набегов алафина Ойо и работорговцев с побережья. Самым древним центром дагомейских городов-государств безусловно была Аллада, существовавшая уже в XVI в. Сыновья правителя Аллады заложили основы других городов. Так, например, появились на свет Аджа (Порто-Ново) и Абомей, который впоследствии стал столицей государства. Правители дагомейцев десятки лет боролись за то, чтобы пробиться к приморским базам работорговли и овладеть ими. В 1724—1727 гг. четвертый по официальному списку король дагомейцев — Агаджа (1708—1728) одержал победу в войне против городов побережья. Аллада, с которой началось дагомейское государство и Видах были заняты его войсками, но Видах позднее неоднократно восставал против центральной власти и лишь в 1724 г окончательно стал частью Дагомеи.

Как показывают последние исследования нигерийского историка Биобаку, через Видах верховная администрация установила связь с европейскими работорговцами и с тех пор участвовала в обмене захваченных при разбойничьих набегах рабов на заокеанское оружие и боеприпасы. Постоянная армия и военный резерв, в который входили все свободные люди, были обеспечены самым современным вооружением. Войска короля Дагомеи, насчитывавшие в XIX в. от 10 тысяч до 16 тысяч человек, не знали поражений. Весь государственный строй был подчинен нуждам войны. На побережье Дагомею представлял вице-король, в ведении которого находились все сделки с европейцами. Лишь немногим европейским путешественникам XIX в. удалось явиться ко двору правителя Дагомеи. Традиция изображает его жестоким, бесчеловечным деспотом, которого охраняла гвардия амазонок, но умалчивает о том, что именно европейские купцы и колониальные захватчики привили эти качества африканским правителям. Те были лишь продуктом своего времени* (* **Вся обстановка массового развития работорговли в Западной Африке способствовала небывалому падению ценности человеческой жизни в глазах участников этой торговли. Но все же едва ли верно приписывать тлетворному влиянию европейцев даже те или иные качества отдельных африканских правителей как личностей: ведь это, по существу, равносильно утверждению о неспособности последних к самостоятельному развитию даже дурных свойств характера.**).

Только в XIX в. Дагомея окончательно освободилась от зависимости от Ойо. После того как Гезо (1818—1858) объявил войну йоруба, такие города, как Абеокута, неоднократно подвергались нападению и разграблению. Замечание, оброненное одним дагомейским хронистом, объясняет характер этих столкновений: «Судно, стоявшее на рейде в Педа, потребовало от нас рабов. Чтобы их получить, мы напали на город Окиодо и захватили 4 тысячи человек». Относительно стабильное, хотя и лишенное прочной организации государство даже в конце XIX в. еще смогло оказать серьезное сопротивление французским колониальным войскам. Франция в 1851 г. закрепила на

побережье, заняв Порто-Ново, но только в 1888—1894 гг. ей удалось, и то с большими потерями, взять верх над яростно оборонявшимися войсками короля Гбехан-зина. Так закончилась важная глава истории Дагомеи.

Другим существенным звеном в цепи раннегосударственных объединений в тылу побережья Африки, являвшегося поставщиком золота и рабов, был племенной союз ашанти. Конфедерация ашанти начала складываться в центре территории современной Ганы при Осей Туту (1695—1731). Столицей был избран Кумаси. Осей Туту вел упорную борьбу против соседних владений вождей народа акан — Гьяман, Аданси, Тви-Акем — и подчинил их своей власти. В 1719 г. он нанес решительное поражение войскам верховного вождя южных денкера, стоявшего во главе большого племенного союза. Преемники легендарного основателя государства Опоку Варе (1731—1742) и Осей Коджо (1752—1781) продвинулись далеко на север. Они пересекли реку Вольта и присоединили к государству ашанти Гонджу и Дагомбу. На протяжении всего XVIII в. правители ашанти вели завоевательные походы в северном и восточном направлениях и обложили данью многие народы.

Хотя первоначально побережье современной Ганы славилось только золотом, охота за рабами и установление власти над другими рынками золота и рабов оказали пагубное влияние на хинтерланд и этого района. К началу XIX в. государство ашанти уже выдвинулось в своем регионе на первое место, причем одним из истоков экономического и политического могущества его аристократии было усиление контроля над торговлей орехами кола (отсюда же берут начало маршруты этой торговли). Государство ашанти состояло из отдельных самоуправляющихся племенных территорий (оманы), например Кумаси, Бекваи, Венчи. Высшая власть принадлежала ашантихене, происходившему по материнской линии из семейства основателя государства, но она была ограничена царским советом. В XVIII и начале XIX в. появились зачатки налогообложения и бюрократии, а также постоянное войско.

Однако побережье неотступно привлекало к себе и правителей ашанти. В начале XIX в. под их влияние подпали вожди фанти, связанные прямыми контактами с европейской работорговлей, а в 1807 г. фанти был навязан вассальный статус. Тут ашанти впервые столкнулись с английскими частями: в порядке помощи некоторым вождям приморских территорий они участвовали в сражениях против наступающих с севера войск. В это время промышленный капитализм Англии выступил на Золотом Береге с первыми территориальными притязаниями. Ашанти подготовились к многолетнему героическому сопротивлению английским колонизаторам.

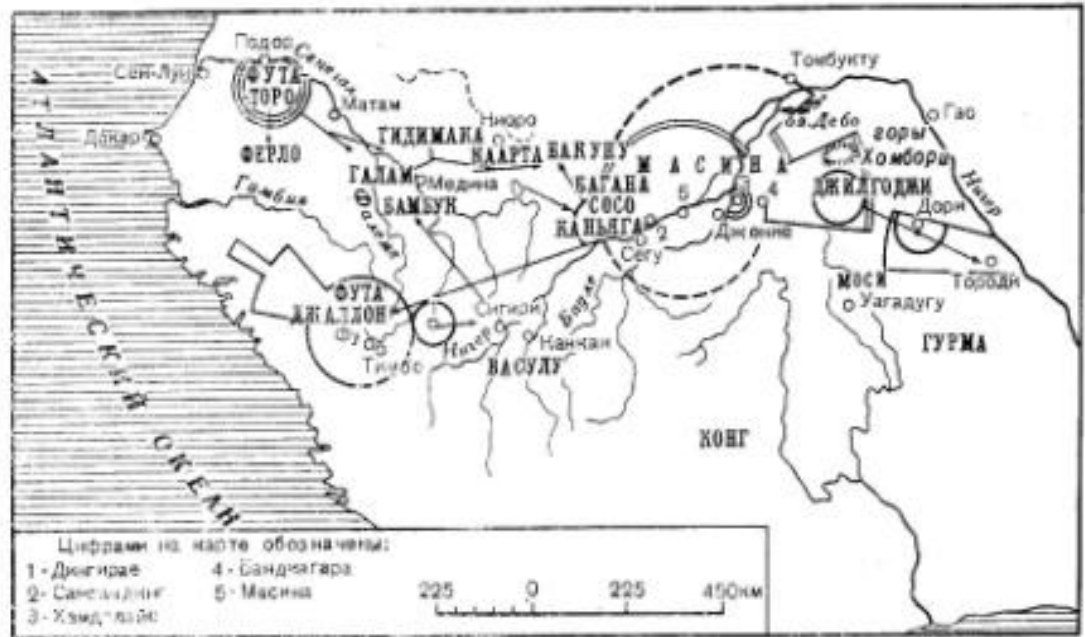
В отличие от государств Западного Судана, которые в период средневековья и даже в более поздние века развивались самостоятельными путями, рассмотренные выше раннегосударственные образования, например лесного пояса Гвинейского побережья, оставались по своей социально-экономической структуре в основном паразитарными и не могли внести свой вклад в общественный и культурный прогресс народов Африки в целом. Их социально-экономическое развитие подверглось деформирующему воздействию европейской работорговли капиталистического периода. Напротив, в глубинных районах Африки в XVIII и в начале XIX в. возник целый ряд государств (например, государства фульбе, тукулёров, Буганда, Руанда, Бурунди), в которых в какой-то мере продолжалось дальнейшее развитие производительных сил и феодального строя. Это, однако, происходило в течение непродолжительного времени и лишь при определенном стечении обстоятельств, ибо Африка к югу от Сахары уже испытывала прямое или косвенное влияние капиталистических колониальных захватов. Хотя при наличии благоприятных условий эти государства еще были бы способны к относительному внутреннему прогрессу, они тоже уже не могли сопротивляться проникавшему извне общественному застою. Глубже стала пропасть, куда их толкали развивавшиеся ускоренными темпами капиталистические державы Европы, которые в конце концов на исходе XIX в., когда у дверей стояла эра империализма, лишили их и независимости.

2. Образование раннефеодальных государств и племенных объединений в XVIII — начале XIX в.

2.1. Государства фульбе и тукулёров

История Западного Судана в XVIII и XIX вв. характеризуется образованием ряда государств фульбе и тукулёров. Проследить возникновение и развитие этих государств, особенно сильно фальсифицированные тенденциозными идеологами колониализма и неоколониализма, — задача совсем не легкая. Фульбе посвящена обширная литература, далеко не равноценная по своему научному значению. Сплошь да рядом в этих работах, этнологических или исторических, даже не ставится научная проблема: в них сквозит расистская или апологетическая тенденция. Явная антропологическая обособленность фульбе (они высоки ростом, имеют кожу коричневого цвета, узкий нос с небольшой горбинкой, не обязательно вьющиеся черные волосы) дает пищу для теорий их расового превосходства. Авторы таких теорий утверждают, что «белые» племена (так в Восточной Африке называют народности семитско-хамитской и нилотической языковых семей, а в Западной — прежде всего фульбе, тукулёров и берберов, т. е. в основном бывших скотоводов-кочевников) принесли культуру «черному» оседлому населению.

Например, по мнению известного немецкого африканиста Д. Вестермана, крупные государства Африки «неизменно обязаны своим происхождением притоку чужаков, стоявших в политическом развитии выше негров, а следовательно, тесно связаны с большими переселениями народов на территории Африки». Используя свое «военное превосходство, они заставили ряд племен покориться их власти, объединили их в рамках государственной организации, обложили повинностями, принудили нести воинскую службу, сами же за счет населения вели варварский образ жизни господ»^{16а}. Подобная точка зрения отрицает объективные социальные условия классовой дифференциации и образования государств, идеализирует этот процесс и объясняет его мнимым культурно-политическим превосходством некоторых племен и народов и их предназначением на роль господ. От этих ненаучных измышлений в большей или меньшей степени отталкивались все те культурно-исторические направления, которые с помощью теорий культурных и этнических «наслоений» пытались построить целую систему. Неизменно выдвигаемые в этой связи теории о высоком интеллекте фульбе и их особом государственном таланте продиктованы в основном теми же намерениями: затушевать истинную закономерность общественного развития и возвысить расизм и колониализм. Кроме того, возведение фульбе в ранг «высшей» расы облегчало колониальным державам сотрудничество с феодальной аристократией фульбе на основе двойной эксплуатации народных масс. Отнюдь не уникальный в мировой истории процесс образования государств путем установления господства многочисленных кочевых племен (на определенном этапе их развития) и покорения оседлого крестьянского населения выдавался в духе колониалистской доктрины за признак неполноценности последнего.

Государства фульбе и тукулёров к началу XIX в.: Фута-Торо, Фута-Джаллон, Масина

Новейшие лингвистические исследования фульфульде, выявившие его близкое родство с другими языками — волоф, серер и биафада, — позволяют сделать вывод, что фульбе, оставившие след в истории начиная с XV в. (* **Первые группы кочевников-фульбе появились на берегах реки Сенегал гораздо раньше. Во всяком случае, созданное ими государство Текрур упоминают уже арабские авторы IX—X вв.**), первоначально занимали племенную территорию в западной части Сахеля и отсюда двинулись через саванны и степи на восток. Отвечая на вопрос о социальных корнях явлений, превративших кочевников-фульбе в правящий слой формирующихся или преобразующихся государств, ученые-марксисты и прогрессивные буржуазные исследователи, в том числе и африканские, указывают на разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества и появление в результате «военных государств», охарактеризованных Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Кочевники-скотоводы пришли к власти не потому, что они принадлежали к особенно одаренной этнической группе, а исключительно в силу конкретных социально-экономических условий. Завоевательная политика фульбе и захват ими власти предварялись или сопровождалась выделением военной аристократии с ее боеспособными дружинами, а также социально-экономической дифференциацией при частичном переходе населения к оседлости. Первоначально фульбе были пастухами-кочевниками, которые в поисках новых пастбищ выступили из района Сенегала, прокатились через территории Масины, Кебби, земли хауса, Борну и достигли Дарфура, где, встретив сопротивление арабов, были вынуждены остановиться. У кочевников, известных под названием фульбе-буруре, или бороро, основой общества, его наименьшей экономической и социальной ячейкой была простая или большая семья при очень рыхлой структуре рода. Они вели патриархальный образ жизни под главенством старейшины рода (ардо), кочевали небольшими группами, которые при чрезмерном увеличении делились на несколько независимых частей. Как и все кочевники-скотоводы, бороро не могли не соприкасаться с оседлым населением.

В XVII и XVIII вв. во многих родах бороро сложилась частная собственность на скот. Обычно при благоприятных обстоятельствах молодой бороро получал ко дню соро * (* **Имеется в виду день инициации — обряда посвящения мальчика в мужчины, когда**

посвящаемый должен перенести суровые физические и моральные испытания; у фульбе-бороро, сохранивших кочевой образ жизни, практикуется и в наши дни.) большое стадо скота — подарок родичей по отцовской линии. Тем не менее молодые фульбе-бороро были вынуждены пасти за вознаграждение чужой скот. Особенно значительная экономическая, а затем и социальная дифференциация началась на стадии перехода ряда родов бороро к оседлости. Процесс оседания на землю сопровождался неравным присвоением наиболее удобных ближних пастбищ, участков для усадьбы и поселения. В то же время из местного земледельческого населения выделились несвободные люди и ремесленники, многие племена стали данниками фульбе. Старейшина рода — ардо — в нарушение родовых традиций часто использовал привилегии, предоставленные ему вначале решением сородичей, и свое главенствующее положение для личного обогащения и захвата власти. Некоторые ардо селились со своими дружинами отдельно, и со временем вокруг этих домохозяйств иногда вырастали деревни. Позднее близ резиденций ардо и населенных пунктов располагались деревни эксплуатируемых в земледелии рабов, которыми чаще всего становились военнопленные из среды покоренного местного населения.

В то же время часть кочевников-бороро продолжала жить по-старому, хотя многие из них уже попали в некоторую зависимость от выделившейся аристократии фульбе и отдельных местных правителей. Именно эта правящая верхушка в XVII и XVIII вв. начала играть ведущую роль в различных местностях Западного и Центрального Судана, стала главным инициатором захвата власти и устранения местных династий. Это подтверждается данными последних исследований прогрессивных ученых. Получены, в частности, доказательства того, что в Фута-Джаллоне, на территории современной Гвинеи, состоятельная аристократия фульбе, от которой зависели бороро, совместно с отдельными купцами мандинго, наживавшимися на европейской работорговле в этом регионе, свергла династию дьялонке и призвала к «священной войне» — джихаду. Последнее также составляет характерную особенность рассматриваемого периода.

Уже в течение нескольких веков при дворах некоторых правителей Западного Судана многие люди из родов фульбе или туку-лёров подвизались в качестве придворных чиновников, проповедников, судей или «даже «святых людей» — имамов и модибе. Они способствовали распространению ислама и оказывали значительное влияние на культурную, а отчасти и политическую жизнь этих районов. Однако привилегированное положение фульбе, выступавших в роли придворных чиновников и мусульманских вероучителей, определялось не их расовым превосходством, а причинами исторического порядка: длившийся веками постепенный переход кочевников-фульбе к оседлости и выделение среди них правящей верхушки создавали особенно благоприятные условия для распространения традиций ислама.

Восстания в Фута-Джаллоне в 1725 г., в Фута-Торо в 1776 г., в области расселения хауса в 1804 г., в Масине в 1810 г., основание государств в более позднее время, например государства ал-Хадж Омара в середине XIX в., при некотором различии вызвавших их социально-экономических причин имеют много общего. Общим для всех них был и призыв к «священной войне», якобы для обновления ислама, в результате которой возникли более или менее стабильные теократические государства. Об этих динамических процессах речь пойдет ниже.

В 1725 г. в районе Фута-Джаллона были заложены основы для хорошо организованного теократического феодального государства фульбе. Сюда, на плоскогорье, откуда берут начало реки Сенегал, Гамбия и Нигер, начиная с XVI в. стекались пастухи фульбе из Сенегала и Масины. Их привлекали тучные пастбища и благоприятный климат. Фульбе консолидировались как этническая общность, среди них началось социальное расслоение, но одновременно происходил подспудный процесс ассимиляции сосо, тукулёров и мандинго, живших в верховьях Сенегала. В итоге сильно исламизированная воинская знать фульбе, уверенная в поддержке кочевников-фульбе и

богатых купцов-мандинго, свергла династию дьялонке, опирающуюся на деревенские общины земледельцев. Возглавил восстание мусульманский ученый Карамоко Альфа.

Его преемнику Ибрагиму Сори Маудо (1751 —1784) удалось заложить основы государственных институтов укреплявшегося феодального строя: во главе конфедерации девяти провинций (дивал) стоял алмами (имам), которому подчинился хорошо налаженный административный и фискальный аппарат. После смерти алмами Сори начались династические распри, которые привели к тому, что правитель выбирался поочередно через каждые два года из представителей обоих знатных семейств — Альфа и Сори. В обычаях этой выборной теократической династии сохранялись многие доисламские традиции «крестьянских правителей», исповедовавших анимистическую религию. Крестьяне-дьялонке находились на положении рабов, которые занимались сельским хозяйством, лично зависимых ремесленников или же, оставаясь членами деревенских общин, выполняли разные повинности. Главное значение по-прежнему принадлежало скотоводству, которое было источником обогащения знати фульбе. Зависимые роды кочевников-бороро и обедневшие пастухи-фульбе были вынуждены пасти стада новой зажиточной аристократии.

Аналогичные явления предшествовали захвату власти в 1776г. группой исламских вероучителей из племени тукулёров (торобе) в сенегальском Фута-Торо, бывшем Текруре. Под руководством марабута Сулеймана Ба они свергли языческого правителя из династии Деньянке, состоявшей уже из фульбе, и основали устойчивую мусульманскую теократию. И здесь алмами, поддерживаемый рядом зажиточных семей, олицетворял высшую светскую и духовную власть. Тем не менее еще сохраняли известные права советы старейшин: через них осуществлялось демократическое волеизъявление свободных кочевников и членов деревенских общин.

Несколько лет спустя восстали мусульмане-фульбе Масины (Мали). Секу Хамаду (или Ахмаду, 1775—1845), марабут-фульбе, черпавший вдохновение и материальную помощь из центра борьбы за обновление ислама, находившегося в более отдаленной области хауса, в 1810 г. одержал победу над языческим вождем фульбе из династии Дьялло и бамбарским королем Сегу. Новый правитель захватил процветающие торговые центры Дженне и Томбукту на Нигере и подчинил своему влиянию большую часть бамбара. На берегу реки Бани, к северо-востоку от Дженне, он заложил новую столицу и назвал ее Хамдаллахи (что означает «слава господе»); первоначально она больше походила на военный лагерь, но через несколько лет приняла вид резиденции, вполне достойной правящей мусульманской знати фульбе и духовенства.

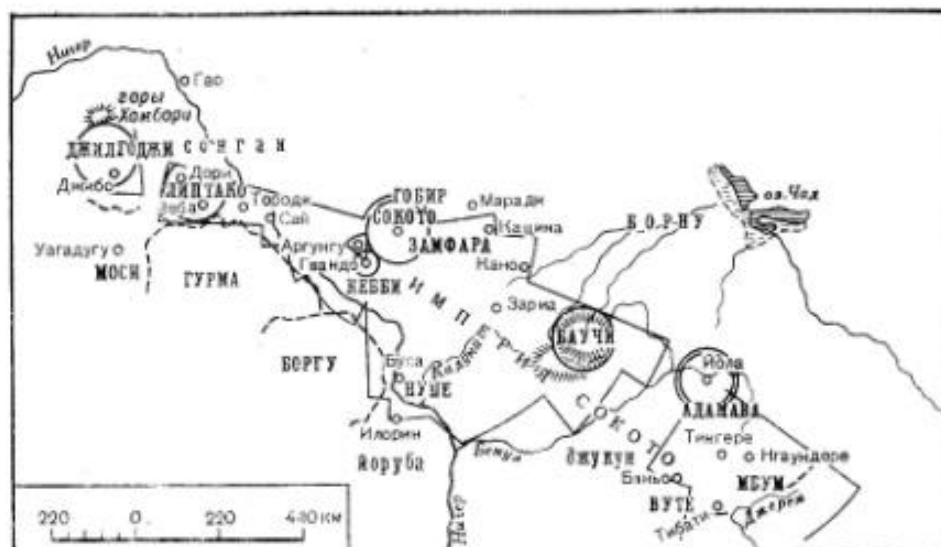
Особой заслугой Хамаду было учреждение в новом государстве хорошо функционировавшей администрации. Введенные им мусульманские нормы налогообложения, создававшие постоянный источник высоких доходов для правящей аристократии, были последовательно распространены на все провинции. Хамаду обеспечил себе право назначения и смещения бывших эмиров и кади, стоявших во главе провинций. Исполнительная и законодательная власть была сосредоточена в руках Большого совета, состоявшего из 40 лиц духовного звания, Ему подчинялись 60 заместителей. Хамаду уделял особое внимание развитию торговли и ремесел, стремился повысить безопасность передвижения по транссахарским дорогам и завязать новые торговые отношения с побережьем. Эта покровительственная политика привлекала в городские центры долины Нигера, прежде всего в Дженне, купцов из районов расселения хауса, торговцев дьюла и бамбара, а также текрурцев и иногда арабов. И тем не менее путешественник и исследователь Рене Кайе, который в новое время первым из европейцев с большим трудом пробился в Томбукту* (* **Первым из европейцев нового времени в Томбукту добрался шотландец Александр Лэнг, прибывший в город 13 августа 1826 г., почти за два года до Кайе. Однако Лэнг погиб на обратном пути в Триполи в сентябре того же, 1826 г.**), испытал сильнейшее разочарование при виде города: фактически он находился во власти шейхов туарегов, ведших кочевой образ жизни. Государственная

администрация в государстве Хамаду проявляла исключительное внимание к кочевникам-фульбе. Им было предписано в определенный срок перейти к оседлому образу жизни и обосноваться в деревнях. Секу Хамаду умер в 1845 г., но перед смертью успел назначить наследником своего сына Ахмаду II, который правил до 1862 г. и, в свою очередь, передал бразды правления сыну. Государство Ахмаду в Масине затем распалось под мощным натиском основателя другого государства XIX в. — ал-Хадж Омара.

В религиозном движении фульбе и тукулёров за обновление ислама особое место принадлежит восстанию Османа дан Фодио (1754—1817) и основанному им централизованному государству Сокото в Северной Нигерии. И не только потому, что в этом движении участвовали широкие и очень неоднородные слои населения. Главное, что государство это достигло очень высокой ступени развития и пользовалось большим авторитетом. Ареной действий и центром восстания под руководством исламского вероучителя Османа дан Фодио явились в начале XIX в. хаусанские государства (см. гл. III, 1.4), чьи войска были наголову разбиты в 1804—1810 гг. В конце XVIII в. ведущее положение среди соперничавших между собой городов-государств хауса удалось занять Гобиру. Здесь-то и возникло движение Османа дан Фодио, чему способствовали разброд и раздоры среди городов-государств хауса, не позволявшие им даже объединиться для совместного отпора надвигавшейся опасности. Подобное бессилие объяснялось тем, что оппозиция угнетенных и эксплуатируемых слоев населения правящей верхушке хауса существенно ослабляла, особенно в критические моменты, боеспособность войск, в которых преобладали несвободные люди и выходцы из других подчиненных групп населения хауса.

В государствах хауса с их далеко зашедшей социальной дифференциацией бороро своими силами были не в состоянии сломить хорошо налаженный государственный организм. По-видимому, они и здесь выступали всего лишь в роли вспомогательных войск, служивших интересам образовавшейся в это время богатой знати. Несомненно, восстание с самого начала было направлено на захват власти господствующей верхушкой фульбе, хотя на разных этапах борьбы в ней участвовали различные группы населения.

Богатая аристократия фульбе начала выделяться в городах и деревнях на территории хауса с XVII в. и стала серьезной экономической силой. Ей подчинялись многочисленные рабы и лично зависимые люди, выполнявшие для нее сельскохозяйственные работы, занимавшиеся торговлей и ремеслами. Но главное богатство фульбе и здесь составляли огромные стада скота, которые пасли попавшие в зависимость роды бороро. Кроме того, знать фульбе умело использовала родовые традиции для усиления своего влияния, что открывало широкие возможности эксплуатации и закабаления сородичей. Знатные фульбе, чтобы еще больше упрочить свои экономические и политические позиции, обзаводились дружинами. Наиболее состоятельные из них занимали должности придворных чиновников или мусульманских священнослужителей и тем самым выдвигались на видное положение, но ни богатство, ни звания не уравнивали фульбе в политических правах с аристократией и даже с простым людом хауса. Естественно, что значительная часть экономически могущественной, а политически все еще бесправной верхушки фульбе была кровно заинтересована в смене политической власти.

Государства фульбе и тукулёров к началу XIX в.: империя Сокото

Но не только аристократия фульбе и ее многочисленные дружины стремились к политическому перевороту (хотя проявляли колебания и были лишены единства). К восстанию примкнули широкие слои беднейших угнетенных хауса, живших как в городах, так и в сельских местностях, а также рабы. Они сочувствовали повстанцам и сотрудничали с ними в надежде, что падение знати хауса принесет им улучшение социальных и экономических условий жизни и если не полную отмену, то хотя бы смягчение обременительной налоговой системы. Ознакомление с теоретической программой джихада убеждает в том, что, как ни скромны были выдвигавшиеся в ней социально-экономические требования, она с самого начала была целеустремленно ориентирована на сотрудничество широких слоев фульбе с угнетенным населением хауса. Осман дан Фодио, безусловно, понимал, что без поддержки народных масс ему грозит изоляция.

Поэтому для начального этапа «священной войны» характерно, что в ней были широко представлены разные слои населения фульбе и хауса, которых объединяло стремление — правда, обусловленное различными классовыми позициями — избавиться от господства знати хауса. На первых порах к движению примкнули даже некоторые представители хаусанской аристократии, в основном, по-видимому, ее низших звеньев, а также воины дружин, которым смена правящей династии сулила экономические и политические выгоды. Сначала участие отдельных прослоек населения не было единодушным и повсеместным (в первую очередь это относится к знатным фульбе, которых толкнули в ряды повстанцев субъективные мотивы и факторы; имеющие немаловажное значение в классовом обществе), но очень скоро участвовавшие в движении социальные слои оказались четко обрисованы в соответствии с экономическими, социальными и политическими целями восстания. В центр восстания все больше выдвигалась аристократия фульбе, и естественно, что это предопределило ход восстания, его результаты и последующие изменения.

Очень трудно установить, сколько кочевых родов фульбе поддержало движение Османа дан Фодио, но самый факт их участия сомнений не вызывает. Не будучи в основной массе мусульманами, кочевники тем не менее присоединились к джихаду и участвовали в завоеваниях, ибо были связаны с аристократическими семействами фульбе экономическими и этническими узами и справедливо возмущались даннической зависимостью от правителей-хауса. Скорее всего, кочевников было особенно много в быстро разраставшихся военных дружинах и войсках влиятельных аристо-кратов-фульбе. Высокая боеспособность кочевников, в частности их хорошо обученной конницы, во многом способствовала быстрой победе джихада. Хотя хаусанские армии были оснащены

гораздо лучше и располагали купленным у американцев и англичан огнестрельным оружием, они не могли противостоять быстрой кавалерии фульбе и лучникам. Хаусанские части, состоявшие из несвободных людей, воевали неохотно и нерешительно.

Осман дан Фодио выступил со своей проповедью в 1774—1775 гг. сначала в Гобире, Кебби и Замфаре. Он был не первым маламом* (* **М а л а м** (араб.-хаус.) — первоначально мусульманское духовное лицо; позднее — всякий образованный человек.), призывавшим к реформам, но имел большой успех, особенно в Гобире. Его стихи и памфлеты стали своего рода «хаусанской марсельезой». Король Гобира Бава даже избрал Османа наставником своего сына Юнфы. После смерти Бавы Осману удалось добиться восшествия на престол своего ученика, но вскоре между ним и последователями Османа, имевшими постоянный лагерь в Дагеле, начались разногласия и конфликты. Есть много версий, что именно послужило конкретной причиной восстания, но наибольшей популярностью пользуется объяснение, приведенное в хаусанской хронике: якобы один из военачальников Юнфы перед походом в Кебби напал на уважаемого священнослужителя города Гимбана, захватил и обратил в рабство многих его последователей и жителей города. Осман объявил захваченного малама своим учеником и добился освобождения всех пленных.

Хаусанская хроника считает это событие поводом к началу военных действий, в результате которых 21 февраля 1804 г. Осман совершил «хиджру», т. е. покинул лагерь в Дагеле. 21 июня 1804 г. в решающей битве при Квардаме близ водоема Кото (Квотто) брат Османа, Абдаллах, стоявший во главе войска, разбил Юнфу и захватил ценное оружие. На поле брани был возглашен официальный призыв к джихаду. К 1810 г. повстанцы завоевали все области, населенные хауса, и основали могущественное государство Сокото.

Уже во время подготовительной проповеди в Гобире Осман обращался с посланиями к видным и зажиточным маламам и аристократам-фульбе в других странах хауса. После сражения близ Квотто в 1804 г. Осман поручил завоевание хаусанских государств и других провинций местным фульбе, а командование возложил на аристократов и их дружины. Таким образом Осман привлек сепаратистски настроенные знатные семейства фульбе из отдельных государств хауса к участию в общем движении и подчинил их центральному руководству. Поставив их под знамя общей борьбы, он создал внешние узы единства и заложил основы империи Сокото. Она охватывала наряду с отдельными эмиратами в коренных районах хауса (в том числе Кано, Зариа, Замфара, Гандо, Нупе, временами Гобир и Кебби) вновь завоеванные области на востоке, вплоть до озера Чад и Северного Камеруна (Адамава). Только Борну удалось остановить экспансию фульбе. После смерти Османа дан Фодио в 1817 г. султанат был поделен между его братом Абдаллахом, возглавлявшим в качестве военачальника многие военные походы, и сыном Белло. Абдаллах получил западные провинции с главным городом Гандо, а Мухаммед Белло правил в Сокото, в центре бывших государств хауса, и был одновременно высшим сюзереном отдаленных восточных провинций и эмиратов, включая Адамава.

На знаменах «священной войны» были начертаны призывы к возврату к истинному Корану и сунне* (* **С у н н а** (араб.) — букв, «обычай». В мусульманском праве под этим термином имеется в виду обычай пророка Мухаммеда: сообщения о его действиях или высказываниях в тех или иных обстоятельствах. Фактически сунна включила многие нормы обычного права доисламских арабов и нормы, складывавшиеся во вновь завоеванных областях в первые годы после начала мусульманских завоеваний. Эти общеправовые нормы были, так сказать, задним числом освящены авторитетом пророка.), к восстановлению централизованного государства в его первоначальной чистоте и простоте, к строгой морали. В оправдание джихада Осман и его последователи ссылались на то, что хауса изменили исламу, и не только упрекали их в нарушении мусульманских правовых норм, в отсутствии религиозного рвения, в соблюдении анимистических традиций и ритуалов, но и прямо призывали в боевых лозунгах к войне правоверных против неверных. Многие буржуазные авторы из этого заключают, что

фульбе, фанатически преданные исламу, принесли язычникам-хауса истинную веру, но они неправильно оценивают аргументацию религиозного характера и социальную действительность.

Как известно, государства хауса начиная еще с XIV в. подвергались исламизации. В первую очередь мусульманство приняли наряду с правящим классом феодалов широкие слои населения городов, являвшихся центрами торговли, ремесел и образования. Конечно, даже в XVIII в. далеко не все крестьяне-хауса отказались от своих анимистических верований, но тем не менее самые широкие круги населения хаусанской территории, несомненно, приняли мусульманство, во всяком случае его обряды. Естественно, как и во многих других мусульманских районах, анимистические, доисламские обычаи и правовые нормы сосуществовали здесь с исламом и, накладывая на него свой отпечаток, придавали ему местную специфику. Этого процесса не избежали несколько десятилетий спустя и правители фульбе в государстве Сокото: их якобы чистая доктрина ислама, их правовые нормы и ритуальные обычаи явно имели под собой анимистическую подоплеку.

Итак, приводимые источниками воззвания к войне против неверных, против язычников должны были с самого начала доказывать высокие цели джихада. В представляющей особый интерес для науки работе «Танбиху-ль-ихван» («Наставление братьям»), написанной в 1811 г., Осман дан Фодио в соответствии со своими политическими задачами сужает фронт религиозных нападок и объявляет неверными идолопоклонниками только правителей хауса. Еще пророк проклял неправедных тиранов, заявляет он. Кольцо вокруг деспотических «неверных» правителей хауса смыкалось, им не оставалось ничего иного, как уступить власть истинным защитникам ислама. С этим связано специфическое учение о государстве, в котором особый интерес представляет неоднократно проводимое всестороннее отождествление церкви и государства. Что касается правителя, то его личные интересы были приравнены к интересам государства на всех фазах развития.

Теоретической основой джихада, начатого Османом дан Фодио, было требование возврата к простому учению Мухаммеда, возврата к сунне. «Пророк сказал: будь проклят тот, кто отрицает, что бог един, кто добавляет что-нибудь к книге божьей, кто разрешает то, что бог запретил... тот, кто отступает от сунны»¹⁷. Одновременно с этими требованиями реформ на хаусанской территории Осман дан Фодио выдвигал, особенно в подготовительный период, призыв к аскезе, который дает право предположить известное влияние суфийских (мистических) кругов. Османа очень часто сравнивали с «ожидаемым Махди», но сам он не считал себя имамом и отказывался от этой чести. Тем не менее благодаря распространению классической мусульманской эсхатологии идея махдизма сохраняла свою живучесть, в наибольшей мере при преемниках Османа, и чрезвычайно усиливалась в моменты политических и социальных кризисов, особенно в период антиколониальной борьбы в конце XIX в.

Социально-экономические основы учения Османа дан Фодио отчетливо выявились в его требовании облегчить участь рабов и женщин. Он энергично восстал против того, чтобы при введении более строгих мусульманских обычаев женщин и рабов отстраняли от участия в богослужении и в проповеди веры.

Во многих работах Осман призывает к справедливости и мягкости в обращении с рабами, хотя решительно возражает против их освобождения. Только не понимая или искажая цели и объективные возможности теократических реформ Османа, можно предположить, что он был способен выдвинуть идею полного освобождения рабов, хотя его учение и деятельность, по крайней мере на первом этапе восстания, не были лишены социально-революционных тенденций, направленных против знати хауса. Однако эти тенденции, к слову сказать оставившие свой след только в работах Османа, уже несли на себе печать эсхатологического прозрения. В потусторонней жизни искал Осман спасения от объективных трудностей земного бытия, которые мешали субъективным устремлениям окружавших его людей.

Однако ни в коем случае не следует истолковывать все социально-критические идеи Османа как обманный маневр, предпринимаемый лишь с одной целью: привлечь на свою сторону угнетенное население хауса. Они полностью соответствовали искреннему стремлению Османа к реформам, но еще в зародыше были задушены в угоду классовым интересам соратников Османа и политическим целям правящей верхушки фульбе, раввавшейся к власти.

Таким образом, в государствах хауса аристократия фульбе и ее военные дружины определяли содержание джихада и только они пожали его плоды. Они получили богатые имения знати хауса, а также вновь завоеванные земли и заняли положение правящего феодального класса. Участвовавшие в движении бедные и угнетенные слои хаусанских талакава (зависимых крестьян в деревенских общинах), рабы и лично зависимые, а также угнетаемое население фульбе обманулись в своих ожиданиях: социально-экономические условия их жизни не изменились. Естественно, что в результате джихад и его религиозные вожди лишились какой-либо популярности. Этим объясняется и то обстоятельство, что происшедшие вскоре восстания части знати и маламов хауса пользовались сочувствием и в известной мере поддержкой широких слоев бедноты хауса. Население Кано подало султану Белло прошение, в котором жаловалось на скандальные действия и жестокости аристократии фульбе. Здесь власть знати фульбе была поколеблена рядом крупных восстаний.

В целом новая знать образовавшегося государства Сокото заимствовала формы эксплуатации и систему управления, существовавшие в государствах хауса. Только в налогообложении были применены новые формы, соответствовавшие усилению эксплуатации. Создание регулярной налоговой системы, обеспечение постоянных государственных доходов всегда являлось одной из главных задач каждого молодого государства в классовом обществе. Своеобразие введенных или унаследованных от прежнего времени налогов, взимавшихся на всей территории государства Сокото и в других теократических новообразованиях фульбе и тукулёров, прежде всего в Масине, состояло в том, что они более строго следовали мусульманскому законодательству. В государстве Сокото налоговая система, имевшая много вариантов, в основном покоилась на правовых нормах ислама и в меньшей мере — на традиционном обычном праве.

Доходы султана и эмиров государства Сокото складывались из поступлений от принадлежавших им лично «рабских» поселений и стад, от коронных имений и земель, но главным их источником являлись регулярные налоги и подати. Доходы поступали в бюджет того или иного эмира, т. е. самостоятельного ламидо, и употреблялись для обогащения правящих семей, вознаграждения личного обслуживающего персонала и придворных чиновников, для увеличения военных контингентов, а также личных и государственных владений и доменов, и прежде всего для устройства новых «рабских» поселений. Часть доходов в виде ежегодной дани отчислялась султану Сокото.

Происходило закрепление сложившихся классовых отношений и усиление эксплуатации. Возросший в результате новых территориальных захватов приток рабов привел к широкому применению в хозяйстве несвободных людей, которые, однако, по своему экономическому и юридическому статусу очень быстро уподоблялись феодальным лично зависимым, и к дальнейшему закабалению еще свободного населения. Процесс социальной дифференциации фульбе-завоевателей активизировался, соответственно увеличилась пропасть, отделявшая в силу разных условий существования — экономических, социальных и политических — аристократию фульбе, ставшую правящей верхушкой, от простых людей фульбе — скотоводов и земледельцев. В положении многих кочевников-фульбе вообще ничего не изменилось. Они продолжали пасти стада, ежегодно вносить дань и мало соприкасались с местными правителями.

Для населения хауса произошло лишь одно изменение, да и то на высшей ступени социальной иерархии. Фульбе теоретически считали себя не только правящим классом, но и единственными свободными гражданами государства, которым подчиняются все

остальные группы населения, в том числе и хауса. Фактически, однако, социальное положение человека определялось теперь его реальным экономическим и политическим весом. Хауса, принадлежавший к бывшей знати, но проявивший готовность к сотрудничеству, мог подняться до самого высокого поста. В то же время бедняк фульбе, занимавшийся скотоводством или земледелием, никоим образом не стоял на иерархической лестнице выше купца-хауса, который благодаря своему богатству мог очень быстро добиться известных привилегий.

Даже рабы, часто выполнявшие в феодальном государстве Сокото важные общественные и военные функции, в своем продвижении по социальной лестнице могли оставить далеко позади себя многих лично свободных людей, не пользовавшихся экономическим и политическим влиянием. Первоначально аристократия фульбе обосновывала свои притязания на власть этническим принципом, но вопреки ее усилиям он вскоре уступил место классовой градации, основанной на фактическом разделении общественного богатства и реально сложившихся отношениях собственности. Характерно, что на территории расселения хауса аристократия фульбе даже отказалась от своих этнических, культурных и языковых особенностей и переняла язык и культуру хауса.

Хотя восстание Османа дан Фодио не могло принести кардинальных изменений жизни общества, оно имело вначале положительные последствия. Создание единого государства Сокото со сравнительно хорошо налаженной феодальной системой управления, прекращение постоянных междоусобных войн государств хауса способствовали ощутимому подъему торговли и ремесел в многочисленных городских центрах. За джихадом последовала своего рода «литературная революция». Осман дан Фодио, его брат Абдаллах и особенно его сын Мухаммед Белло были блестящими писателями и знатоками ислама, из-под пера которых вышло много полемических сочинений, памфлетов и стихов теологического содержания, а также работ по истории и географии. О богатой литературной жизни этого периода в начале XIX в. свидетельствуют занесенные к настоящему времени в каталоги и выявленные 258 рукописей реформаторов государства Сокото. Оригинальностью мышления и образованностью Осман дан Фодио особенно выделяется в длинном списке выдающихся деятелей Западной Африки.

Государство Сокото по праву занимает почетное место в истории Нигерии и всей Африки. Но, как и во всех раннефеодальных государствах, здесь вскоре начался процесс децентрализации. Именно поэтому спустя каких-нибудь 100 лет колониальным войскам Англии, Франции и Германии удалось восстановить отдельных эмиров против султана, заменить их своими ставленниками, уничтожить единое государство Сокото и подчинить его колониальному господству.

К востоку от Сокото шейх ал-Канеми в 1810 г. разбил войска фульбе, изгнал слабую династию Сефува и превратил город Куку на западном берегу озера Чад в новую столицу государства Борну. При ал-Канеми и его сыне Омаре (1835—1881), который сам занял трон султана (май), одно из самых древних африканских государств снова обрело блеск, пусть и не особенно яркий. Феодальная разобщенность была преодолена. В конце XIX в. бывшая столица Борну стала резиденцией военного предводителя Рабеха. Но в это время уже со всех сторон подступали войска колониальных захватчиков.

В первой половине XIX в. укрепилась власть мусульманских иерархий Багирми и Вадаи, правивших к юго-востоку и востоку от озера Чад. Достигнуть этих успехов удалось в основном благодаря дальнейшему покорению родо-племенных объединений на территории нынешней Центральноафриканской Республики и Южного Судана и установлению контроля над торговыми путями в Феццан и к Нилу.

2.2. Государства Межозерья в период с XVII до конца XIX в.

Как и зона Сахеля в Западной и Центральной Африке, саванны восточноафриканского Межозерья были идеальным маршрутом для кочевых племен скотоводов. Сюда докатилось, начиная с XIII в., несколько их волн, бравших начало в местности между Белым Нилом и восточным побережьем. В XV в. среди переселенцев преобладали нилоты южной группы (луо-бито). От оседлого негроидного населения их отличали некоторые антропологические особенности, в том числе высокий рост, стройность, узкое лицо и т. д. Эти скотоводы оседали на равнине между протянувшимися цепочкой восточноафриканскими озерами, преимущественно на территории Анколе, Буньоро, Торо, Руанды и Бурунди. Они получили наименование «бахима» или «бахума», а в Руанде и Бурунди — «тутси» и «тусси».

Первое время пастухи-скотоводы во многих районах мирно сосуществовали с земледельческим населением, принадлежавшим к большой бантуязычной семье. Подобно фульбе в Западной Африке, они обменивались продуктами своего труда с оседлыми жителями, находясь с последними в своего рода симбиозе. Но и у них уже появились зачатки экономической и социальной дифференциации. Хотя у кочевников сохранялся родовой уклад жизни, в тех родах и группах, что осели на землю, выделилась зажиточная верхушка, стремившаяся к военным завоеваниям. Ее целью было покорить земледельческое население, захватить рабов и скот и тем самым добиться экономического и политического превосходства также и над своими сородичами. Эти элементарные социальные явления лежали в основе «государственности» кочевых скотоводов в Восточной Африке. Возникали государства, верхушка которых состояла из скотоводческой аристократии.

Тем не менее никак нельзя согласиться с распространяемой по сей день в различных вариантах «хамитской теорией». Ее многочисленные сторонники утверждают, что племена светлокожих скотоводов — «хамитов» — принесли земледельческому негроидному населению более высокую культуру, а с ней — формы государственного устройства и институт «королей». Пришлые скотоводы якобы неизменно обладали большей политической зрелостью и были энергичнее, тогда как уже перешедшие к оседлости бантуязычные народности пребывали в состоянии «застоя». Подобная точка зрения противоречит тем фактам, что покоренное население в большинстве случаев еще до пришествия чужаков находилось на более высокой, чем они, ступени развития материальной культуры и пришлые пастухи, как правило, заимствовали их язык и обычаи. Кроме того, как доказывает пример Буганды, далеко не все государственные образования этого времени были обязаны своим происхождением скотоводческой аристократии. «Хамитская теория» во всех своих разновидностях ложно истолковывает исторические факты. Она относится к богатому арсеналу колониально-апологетических и расистских теорий, с помощью которых империализм пытается оправдать свои притязания на господство над африканскими народами, прибегая для этого и к ссылкам на исторические модели.

Устная традиция сообщает, что из неоформившихся сначала племенных объединений в 1500 г. сложилось одно из первых государств — «империя» Буньоро-Китара, находившаяся на северо-западе Уганды. Правящая аристократия из нилотского народа бито во главе с мукамой без особых усилий подчинила крестьянское население своей экономической и политической власти и распространила непрочную систему данничества на соседние области до реки Карагве, в том числе на многочисленных скотоводов-хима. В середине XVII в. появились сильные соперники империи Китара — Анколе и Бугаьда. В итоге господство аристократии бито, постоянно пополняемой новыми пришельцами, ограничилось пределами территории, на которой впоследствии возникло государство Буньоро.

Буньоро, которое еще продолжало существовать в период военных экспедиций Англии, предпринимавшихся с конца XIX в. из Судана и района побережья, было типичным для Восточной Африки «пастушеским государством». Могущество

аристократии основывалось на владении огромными стадами крупного рогатого скота, которые пасли их обедневшие или попавшие в кабалу сородичи, и земель. Члены королевской фамилии, занимавшие какой-либо официальный пост, «вознаграждались» за счет поступлений от эксплуатируемого крестьянского населения. Последнее не только вносило натуральные подати, но и выполняло строительные и ремонтные работы для деревенских старейшин и в резиденции короля. Крестьяне были обязаны сдавать добытую на охоте слоновую кость и дичь, участвовать в военных действиях. Рабство занимало в социальной жизни государства лишь незначительное место.

В Буньоро прослеживается явление, представляющее большой интерес: чтобы войти в состав правящей знати, было недостаточно принадлежать к определенной этнической группе скотоводов, надо было еще обладать личным богатством. Имущие люди из среды крестьянства также могли занимать высокие государственные посты. Иными словами, этнические ограничения раннего периода государственной организации были ослаблены и уступили место более выраженным классовым, эксплуататорским отношениям. Правда, в государственный совет, существовавший с соизволения мукамы, допускались только члены королевской семьи и аристократы-бито. Страна была поделена на десять провинций, во главе каждой стоял вождь или губернатор.

Анколе, расположенное к западу от озера Виктория, стало центром государства бахима. Согласно устной традиции, Анколе раньше, чем Китара и Руанда, было заселено скотоводами и пастухами, но легенда, передающаяся из уст в уста, может исказить и приукрашивать действительность. Около 1700 г. у власти, как утверждают, стоял шестой правитель из династии бахима — Рухинда. Ему приписывают покорение некоторых племен к юго-западу от озера Виктория. В Анколе знать бахима сохраняла свой особый социальный престиж, определявшийся положением ее как верхушечного слоя скотоводов. Решающее значение неизменно имела собственность в виде скота; владению землей и зависимыми крестьянами принадлежала второстепенная роль. На верхушке социальной пирамиды стоял мугабе, обладавший самыми большими стадами, которые паслись на всей территории страны. Доступ к обогащению был также открыт всем членам королевской фамилии и чиновникам, волею мугабе назначенным из числа его фаворитов. Правитель одаривал их большими стадами и предоставлял им право распоряжаться отдельными статьями государственных доходов, поступавших из провинций и округов (Анколе было разделено на 16 крупных провинций). Покоренные крестьяне-баиру платили подати и выполняли трудовые повинности, но не несли военной службы и имели более низкий правовой статус, чем бахима, которые подчеркивали свое особое положение, определявшееся их этнической принадлежностью. Тем не менее многие пастухи-бахима, лишаясь скота, опускались до положения баиру и были вынуждены пасти стада своих знатных соплеменников.

Не следует преувеличивать богатство высших слоев населения этих государств, в том числе и Буньоро. Они продолжали вести образ жизни скотоводов, чуждый какой-либо роскоши. У них не было столицы в собственном смысле этого слова, с большими зданиями и дворцами, известными нам по другим центрам государственного развития. Двор и жилые дома правителя и его семьи отличались от других краалей (комплекс отдельных домохозяйств) только тем, что были больше и добротнее. Посередине королевского крааля стоял главный дом с тронным залом для торжественных приемов, вокруг размещались стада коров. Они снабжали «двор» молоком. Каждый вождь строил свой дом с таким расчетом, чтобы вход был обращен к хозяйству мугабе.

Интерес представляет развитие Руанды и Бурунди^{17а} в этот же период. Осевшие на территории этих государств тутси, или тусси, принадлежали, вероятно, к первым пришельцам в район Межозерья. Тем не менее среди населения преобладали хуту, занимавшиеся мотыжным земледелием; они были разбавлены небольшим числом пигмеев тва.

И здесь образование государственного аппарата не строилось на межрасовых противоречиях. Вновь и вновь факты социальной и имущественной дифференциации, выделения аристократии выступали как решающий момент этого процесса. Такие общественные явления были неизвестны хуту и тутси, когда они впервые соприкоснулись в XIII в. Тутси, кочевавшие и жившие родами или семейными группами, выбрали для своих пастбищ и для поселения холмистые местности, которых избегали хуту. Хуту в это время также объединялись в родовые группы, но те были лишены стабильности и часто враждовали между собой. В родах тутси экономическое и социальное расслоение развивалось быстрее, чем у земледельцев. Из их среды выделились богатые люди, они захватили политическую власть и, создав военные дружины, в которые входили хуту, подчинили своему влиянию не только мелкие общины хуту, но и обедневшие роды тутси. Эти процессы активизировались после 1500 г. с появлением новых пришельцев-скотоводов, имевших большие стада скота и знавших более совершенную металлургию железа.

В пограничной области Бугасера, на озере Мохазе, в результате длительного развития образовалась небольшая конфедерация, на основе которой в XVI—XVII вв. возникло государство Руанда. Кигери I Мукобанья и Мибамбве I Мутабази в постоянных войнах расширили его территорию. В конце XVII в. при Нтаре I Рушатси сформировалось и Бурунди.

Здесь исходным пунктом для развития раннеклассового общества и возникновения отношений эксплуатации была собственность на скот. В последующие века именно она определяла права человека при разделе земли, его возвышение в обществе и возможность выполнения политико-административных функций. Уже в XVII в. вожди, а впоследствии и правители Руанды упразднили политическую власть старейшин рода как тутси, так и хуту: отныне они лишились возможности создавать территориальные объединения. Но далеко не всюду удалось полностью устранить родовой строй. Оставшиеся от него объединения жителей, так называемые инзу, стали органической частью государства, построенного по территориальному принципу. Вожди инзу несли ответственность за то, чтобы точно в срок и в назначенном объеме поступали коллективные налоги и натуральные поставки и чтобы по приказу правителя или подвластного ему чиновника неукоснительно выполнялись трудовая и воинская повинности. Вожди и сами становились чиновниками и получали за свои труды вознаграждение в виде лена. Таким образом некоторые богатые вожди хуту с холмов, а частично и тва смогли проникнуть в низшие звенья иерархии тутси.

Все свободные земли, а потом и все высвободившиеся из родового владения участки тутси объявили собственностью государства, которое олицетворял мвами. На этом основании значительная часть крестьянских общин хуту и многие обедневшие скотоводы тутси, пасшие стада знати, были поставлены в зависимость от него и принуждены платить подати и нести повинности. Аристократы по крови, принадлежавшие к королевскому роду и большим семьям, откуда происходили матери будущих престолонаследников, обладали огромными богатствами в виде скота и получали в полномочное владение большие провинции, освобожденные от налогов, где эти аристократы пользовались личной неприкосновенностью. К высокопоставленной наследственной аристократии принадлежали также командующий армией и вожди провинций. Кроме того, средние чиновники и придворные при введении в должность часто получали привилегии, не передававшиеся по наследству: скот, земли, право использования известной доли налогов и трудовых повинностей, взимаемых ими в пользу государства. Священнослужители и хранители придворного культа были приравнены к знати и в награду за службу получали скот. Аристократы пользовались плодами труда не только зависимых крестьян и пастухов: в имении аристократа и на прилегающих к усадьбе полях, принадлежавших его жене, работали несвободные люди, напоминающие патриархальных «домашних» рабов и крепостных в других местностях.

Только в первой половине XIX в. появились специальные невольничьи рынки, которые, однако, удовлетворяли в основном спрос арабских работорговцев из соседних областей. Жившие в деревнях специалисты-ремесленники платили подати наравне с крестьянами. Но и те немногие ремесленники и торговцы, которые не были связаны с сельскими объединениями, также облагались высокими налогами. На низшей ступени социальной лестницы находилась часть тва, перешедшая к оседлости (большинство тва оставались охотниками и собирателями и знали лишь каменные орудия). Они зарабатывали на пропитание кузнечным или гончарным ремеслом и вели обособленный образ жизни, составляя как бы особые касты. Общество их презирало.

Руанда и Бурунди известны своей последовательной кастовой системой. В период перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу, унаследовавшему многие пережитки деления общества по родству и по этническим признакам, кастовая структура помогала правящим группам сохранять свои социальные и политические преимущества. Это отразилось и в юридических привилегиях или запретах, распространявшихся на касты, которые в идеале представляли собой замкнутые группы, образуемые на основе этнической принадлежности или рода деятельности. Однако утверждавшиеся на протяжении XVIII и XIX вв. отношения эксплуатации подорвали кастовую систему. Кастовое право превратилось в правовые нормы постепенно формировавшегося раннеклассового общества, сметавшего на своем пути этнические ограничения.

Уже король Кигери I Мукобанья (XV в.) с целью упрочения своей власти повелел собирать и хранить мифы и легенды о приходе тутси и их деяниях при основании Руанды. С течением веков в Руанде и особенно в Бурунди стали возникать, а потом и вовсе не прекращались конфликты между центральной властью, стремившейся путем назначений обеспечить свои наследственные права, и рвавшейся к власти аристократией тутси. Начиная с XVIII в. последней удалось добиться того, что правителем становился несовершеннолетний принц. Это усиливало влияние королевы-матери и ее фамилии. Кроме того, аристократия осуществляла свое влияние через государственный совет. Он играл особенно важную роль в Бурунди, в Руанде же оставался совещательным органом, лишенным исполнительных прав.

В XIX в. как Руанду, так и Бурунди раздирали династические распри, высшая знать проявляла все более сильные тенденции к партикуляризму. Правители пытались использовать военачальников в борьбе против губернаторов провинций, но не могли поколебать некоторые их наследственные привилегии, в частности право собственности на скот и землю. Территориальное управление ослабло. В конце XIX в. некогда могущественное государство Бурунди производило впечатление конгломерата независимых мелких княжеств, враждующих между собой. Мвези II Гисабо (1852—1908) предпринял еще одну попытку разбить наиболее крупных вельмож, которые к этому времени уже владели двумя третями крупного рогатого скота и огромными земельными площадями, но успеха он не имел. В конце XIX в. центральную власть в Бурунди охватил глубокий политический кризис. Он не был преодолен даже тогда, когда аристократия на время объединилась для отпора арабскому предводителю мародеров Румализе.

Напротив, Руанда при Кигери IV (1853—1895) достигла апогея своего могущества. Частые войны, в том числе против Бурунди и Анколе, приносили королю богатую добычу в виде скота и военнопленных. Стремясь укрепить центральную власть, Кигери IV ввел принцип назначения и смещения административных чиновников, отменил передачу собственности по наследству и создал новую категорию преданных чиновников из низших слоев населения. Он упорно боролся с сепаратизмом высшей аристократии, даже своих родных сыновей, и реорганизовал армию. Однако после его смерти в 1895 г. возобновившаяся борьба за власть сделала Руанду, как и Бурунди, легкой добычей подступавших к ней немецких колониальных захватчиков.

Убедительным опровержением «хамитской теории» является-то обстоятельство, что параллельно государствам, где преобладала скотоводческая знать бахима или тутси, к северу и северо-западу от озера Виктория возвысилось крупное государственное объединение явно негроидного характера, которое ни разу за всю свою историю не было покорено скотоводческими племенами,— государство Буганда¹⁷⁶.

Основное население Буганды составляли земледельцы баганда. Конечно, и они начиная с XIV в. испытали на себе последствия переселений народов, и здесь происходило смешение различных этнических слоев, в том числе и с родовыми группами скотоводов, но последние очень быстро ассимилировались и утрачивали специфику своего социального и экономического уклада. Насколько известно, они обогнули Буганду в западном направлении и обосновались в Торо, Анколе и Руанда-Бурунди. Берега озера Виктория, покрытые густыми лесами и большими болотами, служили естественным препятствием скотоводству. Период образования государства на территории Буганды сопровождался глубинными процессами экономической, социальной и политической перестройки внутри баганда и постоянно связанных с ними родовых и племенных групп.

Из устных преданий встает в общем довольно туманная картина начального периода конфедерации. В XIV—XV вв. на территории, где впоследствии находилась Буганда, вернее, на части этой территории сложился союз разрозненных прежде родовых групп. К объединению их толкала необходимость обороны от внешнего врага — Буньоро. Возглавлявшая конфедерацию династия во главе с правителем — кабакой — первоначально была неправомочна вмешиваться в дела кровнородственных групп и их родовой верхушки. Функция правителя ограничивалась соблюдением внутреннего порядка и организацией общего отпора внешним врагам. Однако со временем власть кабаки, его чиновной и военной знати возросла.

К XVII в. непрочная ранее конфедерация окрепла и с середины этого столетия встала на путь завоеваний, что, в свою очередь, оказало большое влияние на консолидацию центральной государственной власти внутри страны. С тех пор Буганда систематически раздвигала границы своих владений. В XIX в. ей удалось покорить и обложить данью многие соседние области, в частности Бусогу, Анколе, временно Буньоро и Торо, а на территории современной Танзании — Кизибу и Карагве. Флот кабаки контролировал почти все озеро Виктория и берег, где находилась Буганда. В начале XVIII в. был нанесен смертельный удар уцелевшей родовой организации внутри государства. Родовая конфедерация уступила место централизованному государству.

Таким образом, в XVIII и XIX вв. в Буганде была создана прочная система управления и власти, равных которой не знал район Межозерья. По данным устной царской хроники, в XVIII в., начиная с третьего кабаки, Кимери, была введена передача трона по наследству. В длинном списке правителей XVIII в. особенно выделяется кабака Кьябагу, правивший с 1763 по 1780 г. По примеру своих предшественников он продолжал воевать на северо-востоке против Бусоги, что была расположена на берегу озера Киога, и захватил ее. Второй сын Кьябагу, Семакокиро (1797— 1814), жестоко подавил междоусобия претендентов на трон и тем утвердил абсолютную власть правящего дома. Кстати, и он и его преемник будто бы убили нескольких своих сыновей. В правление Семакокиро были установлены, в основном через суахилийских купцов, торговые связи с побережьем по маршрутам, проходившим к югу от озера Виктория.

Преобладание правителей Буганды в Межозерье особенно сильно возросло при Суне II (1836—1868) и Мутссе Мукабья (1868— 1884).

Кабака Калема (Суна II) подавлял внутри страны тенденции к децентрализации и с этой целью ограничил власть крупных чиновников. При нем армия была полностью реорганизована и заново вооружена. Через султана Занзибара и проникавших теперь далеко в глубь суши арабских купцов он обменивал слоновую кость и обращенных в рабство военнопленных на огнестрельное оружие и порох. Война стала прибыльным

делом для правящей верхушки Буганды, и ее войска то и дело нападали на соседей, начиная от Буньоро и кончая Руандой.

Следующий кабака, Мутеса I, также придавал большое значение организации войска и флота. В числе его важнейших заслуг — создание постоянной армии. Ее части размещались во всех десяти провинциях страны, продовольствием их обеспечивали специальные деревни, располагавшиеся вдоль границ. Военно-организационное руководство армией осуществляли по назначению самого кабаки офицеры, образовавшие особую воинскую знать и получавшие за службу ленные владения. Эта новая форма организации войска явно уходила своими корнями в прошлое, когда воинскую службу несли способные к ношению оружия крестьяне каждой деревни во главе со своим старейшиной, тогда как аристократы, они же военачальники, были ответственны перед самим кабаком за то, чтобы пригодные к службе жители от нее не отлынивали.

Переход от всенародного ополчения к постоянному войску имел важные последствия. Отныне кабака располагал сильной армией, которую можно было в кратчайший срок привести в состояние мобилизационной и боевой готовности. Ее боеспособность и при обороне и при наступлении на соседние племена и государства значительно возросла. Кроме того, солдаты постоянной армии были по возможности вооружены огнестрельным оружием. В 1872 г., когда войска в целом еще сражались копьями, специальные полки, своего рода лейб-гвардия кабаки, имели тысячи ружей и успешно пользовались ими. Постоянное войско служило одной цели — расширению власти правящей верхушки, особенно кабаки, осуществлению ее экономических и политических чаяний.

Кроме того, Мутеса I держал значительный флот на озере Виктория, который, кажется, внушал врагам еще больший страх, чем сухопутные войска. Армия и флот давали кабаке возможность захватывать скот и рабов, «окорять чужие земли и облагать их данью, а с середины XIX в. — монополизировать торговлю с побережьем, что являлось важным преимуществом. Административные правители островов и прибрежных районов обеспечивали постройку и мобилизационную готовность судов. Правда, данные о величине флота баганда очень разноречивы. До нас дошли сведения о сражениях на воде против барума, в которых участвовали от 300 до 400 крупных военных кораблей и многочисленные рыбацкие лодки. Флот мог перевозить до 20 тысяч вооруженных солдат.

В XIX в. Буганда было типичным раннефеодальным государством * (* Историк из ГДР В. Руш, на которого ссылается здесь автор, воздержался от точного определения характера общества традиционной Буганды: он говорит лишь о том, что оно было раннеклассовым. К тому же описание общественной структуры у Т. Бюттнер может быть дополнено: заслуживал бы, например, упоминания такой немаловажный процесс, как сложение зачатков соседской общины за счет крестьян-«поселенцев», покидавших земли своих родовых общин (см.: Э. С. Годи́нер. Становление государства в Буганде. — Становление классов и государства. М., 1976, с. 183—190).). Кабака, члены царской фамилии, т. е. знать от рождения, назначаемая сверху широко разветвлявшаяся чиновная и служилая знать, получавшая лены лишь в пожизненное пользование, знать наследственная (священнослужители, а теперь и зависимые старейшины бывших родовых объединений) образовывали правящую верхушку. Экономической основой ее могущества была высшая прерогатива кабаки распоряжаться землей и недрами и проистекающее отсюда право вознаграждать своих вельмож за оказываемые «услуги» временными или наследственными ленами. В зависимости от занимаемого положения и обстановки знать получала привилегии на взимание налогов с деревенских общин, имения, рабов и скот.

Большое влияние, даже в экономике, имели жрецы. Главный храм каждого божества окружали обширные угодья, которыми пользовались его служители. Кроме того, аристократия осыпала храмы подношениями в виде скота, рабов, женщин, продуктов; женщины и невольники обрабатывали храмовые поля. Священнослужителям принадлежали и большие стада. Следовательно, в их руках были сосредоточены

значительные богатства, с помощью которых они старались усилить свое политическое влияние.

Основную массу эксплуатируемых составляли крестьяне, жившие деревенскими общинами на бывших родовых территориях или во владениях чиновной и служилой знати и их управляющих. Крестьяне и их дети пользовались земельным участком и пастбищами для выпаса скота до тех пор, пока они выполняли повинности для своего господина. Они теряли это право при переселении на новое место. Тем не менее каждый крестьянин первоначально имел возможность найти себе другого господина, и только в XIX в. она была существенно ограничена.

На зависимом крестьянском населении лежали многочисленные повинности: земельная рента в виде отработок и натуральных податей владельцу лена, ежегодный налог кабаке, сначала также натуральный, а впоследствии — раковинами каури, выполнявшими функцию денег, участие в общественных работах. Очень трудная военная служба была тяжелым бременем для крестьян-налогоплательщиков, но временами их более всего отягощала трудовая повинность: крестьяне строили и ремонтировали дороги и улицы, возводили строения и ограды в резиденциях кабаки или знатных вельмож, заботились о поддержании храмов государственного культа. Иногда эти работы продолжались несколько месяцев в году. Выращиванием бананов — главной пищевой культуры баганда — занимались почти исключительно женщины, и это высвобождало мужчин для других работ, в том числе для несения трудовой повинности, а также для военной службы.

Ремесло, рыболовство и т. д. первоначально являлись занятиями специальных кровнородственных групп. Хотя, стараясь поощрить их деятельность, аристократия принимала специальные меры и даже ставила их в привилегированное положение, по социальным и экономическим условиям своей жизни они мало чем отличались от эксплуатируемых крестьян в деревенских общинах. Образование слоя профессиональных ремесленников, полностью прекративших заниматься сельским хозяйством, произошло здесь довольно поздно и долго ограничивалось некоторыми центрами при дворе кабаки и отдельных вельмож. Правда, имела место известная территориальная специализация: население берегов озера Виктория поставляло рыбу и зерновые, из южных районов Буду и Коки поступали железо, кофе и одежда из волокон, часть областей производила прекрасные глиняные изделия, Буньоро предлагало пользовавшуюся большим спросом соль.

Плетение, обработка кожи, изготовление тканей из древесного волокна, резьба, строительство лодок, а также гончарство и кузнечное дело достигли высокого совершенства. Они были уделом мужчин и имели многовековую историю. В XIX в. специализация получила широкое распространение, произошло общественное разделение труда. Оно повлекло за собой рост потребности в обмене произведенных продуктов, а следовательно, в местном рынке. Оживилась торговля с побережьем и с соседними областями, но, кроме того, вблизи резиденции кабаки и вельмож появились постоянные рынки. Здесь сидели ремесленники и специалисты, сюда устремлялась правящая знать, в частности и для того чтобы контролировать местную торговлю и взимать налоги.

В основании социальной пирамиды, в самом низшем слое эксплуатируемого населения Буганды находились рабы. В XIX в. увеличилось число свободных крестьян и ремесленников баганда, обращенных за неуплату долгов в рабство. Однако основную массу рабов составляли не они, а люди других народов, захваченные на поле брани или в грабительских набегах. Их также стало существенно больше, ибо в XIX в. Буганда почти не выходила из состояния войны. Только немногим из пленников выпадало счастье стать патриархальными «домашними» рабами. Сотни их были заняты при дворах кабаки и других светских и духовных сановников, в садах и мастерских. В отличие от других стран Африки, в Буганде потомки «домашних» рабов не пользовались личной юридической свободой. В XIX в., когда арабские торговцы предъявили повышенный спрос на рабов,

аристократы продавали тысячи людей в рабство, после чего начинался их мученический, а для многих и смертный путь к побережью.

Немалые доходы приносили правителю и знати отправление правосудия, дань с покоренных племен и захватнические набеги. Чрезвычайно прибыльной была и торговля с побережьем. Подвизавшиеся на побережье купцы, в основном арабы, суахили и ньямвези, доставляли новые товары: огнестрельное оружие, хлопчатобумажные ткани, медную и железную проволоку, раковины каури, невиданные ранее в Буганде ремесленные изделия и культурные растения. В обмен они требовали прежде всего слоновую кость, а во второй половине XIX в. — рабов. Все поступающие со стороны грузы сначала осматривались при дворе кабаки, и приглянувшиеся ему вещи он оставлял себе. Так, за пределы его двора никогда не выходили оружие и амуниция. В то же время хорошо продуманная система таможенного и военного контроля, преграждавшая купцам побережья прямой доступ в соседние области, обеспечивала правителю выгодную монополию в посреднической торговле.

В организации государства также произошли сдвиги, которые отражали социальные процессы укрепления экономического и политического могущества кабаки и знати и отвечали необходимости осуществлять эксплуатацию как своего населения, так и чужих народов. Управление страной зиждилось на территориальном принципе. Вся Буганда была разделена на десять больших провинций, те, в свою очередь, состояли из округов, их начальникам подчинялись деревенские старейшины. Некоторые независимые государства или племенные объединения, например Бусога, платили Буганде дань. Король обычно правил как абсолютный монарх. Государственный совет — лукико — пользовался лишь совещательными правами. В него входили десять верховных правителей провинций и несколько высших чиновников, возглавлял его сам кабака. Естественно, что лукико неизменно защищал интересы кабаки и правящей верхушки. Хотя, как говорилось выше, административные правители и придворные чиновники не имели права передавать лены по наследству, аристократы, посылая своих сыновей ко двору царя и с помощью других действий, вскоре добились того, что их привилегии в какой-то мере стали наследственными. В XIX в. доступ к более высоким ступеням иерархической лестницы основной массе населения уже был закрыт, исключение делалось только для выдающихся военачальников.

Кабака был предметом особого религиозного почитания. В равном с ним положении находились царица-мать и его жена, все трое носили титул кабаки. Правящая верхушка во главе с кабакой и его семьей отстранила широкое население от участия в религиозных церемониях и стремилась внедрить монотеистические религиозные представления. В конце XIX в. она решительно выступала против всех иных монотеистических религий.

При Мутесе I в его владениях появились первые европейские путешественники и экспедиции. Сначала Буганду посетили Спик и Грант (1861), затем Стэнли (1875), которому мы обязаны подробным описанием государства Буганда. Появление этих предшественников империалистической экспансии европейских держав, предвещало упадок и гибель суверенной Буганды. Ее знать стала марионеткой в руках капиталистических держав, прежде всего Великобритании. При преемниках Мутесы I центральная власть ослабла из-за распрей и интриг между аристократами, воспринявшими от европейских миссионеров христианство, и придворной «мусульманской» партией (примечательно, что Мутеса I носил арабское платье и читал Коран).

Глава V

АФРИКА В XIX В.

(ДО БЕРЛИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1884 г.)

1.1. Воздействие колониальной экспансии промышленного капитализма Европы на народы Африки

В первой половине XIX в. изменился характер колониальных интересов капиталистических держав Европы. Стремительное развитие капитализма (промышленная революция) в Великобритании и в других европейских странах, в частности во Франции, снова вызвало споры между сторонниками и противниками колониальных захватов и усилило заинтересованность буржуазии в выгодной колониальной политике. В начале XIX в. закончился меркантилистский период развития капитализма, на сцену выступил промышленный капитализм, капитализм «свободной» конкуренции. Опираясь на свое промышленное превосходство, Великобритания первой устремилась к достижению первенства над другими государствами. Торговая и промышленная монополия позволили английской буржуазии занять в XIX в. ведущее положение и в деле колониальных захватов. По определению В. И. Ленина, «две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке»¹⁸.

По формам и методам колониальных захватов и эксплуатации промышленный капитализм уже существенно отличался от капитализма мануфактурного и меркантилистского периодов. В Африке торговля такими типично «колониальными» товарами, как золото, слоновая кость, рабы, добывавшимися с помощью жупнических торговых договоров, дани, охоты за рабами, прямого ограбления жителей и т. д., все более отодвигалась на задний план, уступая место другим источникам прибыли. Еще в мануфактурный период колониалисты были заинтересованы в приобретении некоторых колониальных территорий, которые могли бы служить поставщиками сырья и рынками сбыта мануфактурных изделий. Возникновение крупной машинной промышленности увеличило потребность в легкодоступных природных и сырьевых ресурсах, продовольствии и предметах роскоши и в то же время толкало буржуазию к завоеванию новых рынков для сбыта промышленных товаров массового потребления. Торговля активизировалась, но характер ее стал иным. Приносимый ею доход по-прежнему составлял важнейшую долю колониальных прибылей. Прежде они поступали крупным монопольным торговым компаниям (Ост-Индской, Африканской и др.) и непосредственно феодально-абсолютистскому или раннекапиталистическому государству, и те обогащались за счет межконтинентальных операций.

Бурный рост промышленного капитализма, прежде всего в Англии, в первой половине XIX в. привел к постепенному отмиранию привилегий могущественных торговых компаний — они в организованном порядке приняли государственный характер — и запретительной колониальной системы. В XIX в. действовавшие в колониальных областях, в том числе и в Африке, английские, французские, бельгийские компании, а впоследствии и торговые компании бывших ганзейских городов * (* Имеются в виду три крупнейших германских порта — Любек, Гамбург и Бремен, сохранившие название «ганзейских» и после распада Ганзейского союза в середине XVII в.) обеспечивали свои прибыли и зоны влияния уже благодаря собственной инициативе в рамках «свободной» капиталистической конкуренции. Только к концу этого периода, когда вступил в свои права империализм и начался переход к монополистическим формам колониальной эксплуатации, торговые компании накануне общего территориального раздела колоний снова получили, теперь, правда, на короткий срок, государственные привилегии.

Но наиболее важные изменения произошли в колониальной политике. Хотя внешне ее продолжали определять в основном круги фритредеров, фактически ее главной движущей силой стала промышленность наряду с торговым капиталом, и он все более попадал в зависимость от нее. Купец скатился на роль посредника промышленной буржуазии, а следовательно, был вынужден отдавать значительную часть извлекаемых

дивидендов своим прямым или косвенным заказчикам. Чисто «меркантилистские» традиции колониальной торговли преобладали до 1870—1880 гг.

Усовершенствование транспортных средств и оружия открывало новые возможности для колониальных захватов. Изобретение парохода во много раз сократило продолжительность морских перевозок, и после 1812 г. Англия располагала большим количеством паровых судов, которые к тому же не зависели от пассатов. Строительство каналов и других гидротехнических сооружений, улучшение и упорядочение искусственных судоходных путей имели своим следствием ощутимый рост мировой торговли. Событием огромного международного значения, бесспорно, явилось открытие в 1869 г. Суэцкого канала. Путь из Англии или Нидерландов, который раньше вел вокруг мыса Доброй Надежды, сократился на 13 тысяч километров, следовательно, поездка на Дальний Восток или в Австралию требовала отныне на три недели меньше, чем прежде. С Суэцким каналом связано оживление торгово-политической деятельности колониальных держав на восточноафриканском побережье.

Необходимо упомянуть, что изобретение ружья, заряжающегося с казенной части, и игольчатого ружья значительно повысило эффективность ручного огнестрельного оружия. Игольчатое ружье позволяло быстро производить выстрел даже в сырость и дождь. Техническое превосходство европейцев над колониальными народами Азии и, главное, Африки увеличилось. С середины XIX в. появились военные корабли и броненосцы, приводившиеся в движение паровыми двигателями. Они применялись в гражданской войне между северными и южными штатами Северной Америки. Когда незадолго до конца века войска лорда Китченера поднялись вверх по течению Нила, их поддерживали с воды канонерки. Стало ясно, что достижения военной техники могут использоваться общественными силами, заинтересованными в колониальных захватах.

В это время усилился приток европейских поселенцев в области с хорошим климатом и благоприятными природными условиями. Обычно колонисты безжалостно сгоняли местное население с его исконных земель. Об этом говорят не только примеры из истории «каторжных» колоний Австралии и Новой Зеландии, но и страшное по своей жестокости внедрение голландских и английских поселенцев в Южную Африку.

Первое время территориальные захваты, переход от основания опорных пунктов к колонизации больших площадей, разбивка плантаций и разработка недр земли ограничивались немногими областями. Они послужили плацдармами для дальнейшего проникновения в Африку. Только в период перехода домонополистического капитализма к империализму, начавшийся в 1870—1880 гг., капиталистические державы смогли произвести в Африке полный территориальный раздел и захват колоний, уже давно осуществленный ими в других частях мира.

С конца XVIII в. внимание общественности было приковано к гуманным требованиям фритредеров запретить продажу невольников из Африки в Америку и отменить рабство вообще. Нет сомнений, однако, что за духовно-культурным гуманистическим фасадом движения аболиционистов против рабства скрывались экономические мотивы. Нарождавшийся промышленный капитализм больше не находил применения рабской форме эксплуатации. Рабский труд превратился в тормоз капиталистического развития. Передовая либеральная буржуазия неоднократно выступала с осуждением варварской торговли людьми, противоречащей идеалам Великой французской революции: свобода, равенство, братство. Когда в конце XVIII в. Уилберфорс и Гренвил Шарп при содействии методистской церкви основали аболиционистское движение, они были особенно горячо поддержаны частью английской буржуазии. Как справедливо отметил Ж. Сюрэ-Каналь, идеи аболиционистов отражали воззрения наиболее передового в экономическом отношении отряда промышленных капиталистов. Они наконец поняли, что не только работорговля, но и рабство несовместимы с применением более выгодного труда наемных рабочих.

Этому изменению в образе мыслей способствовали и многие другие обстоятельства. Прежде всего Великобритания, в свое время являвшаяся крупнейшим экспортером рабов, попыталась использовать борьбу за запрещение работорговли для того, чтобы добиться абсолютной торговой монополии. Отделение североамериканских колоний в 1783 г. нанесло тяжелый удар Великобритании, она стремилась в порядке ответной меры экономически ослабить южные районы отпавших владений. Большую роль сыграли также героические восстания негров на Антильских островах, в южных штатах Северной Америки, на сахарных, кофейных и хлопковых плантациях многих других стран, в том числе в 1791 г. в Сан-Доминго.

Борьба против плантаторов-рабовладельцев достигла своего апогея. Это было упорное, длительное наступление. Поборники минувшей колониальной фазы отступали неохотно, оказывая ожесточенное сопротивление новым экономическим требованиям. Об этом говорят факты: работорговля и рабство продержались еще почти сто лет, пока окончательно и бесповоротно не исчезли с лица земли.

Более двадцати лет потребовалось Уилберфорсу, чтобы достигнуть первых успехов. В 1807 г. была запрещена продажа рабов в английские колонии. Запрет, однако, не касался рабства как формы эксплуатации. Только в 1833 г. рабство было официально отменено в английских колониях, а во французских владениях применение рабского труда легально продолжалось до 1848 г.

Последствия запретов сказались не так-то быстро. Многие работорговцы прибрежных факторий пренебрегали ими и, невзирая на курсировавшие в океане английские патрульные корабли, продолжали заниматься выгодным промыслом. Свой товар они сбывали прежде всего в Бразилию и на Кубу, где новые хлопковые и сахарные плантации по-прежнему нуждались в рабском труде* (* Как показала С. Ю. Абрамова, многие западные исследователи преувеличивают роль кубинской работорговли в XIX в., после официального запрещения работорговли большинством стран мира. Дело в том, что значительная доля ввезенных на Кубу невольников затем реэкспортировалась оттуда в южные Штаты США, остававшиеся до самой гражданской войны 1861—1865 гг. одним из главных работорговых рынков в Западном полушарии (см.: С. Ю. Абрамова. Африка: четыре столетия работорговли, с 178—181).). Часто работорговля осуществлялась под прикрытием вербовки «законтрагованных рабочих», например для Антильских островов. В течение еще нескольких десятилетий активными очагами работорговли оставались Ангола, район Конго, побережье Бенина (Видах, Лагос). В ней теперь активно участвовали в роли торговцев незаконными грузами афро-бразильские метисы. Но в 1859 г. бразильское правительство работорговцев было вынуждено признать запрет работорговли, и спрос на рабов на главном рынке их сбыта сильно сократился. Окончательно он, однако, иссяк в США только в 1865 г., когда после завершения гражданской войны рабство было запрещено, в Бразилии — в 1880 г., на Кубе — в 1888 г. Работорговля, не приносившая былых барышей, постепенно заглохла.

Колониальная политика, которую европейские державы проводили к югу от Сахары в первой половине XIX в., определялась различными обстоятельствами.

В начале этого столетия многие торговые фактории, конторы и форты, особенно в Западной Африке, утратили свою экономическую притягательность. Из-за ограничений, а затем и запрета работорговли существенно сократился объем прибыльной заморской коммерции. Многие владения на западноафриканском побережье сохранялись лишь из престижных соображений. Голландцы и датчане оказались неконкурентоспособными. В XIX в. они уступили Великобритании подвластные им территории на Золотом Береге и, таким образом, отказались от прямой колонизации Африки. Колониальная политика Португалии по-прежнему пребывала в застое. В 1800 г. влияние Португалии распространялось на побережья Анголы и Мозамбика, на некоторые острова в Гвинейском заливе и часть Гвинеи. Только к концу XIX в. Португалия, используя

благоприятное международное положение, приступила к активному расширению своих колоний.

В период домонополистического промышленного капитализма Африка к югу от Сахары была в основном поприщем колониальной деятельности Великобритании и Франции. Они стремились расширить свои сферы влияния и приспособить экономическую и политическую эксплуатацию этих районов к новым потребностям капиталистического развития метрополии. Англия, которая уже на этом этапе развития капитализма занимала первое место среди европейских держав по темпам и масштабам колониальных захватов, вначале главное внимание уделяла не Африке, а азиатской сфере интересов, прежде всего Индии. Франция же с 1830 г. основные свои силы обратила на завоевание Алжира и других районов Северной Африки. Тем не менее обе державы не выпускали Тропическую Африку из поля зрения, а начиная с 50-х годов XIX в., когда они «прощупывали» континент на предмет увеличения колониальной экспансии, их интерес к ней непрерывно увеличивался.

Между тем с середины XIX в. исключительно прибыльная колониальная торговля с Африкой начала привлекать купцов и предпринимателей из других европейских стран, которые первоначально обходились без официальной поддержки государства. Они естественно, сталкивались с конкуренцией англичан и французов. В Африке прежде всего выступали при поддержке германского банковского капитала ганзейские коммерсанты из Гамбурга Бремена. Основывая фактории, они расчищали путь немецкому торговому капиталу и формировавшемуся в это время промышленному капитализму. Их деятельность на западном побережье заслуживает особого упоминания. Здесь Янцен и Тормелен обосновались на камерунском берегу, В, Вёльбер и К. Гёдельт — на территории будущего Того, фирмы Гайзера и Витта — в Лагос и на побережье Дагомеи. Оптовый торговец табаком Людериц (о более мелких мы просто не говорим) в 70-е годы прошупал побережья Анголы и Юго-Западной Африки и основал селение в бухте Ангра-Пекена.

В это же время гамбургские фирмы и большие торговые дома О'Свальда и Хансинга обогащались на торговле с Восточной Африкой и Занзибарским султанатом. Особенно отличился гамбургский торговый дом Вёрмана, который с 1849 г. регулярно посылал корабли к берегу Западной Африки. В 1856 г. флот Вёрмана состоял уже из восьми судов, которые, как и корабли других капиталистических компаний, наряду с обычными изделиями мануфактур перевозили водку и порох и обменивали их на пальмовое масло, слоновую кость и золотой песок, ценившийся очень высоко. После того как Вёрман был вынужден отказаться от участия в австралийских делах, он целиком сосредоточил свои усилия на эксплуатации богатств Западной Африки. Весь либерийский берег был усеян отделениями его торговой конторы. Он стремился утвердить свое влияние в Габоне, заливе Кориско и на территории будущей немецкой колонии Камерун. В конце концов германский фритредерский капитал ощутил необходимость в поддержке государства и потребовал аннексии колоний. Но только в 1884 г. его голос был услышан.

Поэтому сначала Великобритания и Франция имели преимущества перед Германией. Центром их колониальных устремлений были районы Сенегала, Золотого Берега, Южной Нигерии, а также Южная Африка. Кроме того, они не спускали глаз с прибрежных областей Восточной Африки.

1.2. Колониальные интересы Франции в районе Сенегала

Начиная с 30-х годов во исполнение планов торговых домов Бордо и марсельской фирмы Режи были вновь заняты многочисленные прибрежные фактории в Западной Африке, в большинстве случаев уже покинутые. Снова были восстановлены пристани, форты, торговые селения на территории Сенегала, Берега Слоновой Кости (Гран-Басам, Асини), на побережье Дагомеи (Видах, позднее Котону) и Габона (Либревиль). Таким образом Франция заложила в различных местах западноафриканского побережья опорные

пункты для последующих захватов и основания бу-Душих колоний: Сенегала, Французской Гвинеи, Берега Слоновой Кости, Дагомеи и Конго. Теперь торговые дома и промышленность интересовались больше всего не слоновой костью и каучуком, а продуктами таких масличных растений, как земляной орех, и пальмовым маслом.

Несмотря на несомненное расширение торговли, к середине столетия французские владения состояли лишь из изолированных Фортов и факторий. Только в районе Сенегала французы, следуя по течению реки Сенегал, довольно рано проникли в глубь суши. Уже в 1818 — 1842 гг. они попытались освоить здесь первые большие площади и заложить плантации. Землю они приобретали по «соглашениям» с вождями племен в районе Дакара и защищали ее от нападений других племен с помощью военных опорных пунктов. В 1828 г. Рене Кайе удалось достигнуть легендарного Томбукту в излучине Нигера.

Но только начиная с 40-х годов XIX в. территориальные притязания Франции приняли конкретные формы. Возникла идея, а затем и программа создания французской колониальной империи, простирающейся от Сенегала до Нигера, а на севере до Алжира, которому в 1830 г. пришлось признать французское господство. В литературе этих лет, призывавшей к колониальным завоеваниям, указывалось, что эти области могут поставлять в большом количестве золото, слоновую кость, руды, хлопок, воск, скот, красители, а главное — плоды масличных растений и в то же время служить широким рынком сбыта изделий французской промышленности. Французские купцы в петициях из Сенегала просили правительство защитить их от вымышленных нападений мавританских племен. После того как Алжир стал французским владением, общественность была подготовлена к вмешательству правительства Франции в сенегальские дела.

В 1854 г. новому губернатору Сенегамбии, Фэдербу (1854—1861 и 1861—1864), было дано в инструкции указание «подчинить мавританских вождей нашей воле... и стать властителями реки» (имеется в виду Сенегал). Так был дан официальный старт к созданию колонии Сенегал. Фэдерб, уже участвовавший в установлении колониального управления в Алжире, систематически проводил захватническую политику, опираясь на торговые поселения и форты побережья. С 1855 по 1859 г. во главе корпуса сенегальских стрелков он предпринял ряд походов против племен, живших на северном берегу Сенегала, и заставил их признать верховную власть Франции. В доказательство ее военного превосходства в среднем течении Сенегала были выстроены крепости Сальде и Матам. Одновременно контролю Франции была подчинена область в верхнем течении Сенегала, до Медины. К концу 60-х годов захваченные Францией территории на побережье достигали границы английского владения Сьерра-Леоне.

Фэдерб заложил основы колониальной армии и администрации. Ему пришлось неоднократно защищать эту административную структуру во время восстаний правителей Кайора и Масины. Разработанная им система управления впоследствии нашла применение во всей Французской Западной Африке; на территориях, где существовали сильные союзы племен или раннегосударственные объединения, она приняла вид протектората, базирующегося на косвенных методах подчинения. Экономическая эксплуатация, как и прежде, осуществлялась преимущественно посредством неэквивалентной вымогательской торговли и взимания налогов с покоренного населения. В Дакаре был выстроен легкодоступный порт. Важнейшим предметом вывоза из Сенегала оставался каучук, на втором месте стоял земляной орех.

Первое время разбивка плантаций — в основном земляного ореха, хлопчатника и индигоферы — велась чрезвычайно медленно, что вызывало недовольство той части буржуазии, которая была заинтересована в колониальной политике. Не принесла успеха и попытка возобновления добычи золота в верховьях Сенегала. Как писал сам Фэдерб, его деятельность часто определялась скорее желанием «достичь заманчивых суданских рынков дальнего Нигера», чем необходимостью систематически проводить в Сенегале капиталистическую аграрную политику. Это, безусловно, объясняется отсутствием в то время достаточного опыта и возможностей колониальной эксплуатации. Только в Алжире

проводившаяся европейцами колонизация быстро продвигалась вперед и с 1870 г. привела к усиленной концентрации нагребленных земель и огромных плантаций экспортных культур в руках крупнокапиталистических аграрных компаний и зажиточных поселенцев (колоны). В Сенегале этот процесс еще только начинался.

Зверства французских колониальных войск, продвижение в верховья Сенегала и Нигера вызвали ожесточенное сопротивление африканского населения. Особенно успешно установлению колониального господства французов сопротивлялся легендарный ал-Хадж Омар, действовавший на базе нового мусульманского государства, которое и само было вызвано к жизни стремлением дать отпор наступлению Франции.

1.3. Тиджания ал-Хадж Омара и его последователи

Сын марабута-тукулёра из Подора в Фута-Торо (область в современном Сенегале) создал могущественную империю, подобную тем государствам, что сложились в ходе других движений фульбе и тукулёров за обновление ислама в конце XVIII — начале XIX в. в Западном и Центральном Судане (ср. гл. IV, 2.1). И в этом случае провозглашение «священной войны» против «неверных» ознаменовало новую фазу политических завоеваний, укрепления государства и ломки социально-экономических устоев. Религиозно-политической основой движения служили мусульманское братство и религиозный орден Тиджания, которые, действуя с территории Северной Африки, основывали в Западном Судане школы и опорные пункты (завийи).

В то время Тиджания была далеко не единственным мусульманским обществом в интересующем нас регионе. Параллельно ей существовало множество религиозных, отчасти мистических школ и объединений духовных лиц, например Кадирия в Томбукту, влияние которой достигало Канема-Борну. Однако религиозные школы и ордены проявляли себя только в периоды серьезных общественных потрясений. Натиск капиталистических колониальных Держав заставил эти организации изменить содержание своей деятельности. Резко антиколониальную позицию заняли Тиджания ал-Хадж Омара и последователи марокканской ветви ордена в Фесе. Этому способствовали некоторые демократические черты их внутренней структуры и вероучения.

Хадж Омар присоединился к братству Тиджания во время паломничества в Мекку и вскоре главой ордена был назначен его представителем в Западной Африке. Облеченный этим почетным саном, он в сопровождении большой свиты нанес обставленные с большой торжественностью визиты шейху Борну, блистательному правителю могущественного государства Сокото султану Белло и правителю Масины Секу Хамаду. Побывал он и у альмами Фута-Джаллона. И альмами и остальные правители сначала встретили Хадж Омара дружелюбно, щедро одарили его и предоставили ему материальные средства, необходимые для организации войска. Однако прочно сидевшие на троне правители фульбе и тукулёров недолго сохраняли расположение к ал-Хадж Омару. Их отношение к нему кардинально изменилось, когда к братству стало присоединяться огромное множество ученых людей и солдат из различных районов и оно в результате превратилось в политическую и военную угрозу.

После того как Хадж Омар организовал боеспособную армию и закупил у английских купцов в Сьерра-Леоне огнестрельное оружие, правитель Фута-Джаллона в Гвинее запретил ему переступить границы своей страны. Это обстоятельство и опасность французского завоевания, которую ал-Хадж Омар осознал во время посещения Сенегала, побудили «обновителя» в 1850 г. построить в Дингирае, на восточной границе Фута-Джаллона, большой военный лагерь и крепость. Дингирае стал штаб-квартирой военного братства Тиджания и плацдармом для покорения многочисленных соседних областей. «Священная война» была объявлена не только языческим государствам и племенным объединениям Каар-та и Сегу, но и мусульманским соперникам — теократиям Фута-Джаллона, Фута-Торо и, наконец, правящей мусульманской верхушке фульбе из Масины.

К 1861 г. Хадж Омар покорил огромную территорию от верхнего течения Сенегала до Томбукту, ему были вынуждены подчиниться государства бамбара в Каарте и Сегу. Войска Хадж Омара выиграли многочисленные сражения с альмами Фута-Джаллона и правителями Фута-Торо в Сенегале и с боями продвигались на запад. Только Секу Хамаду, основатель государства Масипа, сначала успешно отражал его натиск.

Хотя к армии Хадж Омара присоединилось много людей из обедневших родов и низших слоев населения, даже беглых рабов, сам он вовсе не хотел быть революционером, преобразователем социально-экономических отношений. В завоеванных областях он назначал своих ближайших соратников на должности наместников, губернаторов, сборщиков налогов, военачальников. Они составляли новую аристократию, и осуществлявшаяся ею эксплуатация была ничуть не легче, чем при прежней знати фульбе и тукулёров. Демократическая струя Тиджании была заглушена и постепенно иссякла. В результате и все движение утратило свою боеспособность и притягательную силу.

В 1862 г. Хадж Омар предпринял новый поход на восток и после ожесточенных боев занял столицу государства Масина. Когда незадолго до решающего сражения оказалось, что боеприпасы на исходе, Хадж Омар приказал войсковым кузнецам отливать в течение нескольких дней по 10 тысяч пуль ежедневно и в результате одержал победу. Казалось, основатель новой империи крепко держит в руках восточную часть государства на Нигере. Но это была пиррова победа. Очень скоро восстание фульбе в Масине обратило в бегство Хадж Омара и его войско, состоявшее из тукулёров. В феврале 1864 г. он при таинственных обстоятельствах погиб в горах Бандиагары.

Образ ал-Хадж Омара до сих пор овеян многочисленными легендами. Их и сегодня питают не только религиозные идеи об обновлении религии в результате пришествия Махди, но и бессмертные традиции антиколониальной борьбы. Именно с ней связаны главные заслуги ал-Хадж Омара, ибо он выступил и основал государство в тот период, когда Франция стала на путь колониальных захватов в области Сенегала и Гамбии, когда сильные опорные пункты и крепости французских колониальных войск достигали Медины на Сенегале.

Значительная часть верхушки фульбе Фута-Торо в Сенегале заблуждалась относительно истинных намерений французских завоевателей и приветствовала иностранцев. Уже при попытках распространить влияние Тиджании на фульбе Фута-Торо, на Бамбук, на бамбара Каарты в верховьях Сенегала Хадж Омар и его войско столкнулись с настойчивым продвижением французов. После первых конфликтов и стычек с французскими войсками Хадж Омар понял, сколь велика исходящая от них опасность, и призвал к действию. Он обратился с воззванием к мусульманским купцам, прежде всего в городе Сен-Луи, призывая их прекратить торговлю с европейцами. Он даже атаковал французский форт Медина в верховьях Сенегала, а затем и пост Матам. Но в итоге французские войска, имевшие на вооружении артиллерию и скорострельные ружья, одержали верх над Хадж Омаром. Он был вынужден отказаться от западной части основанной им империи.

Начиная с 70-х годов французские колонисты усилили натиск на нигерский Судан с целью его захвата, но в это время выступили их новые серьезные противники — преемники Хадж Омара: Ахмаду в Сегу и Самори Туре, возглавивший в 1870—1875 гг. в верховьях Нигера военный союз, который простирался до лесных окраин Сьерра-Леоне, Либерии и Берега Слоновой Кости. Однако во времена начинающегося раздела Африки и колониального подчинения континента империалистическими державами любые попытки африканских правителей сохранить независимость и суверенитет были обречены на провал.

Слишком велик был разрыв между общественными условиями жизни европейцев и африканцев, а следовательно, и их возможностями, чтобы военное и политическое сопротивление завоевателям увенчалось успехом. Тактика отступления в другие районы, практиковавшаяся Хадж Омаром и Самори, приносила плоды только на короткий срок.

Хадж Омар, время деятельности которого совпало с периодом колониальной политики «свободной» конкуренции, еще мог уклониться от натиска французов; у Самори, выступившего в последней трети XIX в., когда империалистические державы овладели территорией всей Африки, оставались лишь ограниченные возможности сопротивляться колониальным захватам и при этом уцелеть. Наступила эра губернаторов и колониальной полиции, которая принесла с собой коренные изменения также в общественном развитии Западной Африки.

2. Колониальная политика Англии в Западной Африке и на Золотом Береге

2.1. Сьерра-Леоне и Либерия

В конце XVIII в. побережье Сьерра-Леоне привлекло к себе внимание филантропических кругов английской буржуазии. Торгово-политические интересы в сочетании с попыткой придать больший размах движению против рабства побудили их основать самое своеобразное в мировой истории колониальное поселение. На том месте, где оно возникло, еще в XVII в. находилась английская торговая фактория. В 1787 г. к берегу Сьерра-Леоне подошел английский флот и высадил в районе нынешнего Фритауна (название * (* **Freetown (англ.) — «свободный город».**) говорит о намерениях его основателей) бывших африканских рабов, получивших свободу в Америке после войны за независимость и на Ямайке. «Колонисты», которых на первых порах опекало английское общество квакеров («Сьерра-Леоне сосайти»), должны были образовать костяк английской колонии Сьерра Леоне.

В 1808 г. поселения и торговые опорные пункты на правах коронного владения были подчинены английскому правительству. Это привлекло сюда многих европейских купцов, и колония, особенно Фритаун, стала популярной среди торговцев. В 1860 г. путешественники, Крукс например, отзывались об этом городе как о крупном центре с широкими улицами, каменными домами, церквями и официальными зданиями. Его население составляло, по-видимому, около 18 тысяч человек. С 1824 по 1870 г. оборот внешней торговли, которая велась в интересах капиталистических кругов фритредеров и стоявшего за ними промышленного капитала, увеличился со 143 тысяч до 630 тысяч фунтов стерлингов. Наряду с различными сортами древесины, слоновой костью, кожами и золотом вывозились — особенно с середины XIX в. — плоды земляного ореха, пальмовые ядра и пальмовое масло.

Управлял колонией английский губернатор, с 1862 г. при нем существовали исполнительный совет из высших чиновников и законодательный орган. Многие десятилетия Фритаун служил местопребыванием центральной колониальной администрации всех английских владений в Западной Африке. Первое время территория колонии ограничивалась несколькими приморскими районами. Английская корона пыталась, опираясь на поселенцев Сьерра-Леоне из числа бывших рабов, превратить колонию в производителя сельскохозяйственной продукции, но ей это не удалось. Большая часть поселенцев в итоге обратилась к коммерции, и именно они составили основную массу мелких, средних и крупных торговцев и ремесленников в городских центрах, в частности во Фритауне. Некоторые из них благодаря сотрудничеству с английскими купцами и колониальным привилегиям извлекали большие барыши из торговли с хинтерландам, особенно из вымогательских сделок с африканскими племенами.

Спустя немного времени из среды бывших «возвращенцев» выделилась имущая верхушка купцов (креолов), первоначально очень тесно связанных с английскими коммерсантами и торгово-капиталистическими компаниями как экономическими, так и духовно-культурными узами. С начала 60-х годов один из ведущих деятелей этой новой

социальной прослойки даже представлял ее интересы в законодательном совете колониальной администрации.

Для оседлых африканских племен этого региона появление новой знати обернулось двойным гнетом: рядом с английскими колонизаторами встали иммигранты. Многие племена, населявшие глубинные районы Сьерра-Леоне, находились на стадии племенной организации. Зачатки прочных племенных союзов складывались на протяжении последних столетий только у темне, верховные вожди которых начиная с XVIII в. опирались на постоянное войско и ислам как на основу обычного права и зарождавшейся государственности. Эти племена несколько десятилетий сопротивлялись попыткам английского губернатора оттеснить их и превратить побережье в аграрную колонию. Они не признавали навязанные «договоры» и часто предпринимали набеги на побережье. Только после 1875 г. английские колониальные войска в результате нескольких удачных походов подчинили некоторые народы хинтерланда, в частности менде, и в 1895 г. установили над Сьерра-Леоне протекторат Великобритании. С этого времени Сьерра-Леоне и политически и экономически было связано с интересами формирующегося монополистического капитала.

Сходным образом, а вначале даже точно так же развивалась история побережья Либерии, к югу от Сьерра-Леоне. Здесь инициатива репатриации бывших рабов исходила от Соединенных Штатов Америки. Поселением освобожденных африканцев занималось созданное по предложению президента специально для этой цели Американское колонизационное общество. Оно закупило земли на западном берегу Африки и организовало их колонизацию по примеру Сьерра-Леоне. К концу столетия сюда прибыло от 18 до 20 тысяч афро-американцев, в основном с островов Вест-Индии. На мысе Мезурадо выросло поселение, превратившееся затем в город, который в честь президента США Монро был назван Монровией. Город Монровия также стал центром оживленной внутренней и внешней торговли, но в отличие от Сьерра-Леоне предоставленные бывшим рабам земли обрабатывались здесь более интенсивно.

Несмотря на упорное сопротивление коренных жителей, их обманом или силой заставили уступить поселенцам большие территории. Колонисты, сами бывшие рабы, использовали часть земель под плантации, на которых принуждали работать людей покоренных деревенских общин и племен, подвергая их чуть ли не рабской эксплуатации. Выращивали на плантациях в основном рис, хлопок, кофе. Последний очень скоро стал предметом вывоза, высоко ценившимся в торгово-капиталистических кругах. Как и в Сьерра-Леоне, торговля была главным поприщем деятельности поселенцев. Хитростью и обманом они выменивали у местных племен на изделия европейской промышленности пальмовое масло, слоновую кость, древесные красители и перепродавали с большой прибылью капиталистическим предприятиям Европы или Америки. Наряду с зажиточными плантаторами вскоре выделился экономически могущественный слой богатых торговцев и коммерсантов, которые пользовались одновременно большим политическим влиянием.

Первоначально эти области были подчинены губернатору, назначавшемуся Американским колонизационным обществом, но впоследствии поселенцам формально была предоставлена независимость. Первый афро-американский губернатор, Дж. Дж. Робертс, 26 июля 1847 г. провозгласил Либерию республикой, в состав которой входили все поселения до Мэриленда (он присоединился к республике позднее). Капиталистические государства Европы немедленно признали новую республику, США же — только в 1862 г.

Политическая власть сосредоточивалась главным образом в руках американо-либерийской верхушки, состоявшей из богатых фермеров и купцов. Они были неразрывно связаны с буржуазией США и Великобритании. Это проявлялось не только в экономике, где происходило теснейшее переплетение торгового капитала, но и в политике благодаря поставкам оружия и применению английских военных кораблей для подавления мятежей

прибрежных племен и т. д. Конституция страны была составлена по образцу североамериканской. Выборный президент назначал министров и возглавлял кабинет, осуществляя исполнительную власть. Законодательство принадлежало конгрессу, состоявшему из сената и палаты представителей. Активным избирательным правом пользовались все граждане старше 21 года, имевшие земельную собственность. В 1860 г. была основана система двух партий: либералов (виги) и республиканцев. Зависимое местное население оставалось бесправным. Паразитическая верхушка угнетала и эксплуатировала африканские племена и деревенские общины.

Оседлые племена африканцев с большим упорством отстаивали свою независимость и земельные владения. В первую очередь это относится к племенам побережья, например к кру, которые непрерывно вступали в кровопролитные конфликты с пришельцами.

Начиная с 50-х годов XIX в. прибыльной торговлей в Либерии занимались не только американские и английские коммерческие компании. В 1854 г. гамбургская фирма «Вёрман» основала в Монровии факторию, а в последующие годы еще несколько поселений. К началу территориального раздела Африки империалистами правящая американо-либерийская верхушка была по рукам и ногам связана кредитами, займами и другими проявлениями «помощи» со стороны сначала Великобритании, а затем США и была вынуждена поэтому принять навязанные ей условия, напоминавшие колониальный статус. Формально, однако, Либерия сохраняла политический суверенитет.

2.2. Основание колонии Золотой Берег и сопротивление ашанти

В период промышленного капитализма Великобритания снова обратила главное свое внимание на торговые опорные пункты в районе Золотого Берега. В 1821 г. британская корона взяла в свои руки все дела Африканской компании, ее конторы и форты на побережье. С помощью договоров, навязанных вождям прибрежных племен, прежде всего фанти, англичане захватили часть побережья. Административно эта территория сначала подчинялась английскому губернатору в Сьерра-Леоне, и только в 1850 г. было провозглашено создание колонии Золотой Берег. Политическими проводниками колониального господства были чиновники колониального управления, зачастую наезжавшие только периодически, ибо в их распоряжении находились хорошо вымуштрованные колониальные войска и разветвленный фискальный аппарат. Они опирались на филиалы капиталистических торговых домов метрополии в Кейп-Косте, Аккре, Секонди и других городах побережья.

Примерно с 1830 г., когда начали давать эффект меры по запрещению работорговли, на Золотом Береге, как и в других областях Африки, изменилось содержание обмена колониального сырья на европейские товары. Оптовые торговцы и фрахтовщики ориентировались уже на «массовую» продукцию промышленных стран Европы: хлопчатобумажные и скобяные изделия, водку, оружие, безделушки, а в экспорте — на золото, слоновую кость и все больше на пальмовые ядра. Прежде купцы не ощущали прямой необходимости расширять торгово-политические сферы своего влияния и деятельности за пределы крепостных стен, но теперь, когда работорговля иссякла, знаменем времени стали их усилия приобрести новые внутренние рынки путем покорения жителей некоторых регионов, в том числе Золотого Берега. Стремясь расширить торговлю, европейцы при поддержке колониальной администрации проникали на территории, прилегающие к побережью. При этом они использовали унаследованные от эпохи работорговли торговые связи и методы, а также посредников из среды самих африканцев.

Главной формой экономической эксплуатации Золотого Берега по-прежнему был неэквивалентный обмен. Однако с середины XIX в. он дополнился новыми формами, которые и на Золотом Береге предвещали окончание домонополистического периода ко-

лониальной эксплуатации. Наряду с горнодобывающей промышленностью, удовлетворявшей фискальные интересы Англии, известное значение здесь имело производство какао-бобов исключительно на экспорт. Сажены какао, вывезенные из Суринама, впервые попробовала высадить на Золотом Береге в 1853 г. базельская протестантская миссия. С конца 70-х годов какао выращивали на нескольких плантациях миссии и, главное, на фермах африканцев в области Мампонг-Аквапим, традиционном месте производства какао в современной Гане. В результате усилилось проникновение капитализма в экономику, а это, хотели того колонизаторы или нет, вызвало к жизни новые социальные силы. Образовалась особая прослойка фермеров-африканцев, производивших какао, и зажиточных купцов, частично мулатов, которые придали новый характер антиколониальному движению на побережье.

Сначала английская политика колониальных завоеваний развертывалась чрезвычайно медленно, многие годы она даже терпела поражения и на какие-то периоды вовсе замирала. Причиной этого не в последнюю очередь было яростное сопротивление многочисленных племен. Продвигаясь в глубь страны и расширяя свою колонию на побережье, англичане прежде всего наталкивались на ожесточенный отпор ашанти, длившийся десятилетиями. Английское правительство очень быстро поняло, что, не покорив вождества ашанти, оно не сможет ни закрепиться на берегу, ни продвинуться дальше. Тогда оно обратилось к печально известной тактике заключения договоров о «дружбе» и торговле.

В 1817 г. в резиденцию правителя ашанти в Кумаси прибыло посольство во главе с капитаном Боудичем. Ему мы обязаны одним из самых интересных описаний блестящего двора ашантихене-не Бонсу: «Большая равнина на протяжении почти целой мили являла картину необыкновенного великолепия. От царя, его вассалов и приближенных исходил видный издали блеск, их окружали придворные всякого рода, а впереди стояла масса воинов, которые как будто преграждали доступ к царю. Лучи солнца отражались в массивных золотых украшениях, которые сверкали перед нашими глазами, и вынести этот блеск было не легче, чем палящий зной. При нашем приближении более ста оркестров разом грянули излюбленные мелодии своих командиров. Громко трубили рога, отбивали ритм барабаны, звенели металлические инструменты, и вдруг они все замерли, и какое-то время слышались только нежные голоса длинных флейт... Носильщики то подымали, то опускали по крайней мере сто очень больших зонтов и балдахин, под каждым из которых с успехом укрылось бы тридцать человек, и это приносило некоторое облегчение... Царские герольды с золотыми нагрудными пластинами расчистили нам путь, впереди пронесли бамбуковые шесты и флаги Великобритании, и мы начали круг почета»¹⁹.

Хотя посланцы английских колонизаторов всячески старались продемонстрировать свои миролюбивые и дружественные намерения, на самом деле ими руководили совсем иные мотивы. Под вымышленным предлогом нападений на торговцев и племенных распрей англичане перешли к военным действиям. В 1824 г. произошло сражение при Эссамако, в котором войско ашанти наголову разбило английские колониальные части и вспомогательные подразделения африканцев. Однако два года спустя в битве к северу от Аккры ашанти не смогли противостоять превосходящей технике противника. Кроме того, английская администрация, умело используя этнические и политические разногласия между африканцами и борьбу за власть, привлекла на свою сторону и поставила под ружье большое число воинов-фанти. На поле боя пали многие вожди и большая часть войска, но ашанти не смирились. В 1844 г. представители английской администрации заключили с вождями фанти направленный против ашанти предательский договор о «союзе», который полностью отрезал ашанти от побережья и изолировал их. В ответ ашанти вновь и вновь предпринимали акции против колонистов и поднимали восстания, чтобы избежать угрозы окружения англичанами и колониального завоевания. В 1863 г. три колонны ашанти под командованием ашантихене Квеку Дуа I, располагая крупными

людскими резервами и большим количеством боеприпасов, атаковали побережье. Колониальные войска были вынуждены отступить под защиту фортов Кейп-Коста. Квеку Дуа тогда заявил: «Белый человек может направить свои пушки против буша, но буш намного сильнее и могущественнее пушек». Колониальная солдатня вела войну против ашанти обычной жестокостью, тем не менее англичане не добились успеха и в седьмом походе против героически оборонявшихся ашанти, продолжавшемся с 1872 по 1874 г. Столица ашанти Кумаси была обращена в прах, но основная часть их военных сил сумела избежать разгрома и задержала дальнейшее продвижение колониальных войск. Ашанти снова отстаивали свою независимость, хотя их вожди были вынуждены заплатить большую и очень обременительную дань английской колониальной администрации.

Таким образом, союз племен ашанти в течение нескольких десятилетий стойко сопротивлялся превосходящим силам противника. Борьба против колонизаторов усилила чувство общности и единства отдельных племенных групп ашанти. И все же они не смогли помешать тому, что в конце XIX в. Кумаси был завоеван колониальными войсками и присоединен к английской колонии Золотой Берег. В 1900 г., когда англичане потребовали выдать им священный символ власти верховного вождя — золотой трон из Кумаси, вспыхнуло последнее восстание. Первый этап антиколониального сопротивления близился к концу. Впоследствии он получил продолжение на более высокой ступени.

2.3. Колониальная политика Англии в Лагосе и районе Нигера

Побережье Нигерии с середины XIX в. служило своего рода воротами, через которые происходило открытие и освоение новых сфер влияния в интересах колониальной торговли. Английские, французские, а также немецкие торговые фирмы старались утвердиться в этом районе. Первыми основали фактории в Лагосе ганзейские купцы гамбургских компаний Дидериксена и О'Свальда, в 1869 г. эти конторы перешли к торговому дому и маслорайному предприятию «Гайзер и Витт». К 1865 г. в Лагосе насчитывалось около 50 опорных пунктов капиталистических фирм.

Английская торговая буржуазия, проявлявшая интерес к Африке, и поддерживавшее ее правительство быстро обеспечили себе преимущественное положение в конкурентной борьбе, провозгласив город Лагос с его хинтерландом королевской колонией. Оба Лагоса был смещен под тем предлогом, что он якобы не боролся против работорговли и нарушил заключенные раньше соглашения. Английский консул пытался — сначала, правда, безуспешно — распространить юрисдикцию Англии из Лагоса на все побережье, до самого Камеруна. Дельта Нигера (район так называемых Масляных рек) уже с 1830 г. привлекала особое внимание ливерпульских купцов, которые существенно расширили и монополизировали торговлю пальмовым маслом. Вначале на этом прибыльном промысле обогащались и некоторые традиционные вожди прибрежных областей, а также местные посредники, как это было в пору расцвета трансатлантической работорговли.

Исследовательские экспедиции в глубь страны, в основном по течению Нигера, проводились теперь намного чаще, а некоторые группы капиталистов и колониальные компании фактически не прекращали их. Существовавшее уже на этом этапе соперничество между английскими, французскими и германскими капиталистическими колонизаторами пока выражалось в деятельности многочисленных экспедиций купцов и исследователей, например Мунго Парка, Аудни, Денема, Клаппертон, братьев Лендеров, Лэрда, Г. Барта, Р. Флегеля * (* В конце XVIII — начале XIX в. неоспоримое первенство в изучении Африканского континента принадлежало британским путешественникам начиная с упоминаемого Т. Бюттнер Мунго Парка (1795—1797) и его предшественника Дэниела Хаутона (1790—1791). Серьезное соперничество из-за раздела Африки между колониальными державами — Францией, Великобританией и тем более Германией — началось не раньше рубежа 40—50-х годов прошлого века. Исследования же,

ориентированные на колониальное «освоение» африканских земель британскими купцами и промышленниками, можно датировать началом 30-х годов (1832—1834: первая экспедиция Мак-Грегора Лэрда на Нижний Нигер).). Некоторые из них пользовались прямой поддержкой английского правительства, а часть была снаряжена ливерпульскими торговыми компаниями. М. Лэрд, например, предпринял несколько путешествий для изучения бассейна Нигера и Бенуэ, чтобы открыть эту область для торговых агентов английских фирм. В 1857 г. по предложению Лэрда правительство Англии субсидировало из государственного бюджета и налоговых поступлений судоходную компанию на Нигере. В этом же году в Локодже, у слияния Бенуэ и Нигера, были основаны английское консульство, торговые фактории и миссионерские станции.

Так торговый и промышленный капитал Англии с помощью правительства обеспечил себе прочный плацдарм для последующих колониальных акций, хотя временами англичанам приходилось оставлять эти опорные пункты. Акционерное общество «Ройял Нигер компани», пользовавшееся государственными привилегиями, с 80-х годов, когда его деятельность направлял Дж. Голди, подготовило колониальный захват Центральной и Северной Нигерии и тем самым устранило угрозу конкуренции со стороны купцов и капиталистов Германии, а также французских колонизаторов.

Усилия английского капитала, выступавшего под прикрытием короны, принесли свои плоды.

2.4. Освободительное движение образованного купечества и интеллигенции

В XIX в. представители торгового и промышленного капитала Англии полагали, что, действуя под знаком либерально-филантропических идеалов, они создают себе в лице африканской торговой буржуазии (в основном креолов и мулатов) в Сьерра-Леоне и Либерии, а позднее на Золотом Береге и в Южной Нигерии экономического союзника, который поможет проводить их колониальную политику. Некоторое время так оно действительно и было благодаря теснейшему переплетению экономических и духовно-культурных интересов обеих сторон, подчиненных прежде всего извлечению прибыли «меценатами» из метрополии. Но вскоре появились признаки того, что взлелеянное англичанами дитя, столь им необходимое, начало сопротивляться опеке и зависимости.

Английские и прочие миссии, шедшие следом за колониальными купцами и верно служившие интересам европейского капитала, всячески пеклись о скорейшем открытии школ и других учебных заведений в городских центрах, прежде всего в Сьерра-Леоне. Ведь либеральная буржуазия во всеуслышание провозглашала лозунги свободы и равенства, а ее экономического партнера отделяла от нее глубокая пропасть. В частности, Лондонское церковное миссионерское общество («Черч мишионери сосайти», ЧМС), методистская веслеянская, а затем и базельская миссии основывали начальные школы и очень рано приступили к подготовке учителей, священников и миссионеров. В 1840 г. в Сьерра-Леоне уже функционировало 40 школ ЧМС и 13 школ методистов. Почти все дети купцов и коммерсантов учились читать и писать. В 1827 г. во Фритауне было основано высшее учебное заведение — колледж Фура-Бей, который до середины столетия выпустил целое поколение преподавателей и священнослужителей. В Либерии образование американо-африканцев было поставлено в это время также сравнительно хорошо.

По сведениям преподобного Меткалфа Сантера, представленным в связи с официальной инспекцией школ, в 1882—1883 гг. на Золотом Береге — в Кейп-Косте, Аккре и других городах — было 34 школы. В Аккре довольно давно существовала средняя школа. Такие же процессы происходили и на побережье Нигерии. Едва только Лагос в 1861 г. был провозглашен английской колонией, как ЧМС и методисты-веслеянцы учредили в Лагосе, Абеокуте и Ибадане миссионерские станции, а вслед за ними — школы. В 1859 г. по инициативе Т. Б. Маколи в Лагосе были основаны средняя школа ЧМС и теологическая семинария. К этому времени выпускники колледжа Фура-Бей из

числа уроженцев Сьерра-Леоне уже работали в некоторых школах Нигерии и Золотого Берега.

Таким образом, в Западной Африке рано сложилась интеллигенция, правда сравнительно малочисленная, получившая образование за границей или в африканских миссиях. Этот небольшой отряд образованных африканцев вышел из среды африканской торговой буржуазии, укреплявшей в XIX в. свое экономическое влияние, имел с ней много общего и поэтому смог занять кое-какие позиции в англиканской церкви, миссиях и школах. В 1869 г. бывший выпускник колледжа Фура-Бей Кроутер, уже ставший к этому времени известным деятелем, был назначен — первым из африканцев — епископом Нигерии. Многие другие африканцы выполняли обязанности дьяконов и учителей. Они же стали носителями новых идей и представлений. Хотя экономическое положение, религия и культура тесно связывали их с колониальными интересами буржуазии Европы и США, в середине XIX в. они сделали первые шаги к тому, чтобы выработать собственную идеологию и самосознание.

Вскоре стало очевидным, что введенное колониальной администрацией и миссиями школьное образование имеет двойственный характер. Оно, конечно, обеспечивало подготовку из числа африканцев вспомогательных кадров, хорошо вышколенных для цели извлечения капиталистической прибыли, — служащих колониальных учреждений и миссий, где они занимали низшие должности, священнослужителей англиканской церкви. Но вместе с тем оно давало и необходимую политическую подготовку, которая в конце концов порождала у группы образованных африканцев стремление освободиться от колониальной зависимости и дискриминации.

Однако первое время, до начала империалистического раздела Африки, религиозно-культурные и политические идеалы африканской интеллигенции, образованного купечества и духовенства оставались в пределах буржуазно-либеральной антиколониальной оппозиции и ее программы, часто ограниченной, непоследовательной и соглашательской. Некоторые ее положения послужили тем не менее трамплином для усиления идеологического отпора империалистической эксплуатации и для противодействия оправдывавшим ее апологетам колониализма после территориального раздела колоний в конце XIX в. Главной целью африканских деятелей было опровержение апологетических доктрин о неравенстве рас и неспособности народов Африки к научно-техническому прогрессу. Эти усилия сочетались с попытками выявить великие исторические и культурные достижения народов Африки и с требованиями предоставить купеческой верхушке Западной Африки возможности получать широкое образование в не зависящих от колонизаторов школах и даже в собственном университете. В области политики идеалом африканцев было самоуправление и частичное участие в колониальном аппарате управления.

Эти акции «протеста» в политике и идеологии связаны с двумя деятелями раннего периода освободительного движения: Эдвардом У. Блайденом и Джеймсом Африканусом Хортоном.

Эдвард Уилмот Блайден (1832—1912) родился на одном из островов Вест-Индии, попал в число иммигрантов и долгое время жил в Либерии и Сьерра-Леоне. Многочисленные статьи и выступления, а также участие в работе многих научных обществ (в том числе Американской ассоциации филологов) принесли ему известность. В 1877 г. афро-американскому ученому предложили пост государственного секретаря Либерии, и в 1885 г. республиканская партия выдвинула его кандидатуру на пост президента. Блайден требовал основания африканского университета, в котором преподавали бы африканцы христиане и мусульмане, «чтобы высказывать наши собственные мысли, выражать наши собственные чувства и претворять их в дела».

Блайден выступал против распространенного в научном обиходе положения о так называемой «безысторичности» африканских народов. В работе «Негры в древности» он опровергает утверждение, будто африканцы не внесли своего вклада в культуру чело-

вечества. «Аргументы» для обоснования своих убеждений Блайден черпал главным образом из Библии. Однако, отмечая, что история народов Африки еще недостаточно изучена, он справедливо указывал на их рано наступившую изоляцию от наиболее продвинувшейся вперед части человечества и на опустошительные последствия трансатлантической работорговли. К сожалению, для борьбы против ненаучных теорий апологетов капитализма Блайден привлекал негодные средства. Он выдвинул иррациональную теорию периодизации мировой истории, окрашенную «черным расизмом»: он считал Африку «колыбелью мировой религии» и всех ценностей культуры, а особенности африканцев видел в их близости к природе и в глубокой религиозности * (* При оценке идей Э. Блайдена необходимо учитывать те исторические условия, в которых эти идеи формировались. Для 70-х годов прошлого века труды Блайдена были в целом крупным вкладом в науку. Религиозные акценты в них объясняются в большой мере воспитанием (хорошо известна роль протестантских церквей США в развитии образования среди афро-американцев и в формировании афро-американской интеллигенции), а «черный расизм» вырос как естественный протест против расизма антинегритянского. К тому же Блайден был не слишком последователен в своем расизме: призыв к сохранению чистоты рас сочетался у него с провозглашением их равенства между собой. И именно Блайден стал создателем концепции культурного национализма, сыгравшей важнейшую роль в идеологическом оформлении национально-освободительного движения народов Африки в XX в. (см.: М. Ю. Френкель. Общественная мысль Британской Западной Африки во второй половине XIX в. М., 1977, с. 85—162).).

Расизм как идеологическое и социальное явление, бесспорно, получил окончательное завершение в последней трети XIX в., когда капитализм достиг империалистической стадии развития, и стал важным орудием реакционной буржуазии Европы, которая обратилась к биологии, чтобы найти идейное оправдание варварской политике реакционных классов эксплуататоров — осуществлявшимся ими гнету, ограблению и физическому уничтожению африканцев. В зачаточной форме расистская идеология использовалась уже в эру промышленного капитализма: ею прикрывали колониальные захваты, оправдывали работорговлю и иные методы колониального разбоя, недаром она часто вызывала гневное возмущение деятелей эпохи Просвещения. Протест африканцев против апологетических построений колонизаторов неизбежно должен был выразиться в революционном отрицании «белого господства», в чувстве общности африканцев в противовес колонизаторам. Однако, будучи выражением расового самосознания, он приобрел иррациональную форму «черного расизма», рано породившего те черты, которые впоследствии стали тормозом национально-освободительного движения.

Врач Джеймс Африканус Хортон (1835—1883), уроженец Сьерра-Леоне, жил и работал в различных местах Золотого Берега. Кроме книг по тропической медицине и истории его перу принадлежит множество политических статей полемического характера. Он много сделал для развития школьного образования. Некоторые его работы на общественно-политические темы посвящены опровержению господствовавших в то время антропологических теорий о неспособности африканцев к «цивилизации». В связи с этим он разоблачил некоторых сотрудников Королевского антропологического института в Лондоне, утверждавших, что негры из-за особенностей своего физического строения не способны к дальнейшему прогрессу. Как и Блайден, он поднял свой голос против дискриминационных теорий, отрицавших исторические заслуги африканцев в области культуры, требовал создания широкой системы образования, а также соблюдения африканских обычаев и традиций.

Но более всего Хортон прославился как автор конституции Конфедерации Фанти, сложившейся на Золотом Береге в 1868 — 1871 гг. Это первый письменный документ, в

котором отражены общность антиколониальных действий и целей некоторых вождей побережья, с одной стороны, торговой буржуазии и городской интеллигенции — с другой.

Уже с середины XIX в. у купцов Золотого Берега все большее негодование вызывала налоговая политика колониальных властей, сдерживавшая расширение местной торговли. Представители новой социальной прослойки купечества и часть традиционных вождей получили от английского губернатора кое-какие политические права в государственных органах власти и местном самоуправлении. Эти учреждения стали трибунами, с которых они требовали предоставления африканцам больших политических прав и участия их в высших органах управления на паритетных началах. В советах общин, районов и провинций должно было быть представлено только африканское население в лице купцов и вождей. Возникли серьезные разногласия с английской колониальной администрацией.

Именно в это время Хортон выступил как выразитель идеологии образованного купечества и вождей Золотого Берега. В 1868г. дело дошло до того, что была провозглашена так называемая Конфедерация Фанти. Этот непрочный союз нескольких вождей фанти, в котором участвовали ведущие купцы городских центров, просуществовал до 1871 г. Ее президентом был избран богатый купец и видный деятель методистской церкви Харти. Принятая в 1871 г. конституция отражала убеждения Хортона. Он предложил две формы государственного устройства Золотого Берега: демократическую конституционную монархию Фанти и республику купцов Аккры. Требование политического самоопределения еще не выдвигалось, да и не могло тогда быть выдвинуто.

Хортон и его последователи предусматривали продолжение «охранительного» колониального господства Англии до тех пор, пока не будет сочтено, что «страна созрела для перехода к суверенитету». Оставался в силе как дань прошлому и принцип усиления феодально-племенной монархии, правда дополненный в угоду развивающейся торговой буржуазии и плантаторам некоторыми современными мероприятиями по развитию сельского хозяйства и промышленности.

Конфедерация Фанти распалась под давлением английских властей, ее официальные деятели в приморских городах подверглись репрессиям. Уже в это время стало ясно, что племенные вожди занимают шаткие и двойственные позиции, что под воздействием колониальных властей они с легкостью отказываются от своих требований, а впоследствии могут быть даже принуждены к прямому сотрудничеству с колониальными державами. Все попытки достигнуть внутренней автономии окончились неудачей, и в 1874 г. Золотой Берег на положении королевской колонии был подчинен колониальной администрации с расширенными полномочиями. Это послужило сигналом к репрессиям против купечества и африканской интеллигенции.

Во всех странах Западной Африки эти общественные элементы испытывали на себе гнет империализма, особенно усилившийся из-за интенсификации захватнической политики после 1890 г. Антиколониальная борьба продолжалась на более высоком этапе, сохраняя традиции первых политических движений и организаций, от которых она унаследовала некоторые задачи и идеологические принципы «протонационалистов».

3. Колониальное проникновение буров и англичан в Южную Африку. Героическое сопротивление коса (восемь «кафрских» войн), суто и зулу

3.1. Историческое и общественное развитие народов и племен Южной, Юго-Восточной и Юго-Западной Африки до середины XIX в.

Как известно, в самой южной части Африканского материка обнаружены древнейшие следы человека. Здесь охотники периода мезолита, жившие в далекие тысячелетия, оставили тысячи выразительных наскальных рисунков и картин * (* Самые

ранние свидетельства обитания человека (ранних его форм) были обнаружены в области восточноафриканских великих озер, в частности в ущелье Олдувай. Кроме того, мезолитические наскальные изображения не могут, строго говоря, рассматриваться как «древнейшие следы» человека.). Их потомки, как и жители некоторых других изолированных районов Африки, ко времени появления европейцев частично находились еще на стадии первобытнообщинного строя. Первые голландские поселенцы в XVII в. встретили этнические группы, которые добывали пропитание охотой и знали только каменные орудия. В соответствии с их образом жизни колонисты называли их «бошьё манс» — «люди буша». Под этим названием, несколько пренебрежительным, — «бушмены» — они вошли в литературу.

Бушмены жили небольшими общинами, более прочная племенная организация была им неведома. Говорили они на языке койсанской группы. Голландские колонисты пробовали обращать их в рабство, но бушмены оказались непригодными к сельским работам, и тогда завоеватели приступили к поголовному их истреблению. Письменные свидетельства XVIII в. рассказывают о зверских акциях уничтожения отчаянно сопротивлявшихся бушменов, вооруженных только примитивными метательными снарядами, которые они бросали из-за каменных заграждений. Предполагается, что только за одно десятилетие, с 1785 по 1795 г., было убито не менее 10 тысяч членов этих охотничьих групп — недаром их в законодательном порядке уподобляли дичи. Один путешественник-исследователь заметил лаконично: «Охота на этих людей составляет для многих поселенцев своеобразное развлечение».

В тесном родстве с бушменами по антропологическим и языковым признакам находится другая группа койсаноязычного населения, занимающая всю южную часть Африки, от мыса Доброй Надежды до реки Кей. Это так называемые готтентоты. Правда, они уже поднялись выше по лестнице общественного развития — разводили крупный рогатый скот и жили большими семьями или родами в обширных краалях. Несколько родственных родов объединялись в племя, люди которого также жили сообща. Они умели обрабатывать железо и изготавливали железные орудия труда и оружие. К началу европейской колонизации среди племен готтентотов появились первые признаки имущественных различий, социальной дифференциации между свободными людьми и патриархальными рабами, наметились политические объединения нескольких племен. Но в основном это общество еще подчинялось принципам первобытнообщинного устройства.

Как будет показано ниже, готтентоты рано попали в зависимость от теснивших их колонизаторов. Последние силой заставили часть племен и общин уйти за реку Оранжевую. Они пересекли в северо-западном направлении пустыню Калахари и осели в Юго-Западной Африке. Здесь эти племена, занимавшиеся высокоразвитым скотоводством, стали называться нама. В середине XIX в. они вместе с племенами орлам, также вытесненными из Капской области, основали первое в этом регионе раннефеодальное объединение племен, возглавлявшееся вождем по имени Йонкер Африкаанер. С этого времени они соперничали с располагавшимися к северу от них скотоводами-гереро. Следовательно, среди скотоводческих племен Юго-Западной Африки не было единства, они не могли оказать дружный отпор германской колониальной экспансии, подготовленной Рейнским миссионерским обществом.

Другую значительную часть населения Южной и особенно Юго-Восточной Африки составляли в XIX в. народы, говорившие на языках банту нгуни и суто-тсвана (суто, коллосуту и др.). Среди нгуни были такие крупные племена, как коса, зулу (зулусы), свази и, наконец, отколовшиеся от зулу ндебеле Трансвааля и матабеле Южной Родезии (Зимбабве). Они прославились тем, что героически сопротивлялись бурским и английским захватчикам, и им принадлежит почетное место в истории антиколониальной борьбы народов Южной Африки.

Южнее всех этих племен жили коса, располагавшиеся в XVIII в. на территории, ограниченной реками Грейт-Фиш и Кей и Драконовыми горами. Наряду со скотоводством

они занимались земледелием, часто значительным. Как и койсаноязычные народы коса редко забивали свой скот, порой исчислявшийся тысячами голов; в основном он был для них источником молочных продуктов. Коса уже несколько веков вели оседлый образ жизни. Вокруг их селений теснились краали для скота, защищенные высокими изгородями из колючих растений. Коса обрабатывали металл, у них уже зарождалось разделение труда, например выделилось в самостоятельное занятие кузнечное дело. Правда, обмен играл еще подчиненную роль. Для социального устройства коса, как и других скотоводческих народов Южной Африки, были характерны начатки распада первобытнообщинного строя.

К концу XIX в. усилилось экономическое, политическое и социальное могущество вождей коса, имущественное неравенство стало больше. Скот перешел в частное владение и превратился в мерило положения человека в обществе. Теперь вождь племени пользовался значительно большей властью, чем прежде, при родовой организации, которая ослабевала с каждым днем. Чтобы упрочить свое положение, вождь выбирал помощников и вождей селений из членов своей семьи. Тем не менее общество коса было множеством невидимых нитей связано с нормами первобытнообщинного строя. Это особенно ярко проявлялось в организации войска и в методах ведения войны.

Зулу, также ответвление нгуни, в конце XVIII в. создали на основе жесткой военной организации боеспособное племенное объединение, в котором намечались зачатки раннегосударственных форм устройства.

Богатая перипетиями история зулу на протяжении многих веков была заполнена переселениями с места на место и слияниями с другими племенами. На исходе XVIII в. зулу жили на территории современных Натала и Зулуленда, между Индийским океаном и Драконовыми горами, т. е. на южной окраине Трансвааля. В конце XVIII в. вождю маленького племени тетва Дингисвайю удалось сколотить довольно рыхлое объединение, в которое входило свыше 30 племен, в том числе зулу. В 1818 г. Дингисвайю был убит, и его место занял один из второстепенных вождей — Чака.

Чака (1818—1828) провел важную реорганизацию войска зулу, которые к этому времени ассимилировали и покорили многие другие племена. Он и его преемник Дингаан создали военный союз племен, опиравшийся на постоянное войско численностью около 14 тысяч человек. В результате древний родовой строй был подорван, экономическое и социальное неравенство быстро увеличивалось. Зулу преодолели рамки первобытнообщинного строя, и в некоторых областях общественной жизни у них возникли ранне-государственные формы устройства. Как и у коса, у зулу вся земля еще находилась в общинном пользовании, самой мелкой хозяйственной единицей оставалась большая семья, но их социальные отношения определялись характером собственности на скот. Скот составлял главное богатство, он был основой глубинных процессов экономической и социальной дифференциации. Разница в имуществе порождала отношения зависимости, которые, однако, еще не играли решающей роли в производстве.

Для развития общества зулу важное значение имело преобразование войска. Путем усовершенствования первобытнообщинной системы возрастных классов оно было превращено в постоянную армию. Чака построил большие краали, где воины жили без семьи и сами несли заботу о себе. Молодым людям вообще было запрещено обзаводиться семьей, но и мужчины старшего возраста, уже женатые, считались резервистами и должны были несколько месяцев в году жить в краалях и нести военную службу. Следовательно, сельские и домашние работы лежали в основном на женщинах. Военные краали для мужчин достигали различных размеров: одни вмещали 500 человек, другие — до 2 тысяч. Воины жили в них подразделениями во главе с командирами — индунами. Они руководили военными операциями и управляли краалями в мирное время.

Таким образом, Чака основал своего рода регулярную армию, в которой ввел новый боевой строй и новое вооружение. Грозным боевым оружием, наводившим страх на соседние племена, стал ассегай — крепкое ударное копьё. Войско зулу, храбрость кото-

рого особо отметил Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», впоследствии обращало в паническое бегство и колониальные войска англичан, вооруженные винтовками и пушками.

Вся общественная жизнь зулу была настолько милитаризована, что война против других племен превратилась для них в потребность и важное средство наживы. Сначала зулу предпринимали военные набеги на соседей лишь для того, чтобы угнать их скот и разграбить зернохранилища, но со временем, желая пресечь возможность мести со стороны подвергшихся нападению и ограблению чужих племен и селений, стали подчинять их своей непосредственной власти. Молодых мужчин побежденных племен насильно забирали в зулусское войско, чаще всего во вспомогательные части или в носильщики. Но нередко, если речь шла о мятежном племени, убивали всех, особенно стариков. Женщин и детей зачастую отправляли в отдаленные зулусские краали, и таким образом они интегрировались в общественную систему зулу. Как правило, они, однако, оставались свободными, ибо рабства у зулу не было. Нападения зулу на соседние племена явились косвенной причиной новой волны переселения народов, в том числе суто, тембу, тсвана (Бечуаналенд) * (* Современная Ботсвана.).

Львиную долю военной добычи присваивал Чака, а впоследствии его преемники. Вскоре в руках правителя сосредоточились огромные стада, которые пасли зависимые зулу или воины вспомогательных частей. Правитель же ведал и разделом трофеев, разделяя скотом и прочим добром военачальников и особо отличившихся солдат. Такая система неравномерного распределения трофеев способствовала усилению имущественных различий в обществе зулу. Войны оказывали воздействие также на положение и могущество вождя и вызывали дальнейший распад родового строя, а следовательно, и всех кровнородственных групп. Народное собрание свободных людей все более отодвигалось на задний план, основой законодательной и исполнительной власти по сути дела становилось войско. Оно, однако, выступало еще как единое целое и не допускало образования знатью самостоятельных органов власти и управления. Расщепление общества на классы также еще не было отчетливо выражено. Общество зулу может служить классическим примером «военной демократии» по Ф. Энгельсу.

Сообщения современников, да и почти вся буржуазная литература, рисуют зулусских вождей «кровожадными, мстительными, жестокими деспотами, одержимыми почти безграничным честолюбием». Они якобы несли с собой смерть и опустошение. Этим колонизаторы и их апологеты стремились оправдать связанное с колонизацией покорение зулусов. Конечно, нельзя отрицать, что в походах против соседних племен зулусы не останавливались перед насилием и жестокостями. Но эти побочные явления несчетное количество раз повторялись во всей мировой истории, они типичны для всех племен и народов в переломные моменты их общественной жизни, когда формируются первые классовые отношения. Они отнюдь не являются нововведением или «расовой» особенностью зулу и их вождей, а неизбежно возникают на определенной стадии развития любого общества как результат внутреннего напряжения в нем.

Зато в работах буржуазных авторов не упоминается, что в XIX в. зулусские правители принимали также меры для развития хозяйства. Они поощряли ремесла, которые, правда, были целиком поставлены на службу войне, стремились расширить внутренний обмен между племенами и торговлю с другими странами и с этой целью наладили контакты с португальскими купцами в Мозамбике и с англичанами.

Чака был убит в 1828 г. своим сводным братом — тоже не редкость в мировой истории. Бразды правления взял в свои руки Дингаан (1828—1840), который продолжал политику своего предшественника. При Дингаане произошли первые серьезные столкновения зулу с бурами, упорно продвигавшимися вперед в Натале.

Аналогичным образом развивалась в XIX в. история матабеле. В 1823 г. от Чаки отложился вождь Мзиликази (Моселекатсе). Он со своими индудами (военные предводители, впоследствии аристократы) и их приближенными основал на территории

Трансвааля первое государство матабеле со столицей Мосига. Преследуемые войском зулу под командованием Дингаана, потерпев в 1837 г. первое поражение от вооруженных огнестрельным оружием буров, матабеле снова снялись со своими семьями и стадами с насиженных мест и направились дальше на север. Они перешли Лимпопо и обосновались между Лимпопо и Замбези (Зимбабве). Они вытеснили некоторые племена шона на восток, покорили живших здесь бечуана и в 40-х и 50-х годах прошлого столетия создали сильное государство со столицей в Булавайо.

Когда в 1868 г. старый вождь матабеле, Мзиликази, умер, его сын Лобенгула получил в наследство прочное объединение племен, пользовавшееся значительным влиянием. По экономическим, социальным и политическим условиям существования матабеле мало чем отличались от зулу. И у них усиленно выдвигалась военная знать во главе с индунами, над которыми стоял верховный вождь. Все они имели огромные стада. Сам Лобенгула, считавшийся высшим владельцем всего скота, обладал более чем полу-миллионом голов животных. В последние два десятилетия перед вторжением англичан возросла частная собственность на скот и военные трофеи. Это укрепило экономические позиции знати, и в результате увеличилась опасность политического сепаратизма и типичного для раннего феодализма стремления отдельных аристократов к самостоятельности.

Лобенгула был вынужден вести упорную борьбу против возможных претендентов на трон и мятежных индун, но с помощью жрецов все же сумел укрепить центральную власть. Тем не менее Лобенгула не был тем всемогущим властителем, каким являлся Чака. При решении важных государственных дел в Булавайо большую роль играл совет индун. В 80-х годах финансовая клика компании Сесилия Родса вынесла государству матабеле смертный приговор. Английские колониальные войска окружили его со всех сторон, и тогда матабеле оказали им героическое сопротивление.

3.2. Колониальное проникновение буров и англичан в Южную Африку

Южная Африка наряду с Северной Африкой, Сенегалом и Золотым Берегом относится к тем районам материка, где началось продвижение колонистов в глубь суши. Еще в середине XVII в. голландские, а затем немецкие и французские поселенцы приобретали большие участки на территории Капской провинции. Среди колонистов преобладали голландцы, поэтому всех их стали называть бурами (от голландского «бур» — «крестьянин»). Буры, однако, вскоре стали вовсе не мирными земледельцами и скотоводами, которые собственным трудом снискивали себе пропитание. Колонисты — их число непрерывно пополнялось вновь прибывшими поселенцами — к началу XIX в. уже владели огромными полями и пастбищами и упорно просачивались дальше, во внутренние районы. При этом они уничтожали или изгоняли отчаянно сопротивлявшихся бушменов и другие народности койсаноязычной группы, отнимали у них земли и скот.

Британские миссионеры, стремившиеся оправдать колониальную политику Англии, в начале XIX в. с возмущением писали в своих отчетах о зверском, бесчеловечном уничтожении местного населения бурами. Английские авторы Барроу и Персиваль изображали буров ленивыми, грубыми, невежественными людьми, жестоко эксплуатирующими «полудиках туземцев» * (* **Впечатления об африканерском населении Капской колонии нашего соотечественника В. М. Головина, пробывшего в Саймонстауне (тогда — Симонсштат) с апреля 1808 г. по май 1809 г., во многом подтверждают мнение (см.: Африка глазами наших соотечественников. М., 1974, с. 157—171).**). Действительно, прикрываясь догматами кальвинизма, буры объявили своим «божественным правом» порабощение людей с кожей иного цвета. Часть покоренных африканцев использовалась на фермах и находилась почти на положении рабов. Это относится в первую очередь к хинтерланду Капской провинции, где колонисты имели огромные стада скота.

На фермах велось в основном натуральное хозяйство. Стадо нередко насчитывало 1500—2000 голов крупного рогатого скота и несколько тысяч овец, ухаживали за ними африканцы, силой принуждаемые работать. Вблизи городских поселений — Капстада, Стелленбоса, Граф-Рейнета — применялся, кроме того, труд рабов, доставлявшихся издалека. Они работали в домашнем хозяйстве, на сельскохозяйственных предприятиях, виноградниках и полях, в качестве зависимых ремесленников. Буры непрестанно раздвигали границы своих владений, и только коса героическими усилиями сдерживали их на реке Фиш. В первые полтора столетия своего существования Капская колония служила в основном нидерландской Ост-Индской компании промежуточной станцией на пути в Индию, однако затем колонисты вышли из-под ее контроля. Они основали, прежде всего под влиянием Великой французской революции, «автономные районы», где, превознося на словах свободу, на деле осуществляли территориальную экспансию и эксплуатацию африканского населения * (* Противоречия между словами и делами здесь, собственно, не было: свобода в представлении колонистов-африканеров имела типично буржуазный характер, т. е. это понятие само по себе включало свободу эксплуатации. В то же время В. М. Головин очень хорошо понял, насколько развитые формы буржуазных свобод, принесенные в Капскую колонию англичанами, пусть только для белого населения, были шагом вперед в сравнении с мелочной опекой и регламентацией всех сфер жизни общества, которые были характерны для управления голландской Ост-Индской компании — типичной привилегированной компании эпохи мануфактурного капитализма (см.: Африка глазами наших соотечественников, с. 173).).

В начале XIX в. Капскую колонию захватила Великобритания. С 1806 г. в Капстаде находилась резиденция английского губернатора. Этим было положено начало периоду еще более интенсивного колониального проникновения в Южную Африку, которое повлекло за собой в конечном счете колониальный захват ее территории, жестокое покорение и эксплуатацию племен и народов Южной и Юго-Западной Африки английскими монополиями. Наступление Великобритании в Южной Африке с самого начала служило колониальным интересам некоторых групп торгового и промышленного капитала. Колонизация была частью программы колониальных кругов. Английские колонисты продолжили и усилили начатый бурскими фермерами захват земель и бесчеловечное истребление покоренного населения. И здесь, в Южной Африке, на первый план выступили новые задачи промышленного капитализма, а именно наряду с капиталистической политикой колонизации освоение дешевых источников сырья и сбыт массовой продукции отечественных мануфактур и фабрик. У африканских племен и народов появился новый, исключительно опасный противник, и в конце концов он взял верх над ними.

Между двумя группами, заинтересованными в колониальной экспансии, — бурами и английскими колонизаторами — началась борьба. И те и другие преследовали одну цель — эксплуатировать население Африки, но они различались по непосредственным задачам, мотивам и формам своей деятельности, ибо представляли различные этапы и движущие силы колониальной экспансии. Проиграли в этой поединке буры — они оказались не в состоянии пешительно перейти к капиталистическим методам эксплуатации. Этому предшествовали многочисленные разногласия и столкновения, и многим буржуазным авторам вся история Южной Африки XIX в. даже предстает в свете «англо-бурского конфликта», хотя обе стороны желали лишь одного — эксплуатировать коренных жителей Южной Африки и равно несли им поражение, горе, гибель и жестокий гнет.

Вскоре после того как Капская колония стала английским владением, административная власть перешла от голландских органов власти к английским чиновникам. Были созданы колониальные войска, в состав которых входили африканские «вспомогательные» части. Фермеров-буров обложили большими налогами. С 1821 г. начался усиленный приток английских поселенцев. Им в первую очередь администрация предоставляла самые плодородные земли в восточной части колонии. Отсюда они, сломив

длившееся десятилетиями сопротивление коса, двинулись к реке Кей. К 1850 г. этот район был присоединен к английской колонии, а затем была завоевана вся территория расселения коса.

Английские власти поддерживали капиталистическую колонизацию соответствующими мероприятиями, в том числе и привлечением туземцев в экономику в качестве рабочей силы. Рабство зачастую продолжало существовать, правда в косвенной форме, в виде принудительных работ или системы отработок. В крупных хозяйствах оно лишь постепенно уступало место существующей по сей день капиталистической эксплуатации африканских сельских рабочих и арендаторов («сквоттер систем»). Эти формы эксплуатации отнюдь не были для африканского населения более гуманными, чем рабский труд и иные формы зависимости на фермах буров. Бурские фермеры считали себя ущемленными в своих экономических и политических правах. Особый протест вызывали у них запрещение рабства, законодательные акты английской администрации относительно привлечения и использования африканских рабочих, превращение бурских ферм в концессии, обесценение голландского риксдалера и другие факторы такого рода.

К этому времени сказались также последствия примитивных, хищнических методов использования пахотных площадей и пастбищ Капской провинции. Экстенсивное скотоводство и действовавший порядок наследования земли и прежде толкали колонистов к тому, чтобы двигаться дальше в глубь страны и захватывать новые участки. В 1836 г. значительная часть буров снялась с места, чтобы освободиться от нажима английских властей. Начался «великий трек», переселение 5—10 тысяч буров на север. В колониально-апологетической историографии его часто романтизируют и называют походом свободы. Буры ехали в запряженных быками тяжелых фургонах, которые служили им в пути жилищем, а при вооруженных стычках с африканцами превращались в крепость на колесах. Рядом двигались огромные стада, их охраняли вооруженные до зубов всадники.

Буры оставили далеко позади реку Оранжевую, и здесь в 1837 г. они впервые встретились с матабеле. Африканцы мужественно защищали свои стада и краали, но в решающей битве при Мосиге, столице матабеле, на юге Трансвааля, дравшиеся только копьями воины-матабеле не устояли перед современным оружием буров, хотя и бились до последней капли крови. Тысячи их были перебиты. Матабеле всем народом поспешно отступили на север, через Лимпопо, и угнали свой скот.

Другая группа буров, также увлеченная жаждой захватов, под руководством своего предводителя Ретифа перешла через Драконовы горы в Натал. В 1838 г. они учинили среди живших здесь зулу настоящую резню, утвердились на их землях и в 1839 г. провозгласили независимую Республику Натал со столицей Питермарицбург. Управлял ею народный совет. Они построили город Дурбан (или Порт-Натал, по названию побережья, в честь высадки на него Васко да Гамы в рождество 1497 г.) и тем обеспечили себе выход к морю. Земля была разделена на большие фермы по 3 тысячи моргенов * (* **Морген — здесь около 0,25 гектара.**) и более в каждой. Однако английская колониальная администрация Капской провинции тоже давно зарилась на плодородные земли Натала. Англичане заняли Натал и в 1843 г. объявили его колонией. Хотя за бурскими фермерами было признано право поселения, большинство их покинули насиженные места. Они опять пересекли со своими стадами и фургонами Драконовы горы и воссоединились с бурами Трансвааля. Поблизости от них, к северу от реки Вааль, они образовали три республики: Лейденбург, Заутпансберг и Утрехт, которые в 1853 г. объединились в Южно-Африканскую Республику (Трансвааль).

Год спустя к югу от нее было провозглашено Оранжевое свободное государство. Правительство Англии и колониальные власти Капской провинции были вынуждены признать суверенитет вновь образованных бурских государств, но делали все, чтобы удержать их под своим влиянием. Оранжевое свободное государство и Трансвааль были республиками, крестьянскими по существу, религиозно-аскетическими по внешним атрибутам. С середины XIX в. на территории Оранжевого свободного государства се-

лились также купцы и ремесленники, появилось некоторое число английских колонистов. Кальвинистская церковь, следуя своим принципам обособленности, приняла окостеневшие формы догматики.

В оправдание эксплуатации африканского населения она разработала своеобразную систему расовой дискриминации и объявила ее «божественным провидением». В действительности же буры сгоняли с земель и поработали оседлое коренное население и родовые группы племен суто и тсвана, захватывали огромные территории и превращали их в фермы. Часть африканцев была отгеснена в резерваты, часть — обречена на принудительные работы на фермах. Тсвана защищались от силой навязывавшихся мероприятий по «обороне»; многие уходили на запад, в безводные местности, походившие на пустыни. Но и здесь их вожди очень рано испытали давление с двух сторон.

Великобритания поняла, что эти области, лишённые экономической ценности, имеют большое стратегическое значение: тому, кто ими владеет, нетрудно окружить владения буров и обеспечить свои интересы в соседнем Трансваале. Затем Германская империя, также покушавшаяся на центральный Бечуаналенд, захватила Юго-Западную Африку, и это решило судьбу племен тсвана. Великобритания поспешила воспользоваться договорами о «помощи», которые она мошенническим путем давно заключила с некоторыми их вождями, и в 1885 г. небольшое подразделение английских колониальных частей фактически оккупировало их территорию.

Еще один важный анклав годами успешно сопротивлялся вооруженным отрядам буров и их «треку», предпринимавшемуся в поисках тучных пастбищ и дешевых рабочих рук, — территория суто во главе с племенным вождем Мошешем. Племена южных суто обитали в гористых верховьях реки Оранжевой в нынешнем Лесото. Плодородная и богатая горными пастбищами, эта местность была густо заселена. Естественно, она рано стала предметом вожделений бурских скотоводов, а затем и английских фермеров. Здесь еще во время оборонительных боев против зулу и матабеле сложилось и окрепло объединение племен суто. При Мошеше I, блестящем военачальнике и организаторе, его людей сплотила борьба против европейского колониализма. В трех войнах (1858, 1865—1866, 1867—1868) им удалось отстоять свои богатые пастбища и самостоятельность Басутоленда.

Но вожди суто не могли долго противостоять изощренной тактике английских колониальных властей, засылавших впереди себя торговцев, агентов и миссионеров из Капской провинции. Мошеш даже сам обратился к англичанам с просьбой о помощи, чтобы защититься от посягательств буров. В осуществление договоров в 1868 г. Великобритания установила над Басутолендом протекторат, а несколько лет спустя прямо подчинила его английской администрации Капской колонии. Тогда суто снова взяли за оружие. На массовый захват земель, введение системы резерватов, колониальное налогообложение и проект разоружения африканцев суто ответили могучим восстанием, продолжавшимся с 1879 по 1884 г. Англичане, не ограничиваясь зверскими карательными экспедициями, несколько видоизменили и кое в чем даже ослабили систему протектората. В результате им удалось часть вождей подкупить, сделать их сговорчивее и в конце концов превратить в важную опору колониальной эксплуатации Басутоленда.

Таким образом, в 70-х годах Великобритания установила господство над Капской колонией, Наталем и Басутолендом. Теперь она целеустремленно направила свои действия против государства зулу к северу от Натала, замышляя одновременно окружение и захват бурских республик Оранжевая и Трансвааль. Борьба колониальных держав за овладение Южной Африкой вскоре получила новый могущественный стимул: в жаркие летние дни 1867 г. на берегу реки Оранжевой были найдены первые алмазы. Сюда устремились тысячи старателей, купцов и мелких предпринимателей. Возникли новые городские поселения.

Территория к востоку от реки Вааль до Копье и Ворнизигта, названная именем британского министра колоний Кимберли, была усеяна алмазными россыпями. Английская колониальная администрация Капской колонии обеспечила своим предпринимателям и купцам контроль над зоной добычи алмазов и свободный доступ в нее. В 1877 г. английские войска напали на Трансвааль, но бурам удалось отбить атаку, защитить свой суверенитет и сохранить колонии, и в 1884 г. Великобритания снова подтвердила право Трансвааля на ограниченную независимость.

Однако открытие алмазных россыпей на Оранжевой, а в начале 80-х годов — богатых залежей золота вблизи Йоханнесбурга в Трансваале привело в движение такие силы, которым не могли противостоять буры скотоводы и фермеры, а тем более африканские племена и народы, хотя последние оказывали героическое сопротивление. Отныне колониальная политика определялась крупными английскими компаниями и объединениями финансового капитала. Их беззастенчивые операции направлял стяжавший себе печальную известность Сесиль Родс (1853—1902), разбогатевший на биржевых спекуляциях акциями горнодобывающих предприятий. Всего несколько лет потребовалось ему, чтобы приобрести множество концессий на добычу алмазов, а затем и монополизировать всю добычу алмазов и золота в Южной Африке. В 80-х и 90-х годах группа Родса занимала господствующее положение в развивавшейся быстрыми темпами южноафриканской промышленности. При поддержке лорда Ротшильда Родс превратился в ведущего финансового магната своего времени. Он стал также исполнителем империалистических планов захвата и эксплуатации чужих народов.

С 80-х годов XIX в. английские монополисты мечтали о сплошном колониальном комплексе в Африке «от Капа до Каира» Претворяя эти мечты в жизнь, они сломили героическое сопротивление матабеле к северу от Лимпопо и загнали десятки тысяч африканских горняков и сезонников в рабочие лагеря. Непосильный труд доводил их до полного изнеможения, а иногда и до физической гибели. Мамона финансового капитала захватила своими кровожадными щупальцами источники сырья и население Южной Африки.

В это время племена и народности Южной, Юго-Восточной Юго-Западной Африки оказывали колониальным захватчикам сопротивление, поражающее своим размахом и разнообразием форм. Мы уже говорили об антиколониальных выступлениях некоторых народов, в том числе суто и матабеле. Но наш рассказ будет неполным, если мы не скажем о борьбе и восстаниях коса и зулу против колониального завоевания и владычества.

3.3. Героическое сопротивление коса и зулу

Сопротивление жителей Южной Африки развертывалось в исключительно трудных условиях. Из-за сложных интриг, которые вели друг против друга англичане и буры, африканцы порой не понимали, что обе эти колониальные силы равно опасны для независимости коренных жителей. Часто они пытались лавировать между двумя фронтами, заключая соглашения с тем захватчиком, который в тот момент представлялся им менее опасным. Тем страшнее были последствия подобных ошибок. В то время как африканцы собирали силы для отпора одному чужеземному завоевателю, другой, не менее опасный колониальный грабитель, вероломно прикрывшись маской союзника, подбирался к границам их земель и селений и заставлял их врасплох.

Первыми против фермеров-буров, стремившихся к земельным захватам, и английских колонизаторов восстали племена коса. Английские поселенцы еще в XVIII в. достигли реки Фиш и с этого рубежа просачивались на богатые пастбища скотоводов-коса. Коса, однако, не могли смириться с непрерывным сокращением их пастбищ, угоном скота, а также с навязанным им соглашением, установившим реку Фиш границей их расселения. Они неизменно возвращались на привычные места выгонов и поселения,

особенно в периоды засух. Тогда буры направляли против мирных краалей коса карательные экспедиции.

Война племен коса сначала против бурских, а затем и английских захватчиков продолжалась без малого сто лет. Она фигурирует в колониальной историографии как восемь «кафрских» войн. Первые столкновения с европейцами произошли еще в обстановке вражды между отдельными племенными группами, в частности между вождями Гаика и Ндламбе. Благодаря этому бурские, а главное, английские захватчики с успехом препятствовали образованию единого фронта африканцев и смогли нейтрализовать отдельных вождей. Примером может служить война 1811 г., когда с одобрения Гаики английские отряды предприняли карательные действия против некоторых групп коса под управлением Ндламбе. Перед этим вожди Ндламбе и Тсунгва, подкупленные экстремистскими кругами буров и опиравшиеся на помощь спасавшихся от принудительных работ готтентотов, разбили войска английского генерала Ванделера и подошли к реке Кейман. Потому карательные действия англичан отличались жестокостью, ни не брали пленных и убивали раненых на поле боя.

Разрозненным группам коса было необходимо объединиться и выступить совместно. Такова была обстановка, когда на сцену выступил пророк по имени Нхеле (Макана). Пропагандируя свои учение и «видения», основанные на традиционных африканских и христианских религиозных представлениях, он пытался сплоти коса в борьбе против колониальных эксплуататоров. Его признал только Ндламбе, и английские колонизаторы, спекулируя на этом обстоятельстве, заключили с Гаикой «договор о союзе». В битве против коса во главе с Нхеле союзники устроили кровавую бойню. Более 2 тысяч воинов пали жертвой колониальных войск в 1819 г. Был убит и пророк Нхеле. Коса лишились всей территории до реки Кейскама: она была присоединена к Капской колонии.

Эта война, четвертая по счету, явилась важным переломным моментом. Страшная угроза колониального завоевания заставила вождей отдельных племен забыть свои распри и выступить впрямь совместно. Оборонительные бои укрепили боеспособность союзов племен. В 1834 г. восстали все коса, населявшие пограничные районы. Они были хорошо организованы и применяли новые тактические методы ведения войны. Некоторые колониальные части были уничтожены партизанами. Тем не менее в конце концов англичане снова разбили коса и присоединили к своей колонии все области к западу от реки Кей (1847). Захват Натала сначала иммигрантами-бурами, а в 1843 г. английской колониальной администрацией расколол единую раньше область расселения обеих народностей нгуни — коса и зулу.

С этого времени английская администрация упорно стремилась к новым территориальным захватам и окончательному покорению коса. Все договоры с отдельными вождями были аннулированы, поэтому снова вспыхнула война (1850—1852). Сражения отличались особой продолжительностью и упорством. Это было наиболее длительное и организованное восстание коса. Вдохновляемые новым пророком, Мландшени, коса объявили захватчикам «священную войну». К ним примкнули тысячи африканцев, насильно одетых в мундиры колониальных солдат, и готтентотов-полицейских. Вооруженные современным оружием, они существенно усилили антиколониальное восстание. В рождество 1850 г. тысячи воинов коса перешли границы Британской Кафрарии. Руководил этими действиями вождь галека Крели. Подчеркнем, что одновременно против английских войск сражался верховный вождь суто Мошеш, и в 1852 г. его конница численностью 6—7 тысяч человек нанесла англичанам временное поражение. Повстанцы вели также переговоры с некоторыми вождями гриква и тсвана о совместных действиях против колонизаторов.

И все же был упущен момент, когда восстание могло увенчаться победой, хотя бы временной. Английским колонизаторам снова удалось лживыми посулами привлечь

вождей на свою сторону и овладеть последними землями коса в Транскее. Теперь границы английской колонии упиралась в территорию племенного объединения зулу.

Последний раз отдельные племена коса поднялись против колониального порабощения и полной утраты независимости в 1856—1857 гг. Вожди Крели и Сандили с их племенами на небольшом клочке земли были со всех сторон осаждены английскими войсками, и им угрожала голодная смерть. В этом безвыходном положении они решились на отчаянный шаг. Под влиянием нового пророка у них появились хилиастические видения будущего: суд божий, верили они, изгонит белых чужеземцев; в «будущем царстве», где христианское вероучение не найдет себе места, восстанут мертвые, прежде всего бессмертные пророки и убитые вожди, и возродится весь утраченный скот. Этим будет положен конец какой бы то ни было политической и экономической зависимости. Пророк Умлаказар призывал в своих проповедях: «Не сейте, в будущем году колосья взойдут сами. Уничтожайте весь маис и хлеб в закромах; забивайте скот; покупайте топоры и расширяйте краали, чтобы они вместили весь тот прекрасный скот, что восстанет вместе с нами... Бог гневается на белых, которые убили его сына... Однажды утром, пробудившись ото сна, мы увидим ряды столов, уставленных яствами; самые лучшие бусы и украшения наденем мы на себя».

Поддавшись этим религиозным внушениям, коса забила весь свой скот — один европейский миссионер называет внушительную цифру: 40 тысяч голов — и стали ждать «последнего суда». После «дня воскресения», ожидавшегося 18—19 февраля 1857 г., тысячи коса умерли с голоду. Европейские завоеватели, которые якобы должны были покинуть страну из-за недостатка продуктов питания, и не думали уходить. Так активная борьба против колониализма сменилась ожиданием вмешательства сверхъестественных сил и наступления «царства справедливости». В ней, несомненно, черпали силы и надежду загнанные в тупик коса, не знавшие законов общественного развития. Только когда коса убедились, что видения их не сбылись, они в полном отчаянии снова взялись за оружие. Английские войска без труда одержали победу над полумертвыми от голода людьми. Большая часть коса погибла во время военных действий или умерла голодной смертью. Остальные покорились. Так трагически закончилось почти вековое героическое сопротивление коса.

В борьбе с коса колонизаторы обычно сталкивались с отдельными разобщенными племенами, которые только временами объединялись для прямого отпора завоевателям. Значительно более опасным противником были военный союз племен и государство зулу.

Верховный вождь зулу Дингаан сначала отнесся очень дружелюбно к бурам и, не понимая их колониалистских замыслов, явно в пику английским поселенцам и захватчикам признал в договоре владения буров в южном Натале. Вскоре, однако, он понял свою ошибку и попытался ее исправить тем, что приказал убить предводителя буров Пита Ретифа и его спутников. Война стала неизбежной. Между зулусской армией и войсками буров началась упорная кровопролитная борьба за земли и пастбища в той части Натала, которая при Чаке принадлежала зулу. В 1838 г. при поддержке англичан буры перешли в наступление. Напрасно войско Дингаана численностью 12 тысяч человек пыталось захватить лагерь буров, защищенный вагенбургом * (* **Вагенбург — походное укрепление, образованное составленными в кольцо или прямоугольник повозками.**). Зулу потерпели тяжелое поражение. Поле боя было усеяно телами африканцев, пало 3—4 тысячи человек. Река, в долине которой происходило сражение, с тех пор называется Кровавой — Блад-ривер. Дингаан был вынужден отвести войско на север от реки Тугела. Буры завладели огромными стадами, принадлежавшими раньше зулу, и вынудили Дингаана заплатить большую контрибуцию скотом.

Впоследствии и в этом государстве было немало династических междоусобий, велась борьба за преобладание между отдельными вождями и военачальниками. Буры разжигали недовольство верховным вождем Дингааном, а впоследствии даже принимали непосредственное участие в военных действиях претендентов на трон. В 1840 г. Дингаан

был убит. Значительная часть Натала попала в руки бурских колонистов, но зулу сохранили свою независимость, и даже появившиеся следом за бурами английские завоеватели до поры до времени не решались на нее посягнуть.

Однако вожди зулу, будучи не в состоянии примириться с недостатком пастбищ и угрозой колониальной аннексии, снова и снова организовывали сопротивление. В 1872 г. главным вождем зулу стал Кетчвайо (1872—1883). Понимая, сколь велика нависшая над ним опасность, он попытался объединить племена зулу для отпора. Кетчвайо реорганизовал армию, восстановил военные краали и в португальской колонии Мозамбик закупил у европейских купцов современное оружие. К этому моменту армия зулу насчитывала 30 тысяч копьеметателей и 8 тысяч солдат под ружьем. Но конфликт возник раньше, чем рассчитывал верховный вождь. Английские колониальные власти Натала стремились параллельно продвижению в Трансваале полностью подчинить зулу. В 1878 г. они предъявили Кетчвайо ультиматум, по сути дела лишавший зулусское государство независимости. Англичане требовали признать власть их резидента, допустить на территорию зулу миссионеров, распустить боеспособное зулусское войско, выплатить огромный налог. Совет вождей и военачальников отклонил ультиматум. Тогда в январе 1879 г. английские войска вторглись в Зулуленд. Этой войне, однако, суждено было стать одной из наиболее трудных и кровопролитных кампаний английского колониализма в XIX в. По официальным данным, только одни военные расходы составили 5 миллионов фунтов стерлингов.

Вначале зулу удалось нанести колонизаторам ощутимые удары. Их успехи вызвали ряд восстаний на границах Натала и Капской колонии, в том числе среди суто. Лишь после того как английские войска получили от колониальной администрации существенное подкрепление, они смогли разбить зулу. Кетчвайо был взят в плен и выслан на остров Роббен. Однако правительство Великобритании не решилось пока осуществить полную аннексию зулусской территории. Разделив могущественное государство зулу на 13 племенных территорий, постоянно враждовавших между собой, оно тем самым ослабило его и установило над ним свой косвенный контроль. Кетчвайо был даже временно возвращен из ссылки на условиях признания им фактического британского протектората. Но впоследствии Зулуленд все же был присоединен к английским владениям в Натале, и на его территории установились колониально-империалистические отношения эксплуатации в интересах европейских землевладельцев и капиталистов.

На всех стадиях доимпериалистической колониальной экспансии африканские народы и племена, становившиеся жертвами первых колониальных захватов, оказывали им сопротивление. К славным традициям африканских народов, которыми по праву гордятся современные африканцы, относятся оборонительные войны ашанти, коса, басуто и зулу, и также Хадж Омара и его последователей в первые две трети XIX в. К несчастью, возникали они, как правило, еще стихийно. Отдельные племена или племенные союзы, возглавляемые аристократией, т. е. полуфеодальной знатью, зачастую выступали против чужеземных завоевателей разобщенно.

Как и в предыдущие столетия, многие антиколониальные движения и восстания либо проходили под религиозным флагом обновления ислама, либо, как в Южной Африке, принимали характер христианско-анимистического мессианизма или проповеди пророков. Вера в сверхъестественные силы руководителей не позволяла африканцам реалистически оценивать военное превосходство противников. Видения и пророчества отражают незрелость антиколониального движения, вызванную социальными условиями того периода. Кроме того, сопротивление, осуществлявшееся племенами, неизменно ставило своей целью восстановление старых порядков. Даже освободительное движение образованного купечества, интеллигенции и части вождей Западной Африки (см. гл. V, 2.4) могло требовать реформ и участия в управлении в основном на бумаге.

Хотя африканцы решительно и мужественно противостояли колониализму, их борьба была обречена на провал. Слишком велико было социальное, а следовательно, и

военно-техническое превосходство капитализма, чтобы народы и племена Африки, находившиеся на стадии первобытнообщинного или раннефеодального строя, могли одержать не временную, а прочную победу над ним. Из-за соперничества между различными этническими группами и междоусобий внутри племенной аристократии и феодальной прослойки сопротивление иноземным захватчикам обычно носило непоследовательный, противоречивый характер, а главное, было лишено единства и изолировано от других выступлений такого рода. Тем не менее борцы сопротивления рассматриваемого периода достойны уважения тех сил, которые в наше время борются против империализма как в Африке, так и во всем мире.

4. Господство маскатских арабов на Занзибаре и в восточной части материка. Союз племен ньямвези

4.1. История восточноафриканского побережья в XVIII в.

Уже около 1700 г. португальцы были вытеснены из многочисленных городов побережья к северу от Мозамбика. Этому предшествовало появление в центрах и опорных пунктах на берегу моря военных и торговых кораблей Маскатско-Оманского султаната, который, действуя из южной части Персидского залива, снова начал играть видную роль в торговле между Восточной Африкой и Индией. Маскатско-арабские войска и флотилии были призваны на помощь самими восточноафриканскими городами, стремившимися освободиться от португальского господства.

Но эти войска, сначала как будто помощники и союзники, очень скоро показали свое истинное лицо. Они стремились прибрать к рукам важные экономические и стратегические пункты на восточном побережье Африки и присоединить их к Маскатско-Оманскому султанату. Однако в XVIII в. им это еще не удалось, они не смогли утвердиться на побережье и закрепить завоеванные позиции. Внутрифеодальные распри, борьба за трон и — что не менее важно — персидское вторжение на территорию самого султаната ослабили его правящую верхушку и умерили ее рвение к завоеваниям за пределами страны. Важнее же всего было то, что наместники султана в городах Восточной Африки очень скоро обрели большую самостоятельность и вышли из-под его опеки. Так, Набхани в Пате, особенно же Мазруи в Момбасе основали собственные династии, они со временем прочно укоренились и слились с местной арабо-суахилийской городской знатью. С 1750 по 1800 г. Мазруи в Момбасе находились в зените своего могущества. Их власть в течение многих лет признавали даже Пемба, Малинди и часть жителей материкового побережья до Танги. Только Занзибар оставался надежной опорой султана Маската-Омана.

История восточноафриканского побережья в XVIII в. была переменчивой. Новым арабским правителям не во всех городах удалось удержаться. Суахилийское население, предводительствуемое своей аристократией, отстраненной от власти, оказывало арабам все более энергичное сопротивление. Правитель Килвы, например, не пожелал терпеть у себя присутствие наместника Омана и арабского гарнизона, и в 1771 г. тем пришлось чуть ли не бежать из города. Только в начале XIX в. Килва снова подчинилась маскатским арабам, установившим свою власть на Занзибаре.

Экономика, культура, социальная и политическая жизнь складывались в разных городах по-разному. Момбаса и особенно Килва переживали в это время известный хозяйственный подъем. Могаддишо на сомалийском побережье превратился в центр переработки хлопка. В некоторых центрах возникли новые прекрасные строения, в том числе знаменитая мечеть Кизимкази на Занзибаре. И все-таки восточноафриканские города не достигли того расцвета, который они переживали с XII по XV в., хотя они и продолжали социальные, правовые, особенно же культурные традиции ранних городов-государств.

С конца XVII в. происходило оживление культуры. От этого и более позднего периода осталось много значительных литературных произведений, написанных на суахили. Язык суахили совершенствовался и получал все более широкое распространение. Поэты и хронисты писали рассказы, лирические песни, героические поэмы. В 1728 г., когда португальцы предприняли закончившуюся неудачей попытку снова захватить Пате, неизвестный поэт сочинил на суахили великолепную поэму «Утенди ва Тамбуку» и записал ее письмом, основывавшимся на арабской письменности. Из Пате происходил и широко известный в свое время далеко за пределами Восточной Африки поэт Саид Абдаллах, который в период с 1810 по 1820 г. написал множество эпических стихотворений. Многие арабские семьи, переселившиеся в XVII—XVIII вв. из Маската в Пате, Ламу, Момбасу и другие города, заимствовали язык и культуру суахили. Однако ее развитие снова прекратилось из-за экономических и политических последствий второй волны маскатско-арабского вторжения, основания Занзибарского султаната при Сейиде Саиде в начале XIX в. и интриг европейских колонизаторов в эру капитализма. В некоторых районах начался процесс «обратной» арабизации.

4.2. Господство маскатских арабов на Занзибаре

В начале XIX в. город и остров Занзибар стали центром заново созданного Маскатско-Оманского государства. Как мы увидим ниже, это оказало отрицательное воздействие на развитие восточного побережья и внутренних районов.

В 1806 г. в Маскате-Омане к власти пришел султан Сейид Саид, задавшийся целью вернуть восточноафриканское побережье под свою эгиду. Его начинаниям благоприятствовали различные обстоятельства. После того как Сейид Саид вышел победителем из нескончаемых династических раздоров, правящая аристократия и купечество, опираясь на усилившуюся центральную власть, восстановили свои экономические позиции в морской торговле, особенно с Индией. При этом, однако, им приходилось считаться с изменившейся международной обстановкой. В конце XVIII в. капиталистическая Великобритания добилась решительного превосходства в бассейне Индийского океана и таким образом оттеснила, а то и вовсе изгнала оттуда португальцев и голландцев. Франция после поражения наполеоновской армии при Ватерлоо в 1815 г. на некоторое время также вышла из борьбы.

Правители Маската-Омана еще в 1783 г. подписали с английской Ост-Индской компанией договор о торговле и «дружбе» и с тех пор были связаны с колониальными интересами Великобритании в этом районе. С одной стороны, они рано попали в зависимость от нее, с другой — при покровительстве могущественного в то время английского флота, торгового и военного, получили свободу экономических и политических действий в небольшой, но зато точно очерченной зоне. Такую же сферу влияния пытался создать для себя с начала XIX в. молодой честолюбивый султан Сейид Саид в Восточной Африке. Великобритания своевременно обеспечила свое влияние на все его действия на Занзибаре и на восточноафриканском побережье.

Новому экономическому и политическому наступлению правителя Маската-Омана на восточноафриканском побережье способствовало крушение честолюбивых замыслов момбасских Мазруи, стремившихся к новым завоеваниям и утверждению своей независимости. Союзники Момбасы отвернулись от нее. С 1822 г. султан предпринимал с территории Занзибара особые усилия, чтобы вырвать из-под влияния Мазруи береговые опорные пункты и подчинить себе. Между 1820 и 1840 гг. его власть признали Пате, Ламу, Пемба и Могодишо: одни — после ожесточенных боев, другие — по добровольной договоренности. С 1823 г. и сама Момбаса неоднократно подвергалась нападениям флота и белуджей-наемников Сейида Саида. Мазруи, лишившись поддержки арабо-суахильской верхушки населения, попытались обратиться за помощью в борьбе против имама Маската-Омана к безопасной, как им казалось, иностранной державе — Великобритании.

Об этом свидетельствуют переписка с английским губернатором Бомбея и действия капитана Оуэна в Момбасе в 1822—1823 гг.* (* Речь идет о попытке командира одного из британских патрульных кораблей Оуэна своей властью заключить с правителем Момбасы договор о протекторате, занять город и ликвидировать тем самым один из главных работорговых рынков на восточноафриканском побережье. Правительство в Лондоне в конце концов дезавуировало Оуэна, и в 1824 г. англичане ушли из Момбасы.). Великобритания, однако, надеялась достигнуть своих целей через имама Маската-Омана, и, кроме того, в начале XIX в. она еще не была заинтересована в прямом колониальном захвате Восточной Африки. В 1837 г. город Момбаса окончательно попал в руки Саида.

Теперь наконец наместники имама прочно обосновались в южных и центральных районах побережья, в городах Микиндани, Линди, Килва, на побережье напротив Занзибара (так называемая Мрима), а также в новых опорных пунктах — Дар-эс-Саламе, Багамойо, Садани, Пангани и Танге.

После поражения Мазруи резиденцией имама Сейида Саида, а следовательно, и центром государства Омана и Восточной Африки стал Занзибар. С 1840 г. Саид именовался султаном Занзибара и Маската-Омана. Только после смерти Сейида Саида в 1856 г. Занзибарский султанат распался на две части. Преемники Саида в Маскате и на Занзибаре снова провозгласили каждый свой суверенитет.

Сфера влияния султанов Занзибара на восточноафриканском побережье к середине XIX в.

На Занзибаре и в не столь прочной форме в некоторых Приморских районах материка Сейид Сайд установил экономическое и политическое господство сильной

феодалной арабской знати. Социальную и экономическую основу ее могущества составляли огромные землевладения, эксплуатация большого числа рабов, монопольное положение в прибыльной заморской торговле. У правящих кругов Занзибара рано возникло стремление приобщиться к мировому капиталистическому рынку. В свою очередь, и Занзибар с 1840 г. приобрел большое значение для европейского, а частично и для американского торгового капитала.

Еще в 1818 г. некто Салех бин Хамед завез на Занзибар с Молуккских островов гвоздичное дерево. Так был заложен фундамент для выращивания этой культуры, чему условия на Занзибаре благоприятствовали как нельзя более. С самого начала стало очевидным, какие богатства сулит продажа гвоздики заморским фирмам. Султан и значительная часть осевшей на Занзибаре арабской аристократии, поняв все выгоды нового промысла, приняли в нем активное участие.

Позднеродовые сельские общины * (* Терминологическая неточность: родовая, пусть даже позднеродовая, и сельская общины — стадийно разные формы общинной организации. См. также примеч. к с. 89.) и племена коренных жителей островов Занзибар и Пемба были согнаны с плодородных земель и оттеснены в непригодные для сельского хозяйства районы. Впоследствии маскатско-арабская знать, опираясь на местных шеха, джумбе ** (** Ш е х а (от *араб.* «шейх») — деревенские старосты. Д ж у м б е (*суах.*) — сборщики податей и старосты населенных пунктов, превращенные в низовое звено занзибарской администрации. Также обозначение соответствующих низовых территориальных единиц.) или вождей, обложила население более или менее обременительными косвенными налогами и поставками (подушная подать, трудовая повинность, поставки рабов). Среди местных жителей сохранялись поздние формы первобытнообщинного устройства *** (***) Заявление о сохранении поздних форм первобытнообщинной организации несколько упрощает действительную картину: в некоторых районах, особенно на побережье, давно уже существовало раннеклассовое общество.).

Новые аристократы, как правило, владели крупными плантациями гвоздики, кокосовой пальмы и т. д. Земли, с которых были согнаны племена, султан превратил в своего рода феодальные лены и жаловал их аристократам, сначала пожизненно, а впоследствии частично и с правом передачи по наследству. Всего в султанате насчитывалось до 200 крупных плантаций, на каждой произрастало от 2 тысяч до 40 тысяч стволов гвоздики или пальмы. Крупнейшим земельным собственником Занзибара был сам султан Сейид Саид — ему принадлежало 45 плантаций. Так образовалась олигархическая верхушка, извлекавшая доходы из плантаций и таможенного обложения вывозимых и ввозимых товаров. Маскатско-арабская по происхождению, она, кроме того, выделялась среди остального населения своими земельными владениями и богатствами.

На крупных плантациях — шамба * (* См. примеч. к с. 83.) трудились тысячи рабов, доставлявшихся в основном с материка. Посадки гвоздики и кокосовой пальмы на больших плантациях арабских помещиков обрабатывали зависимые люди, так называемые рабы. Во втором поколении они по своему экономическому, социальному и юридическому положению мало чем отличались от феодальных крепостных, т. е. от лично зависимых, недаром на шамбах Занзибара и Пембы основной формой эксплуатации оставалась отработочная рента. На плантациях, которые были связаны с капиталистическим мировым рынком, необходимое в силу этого постоянное увеличение продуктивности не могло быть достигнуто путем роста производительности труда (этому мешали чрезвычайно низкий уровень применяемых технических средств и докапиталистические методы эксплуатации) и обеспечивалось очень высокой степенью эксплуатации и расточительным использованием рабочей силы.

Одним из важнейших источников обогащения правящей верхушки Занзибара и Пембы во главе с султаном служила торговля. Она достигла пышного расцвета, после того как в 30-х годах XIX в. гвоздичные деревья принесли первые богатые урожаи. Занзибар

быстро превратился в важнейший торговый центр Восточной и Центральной Африки. Он стал первым поставщиком гвоздики на мировой рынок. Уже в 1859 г. он ежегодно вывозил гвоздики на 50 тысяч фунтов стерлингов. Большое место в торговом балансе принадлежало также копре, слоновой кости, растительным смолам и каучуку. В отличие от прибрежной торговли товарооборот Занзибара с самого начала основывался на чисто денежных отношениях, здесь деньги полностью вытеснили раковины каури и бусы, еще имевшие хождение в других местностях Африки.

Процветание занзибарской торговли теснейшим образом связано с изменениями социальной и экономической структуры общества на острове и возросшим спросом на дешевые рабочие руки рабов. Феодалная аристократия и некоторые индийские купцы, выступавшие посредниками при вывозе рабов с континента, наживали крупные состояния. Все участники работорговли получали от нее прибыль в 400 процентов, но более всех наживался султан. На каждом доставленном на Занзибар рабе он зарабатывал 2 доллара в виде импортно-экспортной пошлины. По данным его современников-англичан, чистый доход султана от этой торговли достигал 15 тысяч фунтов стерлингов в год.

Не только доставка рабов на Занзибар, но и значительная часть общего товарооборота посреднической торговли находилась преимущественно в руках индийских купцов, пользовавшихся особым покровительством султана Сейида Саида. В первой половине XIX в. их число быстро увеличивалось. Индийские торговцы крупного и среднего масштаба монополизировали скупку и сбыт африканских и частично европейских товаров, причем не только на острове, но и в приморских городах. Здесь, правда, им приходилось делить свою монополию с арабскими и суахилийскими купцами. Многие индийцы подвизались в банковском деле и вели денежные операции. До 1887 г. султаны за соответствующее вознаграждение отдавали на откуп индийским коммерсантам взимание всех таможенных пошлин. Во второй половине XIX в. некоторые аристократы даже были должниками индийских торговых компаний. Но, несмотря на свое экономическое могущество, средние слои индийского населения имели очень незначительный вес в политической жизни. Этому способствовало стремление индийского купечества как можно скорее и с наибольшей выгодой переправлять нажитые на Занзибаре в посреднической торговле капиталы в другие страны, прежде всего в Индию.

Султан Занзибара, рано вовлеченный в мировую торговлю капиталистического характера, в силу своей классово обусловленной «податливости» очень скоро стал игрушкой в руках капиталистических держав, проявлявших все больший интерес к Восточной Африке. В период «свободной» конкуренции торгово-промышленные интересы усиливавшихся в XIX в. промышленных государств Европы и США сталкивались также в Восточной Африке и на Занзибаре. В первой половине XIX в., в правление Сейида Саида, султан Занзибара еще был важной фигурой среди торговых конкурентов. Хотя он давно был связан с интересами Англии, в то время он еще сохранял некоторую свободу действий. Это, несомненно, объясняется тем, что Занзибар был тогда сравнительно сильным феодальным государством, а его правящий класс извлекал на первых порах фантастические суммы из торговли гвоздикой и высоких экспортных пошлин (доходивших иногда до 30 процентов). Но постепенно эти прибыли перешли к чужеземным колонизаторам, а внешнюю торговлю Занзибара захватил иностранный капитал. Запрещение работорговли в 1873 г. капиталистические страны также использовали в своих корыстных торгово-политических интересах, в том числе для максимального развертывания торговли. Последующие султаны опустили до положения марионеток колониальных держав.

Английские, французские, а затем и германские торговые компании еще в начале 30-х годов оценили, какие огромные прибыли может принести систематическая торговля с Занзибаром. Но расширение операций требовало надежного обеспечения торговых и политических интересов, почему эти государства и заключили с султаном договоры о

торговле и «дружбе». Так, с 1850 г. при дворе султана на положении гостей пребывали многочисленные немецкие купцы, в частности из Бремена и Гамбурга (среди них находились и представители фирмы «О'Свальд»), чтобы создать благоприятные условия для дальнейшей деятельности ганзейцев. Подписанный в 1858 г. договор о дружбе, торговле и судоходстве между сенатом ганзейских городов Гамбурга, Бремена и Любека, с одной стороны, и полномочным представителем султана — с другой, предоставлял ганзейцам такие же права и привилегии, как и всем остальным заинтересованным сторонам. После 1868 г. действие договора было распространено на государства Северо-Германского союза, а после 1871 г. — на Германскую империю.

В последние три десятилетия XIX в. обострилось колониальное соперничество капиталистических держав. Открытие Суэцкого канала в 1869 г. увеличило интерес европейских государств к Занзибару, ибо теперь могло быть установлено регулярное судоходное сообщение с островом. Конкуренция между европейскими участниками торговли резко возросла. В эти годы значительно увеличился объем торговли с Восточной Африкой. Все больше предпринималось путешествий и экспедиций с целью прощупывания «колониальных возможностей». Такие люди, как миссионеры Крапф и Ребман, как путешественник Ван дер Деккен, своими действиями объективно подготавливали колониальную экспансию. И в конце концов четко определилось главное направление колониальной политики Великобритании и некоторых колониалистских кругов Германии в Восточной Африке: захват сплошных территорий в качестве колоний. Эти планы прямой аннексии при сохранении косвенного влияния на правящую аристократию во главе с султаном распространялись и на Занзибар.

Проникновение Германии на Занзибар принимало все более осязаемые формы. На остров прибыл первый немецкий консул, Густав Нахтигаль, а в 1884 г. консульство было повышено до ранга генерального. Оно непрестанно сталкивалось с интересами Англии в Восточной Африке, и в обеих странах — Германии и Англии — пыльным цветом расцвел колониальный шовинизм. Только Гельголандский договор от 1890 г. четко разграничил сферы английского и германского влияния, разделив ранее независимый султанат на две части, подчиненные одна английскому протекторату, вторая — германской колонии Восточная Африка.

В этот период еще ярче, чем прежде, проявились компрадорские склонности султана и большей части занзибарской знати: за исключением некоторых районов побережья Танганьики, они почти нигде не оказали сопротивления притязаниям капиталистических держав.

И когда в 1873 г. султан, уступая давлению определенных групп английского капитала, подписал договор о запрещении работорговли, а впоследствии и рабства, который грозил временно ущемить интересы феодальных магнатов, то выраженный ими протест страдал непоследовательностью и никоим образом не был направлен против колониальной и империалистической деятельности. Он всего лишь отображал недовольство многочисленных крупных землевладельцев политикой султана.

4.3. Маскатско-арабское господство на побережье и работорговля

Несколько иначе развивались в это время события на побережье Восточной Африки. Здесь власть султана еще во многом была формальной: его интересовали прежде всего экономический контроль и обеспечение своего монопольного положения в торговле. Недаром одному французскому путешественнику сам Сейид Сайд представился как купец. Многие из посаженных им правителей — ливали и акида * (* **Л и в а л и (суах.) — правитель округа; а к и д а — командир военного отряда, начальник гарнизона.**) — и их военные дружины пытались достигнуть большей политической независимости и вести самостоятельную экономическую политику, и дело нередко доходило даже до небольших стычек с войсками султана. Налоги султану они вносили довольно нерегулярно.

Во многих местах, например в Линди, Суду, Микиндани, султан Сейид Сайд вначале оставил местных правителей, и только при Сейиде Баргаше арабские гарнизоны были подчинены командованию маскатско-арабского губернатора, но и здесь, и в других районах арабская аристократия, в процессе экономической деятельности быстро слившаяся со знатью и купечеством суахили, пользовалась только поверхностным влиянием на окружающие суахилийские общины и вожества. Отдельные ливали, например наместник Пангани или даже Килвы, только номинально осуществляли некоторый контроль над примыкавшими к городу и входившими в федерацию джумбе и вожествами. В основном их власть ограничивалась пределами самих городов. В отличие от Занзибара, где маскатско-арабское влияние возобладало, на побережье во многих областях арабы восприняли нормы жизни суахили. Это происходило не только в культуре, но и в праве. Достаточно сказать, что на материке по-прежнему обязательную силу имело суахилийское обычное право, а не мусульманское, как на Занзибаре. Правда, проникновение маскатских арабов в жизнь побережья способствовало усилению авторитета мусульманского права, и оно стало применяться чаще.

И здесь наместники султана, сам султан и арабо-суахилийские верхние слои городского населения имели в окрестностях городов шамбы, на которых применялся труд «рабов». Но, поскольку природные условия не благоприятствовали разведению гвоздики, крупных плантаций было очень мало. Основой экономического, а следовательно, и политического превосходства арабской олигархии оставались поступления от чрезвычайно прибыльной посреднической торговли, которая начиная еще с периода раннего средневековья служила источником богатства и могущества городов восточноафриканского побережья, являвшихся важными перевалочными пунктами. Их верхи извлекали огромные доходы из таможенных сборов и налогов.

С 1840 г. расположенное напротив Занзибара и Пембы побережье Мрима с городами Багамой, Танга и Садани приобрело особое значение — отсюда снаряжались многочисленные торговые экспедиции арабских, индийских и суахилийских купцов и работоторговцев. Число таких экспедиций, предпринимавшихся арабами в глубь страны, резко возросло в это время благодаря увеличившемуся спросу на слоновую кость и другие товары, которые султанат продавал в Индию и европейские страны, а главное — на рабов для плантаций Занзибара, Пембы, Маската-Омана и некоторых приморских городов. Жителям глубинных районов предлагали хлопчатобумажные ткани, железную и медную проволоку, ружья и порох — последние пользовались наибольшей популярностью. Африканцы в обмен доставляли на побережье слоновую кость, рога носорога, различные натуральные смолы и, конечно, невольников. Только незначительная часть товаров и рабов оставалась в приморье, в основном же их после выплаты соответствующих таможенных пошлин переправляли с помощью индийских и прочих посредников на Занзибар и за океан.

Арабские купцы использовали торговые пути, проложенные африканскими племенами внутренних районов еще сто лет назад. Постепенно сложилось три главных маршрута внутрь материка. Центральный, традиционный, соединял побережье Мрима, в частности город Багамой, с Таборой. Отсюда пути расходились на север — в направлении озера Виктория и Буганды и на запад — к Уджиджи на озере Танганьика. С конца XVIII в. контакты по этим направлениям поддерживали главным образом купцы ньямвези, они же пользовались южными дорогами, которые соединяли область Уньямвези и Уньяембе близ Таборы с Катангой и Замбией.

На торговых дорогах, ведших из Момбасы и Пангани во внутренние области, в том числе в окрестности Килиманджаро и к озеру Виктория, первоначально чаще всего появлялись африканские купцы из племен камба и джагга. Южный путь из Килвы (Танганьика) к озеру Ньяса и отсюда в государство лунда Казембе на озере Мверу открыл арабам торговый народ яо. Первоначально в региональной торговле в основном фигурировали железные топоры, соль и медь. Как показали новейшие исследования, в

начале XIX в. в восточной и центральной частях Африканского материка уже образовалась широкая сеть торговли с дальними странами. Сильное смещение в сторону побережья торговых связей некоторых племен, например ньямвези и кимбу, и продвижение торговых экспедиций арабов в глубинные районы вызвали появление в обороте новых товаров, прежде всего слоновой кости и рабов.

С 1820 г. традиционные торговые связи начали переходить — и чем дальше, тем больше — в руки купцов побережья, особенно арабского происхождения. Они создали свою собственную систему торговли с прочными опорными пунктами и станциями. Резко увеличилось количество караванов с товарами, отправлявшихся в глубь материка. Были открыты и расширены новые пути, торговля на местах активизировалась. В Таборе, центре владений вождя ньямвези в Уньямьембе, и в Уджиджи, на озере Танганьика, выросли арабские селения. Английский путешественник Бёртон, в 1850 г. побывавший в районе Уньямьембе, писал о богатстве мусульманского арабского купечества в Таборе. Здесь же жили индийские и суахилийские купцы. Даже государство кабаки Буганды после 1844 г. оказалось вовлеченным в торговлю арабов с дальними странами.

На первых порах арабские караваны мирно пересекали страну, платили местным правителям и племенам, например того, довольно большие пошлины и обменивали оружие, порох и другие европейские изделия главным образом на слоновую кость. Путем соглашений с отдельными вождями арабские купцы и их доверенные лица установили своего рода разделение труда с местными торговцами и в обмен на свои товары получали от них рабов для переноски грузов к побережью. Участь этих носильщиков была ужасна, многие в пути гибли. Есть доказательства того, что «в благополучные годы только по пути в Багамойо гибло 40 тысяч носильщиков, и все они, за незначительным исключением, были рабами»²⁰.

Но это ничто по сравнению с катастрофическими последствиями, которые имел рост спроса на рабов для продажи их как рабочей силы на рынках приморских городов и Занзибара или для последующей отправки в Маскат-Оман. И в этот период арабские работоторговцы стремились вовлечь в свои коммерческие операции и охоту на рабов местных правителей, поставляя им огнестрельное оружие и порох и тем подстрекая к нападению на соседние племена и деревенские общины и к захвату военнопленных. Хотя во многих районах арабы долгое время в этом преуспевали, они и сами снаряжали военные экспедиции за рабами и совершали набеги на африканские деревни. В результате хорошо оснащенные отряды арабских работоторговцев превратили обширные местности в безлюдные пустыни.

С середины XIX в. оживилась торговля оружием. Десятки тысяч ружей, полученных в обмен на рабов, попадали в руки арабов — охотников за рабами и местных правителей, а те вооружали ими свои дружины. В 1847 г. немецкий миссионер Иоганн Крапф видел караван, направлявшийся от побережья в страну масаев. Он вез около тысячи ружей, его сопровождали вооруженные до зубов солдаты. Правители ньямвези области Уньямьембе в 1883 г., по-видимому, располагали более чем 20 тысячами ружей, зарядившихся с казенной части.

В этих условиях в 70-х и 80-х годах прошлого века многим арабам, промышлявшим охотой на рабов, удавалось сколотить из наемников многотысячные войска и с их помощью направлять в своих интересах политику племенных вождей, а в некоторых районах даже установить свою власть и выйти из подчинения султану. Такую попытку, в частности, предпринял в Уньямьембе Абдуллах бин Насибу, разбогатевший на многолетней торговле невольниками и добившийся превосходства над другими работоторговцами. В Уджиджи купец Муиньи Хери, имея хорошо оснащенную дружину и поставив в зависимость от себя местных правителей — абами, создал плацдарм, с которого успешно совершал набеги на африканцев, в основном на марунгу, живших к юго-западу от озера Танганьика. Султан Занзибара, однако, неоднократно предпринимал шаги к тому, чтобы вернуть под свою опеку эти исключительно выгодные опорные пункты арабов. Так,

Муиньи Хери в 1881 г. пришлось поднять на своей территории флаг султана, что, впрочем, никак не повлияло на его фактически независимое положение.

Беспримерной оставалась, однако, власть арабского торговца рабами и слоновой костью, военного предводителя Мухаммеда бин Хамида по прозвищу Типпу Тип. Этот араб, происходивший из Таборы, контролировал на территории Конго большую область близ водопадов Стэнли. Других арабских конкурентов он устранил. «Типпу Тип пользуется внутри страны безусловной властью, которую поддерживают 3 тысячи его людей, вооруженных ружьями»²¹ — сообщал в 1886 г. своему правительству немецкий консул на Занзибаре.

Мусульманские торговцы первоначально почти не оказывали сопротивления европейским путешественникам, миссионерам, купцам, а также колониальным войскам, которые в это время запленили Африку. Типпу Тип в 1887 г. заключил с Г. Стэнли договор, признававший последнего губернатором государства Конго и предусматривавший совместное ведение незаконной работорговли, теперь для принудительных работ на новых колонизаторов. Однако сотрудничество с европейцами подорвало его позиции. Когда сын Типпу Типа, Сефу, попытался было восстать против колониального владычества бельгийцев, его очень скоро заставили повиноваться. Так бесславно закончился этот период истории Восточной Африки, вызвавший очень многообразные, глубокие процессы и в социально-экономической и в политической жизни.

Работорговля, под влиянием внешних и внутренних факторов снова активизировавшаяся в XIX в. усилиями арабской аристократии, охота за рабами и связанные с ней войны между африканскими вождями, несомненно, угрожали самому существованию многих народов восточной части Африканского материка, несли им усиление эксплуатации, горе и регресс. Разрушительных последствий охоты за рабами избежали лишь те племена, которые благодаря достигнутому ими уровню общественного развития могли защищаться или сами участвовали в работорговле.

Однако следует учитывать, что европейские путешественники, миссионеры и купцы в своих отчетах, которые во множестве появились во второй половине XIX в., а также колониальные ведомства европейских держав в соответствующих документах сознательно преувеличивали масштабы торговли арабов, их жестокость, чинившиеся ими зверства. Движение за отмену рабства, отражавшее сначала экономические интересы фритредерства, прежде всего английского, на пороге эры колониализма приобрело новую окраску, оно должно было способствовать распространению легенды о «гуманной» миссии колониальных держав Европы, которые якобы освобождают народы Восточной и Центральной Африки от язвы арабской работорговли.

Маскатско-арабское господство, прямо или косвенно связанное с европейской торговлей и возродившее чрезвычайно тяжкие формы зависимости — рабство и работорговлю, почти с самого начала несло в себе реакционные черты. Тем не менее расширение торговых связей и увеличение числа опорных пунктов имели последствия, которые оказали положительное влияние на общественное развитие многих народов Африканского материка. Это проявилось прежде всего в оживлении местных рынков некоторых районов и во введении в африканское земледелие новых видов полезных растений. Кроме того, действия арабов, вызывавшие сопротивление африканских племен, кое-где служили косвенным стимулом к образованию ранних государственных объединений. В первую очередь это относится к ньямвези, жившим к югу от озера Виктория, на северо-западе современной Танзании.

4.4. Племенной союз ньямвези и другие племена восточной части Африканского материка

Ньямвези прослеживаются начиная с XVIII в. в центральной части Уньямьембе (впоследствии Табора). Их контакты с ранне-государственными объединениями, прежде всего с государством Буньоро в Межозерье, трактуются буржуазной литературой как «миграция институтов власти» (Р. Оливер). При этом забывают, что образование институтов союза племен или раннефеодального государства ньямвези и сукума сопровождалось важными социально-экономическими изменениями во внутренней жизни. К сожалению, сейчас еще нет бесспорных доказательств, что это объединение продолжало традиции существовавшего в XVII в. одновременно с Мономотапой государства Монёмуги, о котором сообщает голландский путешественник Датгпер.

Надежные данные указывают, однако, на то, что с начала XIX в. существовал непрочный союз владений различных племенных вожеств (нтеми), где, судя по многим признакам, первобытнообщинный строй достиг стадии разложения. Об этом говорят наличие военной дружины, отделение торговли от сельского хозяйства, образование особого слоя купечества, а также аристократии, укреплявшей свои экономические и политические позиции. К этому времени ньямвези контролировали многочисленные торговые пути к побережью и внутри страны, в частности ведущие на север, к озеру Виктория, и к озеру Мверу в Катанге. Ньямвези поставляли носильщиков для караванов, отправлявшихся из Центральной Африки и Буганды к побережью.

Доходы от контроля над торговлей и торговыми путями, т. е. налоги и плата за прохождение по территории, а впоследствии и от участия в торговле слоновой костью и невольниками способствовали упрочению позиций правящего слоя населения. Вожди вели торговлю на свой страх и риск и сами снаряжали караваны и экспедиции за слоновой костью и — под давлением и влиянием арабских работорговцев — для захвата военнопленных. В этих предприятиях они опирались на свои привилегии и раннегосударственный аппарат власти. Вождь, обладая правом использовать все возрастные классы, включавшие трудоспособных молодых мужчин, и возлагать на жителей трудовую повинность, существовавшую пока в зачаточных формах, всегда имел в своем распоряжении достаточное число носильщиков для караванов и сопровождавшей их охраны. Путешественники И. Крапф и Р. Бёртон наблюдали караваны ньямвези из 200, а то и 500 и даже из 1000 человек.

Изменения произошли и в области права, которое во все большей мере отражало интересы формирующейся центральной власти и купечества. На севере Уньямвези складывалась исключительно мирная обстановка, которая особенно благоприятствовала развитию торговли. Власть вождя и верховного вождя зависела, с одной стороны, по-прежнему от свободных людей племени, особенно воинов (они давали согласие на наследственное управление определенного семейства), с другой — от раннегосударственного аппарата власти, являвшегося выражением политического могущества и богатства аристократии. Особая прослойка военной знати была развита довольно слабо.

Между ньямвези и арабскими купцами, которые продвигались от побережья и в 1852 г. основали поселение в области Уньямьембе, сначала установились дружеские отношения, но очень скоро они уступили место серьезным конфликтам. Возраставшее экономическое влияние арабских и индийских купцов шло вразрез с интересами торговцев и вождей ньямвези. Необходимость защищаться от арабов, оказывать им отпор требовала создания раннегосударственного союза. Под воздействием этих внешних факторов и дальнейшего расслоения общества ньямвези на территории некоторых племен, например в Уньямьембе, в середине XIX в. происходило дальнейшее укрепление раннегосударственных институтов. При правителях областей Уньямьембе и Урамбо Фундикире (1830—1848) и Мирамбо (1870—1886) союз родственных племен ньямвези и сукума достиг своего расцвета.

Мирамбо укрепил свою власть над отдельными племенами, ввел регулярную систему налогов и податей, сосредоточил высшую юрисдикцию в руках центрального

управления, т. е. главного вождя. Из молодых воинов, предоставлявшихся в его распоряжение некоторыми вождями племен, а также из беглых рабов, носильщиков, погонщиков слонов, наемников, принадлежавших к воинственным племенам нгони (их называли руга-руга), он создал сильное войско. С середины XIX в. оно было вооружено современными ружьями, купленными на побережье у арабов и индийцев. В 1876—1880 гг. Мирамбо контролировал главные торговые пути, ведущие на северо-запад, в Карагве и Буганду, и взимал пошлины с караванов, шедших этими путями в Уджиджи на озере Танганьика. Его столица Урамбо стала важнейшим центром торговли, иногда затмевавшим Уньямьембе (Табора), где господствовали арабы, а вожди ньямвези выступали в роли марионеток.

И все же Мирамбо так и не удалось полностью устранить экономическое и политическое влияние арабских купцов. Задуманная им административная реформа застопорилась в самом начале. Отрицательные последствия имели и установленные некоторыми вождями прямые или косвенные контакты с арабскими работоторговцами. Эти вожди предпринимали набеги на соседние племена и деревни, чтобы захватить рабов и затем обменять на огнестрельное оружие, доставлявшееся из Занзибара. Мирамбо и сам переселял жителей побежденных племен и деревень в особые «рабские» поселки, которые превратились в новую экономическую опору верховной власти.

На такой же базе основывались небольшие государства, созданные одно вождем Сонгоро на южном берегу озера Виктория, другое — суахилийским торговцем слоновой костью из Килвы по имени Матимула на восточном берегу озера Танганьика. Даже Мсири из Казембе происходил из семьи вождей Уньямьембе, занимавшихся торговлей.

С 1870 г. Мирамбо вел открытую борьбу против господства арабов в Таборе, не раз побеждал их наемные войска и договором от 1876 г. обязал их платить ему пошлины и дань. Таким образом, организованный Мирамбо союз племен ньямвези энергично воспротивился продвижению арабов на континент.

Соперничество с арабами объясняет, почему Мирамбо так явно симпатизировал появившимся в это время европейским миссионерам и исследователям, бывшим предвестниками колониального покорения Африки империалистическими державами. Первоначально ньямвези поддерживали германский колониализм, но действительность вскоре лишила их иллюзий, особенно кровопролитные акции, в результате которых в 1892 г. ньямвези пришлось покориться. При этом немецкие колониальные войска использовали центробежные тенденции внутри раннегосударственного объединения ньямвези и с помощью отдельных второстепенных вождей, введя войска якобы для их защиты, принудили верховного вождя Сике с его дружиной признать свое поражение. Так погиб прогрессивный раннегосударственный союз племен на северо-западе современной Танзании.

Накануне колониального порабощения Восточной Африки европейцами ее народы находились на самых различных ступенях общественного развития. В известной мере это объясняется не только пагубными последствиями охоты арабских торговцев и правителей за рабами, но и военными походами нгуни, предпринимавшимися с территории зулу. С 1835 г. нгуни, к которым присоединялись многие вооруженные воины других племен, переходили на другой берег Замбези. Одни из них оседали там, где ныне находятся Малави и Замбия, другие с боями пробивались к озеру Виктория.

Однако не только внешние обстоятельства заставляли приходиться в движение племена, жившие в восточной части Африканского материка. В XIX в. внутренние стимулы толкали многие народности к тому, чтобы, ломая первобытнообщинные устои, образовывать раннегосударственные объединения. Такие явления, правда в начальной стадии, происходили у кикуйю и камба в Центральной Кении и у кочевников-скотоводов масаев. Пастухи-масаи контролировали огромную область — от нынешних Кисуму и Найроби на севере до Аруши и далее до Кимали на юго-западе. Организация по территориальному принципу подрывала родовой строй. Систематические военные походы

и захватнические набеги масаев имели своим следствием выделение частной собственности на скот, что привело к усилению имущественного неравенства. К захвату чужих земель и иноплеменной рабочей силы масаи в то время еще не стремились.

С начала XIX в. вожди джагга, живших в районе Кибошо и Моши у подножия Килиманджаро, прилагали усилия к расширению своего экономического и политического влияния. В 1860—1880 гг. около 30 самостоятельных вожеств хехе в Центральной Танзании признали верховенство правителя Муньигумбы.

Эти социальные факторы повлияли на сопротивление немецким колонизаторам, которые с 1884 г. устремились в глубь Африки.

5. Эфиопия в XIX в.

В начале XIX в. от центральной власти в Эфиопии оставалась лишь бледная тень. Уже давно в стране не было общепризнанного негуса негест. Между княжествами Тигре, Шоа, Амхара и Годжам непрестанно шла борьба за преобладание. Эфиопия являла собой картину феодального хаоса и военных неурядиц.

В этот период капиталистические державы Европы снова стали проявлять живой интерес к истокам Нила и к Эфиопии. После неудачного опыта португальцев ни одно европейское государство не пыталось вмешиваться в ее внутренние дела. В первой половине XIX в. положение резко изменилось. На землях Африки появились ученые, географы, путешественники, миссионеры из Франции, Великобритании, Германии, предвещая эру новых колониальных начинаний капитализма. После завоевания Адена в 1839 г. Великобритания прочно утвердилась у южного выхода из Красного моря и попыталась распространить свой косвенный контроль на Северную Эфиопию, заключая для этого договоры с отдельными князьями, например в 1841 г. с правителем Шоа.

Однако планы английских колонизаторов были перечеркнуты расом Каса (став впоследствии императором, он принял имя Феодора II, 1855—1868), который снова подчинил княжества сильной центральной власти. Рас Каса был незначительным князем из провинции Гондэр. Опираясь на мелких феодалов, он добился того, что в Аксуме был коронован императором. Вскоре ему удалось произвести реорганизацию войска и подчинить своей верховной власти княжество Шоа на юге страны, Тигре и Амхара — на севере. Он нанес поражение воинственным кочевникам галла и приступил к осуществлению широкой программы военных, административных и правовых реформ, имевшей своей целью укрепление центральной власти. Феодалов император лишил права иметь собственные вооруженные силы. Провинции были разделены на округа и подчинены губернаторам, которых назначал и смещал сам Феодор II. Он боролся против засилья духовенства в экономике и политике и ограничил огромные земельные владения, принадлежавшие церкви. Вся налоговая система была централизована и упрощена. Феодор II перенес свою резиденцию из Гондэра в Дебра-Табора, а позднее в город Магдала на восточной окраине плоскогорья.

Объединение Эфиопии противоречило колониальным планам Англии, тем более что Феодор II сознательно проводил антиколониальную политику. Великобритания попыталась добиться своего, поощряя внутренних врагов императора. Значительная часть духовенства и феодалов восстала против «тирана» Феодора II. Император был вынужден постоянно воевать против феодалов и предпринимать походы для подавления их мятежей. Беспорядки в стране вели к ухудшению экономического положения крестьян и арендаторов, знать же умело направляла их недовольство против центральной власти. Арест английского консула Камерона и еще нескольких европейцев дал Великобритании долгожданный повод направить в Эфиопию военную экспедицию. В 1867 г. 15 тысяч солдат британской армии ожидали в порту Зейла сигнала, чтобы напасть на Эфиопию. Все попытки Феодора II уладить конфликт мирными средствами Англия отклонила. В 1868 г.

английские войска осадили крепость и царскую резиденцию Магдала. Феодор II покончил с собой.

Четыре года спустя при поддержке англичан на трон вступил под именем Иоанна IV рас Тигре (1827—1889). В его правление влияние англичан усилилось еще больше. Иоанн IV великодушно освободил английские товары от таможенного обложения, предоставил англичанам концессии на разведение хлопчатника, кофе и индигоферы. Как верный союзник Великобритании, Иоанн IV даже участвовал в походе против суданских махдистов, продвинувшихся до Гондэра. В ходе этой военной кампании Иоанн IV погиб (1889).

Этим печальным событием закончилось соглашательство правящего дома по отношению к проискам капиталистов в Эфиопии. В эти годы империалистические державы вели энергичное наступление на африканское побережье Красного моря, на Эритрею и Сомали. Порт Массауа стал итальянским владением, и в результате Эфиопия оказалась отрезанной от Красного моря. Когда в 1895—1896 гг. итальянские колониальные войска попытались оккупировать Эфиопию, они встретили героическое сопротивление эфиопских войск под командованием нового императора, Менели-ка II, и одержанная им победа в битве при Адуа стала для всей Африки символом успешной борьбы за независимость.

6. Мадагаскар

История Мадагаскара, одного из крупнейших островов мира, расположенного у восточного берега Африки, представляет большой интерес. Еще и сегодня население Мадагаскара в языке, обычаях, быту и культуре имеет много общего с жителями отдаленной Индонезии. Это относится в первую очередь к племенам мер-на и бецилео, обитающим в центральной части острова.

Сведения о древней истории Мадагаскара носят весьма гипотетический характер.

Предполагают, что первые жители, покинувшие свою первоначальную родину в поисках новых торговых связей и опорных пунктов, достигли Мадагаскара между V и VIII вв. н. э. Возможно, что в последующие столетия индонезийцы предпринимали в больших лодках аналогичные плавания. Они использовали для этой цели время муссонов, проходящих через северные районы Индийского океана, вдоль берегов Индии, южной части Аравийского полуострова, Сомали и севера Мадагаскара. Арабский географ Идриси писал, что жители Суматры совершают плавания в страну Зандж (Восточная Африка) и понимают язык ее людей. Он имел в виду насельников острова Кумр, впоследствии называвшегося Мадагаскар. Мадагаскара удавалось достигнуть и потерпевшим кораблекрушения мореплавателям из других регионов Юго-Восточной Азии. Западный берег острова испокон веков притягивал переселенцев с материка, говоривших на суахили.

Первые сообщения о Мадагаскаре оставили султаны Килвы* (* **Первые упоминания Мадагаскара встречаются уже у арабских авторов X в., именующих его ал-Кумр.**), время от времени захватывавшие расположенный поблизости небольшой Коморский архипелаг. Но тогда остров не представлял интереса для арабо-суахилийских купцов.

Устные исторические предания, относящиеся к этому периоду, чрезвычайно противоречивы. Тем не менее они позволяют установить, что объединение племен мерна и более позднее государство Имерина в зачаточной форме сложились в центральной части острова и уходят своими корнями к началу XVI в., когда португальцы еще не появлялись. В XVI и XVII вв. правители государства Имерина уже защищали свою власть от посягательств династических соперников и боролись против внутрифеодальных междоусобиц. В эти же столетия бецимисарака на восточном побережье, бецилео на центральном нагорье и сакалава образовали первые крупные племенные союзы. В

середине XVIII в. государство сакалава занимало наибольшую площадь — одну треть территории острова. Завоеванные им земли были превращены в своего рода лены, которые получали члены правящей династии. Основу могущества правителей сакалава составляла торговая монополия.

Португальцы посещали Мадагаскар, но не основывали здесь поселений. Открыт остров был случайно: буря прибила к его берегу индийский корабль под командованием капитана Диего Диаша. Он назвал новую землю островом Святого Лаврентия.

В середине XVII в., когда между Англией, Францией и Нидерландами происходила ожесточенная борьба за господство в Индийском океане, на южном берегу острова высадились французская экспедиция и заложила здесь селение Форт-Дофин. Это название — единственное напоминание о попытках французов обосноваться на Мадагаскаре, предпринимавшихся в 1642—1674 гг. Людовик XIV и Кольбер разрабатывали планы освоения острова. Французская Ост-Индская компания высадила на его землю большую группу поселенцев, но их попытки проникнуть внутрь острова натолкнулись на яростное противодействие местного населения. В 1674 г. борьба закончилась тем, что поселения французов были уничтожены. Они и в XVIII в. пытались обосноваться на острове, но тоже безуспешно, и тогда объектами их колониальной политики стали острова Маврикий, покинутый голландцами в 1712 г., и Бурбон (впоследствии Реюньон). Разбитые там кофейные плантации обрабатывали рабы, доставлявшиеся не только с восточноафриканского побережья, частично через опорные пункты португальцев, но и с восточного берега Мадагаскара. В 1812 г. на острове Бурбон насчитывалось около 14 тысяч рабов-малагасийцев.

В конце XVIII в. Нампоина (1787—1810) объединил раздробленное государство Имерина. К своим коренным владениям вокруг Тананариве он присоединил огромные районы острова и подчинил себе все мелкие племенные и государственные объединения. Даже королева Сакалава — Равахини (1770 — 1808) была вынуждена признать верховенство государства Имерина. Изданные Нампоиной указы — они назывались «кабарис» (букв. «воззвания») — были направлены на урегулирование государственного устройства. Основной единицей общественной жизни являлись пользовавшиеся самоуправлением сельские общины, которые уже в XVII в. располагали довольно совершенными оросительными системами. Общины составляли часть государственной системы зависимости, которой руководила каста аристократов — земельная, и служилая знать. Вельможи пользовались привилегией взимать налоги с жителей нескольких сельских общин и вершить над ними суд. Ремесла и торговля с дальними странами процветали, на рынках царил оживление. Главным из этих торгово-ремесленных центров был Тананариве. Радама I (1810—1828) присоединил почти всю территорию острова к своему государству, которое теперь официально называлось Королевство Мадагаскар.

Радама I испытал новый натиск европейских держав. В 1810—1819 гг. Великобритания заняла построенные тем временем новые опорные пункты на восточном берегу Мадагаскара. Побуждаемый старинной враждой к французам, не понимая, сколь вероломна политика ведущих капиталистических держав, Радама I сам поручил Англии реорганизацию своей армии, согласился заключить с ней договор о торговле и допустить в страну миссионеров Лондонского миссионерского общества. Взошедшая после него на престол Ранавалона I (1828—1861) употребила свое продолжительное правление на то, чтобы освободиться от влияния капиталистов. Она запретила малагасийцам принимать христианство, а жившим на острове европейцам — вести торговлю во внутренних районах острова, обязала их следовать законам Мадагаскара. В ответ объединенная англо-французская эскадра в 1845 г. обстреляла приморский город Таматаве. Но англо-французский десант потерпел поражение. Чтобы избавиться от необходимости ввозить из-за моря оружие и боеприпасы, королева привлекла французского предпринимателя и авантюриста Жана Лабурда, чтобы тот организовал на Мадагаскаре их изготовление. В

Тананариве были построены домна и несколько кузнечных мастерских, где работали малагасийцы.

Король Радама II благоволил к иностранным купцам, посланцам и миссионерам. Опять начала функционировать миссионерская школа Лондонского миссионерского общества. Но вскоре после восшествия на престол, в 1863 г., Радама II был убит во время народного восстания. Последующие правительницы выполняли указания своих мужей премьер-министров. В период между 1863 и 1896 г. — в этом году произошло кровопролитное «умиротворение», острова французским генералом Галлиени и его экспедиционным корпусом — на Мадагаскаре происходили важные изменения. Усилилось давление извне со стороны капиталистических держав, прежде всего Франции, и, несмотря на лавирование правящей знати, Мадагаскар шаг за шагом терял свою независимость.

Тогда же на Мадагаскаре возникли капиталистические отношения. Появились, в основном на базе иностранного капитала, небольшие промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. В сельском хозяйстве совершился переход к выращиванию экспортных культур. Общины, долго являвшиеся устойчивыми экономическими и социальными единицами, медленно распадались, в деревне усиливались классовые различия. Глубинные процессы экономических преобразований и возникновения новых классов и слоев населения были дополнены реформами администрации — они ограничили могущество феодальной знати — и образования. В 1881 г. в центральных районах королевства Имерина было введено обязательное обучение детей от 8 до 16 лет. С помощью миссий было открыто 2 тысячи школ. Дети из привилегированных слоев населения получали образование за границей, преимущественно во Франции. Появилась первая отечественная интеллигенция. Стали выходить газеты и журналы на малагасийском языке.

С начала 80-х годов отношения между Мадагаскаром и Францией ухудшились. Французский капитал уже не довольствовался косвенным влиянием на жизнь острова, и капиталистическая Франция начала готовиться к полной аннексии Мадагаскара.

7. Подготавливали ли христианские миссионеры и путешественники почву для колонизаторов?

Миссии играли важную роль в деле укрепления позиций капиталистических держав в Африке в XIX в. После временного затишья в XVIII в. они выступили как истые предшественники колониальных держав, стремившихся к территориальным захватам. Хотя сами миссии неизменно отрицали какую-либо связь с колониальной политикой, с середины XIX в. они всей своей систематической деятельностью объективно и субъективно подготавливали колониальное завоевание и организованное угнетение африканцев монополистическим капиталом. Миссии не только поддерживали проникновение португальцев в государство Конго, не только оправдывали варварскую работорговлю, но и сами в ней участвовали. В XIX в. они прокладывали капиталистическим промышленным странам путь к полному покорению всей Африки. Борьба за души, приобщавшиеся к христианской вере, сопровождалась первыми шагами колонизаторов к укоренению в экономике и политике африканских стран.

Это бесспорный факт, хотя отдельные миссионеры субъективно действовали честно и им принадлежат большие заслуги, особенно в обучении и образовании местных жителей, в исследовании общественных отношений и языков африканских народов. Можно также привести несчетное множество примеров, когда миссионеры бесстрашно критиковали и порицали жестокий гнет, который нес с собой наступавший колониализм. Миссионеры, в частности, выступали против крайностей рабовладения в Южной Африке на занятой бурами территории, против кровопролитного подавления восстаний коса и зулу. Однако подобная критика исходила лишь от отдельных лиц и касалась только

некоторых методов колониальной экспансии, а отнюдь не самого существования колониального завоевания и порабощения африканских народов. Домонополистический капитализм XIX в. еще позволял миссиям, особенно протестантским, проявлять некоторый либерализм, провозглашая «равенство» всех рас и народов, и стремился скрыть истинные намерения колонизаторов под маской «веры для всех». Однако впоследствии, даже до окончания этого периода, все экономические, политические, а главное, духовно-культурные начинания миссий были подчинены целям колониальных держав и стали неотъемлемой частью их системы.

Это в равной мере относится к представителям как католической, так и евангелической церкви.

С середины XIX в. активизировали свою деятельность в некоторых регионах Тропической Африки католические миссии. В 1848 г. Общество Святого духа, основанное до того времени свои опорные пункты на Антильских островах, на острове Реюньон и в Сенегале, объединилось с другими отделениями католической миссии. Новая организация направляла «отцов Святого духа» в район Сенегала, в Габон и в Нижнее Конго. Страны Гвинейского залива были полем деятельности многочисленных миссионеров из Лионской африканской миссии, учрежденной в 1854 г., а с 1868 г. с необычайной энергией основывали миссионерские станции, например в Восточной Африке, «белые отцы» кардинала Лавижери * (* Ш. Лавижери (1825—1892) — кардинал, основатель католического миссионерского ордена Белых отцов, специально предназначенного для пропаганды католицизма в Африке (1868)).

С конца XVIII в. широко распространились созданные в Великобритании миссионерские общества протестантов. В 1792 г. было создано Лондонское миссионерское общество, которое уже в 1803 г. направило своих представителей в Южную Африку, чтобы просвещать койсаноязычное население. Излюбленной ареной действий общества стали также Мадагаскар и Западная Африка. В XIX в. в организации миссионерских станций, школ и хозяйственных предприятий участвовали Базельская миссия, Северогерманское миссионерское общество в Бремене, Рейнское миссионерское общество в Бармене и многие другие.

Миссионерские общества XIX в. первоначально представляли собой крупные капиталистические предприятия, и только в конце столетия монополистические концессионные компании устранила эту невыгодную для колонизаторов конкуренцию и возложили на миссии иные задачи.

При финансовой поддержке торгового и промышленного капитала были основаны торговые миссионерские общества, располагавшие собственными судами. Евангелические миссии с особым рвением занимались этой выгодной деятельностью и не меньше других купцов обогащались за счет неэквивалентного обмена товарами с африканцами. Миссии создавали ремесленные предприятия, разводили культурные растения и основывали огромные плантации. Здесь они часто выращивали новые для Африки культуры (в Гане, например, какао-бобы, в Уганде — хлопчатник) и осваивали производство их в капиталистических формах. Работали на плантациях выкупленные бывшие рабы и посаженные на землю воспитанники миссий. Некоторым миссиям принадлежали огромные земельные угодья, в частности в Южной и Юго-Западной Африке. Их пионерская деятельность в сельском хозяйстве, несомненно, имела большое положительное значение.

Другой отраслью деятельности миссий было школьное обучение. В рассматриваемый период евангелические миссии, особенно методисты и пресвитерианцы, создали в торговых центрах Сьерра-Леоне, Либерии, Золотого Берега и Нигерии довольно широкую сеть школ. В других странах Африки школы насчитывались единицами, исключение составляли начальные и ремесленные училища в Южной Африке, предназначенные в основном готовить рабочих для миссионерских предприятий. Только к концу столетия школьное дело стало играть первостепенную роль в деятельности миссий

на территории всей Африки. Этим был сделан еще один шаг к использованию миссий в империалистических интересах колониальных держав.

XIX век вошел в историю как век географических и этнографических открытий и исследований Африканского континента. Уже с конца XVIII в. в порядке подготовки к колониальным захватам производилось систематическое изучение внутренних районов Африки. Но, повторяю, вольно или невольно экспедиции подготавливали путь к установлению колониального господства. Многие исследователи в своих путешествиях и изысканиях испытывали невероятные лишения и страдания, часто подвергаясь смертельной опасности, проявляли самоотверженность и героизм. К тому же до 1870 г. их экспедиций только частично финансировались кругами, заинтересованными в колониальной политике.

Они считали себя первооткрывателями еще мало известного в Европе континента. Некоторые из их отчетов и сообщений, далеко не равноценных по своим достоинствам, содержали важные научные сведения. Сюда относятся материалы по географии, геологии, климатологии и экономике, чрезвычайно интересные описания историко-этнографических условий, характеризующие общественное развитие отдельных народов Африки. Часть этих исследователей тогда не была заражена расистскими и геополитическими теориями, оправдывающими колониальные завоевания. В этнографии пользовались большой популярностью эволюционные идеи, признававшие достижения и способность к прогрессу неевропейских народов, в том числе и африканцев. Эпоха братьев Гумбольдт * (* Братья Вильгельм (1767—1835) и Александр (1769—1859) фон Гумбольдты — видные немецкие ученые. Александр фон Гумбольдт — один из крупнейших естествоиспытателей прошлого века, автор многих исследований по географии, биологии, ботанике, климатологии, геологии и другим отраслям науки. Участник экспедиции в Южную Америку в 1799—1804 гг.; обследовал огромные пространства в бассейнах рек Ориноко и Амазонки.) еще не миновала окончательно.

И тем не менее их открытия и исследования, даже если они предпринимались не по прямому заказу колониальных держав и заинтересованных в колониях кругов, служили подготовке начинавшейся в ту пору колониальной экспансии и империалистического порабощения народов Африки. Первоначально организатором многих экспедиций было функционировавшее с 1788 г. британское Африканское общество по изучению внутренних районов Африки. Позднее в аналогичной роли выступали французское Географическое общество, основанное в 1821 г., и с 1878 г. немецкое Африканское общество.

Прежде всего необходимо было получить надежные и достоверные данные о глубинных территориях континента. Чтобы расширить торговые связи, наладить добычу сырья, найти новые рынки сбыта, надо было точно знать, куда текут реки, каков уровень общественного развития африканского населения, возможно ли подвергнуть его капиталистической эксплуатации. Нельзя было терять время. Часто различные общества и разные государства одновременно организовывали экспедиции с аналогичными задачами. Стоявшая за ними торговая и промышленная буржуазия связывала с этими путешествиями определенные надежды.

В первую очередь попытались разгадать тайну Нигера, проследить его течение. Судовой врач шотландец Мунго Парк с 1795 г. дважды предпринимал по заданию британского Африканского общества путешествия в район Нигера. Он дошел до водопадов около Бусы, но в 1806 г. жизнь его оборвалась, прежде чем он достиг нижнего течения и устья Нигера. Только через 25 лет братья Лендеры смогли точно описать течение Нигера. До этого Аудни, Денем и Клатгпертон, не говоря о других, менее значительных путешественниках, проникли в цветущие центры мусульманских государств Борну и Сокото. Рене Кайе в одиночку совершил труднейший переход и в 1828 г. переодетым проник в таинственный город Томбукту. Французское Географическое

общество оказало ему по возвращении на родину торжественный прием и высоко оценило его труды.

В 1849 г. британское правительство, в свою очередь, предоставило большие средства для нового путешествия в северные районы Нигерии и среднего течения Нигера. В этой экспедиции участвовал приват-доцент Берлинского университета Генрих Барт. Он привез исключительно ценные материалы о своих путешествиях по Судану, точнее, по областям, лежащим между Борну и Томбукту. С 1850 по 1856 г. Барт нанес на карту реки Бенуэ, Шари и Логоне. Наряду с ценной естественнонаучной информацией Барт собирал рукописи — в Томбукту, например, он открыл хронику «Тарих ас-Судан», относящуюся к XVII в., — и записал устные предания об истории некоторых народов Центрального и Западного Судана. Таким образом Барт пополнил представления европейцев о культуре и истории африканцев новыми открытиями, но в капиталистических государствах они очень скоро были преданы забвению.

Этот выдающийся исследователь, в равной степени интересовавшийся археологией, географией, историей и естественными науками, в то же время был агентом британского правительства ч крупных торговых компаний. Его отчеты изобиловали указаниями, где на Нигере удобно устроить торговые базы, он настойчиво рекомендовал насильственно вводить монокультуры. Барт не скупился на рекомендации колонизаторам. Англии, например, он советовал привлечь правящую аристократию раннефеодальных государств и племенных союзов африканцев к сотрудничеству — впоследствии оно и в самом деле принесло свои плоды. Барт никоим образом не был бескорыстным, далеким от политики ученым и гуманистом, каким его изображает буржуазная литература, особенно авторы из ФРГ, тщящиеся доказать «антиколониальные традиции» Германии (Р. Италиандер, Г. Шифферс). Хотя политические и идеологические воззрения Барта были противоречивыми и незрелыми, он явно оправдывал политику колониального влияния и захватов. Так, Барт заявлял, что его обязательная задача «доказать этим грубым детям природы превосходство духовного воспитания»²². В другом месте он называет некоторых африканцев «дикими народностями».

Генрих Барт ясно показывает нам предел, дальше которого не может развиваться прогрессивная буржуазная наука, ибо «бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»²³. Карл Маркс в это время слышал звуки похоронного колокола, звонившего по научной буржуазной политической экономии. Но это был погребальный звон и по всем остальным буржуазным общественным дисциплинам и теориям.

Замбези — вторая река, которая рано вызвала особый интерес исследователей и заставила их пробиваться в глубь Африки. Шотландский врач и миссионер Лондонского общества Дэвид Ливингстон в 1846 г. вышел в путь с миссионерской станции в Бечуаналенде. Десять лет потратил он на исследование бассейна верховьев и восточной части Замбези. Здесь он открыл самые большие водопады Африки, которым дал имя английской королевы Виктории. Тогда же Ливингстон впервые пересек Центральную Африку от портового города Луанда в Анголе до Келимане на берегу Индийского океана* (* Первыми пересекли Африканский континент с запада на восток и в обратном направлении ангольские купцы-мулаты («помбейруш» — мн. ч. от «помбейру») Перу Жуан Батиста и Анастасиу Жозе в 1802—1814 гг. Вообще же следует иметь в виду, что все европейские путешественники XVIII и XIX вв. шли, как правило, по дорогам, задолго до того проложенным самими африканцами и хорошо африканцам известным. Да и само путешествие помбейруш, строго говоря, лишь первое, о котором достоверно известно.). Во время второго путешествия (1858— 1864) он исследовал озеро Ньяса. Третья экспедиция привела Ливингстона к озерам Мверу и Бангвеулу и к верховьям Конго, где он еще не бывал. В 1869 г. он переправился через озеро Танганьика и достиг арабского поселения Уджиджи. Здесь он встретился с Генри Мортонем Стэнли, который по

поручению газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» разыскивал его. Умер Ливингстон 1 мая 1873 г., когда занимался поисками истоков Нила.

Английская корона, Королевское географическое общество и многие другие учреждения оказывали Ливингстону великие почести. Казалось, нет предела восхищению «добрым доктором», который в своих книгах изображал арабских работорговцев злодеями** (** Насмешливый тон по отношению к Дэвиду Ливингстону вряд ли уместен. В советской литературе давно признано, что путешественник был подлинным бескорыстным гуманистом, горячо и мужественно защищавшим достоинство и равноправие африканцев. Поэтому он активно боролся с арабской работорговлей (так же как и с португальской). И менее всего Ливингстон повинен в захватнических аппетитах британских колонизаторов, использовавших научные результаты его путешествий в своих целях.). Его усилиями движение либеральной английской буржуазии за запрещение рабства одержало еще одну победу. В действительности же под прикрытием борьбы с рабством промышленный капитал подготавливал империалистический раздел Африки. Труды Ливингстона служили буржуазии необходимым «иллюстративным материалом».

В середине XIX в. европейские путешественники еще не знали истоков Нила. Не были идентифицированы и Лунные горы, известные по карте Птолемея * (* «Лунные горы» на карте Клавдия Птолемея, по-видимому, отражали какие-то неясные сведения о горных массивах африканского Междоузья.). Экспедицией Бёртона и Спика, отправившейся из Занзибара в 1857 г., начался новый период исследования Восточной Африки в поисках истоков Нила. Следуя из Удждиджи, они достигли озера Виктория. Только в 1862 г., уже во время второго путешествия Спика, предпринятого вместе с Грантом, путешественники установили, что Белый Нил вытекает из озера. Здесь они встретились с шедшим из Хартума С. Бейкером. Оказалось, что Нил мощным водопадом низвергается из озера Виктория. В конце 70-х годов были обследованы течения Нигера, Замбези, Нила и Конго.

На этом закончилась эра открытий, подготавливавших колониальное завоевание континента. Началась борьба за раздел Африки. Многочисленные экспедиции во внутренние районы получали теперь далеко идущие полномочия на основании опорных пунктов и станций, на заключение надувательских «договоров» с отдельными правителями и вождями. Де Бразза, Стэнли, Рольфс, Нахтигаль** (** Де Бразза, точнее, П. Саворньян де Бразза (1852—1905) — французский морской офицер, исследователь Экваториальной Африки и колониальный администратор. Г. Стэнли (1841—1904) — англо-американский путешественник, исследователь бассейна реки Конго, содействовал захвату бельгийскими колонизаторами территории современного Заира («Свободное государство Конго»). Г. Рольфс (1831—1896) — немецкий исследователь Северной Африки и Сахары, в 1885 г. — генеральный консул Германской империи на Занзибаре. Г. Нахтигаль (1834—1885) — немецкий исследователь Центрального Судана и Восточной Сахары, впоследствии колониальный администратор в Камеруне и Того.) и многие другие известны, вернее, печально известны не только как путешественники и исследователи, но и как агенты и чиновники, откровенно действовавшие по заданию и при военной поддержке колониальных держав. Капиталистические хищники, приступив к захватам, использовали труды тех, кто расчистил им почву. Союз исследователя, миссионера и колониального чиновника получил окончательное завершение.

КРАТКИЕ ИТОГИ

Начало империалистического раздела Африки образует важный рубеж на историческом пути ее народов. Мы напомним вкратце некоторые узловые моменты развития континента.

До установления империалистического гнета в конце XIX в. история Африки полна контрастов. Значительные культурные достижения отдельных народов, периоды

ускоренного социального прогресса сочетаются в ней с отступлениями назад, а также с необычайным многообразием уровней общественной зрелости.

Африка, на территории которой, вероятно, обитали древнейшие люди, занимает совершенно особое место в науке о самых отдаленных периодах существования человечества. Галечные и каменные орудия, найденные параллельно с антропологическими материалами — костными остатками, в том числе раннепалеолитические олдувайская и стелленбошская культуры в Восточной и Южной Африке, доказывают, что на африканской земле действовал и развивался человек древнего каменного века. Огромное количество усовершенствованных каменных орудий труда и наскальные изображения в виде рельефов и картин периода мезолита (средний каменный век) свидетельствуют о значительном приросте населения и высоком уровне доисторической культуры в определенных районах Африки начиная с X тысячелетия до н. э.

Неолит (поздний каменный век, с V тысячелетия до н. э. до I тысячелетия н. э.), характеризуемый возникновением новых форм хозяйственной деятельности, а именно земледелия и скотоводства, и в связи с этим переходом в большей или меньшей мере к оседлости, появлением полированных и просверленных орудий из камня и кости, а также керамики, распространился больше всего в Северном и Центральном Египте, в Судане, в Центральной Сахаре, в некоторых районах Восточной Африки, в бассейнах Сенегала и Конго, а также на территории современной Нигерии. В периоды мезолита и неолита формирование основных антропологических типов африканского населения продвинулось далеко вперед. На стадии неолита сложились и многие существующие доныне языко-вые семьи.

Геологический процесс высыхания Сахары, происходивший в III и II тысячелетиях до н. э., вызвал множество важных изменений, в том числе начавшиеся в I тысячелетии до н. э. переселения целых народов. Хотя и после этого через Сахару по-прежнему осуществлялись многочисленные связи, экономическая и культурно-политическая жизнь народов к югу от Сахары развивалась по иным линиям, чем в странах Северной Африки. Возникшая на земле Нигерии и в некоторых других районах к северу от реки Бенуэ культура нок (IX в. до н. э. — II в. н. э.) знала уже наряду с каменными первые железные орудия. Начался переход к добыче и обработке железа и других металлов.

Овладение плавкой железа, широкое его применение сыграли важную роль в общественном прогрессе многих народов Африки. Эти и другие факторы, например возникновение городских торговых центров на пересечении дальних торговых путей, обусловленное стабильным обменом и ростом общественного разделения труда между цивилизациями речных долин и районами саванн, способствовали формированию государств к югу от Сахары. Процесс перехода от родового строя периода неолита к образованию более крупных африканских государств на базе ранней классовой дифференциации длился много веков и лишь в конце I тысячелетия н. э. привел к качественно новой фазе в истории народов Тропической Африки. Только государства Мероэ в Судане и Аксум на Эфиопском нагорье, находившиеся непосредственно в сфере влияния Египта и раннеклассовых образований восточного типа на Аравийском полуострове, достигли вершин своего развития уже в последние столетия до н. э. и удерживались на этом уровне до середины I тысячелетия н. э.

После VIII или IX вв. н. э. многие народы Тропической Африки преодолели рубеж неолита и создали государства, основанные на отношениях эксплуатации и раннеклассовой структуре. Первого пика своего развития они достигли между VIII и XVI вв.

К числу подобных крупных образований относились Гана, Мали, Сонгай, хаусанские города-государства, а также Канем-Борну в Западном и Центральном Судане, Бенин и государства йоруба на Гвинейском побережье, древнее государство Конго, Эфиопия, города-государства восточного побережья Африки и легендарное царство

Мвене Мутапа (Мономотапа) и Зимбабве, о которых рассказывают арабские путешественники в своих отчетах, местные хроники, первые португальские исследователи и многочисленные устные предания. Они достигли сравнительно высокого уровня развития производительных сил, общественной собственности и культуры. Некоторые из наиболее передовых государств и централизованных иерархий Африки до определенного момента своего существования шли в ногу со всей мировой историей и еще полностью участвовали в современном им прогрессе.

Однако в силу различных внутренних факторов, еще ждущих изучения, многие государства не смогли пойти дальше раннефеодальной фазы, часто обремененной множеством патриархальных пережитков, и не вступили на путь зрелого феодализма, а затем и капитализма, как это произошло в других регионах мира, прежде всего в Европе. Далее, в конце XV в., как и до этого, народы Африки находились на очень различных ступенях социально-экономического развития. Рядом с крупными центрами городской цивилизации жили племена, сохранившие устои первобытнообщинной системы.

С конца XV в. на судьбу Африки сильное воздействие оказал приход и экспансия европейских колонизаторов, но особенно губительные последствия имела для нее трансатлантическая работорговля капиталистического характера, связанная с первоначальным накоплением и получившая огромный размах с XVI в. Они пагубно повлияли на историческое развитие африканских народов, в некоторых регионах даже прервали его или прекратили полностью.

Колониальные завоевания, осуществлявшиеся позднефеодальными и раннекапиталистическими элементами Португалии, открыли эру колониального захвата некоторых районов побережья Западной и Восточной Африки. С конца XVI в. Португалию опередили страны капиталистического меркантилизма: Англия, Нидерланды, Франция, которые закрепились в Западной и Южной Африке. Открытый грабеж, хищнический вывоз благородных металлов, основание опорных пунктов и береговых факторий, грабительские торговые договоры, взимание дани и установление монополии колониальных европейских держав в заморской и внутриконтинентальной торговле повлекли за собой далеко идущие последствия, в том числе разрушение, а порой и гибель восточноафриканских городов-государств и упадок государства Конго. Жителям этих районов они принесли горе, нищету и эксплуатацию.

Отрицательное воздействие складывавшейся колониальной системы, связанной с первоначальным накоплением капитала в Европе, особенно ярко проявилось в варварской работорговле, которая, по самым скромным подсчетам, стоила жизни более чем 100 миллионам африканцев. В XVII—XVIII вв. Африка к югу от Сахары была для европейских держав прежде всего резервуаром рабочей силы. Это явление охарактеризовано Карлом Марксом в «Капитале»: «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению-Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства»²⁴.

Ежегодно десятки тысяч африканцев превращали в рабов и переправляли за океан. Населению некоторых областей Африки, особенно Гвинейского побережья, Анголы, района устья Конго, работорговля несла разорение и полный застой в хозяйстве и политической жизни: происходило обезлюдение больших территорий, охота за рабами превращалась в постоянные войны, причем зачастую воевали между собой африканские племена и народности и победители уничтожали или порабощали противников, на промысле невольников наживалась прослойка торговцев и вождей. Последняя даже основывала в лесном поясе Гвинейского побережья, в глубинных частях Анголы и в других регионах политические организации и государства (например, Луба-Лунда и Дагомея), которые прямо или косвенно были втянуты в круговорот обмена рабов на огнестрельное оружие. Эти раннегосударственные образования оставались в основном

паразитическими по своей социально-экономической сути, а следовательно, не могли внести никакого вклада в социальное и культурное развитие народов Африки. Естественный ход их развития нарушила европейская работорговля. Ее влияние распространилось не только на прибрежные страны и их непосредственный хинтерланд; из-за перемещения древних торговых путей и вызванного им во многих случаях упадка внутриафриканской торговли оно затронуло и отстоявшие далеко от моря районы Центральной Африки.

И тем не менее африканские народы не стояли на месте. В XVIII и XIX вв. внутри Африки снова образовался ряд феодальных государств (в том числе теократии фульбе и тукулёров, Буганда, Руанда и Бурунди) и племенных союзов (зулу, матабеле). В некоторых местах эти государства в какой-то мере обнаруживали тенденцию к прогрессу, но в целом им было не по силам преодолеть навязанные извне барьеры, тормозившие общественное развитие. Начало колониального гнета прекратило на несколько столетий ускоренное поступательное движение народов Африки. Экономическая и социальная пропасть между ними и странами Европы, вступившими на путь капиталистического развития, становилась все более глубокой, все более трудно преодолимой. За ускоренный исторический прогресс немногих стран Западной Европы и Северной Америки народы Африки заплатили нуждой, порабощением, историческим регрессом, от которых их смогла избавить только победа в национально-освободительной борьбе против империализма.

Еще в период доимпериалистической колониальной экспансии африканские народы и племена сопротивлялись попыткам захвата их территорий и последствиям европейской колонизации. За некоторыми исключениями, это были стихийные вспышки недовольства, лишенные программы действий и перспективных целей. Наряду с восстаниями против колониалистов, часто возникавшими на племенной основе и под главенством племенной верхушки или феодальной знати, антиколониальная борьба часто принимала форму религиозного протеста последователей анимизма или даже христианства против засилья иностранных миссий. Известно, что католические миссии относились к числу главных выразителей и идеологов колониального ограбления.

В начале XIX в., приблизительно в 30-х годах, когда в различных странах Европы, особенно в Великобритании, происходило бурное развитие капитализма (промышленная революция), увеличилось значение Африки как источника сырья. В Южной Африке, на Золотом Береге, в Южной Нигерии, а также в Сенегале британские и французские колониалисты, прежде ограничивавшиеся тем, что они основывали опорные пункты для охоты за рабами и грабительской торговли, теперь приступили к захвату больших участков, к устройству плантаций, эксплуатации природных богатств и рабочей силы африканцев прямо на земле Африки. Эта тенденция в период перехода после 1880 г. от капитализма «свободной» конкуренции к империализму вела к полному территориальному разделу Африки европейскими державами.

Наступивший отныне период владычества империалистов первоначально обрек народы Африки на невообразимую эксплуатацию, угнетение и нужду и существенно затормозил их развитие во всех областях общественной жизни. Стремительный рост торговли и промышленности в капиталистических странах Европы и США и переход к монополистической стадии капитализма в условиях острой конкуренции между старыми и молодыми капиталистическими странами привел ко всеобщему соперничеству за колонии и сферы влияния. Агрессивный и экспансионистский характер политики капиталистических великих держав Европы особенно проявился в борьбе за полный территориальный раздел Африки. С 80-х годов вся Африка попала в щупальца капиталистических государств. Хорошо вооруженные, обладавшие техническим превосходством колониальные войска вели жестокие войны за покорение африканского населения. Сотни тысяч африканцев были убиты, их селения разрушены, культура растоптана.

Уже в 80-х годах началась лихорадочная дипломатическая активность европейских держав, направленная на то, чтобы обеспечить себе сферы влияния в Африке, вокруг которых разгорелся ожесточенный спор. Во многих договорах были зафиксированы условия дележа Африки. Наиболее выразительно в этом плане соглашение, достигнутое на Берлинской конференции 1884—1885 гг. по Конго. Установленные за «круглым столом» границы дробили на много частей территории расселения племен и народов. Тем не менее попытки вырвать друг у друга добычу не прекращались. К 1900 г. около 90,4 процента площади Тропической Африки стало владениями колониальных держав.

Колониальное господство империалистов оказывало на политические, социально-экономические и духовно-культурные условия жизни африканского населения еще более сильное и всеобъемлющее влияние, чем в прежние века, когда предпринимались первые попытки колониальных захватов. Но куда глубже и интенсивнее были те глубокие изменения, которыми отмечено развитие населения Африки в тисках международных монополий. Как известно, образовавшиеся в последней трети XIX в. монополистические объединения и финансовый капитал добавили к старым стимулам и формам доимпериалистической колониальной политики и эксплуатации борьбу за новые источники сырья, за расширение рынков сбыта, особенно же за возможности капиталовложений и сферы влияния. Они стремились основывать военные базы и в конечном счете создавать замкнутые экономические районы, порой предназначавшиеся лишь для позднейшей эксплуатации. Для достижения этих целей империалистические державы использовали самые различные формы и методы эксплуатации. Колониально-империалистический гнет стал невыносимым бременем для покоренного населения, вверг миллионы людей в голод и нищету. В результате резко обострились экономические, социальные и политические противоречия между «цивилизованными» метрополиями, выступавшими в роли эксплуататоров, и объединениями монополистов, с одной стороны, и колониальными и зависимыми народами — с другой. Независимо от субъективных намерений колониалистов образовались новые классы и слои населения, благодаря которым борьба против империализма и колониализма поднялась на более высокую ступень. Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла угнетенным народам рассматриваемого региона реальную возможность одержать победу в борьбе против ослабленного фронта империализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ E. Haberland. Die Grosse Illustrierte Weltgeschichte. Bd 1. Giitersloh, 1964, с. 1162.

² А. Лот. В поисках фресок Тассили. М., 1962, с. 21 — 22.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, с. 162 — 163.

^{3a} Там же, с. 163.

⁴ Ср. также Die Staatenbildungen in Aksum und Ghana. — I. Sellnow u.a. Weltgeschichte von den Anfängen bis zur Herausbildung des Feudalismus (Abriss). В., 1977, с. 464—469.

⁵ Sergew Hable Selassie. Ancient and Mediaeval Ethiopian History to 1270. Addis Ababa, 1972, с. 181 и сл., с. 205 и сл.

⁶ Цит. по: История Африки. Хрестоматия. М., 1979, с. 223 — 224.

⁷ Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства. — К. Маркс к Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 468.

⁸ J. Marquardt. Die Beninsammlung des Reichsmuseums für Volkerkunde in Leiden. Leiden, 1913, с. XIII.

⁹ J. de Barros. Da Asia. Lisboa, 1777, Dec. 1, L. VIII.

¹⁰ Б. Дэвидсон. Новое открытие древней Африки. М., 1962, с. 187.

- ¹¹ D. A. Olderogge. Die Gesellschaftsordnung Songhais im 15. und 16. Jh.—*Afrikanistische Studien*. В., 1955, с. 243 и сл.
- ¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, Т. 4, с. 425—426.
- ¹³ О колониальном господстве Португалии в этот период см. *Lehrmaterialien von A. S. Arnold*.
- ¹⁴ К. Маркс. Капитал. Т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 760.
- ¹⁵ Цит. по: В. Brentjes. *Uraltes junges Afrika*. В., 1964, с. 239.
- ¹⁶ В. Davidson. *Vom Sklavenhandel zur Kolonialisierung. Afrikanisch-euro-paische Beziehungen zwischen 1500 und 1900*. Hamburg, 1966, с. 180.
- ^{16a} D. Westermann. *Geschichte Afrikas. Staatenbildungen südlich der Sahara*. Köln, 1952, с. 30.
- ¹⁷ E. J. Arnett. *The Rise of the Sokoto Fulani, Being a Paraphrase and in some Parts a Translation of the Infaku'l Maisuri of Sultan Mohammed Bello*. Kano, 1929, с. 24.
- ^{17a} G. Launicke. *Zur Geschichte und Sozialstruktur der Staaten Rwanda und Burundi bis zum Ende der deutschen Okkupation*. Diss. Lpz., 1969.
- ¹⁷⁶ Последующее изложение основано на работе: W. Rusch. *Klassen und Staat in Buganda vor der Kolonialzeit*. В., 1975, гл. 2 и 3.
- ¹⁸ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 404 — 405.
- ¹⁹ F. J. Bertuch. *Neue Bibliothek der wichtigsten Reisebeschreibungen zur Erweiterung der Erd- und Volkerkunde*. Bd. 21. Weimar, 1820, с. 51—53.
- ²⁰ Цит. по Н. Loth. *Kolonialismus und «Humanitätsintervention»*. В., 1966, с. 21.
- ²¹ Там же, с. 43.
- ²² Earths und Overwegs *Untersuchungsreise nach dem Tschadsee und in das Innere Afrikas; erster Bericht von C. Richter, zweiter Bericht von T. E. GumprechL*. В., 1852, с. 182.
- ²³ К. Маркс. Капитал. Т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 17.
- ²⁴ Там же, с. 760.

ИЗБРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Арабские источники VII—X вв., X—XII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.—Л., 1960, 1965.
- Barbosa D. *The Book of Duarte Barbosa*. Ed. M. I. Dames. *Hakluyt Series, II. Ser. Vol. 44, 49*. L., 1918—1921.
- Barth H. *Reisen und Entdeckungen in Nord- und Central-Afrika*. 5 Bde. Gotha, 1857—1858.
- Burton R. F. *The Lake Regions of Central Africa*. L., 1860.
- Dapper O. *Beschreibung von Afrika*. Amsterdam, 1670.
- Decken C. v. *Reisen in Ostafrika 1859—1861*. Lpz., 1869.
- Denham R.F.S. — Clapperton H. *Narrative of Travels and Discoveries in Northern and Central Africa*. 2 vol, L., 1928.
- The East African Coast. Select Documents from the First to the Earlier Nineteenth Century* Ed. G.S.P. Freeman-Grenville. Ox., 1962.
- Ibn Battuta. *Travels in Asia and Africa, 1324—54*. Transl. R. Gibb. L., 1929.
- Kati (Mahmoud). *Tarikh el-Fettach*. Trad. O. Houdas et M. Delafosse. P., 1913.
- Lander R. und J. *Reise in Afrika zur Erforschung des Nigers bis zu seiner Mxindung*. Lpz., 1833.
- Leo Africanus. *Description de l'Afrique*. Ed. E. Epaulard. P., 1956.
- Livingstone D. *Missionary Travels and Researches in South Africa*. L., 1857.

- Marquart J. Die Beninsammlung des Reichsmuseums für Volkerkunde in Leiden. Leiden, 1913.
- Rohlf G. Quer durch Afrika. Lpz., 1874—1875.
- Sadi (Abderrahman es). Tarikh es Soudan. Trad. O. Houdas. P., 1898—1900.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова С. Ю. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978.
- Африка: происхождение отсталости и перспективы развития. М., 1974.
- Брайант А. Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953.
- Всемирная история в 10 томах. Т. 1, 4, 7. М., 1955—1960.
- Говорят африканские историки. М., 1977.
- Годинер Э. С. Становление государства в Буганде. — Становление классов и государства. М., 1976.
- Горнунг М. Б., Липец Ю. Г., Олейников И. Н. История открытия и исследования Африки. М., 1973.
- Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975.
- Дэвидсон Б. Новое открытие древней Африки. М., 1962.
- Кацнельсон И. С. Напата и Мероэ, древние царства Судана. М., 1970.
- Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М., 1977.
- Кобищанов Ю. М. Аксум. М., 1968.
- Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963.
- Кочакова Н. Б. Города-государства йорубов. М., 1968.
- Куббель Л. Е. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974.
- Лот А. В поисках фресок Тассили. М., 1962.
- Маке Ж. Цивилизации Африки южнее Сахары (История. Технические навыки. Искусства. Общества). М., 1974.
- Мириманов В. Б. Африка. Искусство. М., 1967.
- Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978.
- Ольдерогге Д. Западный Судан в XV — XIX вв. Очерки истории и истории культуры. М.—Л., 1960.
- Орлова А. С. История государства Конго (XVI—XVII вв.). М., 1968.
- Орлова А. С., Львова Э. С. Страницы истории великой саванны. М., 1978.
- Следзевский И. В. Хаусанские эмираты Северной Нигерии. М., 1974.
- Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970.
- Сюрэ-Каналь Ж. Африка Западная и Центральная. География. Цивилизация. История. М., 1961.
- Тарвердова Е. А. Распространение ислама в Западной Африке. М., 1967.
- Френкель М. Ю. Новая элита Нигерии. — История Африки. М., 1971.
- Френкель М. Ю. Общественная мысль Британской Западной Африки во второй половине XIX в. М., 1977.
- Хазанов А. М. Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI — XVII вв.). М., 1976.
- African Studies/Afrika-Studien. Hrsg. Th. Biittner und G. Brehme. B., 1973—1975.
- Aspects of Central African History. Ed. T. O. Ranger. Ibadan — Nairobi, 1971.
- Brentjes B. Pels- und Höhlenbilder Alrikas. Lpz., 1965.
- Brentjes B. Uraltes junges Afrika. B., 1964.
- Biittner K. Die Anfänge der deutschen Kolonialpolitik in Ostafrika. B., 1959.
- Buttner K. Rachel Chr. Zehn Lügen über Afrika. B., 1974.
- Cambridge History of Africa. Ed. J.D. Page, R. Oliver. Vol. 1—3. Cambridge, 1975—...

- Chittik N. Kilwa: an Islamic Trading City on the East African Coast. Nairobi, 1973.
- Coinevin R. und M. Geschichte Afrikas von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1966.
- Curtin Ph. D. The Atlantic Slave Trade: a Census. Madison, 1969.
- Davidson B. The Growth of African Civilization. East and Central Africa to the Late Nineteenth Century. L., 1967.
- Davidson B. Vom Sklavenhandel zur Kolonialisierung. Afrikanisch-europäische Beziehungen zwischen 1500 und 1900. Hamburg, 1966.
- Deschamps H. Histoire Generale de l'Afrique Noire. 2 vol. P., 1970—1971.
- Duffy J. Portuguese Africa. Cambridge, Mass., 1959.
- Etudes Africaines. African Studies. Afrika-Studien. Hrsg. W. Markow, Karl-Marx-Universität. Lpz., 1967.
- Fage J. D. A History of Africa. L., 1978.
- Fragen der Genesis und Bedeutung der vorimperialistischen Kolonialsysteme. Wissensch. Zeitschrift der Karl-Marx-Universität, Gesellsch.-sprachwiss. Reihe, 1954/55, H. 1/2.
- Frobenius L. Und Afrika sprach. B., 1913.
- Gann L. H., Duignan D. Africa and the World. An Introduction to the History of Sub-Saharan Africa from Antiquity to 1840. San Francisco, 1972.
- Geiss I. Panafrikanismus. Zur Geschichte der Dekolonisation. Frankfurt/M., 1968.
- Gottberg A. Unyamwesi. Quellensammlung und Geschichte. B., 1971.
- Gray J. History of Zanzibar from the Middle Ages to 1856. L., 1962.
- Hintze Fr. und U. Alte Kulturen im Sudan. Lpz., 1966.
- History of East Africa. The Early Period. Ed. R. Oliver and G. Mathew. Nairobi, 1967.
- Jahrhunderte ungleichen Kampfes in Asien und Afrika. B., 1974.
- Kiwanuka S. A. History of Buganda. From the Foundation of a Kingdom to 1900. L., 1971.
- Ki-Zerbo J. Histoire de l'Afrique Noire. D'Hier a demain. P., 1973.
- Kubbel L. E. Origins of Statehood in Western Sudan. Moscow, 1967.
- Last M. The Sokoto Caliphate. Ibadan History Series. L., 1967.
- Die Länder Afrikas. Kleines Nachschlagewerk. B., 1969.
- Leakey. L.S.B. Olduvai Gorge 1951—61. Cambridge, 1965.
- Loth H. Kolonialismus unter der Kutte. B., 1960.
- Loth H. Kongo, heisses Herz Afrikas. B., 1963.
- Meioitica, Sudan im Altertum. 1. Internationale Tagung für meroitische Forschungen in Berlin 1971. Hrsg. Fr. Hintze. B., 1973.
- Neokolonialistische Afrikatheorien im wissenschaftlichen Gewand. Vorwort K. Buttner. Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität. Gesellsch.-sprachwiss. Reihe, 18. Jg. 1969, H. 3.
- The Oxford History of South Africa. Ed. M. Wilson, L. M. Thompson. Vol. 1—2. Ox., 1968—1971.
- Precolonial African Trade. Ed. R. Gray, D. Birmingham. London — New York — Nairobi, 1970.
- Revolution and Tradition. Hrsg. Th. Buttner. Lpz., 1971.
- Rodney W. A History of the Upper Guinea Coast, 1545—1800. Ox., 1970.
- Rusch W. Klassen und Staat in Buganda vor der Kolonialzeit. B., 1975.
- Sebald P. Malam Musa — Gottlob Adolf Krause. Forscher — Wissenschaftler — Humanist. Leben und Lebenswerk eines antikolonial gesinnten Afrika-Wissenschaftlers unter den Bedingungen des Kolonialismus. B., 1972.
- Sellnow I. Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte. B., 1961.
- Shinnie P. L. Meroe, a Civilization of the Sudan. L., 1967.

Suret-Canale J. Zur historischen Bedeutung der Fulbe-Hegemonie. — Geschichte und Geschichtsbild Afrikas. B., 1960.

Tradition und nichtkapitalistischer Entwicklungsweg. Hrsg. I. Sellnow und H. Mardek. B., 1971.

Die Volker Afrikas. Hrsg. D. A. Olderogge u. I. I. Potechin. Bd 1—2. B., 1961.

Volkerkunde fur jedermann. Gotha — Leipzig, 1967.

Westermann D. Geschichte Afrikas. Staatenbildungen siidlich der Sahara, Koln, 1952.

Zwischen Kap und Kilimandscharo. Reisen deutscher Forscher des 19. Jahrhundert durch Siidostafrika. Ausgewahlt und eingeleitet von H. Scuria. B., 1974.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Даты	События мировой истории	В Северной и Восточной Африке	В Западной, Центральной и Южной Африке
X—IV тысячелетия до н. э.	Натуфийская культура в Палестине, Юго-Западной Сирии и Ливане. Археологические материалы эпохи мезолита, найденные на южном побережье Каспийского моря, на Среднем Урале (Ширгир), в Индокитае, в Южном и Центральном Китае. Гарденуазская культура во Франции и Бельгии.	Капсийская культура в Тунисе, Восточном Алжире, Киренаике. Археологические материалы эпохи мезолита в Египте, Сахаре, Эфиопии, Сомали, в некоторых районах Уганды, Танзании. Кенийско-капсийская культура.	Культуры лупембе и читоле в бассейне Конго и в Северо-Восточной Анголе, смитфилд в Южной Африке, уилтон в Зимбабве и Юго-Западной Африке.
V тысячелетие до н. э.— I тысячелетие н. э.	Неолит (поздний каменный век) и переход к классовому обществу.		
4500— 4000 гг. до н. э.	Керамические материалы, найденные в Греции и в р-не Дуная.	Файом в Северном Египте.	
3000 гг. до н. э.	Значительные храмы в Месопотамии (Урук).	Первое Египетское царство, появление иероглифов, строительство оросительных сооружений.	
III и II тысячелетия до н. э.	2800. Первобытное доведийское общество в долине Инда. 2040—1730. Среднее царство в Египте. II тысячелетие до н. э. Культура курганных погребений (ранний бронзовый век) в Центральной и Северной Европе. 1500. Расцвет критоминойской культуры бронзового века. 1300. Родовые цари в эпоху Шан, появление письменности в Китае. XI в. до н. э. Образование единого Израильско-Иудейского царства.	Неолитические поселения близ Хартума, в районе Атласа (Оран), в Сахаре (Тенере, горы Тассили, Фецдан), Замбии, Зимбабве, культура айронс-хилл в Кении.	Каменная утварь и керамика эпохи неолита в устье Сенегала, в Камеруне и в районе Конго.
I тысячелетие до н. э. - VII в. до н. э.	X в. до н. э. Расцвет Израильско-Иудейского		

	царства, царь Соломон.		
VIII в. до н. э.	745—650. Расцвет Новоассирийской державы.	VIII—VI вв. до н. э. Нубийское государство Напата.	
VI в. до н. э.	539. Завоевание Вавилона персами. 509. Рим становится республикой.		
V в. до н. э.	Около 500. Философ Конфуций в Китае.		V в. до н. э.—II в. н. э. Культура нок в Центральной Нигерии.
IV в. до н.э.	333. Александр Македонский в битве при Иссе одержал победу над персами.	IV в. до н. э. - II в. н. э. Расцвет государства Мероэ.	
II в. до н.э.		146. Разрушение Карфагена.	
I в. до н. э.		30 г. Египет становится провинцией Рима.	
<i>Наша эра</i>	17—27. Крестьянские восстания «крас нобровых» и «жителей зеленых лесов» при династии Хань в Китае.	Образование государства Аксум в Эфиопии.	
I в. н. э.	100. Апогей Римской империи.		
IV в.	300—500. Великая империя Гуптов в Индии.	325—346. Царь Аксума Эзана ввел христианство как государственную религию и завоевал Мероэ.	Приручение и использование верблюда в транссахарской торговле. Основание в Западной Африке государства Гана со столицей Кумби-Сале.
VII в.	622. Хиджра Мухаммеда. Образование арабского халифата.	Первые торговые поселения арабов на побережье Восточной Африки.	
	VII в. Образование первого Болгарского царства. VII в. Китай при династии Тан становится могущественной феодальной державой Азии.		
			<i>Продолжение</i>
Даты	События мировой истории	В Северной и Восточной Африке	В Западной, Центральной и Южной Африке
VIII — XVI вв.			
VIII в.	711—712. Высадка арабов в Испании, завоевание Самарканда, наступление на Индию.	709. Завершено завоевание Северной Африки арабами-мусульманами.	790. В государстве Гана к власти пришла династия сонинке.
IX в.	768—814. Правление Карла Великого. Образование Киевской Руси.		890. Образование города Гао на Нигере.
X в.	919—973. Формирование раннефеодального германского государства при Генрихе I и Оттоне I.		X в. Образование городов-государств хауса.
XI в.	1099. Завоевание Иерусалима крестоносцами.		1076. Завоевание государства Гана Альморавидами. 1085 — 1097. Введение

			и распространение ислама в государстве Канем при Хуме.
XII в.	1120—1122. Крестьянские восстания в Юго-Восточном Китае. 1122. Вормсский конкордат.	1160. Объединение Магриба при Альмохадах; высадка в Испании.	XI — XII вв. Ранние государственные образования моси.
XIII в.	1200. Основание Парижского университета. 1206—1241. Вторжения монголов в Азию и Европу. 1206—1210. Основание Делийского султаната Кутб-ад-дин Айбаком.	XIII—XV вв. Расцвет восточноафриканских городов-государств. 1250—1517. Мамлюкские султаны в Египте. 1270. Начало усиления центральной власти, образование феодального государства в Эфиопии.	1221—1259. Расцвет и существенное расширение феодального государства Канем при Дунама Диббалами. 1230—1255. Образование централизованного государства Мали при Сундьяте
XIV в.	1300. Завоевание турками большей части Малой Азии.	Около 1300. Зачатки государства Имерина на Мадагаскаре.	XIII—XIV вв. Расцвет городов-государств йоруба: Ифе, Ойо, Эгба, а также Бенина на юго-западе Нигерии.
	Начало XIV в. Возникновение раннекапиталистических форм производства в Европе.	XIV в. Образование государства Дарфур в Восточном Судане. 1314—1344. Новый период расцвета эфиопского государства при Амда Сионе.	XIV в. Образование государства Конго.
	1337—1453. Столетняя война между Францией и Великобританией. 1358 и 1381. Крестьянские восстания во Франции (Жакерия) и в Англии (восстание Уота Тайлера).		1394. Булала вытесняют правителя Канема-Борну май Омара на запад от озера Чад.
XV в.	1410. Поражение Тевтонского ордена в битве при Грюнвальде.	1415. Захват португальцами Сеуты	1416. Португальский принц Генрих Мореплаватель направляет экспедицию вдоль побережья Западной Африки.
	1419—1437. Гуситское движение в Богемии.		
	1419—1450. Расцвет культуры в Корее при ване Седжоне из династии Ли.		
	1455. Завоевание Османами Константинополя. Византийская империя прекращает свое существование.	2-я половина XV в. Государство Мвене Мутапа (Мономотапа) достигла наибольших размеров и внутренней стабилизации.	
			<i>Продолжение</i>
Даты	События мировой истории	В Северной и Восточной Африке	В Западной, Центральной и Южной Африке
			1468. Сонгайский правитель сонни Али Бер заложил основы

			централизованного государства.
			1482. Диогу Кан достиг устья Конго.
		1485. Основание султаната Сеинар (существовал до 1820 г.).	
	1492. Открытие Америки.	1493. Посольство Педру Ковильяна в Эфиопию.	1493. Наивысший подъем государства Сонгай при асхии Мухаммеде I (—1528); захват соляных копей в Тауденни и Тегаззе.
		1497—1498. Васко да Гама на пути в Индию проследил побережье Африки до Малинди (Восточная Африка).	
	1498. Васко да Гама высадился на юге Индии в Каликуте.		
		Около 1500. Империя Буньоро-Китара.	Около 1500. Торговые «договоры» города-государства Бенин с Португалией.
	XV — середина XVI в. Возвышение Испании и Португалии до положения мировых держав; начало позднефеодальной и раннекапиталистической колониальной экспансии.		XV—XVI вв. Западносуданские порога на пересечении торговых путей — Гао, Дженне, Томбукту — становятся центрами высокой исламской культуры; университет Санкоре.
XVI — начало XIX в.			
XVI в.	1492—1550. Захват Южной и Центральной Америки испанцами и португальцами.	1502—1509. Португальский колониальный флот захватил и разрушил восточноафриканские города-государства Килву, Момбасу и Малинди и возвел крепости и фактории на побережье от Мозамбика до Момбасы, а также на некоторых островах.	1504—1526. Правитель Борну Идрис II одержал победу над булала и вновь завоевал Канем. Начало XVI в. Образование султаната Багирми к югу от Вадаи и озера Чад.
			1507—1543. В государстве Конго при Афонсу I введена португальская система администрации, юрисдикции и военного дела; государству Конго навязаны грабительские договоры о торговле слоновой костью и рабами.
	С 1517. Раннебуржуазная революция в Германии.	1517. Вступление Османов в Каир; конец	

	Реформация и Великая крестьянская война.	правления мамлюков. 1518—1519. Господство Османов в Алжире.	
		1520. Захват португальцами западного побережья Марокко.	
	1526—1605. Образование централизованного государства Великих Моголов в Индии.		
	1520—1566. Кульминация владычества Османов при Сулеймане II. В Османскую империю входят на положении провинций почти все арабские государства.	1541. Португальский флот в Красном море периодически поддерживает Эфиопию в ее борьбе против исламского султаната Адаль и нападений турок.	
			1571 — 1603. Государство Канем-Борну при Идрисе Алома достигает наибольших размеров.
			1576. Сан-Паулу-ди-Луанда (Луанда) становится опорным пунктом португальцев в Анголе. С 1624 г. правитель Ндонго Нгола попадает в зависимость от португальцев
			1570. Восстание под руководством Мбула Матади в Конго.
		1578—1606. Султан Марокко ал-Мансур Ахмед	1591. Захват Томбукту марокканскими войсками. Распад государства Сонгай.
		1596—1637. Расцвет централизованного Дарфурского султаната при Сулеймане Солонге.	Конец XVI в. Конфедерации луба и лунда в верховьях Конго в Центральной Африке.
			<i>Продолжение</i>
Даты	События мировой истории	В Северной и Восточной Африке	В Западной, Центральной и Южной Африке
XVII в.			
		XVI—XVII вв. Ускорение процесса феодализации в государстве Имерина на Мадагаскаре.	
		1607. Рудники Мономотапы подпадают под власть португальцев.	
		1629. Возобновление договора о «помощи» с мвене мутапой.	
			1617. Первые голландские поселения на Золотом Береге и

			острове Горе.
	1618. Тридцатилетняя война.		
	1620. Высадка «отцов-пилигримов» в Новой Англии.		
	1630. Захват Нидерландами Северо-Восточной Бразилии с центром Пер-намбуку.	1631. Восстание в Момбасе.	1630—1656. Восстание под руководством Анны Нзинга против колониального господства португальцев в Анголе.
		1632—1682. Изгнание иезуитов из Эфиопии при негусе Фасилидасе.	
	1643—1715. Абсолютистское правление Людовика XIV во Франции.		
	1642. Начало буржуазной революции в Англии.		1652. Я. ван Рибек по поручению голландской Ост-Индской компании основал Капстад.
		1666 — до настоящего времени. Феодалная династия филалийских шерифов в Марокко; в конце XVII в., борясь против иноземного господства европейцев, устранила феодалную раздробленность.	
			1682. Княжество Бранденбург основало Гросфридрихсбург на Золотом Береге.
		Около 1700. Португальцы вытеснены из многих городов побережья на север от Мозамбика.	1695—1731. Образование конфедерации ашанти при Осей Туту.
XVIII в.	Конец XVII—XVIII в. Развитие капиталистических мануфактур и рост просвещения в Германии. 1700—1725. Реформы Петра I в России.	XVII—XVIII вв. Усиление и распространение власти Буганды в Восточной Африке.	XVII в. Усиление Дагомеи при военной аристократии.
			1704. Движение сопротивления во главе с «пророчицей» Кимба Витой в Конго.
	1709. И. Ф. Бётгеру удалось получить в Европе белый фарфор.		1708—1724. Территориальные завоевания Дагомеи на побережье (Аллада, Видах).
		1711. Высылка турецкого паши из Алжира. Фактически Алжир стал независимым.	
			1719. Ашанти на юге современной Ганы нанесли поражение верховному вождю

			денкера.
			1725. Образование мусульманской теократии фульбе в Фута-Джаллоне.
	1736—1796. Вершина завоеваний китайских императоров Маньчжурской династии.		
	1763—1785. Екатерина II, императрица России.		
	1776—1783. Война за независимость в Северной Америке.		
			1776. Тукулёры захватили власть в Фута-Торо и основали прочное феодальное государство.
			1779. Начало длившейся десятилетиями (до 1856—1857 гг.) борьбы кочевников против колонизаторов, сначала буров, затем англичан.
	1789—1795. Великая французская буржуазная революция.	1787—1810. Объединение всех государств Мадагаскара при Нампоине	
		1797—1814. В Буганде при Семако королева установила абсолютную центральную власть.	
			<i>Продолжение</i>
Даты	События мировой истории	В Северной и Восточной Африке	В Западной, Центральной и Южной Африке
	1799—1815. Наполеон Бонапарт. Конец XVIII в. Промышленная революция в Англии.	1798. Военная экспедиция Наполеона Бонапарта в Египет и Сирию.	
XIX в.			Начало XIX в. Внутренние междоусобицы раздирают второе государство луба.
		1804—1856. Султан Маската и Занзибара Сейид Саид.	1804—1810. Образование государства Сокото в Северной Нигерии.
			1808. Сьерра-Леоне, поселение бывших рабов-репатриантов, стало английской колонией.
	1810—1824. Движение за независимость в Латинской Америке.	1810—1828. Наибольший расцвет королевства Мадагаскар при Радаме I.	1810. Образование хорошо организованного феодального государства фульбе в Масине.
	1812—1815. Отечественная		

	война против нашествия Наполеона в России.		
	1815. Венский конгресс.		
	1818—1883. Карл Маркс.		1818—1840. Усиление военного союза племен зулу при Чаке и его преемнике Дингаане.
	1825. Восстание декабристов в России.	1820—1840. Завоевание Нубии и Сеннара турецко-египетскими войсками. 1849. Взятие Кордофана.	
	1825—1830. Антиколониалистское народное восстание на Яве.		
	1825—1898. Образование национальных государств в Южной и Центральной Америке.		
			1826. Франция расширяет свои владения в Сенегале.
	1830. Июльская революция во Франции дала толчок национальным и революционным восстаниям в других странах Европы.	1830. Завоевание Алжира Францией. 1832—1847. Антиколониальное восстание Абд ал-Кадира в Алжире.	
		1836—1884. Укрепление военного могущества Буганды при правителях Суне II и Мутесе Мукабья.	1837. Матабеле, вытесненные бурами за Лимпопо, при Мзиликази создали государство Матабеле со столицей в Булавайо.
			1838. Сражение на Блад-Ривер. Массовые избиения зулу наступающими бурами.
		1845. Английская эскадра подвергла обстрелу город Таматаве на побережье Мадагаскара.	1843—1856. При султани Мухаммеде Белло государство Сокото достигло наибольших размеров.
			1847. Провозглашение Либерии республикой.
	1848—1849. Буржуазно-демократические революции в нескольких странах Европы.	Середина XIX в. Народные восстания малагасийцев против колониального проникновения англичан и французов.	
	1850—1864. Восстание тайпинов в Китае.		1850. Хадж Омар создал постоянный военный лагерь в Дингирае.
	1853. Подписание неравноправных договоров и насильственное открытие Японии для капиталистического рынка.	1853—1896. В Руанде Кигери IV успешно борется с сепаратизмом аристократии.	1853—1854. Основание бурами Трансвааля и Оранжевого свободного государства.
		1855—1868. Рас Каса, став негусом Феодором II,	

		положил конец феодальной раздробленности Эфиопии и с помощью реформ укрепил центральную власть.	
		1856. Выделение Занзибара из состава Маскатско-Оманского государства.	
	1857—1859. Антиколониальное народное восстание в Индии.		1858—1868. Борьба суто против колониального проникновения.
	1861. Отмена крепостного права в России.		
			<i>Продолжение</i>
Даты	События мировой истории	В Северной и Восточной Африке	В Западной, Центральной и Южной Африке
	1861—1865. Гражданская война в Северной Америке.		1861. Лагос становится английским владением, ядром будущей колонии Нигерия.
	1864. Учредительное собрание Международного товарищества рабочих (I Интернационал).	1869. Ввод Суэцкого канала в эксплуатацию. Англо-египетское наступление на Судан.	1868—1871. Конфедерация Фанти на Золотом Береге.
	1870—1924. В. И. Ленин.		1870. Образование в Восточной Африке при Мирамбо централизованного объединения племен ньямвези.
	1870—1871. Франко-прусская война. Образование Германской империи (Бисмарк).		
		1872. Усиление английского влияния в Эфиопии при Иоанне IV.	
			1874. Английские войска сожгли столицу государства Ашанти Кумаси.
		1879—1882. Массовые национальные выступления в Египте.	
		1881—1885. Махдистское восстание в Судане.	
	1884—1885. Берлинская конференция по Конго.		
	Конец XIX в. Переход капитализма в империалистическую стадию.		Конец XIX в. Завершение колониального раздела Африки.

ОСНОВНЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ АФРИКИ

1416 При Генрихе Мореплавателе португальцы совершают первые открытия и захваты на территории Африки.

- 1455—1456 А. да Мосто, итальянец на португальской службе, открыл острова Зеленого Мыса.
- 1482 Диогу Кан достиг устья Конго.
- 1488 Бартоломеу Диаш совершил плавание вокруг мыса Бурь (Доброй Надежды).
- 1492 Мартин Бехайм нанес открытые земли Африки на свой глобус.
- 1493 Посольство Педру Ковильяна в Эфиопию.
- 1498 Васко да Гама на пути в Индию проследил побережье Африки до Малинди (Восточная Африка).
- 1652 Основание Кдпстада голландцами (Ян ван Рибек).
- 1770—1772 Шотландец Д. Брюс открыл истоки Голубого Нила и озеро Тана в Эфиопии.
- 1788 Основание Ассоциации для содействия открытию внутренних частей Африки.
- 1795—1797 Первое путешествие Мунго Парка из Гамбии к Нигеру.
- 1805—1806 Второе путешествие Мунго Парка к Нигеру; его гибель.
- 1820—1822 Английские исследователи Х. Клаппертон, Д. Денем и У. Аудни пересекли Сахару, пройдя от Триполи до Чада и Нигера.
- 1825—1827 Х. Клаппертон и Р. Лендер прошли из Лагоса в район Нигера и Бенуэ.
- 1828 Р. Кайе достиг Томбукту.
- 1830—1831 Р. и Дж. Лендер исследуют низовья Нигера.
- 1848 Ребман и Крапф открыли гору Килиманджаро.
- 1850—1855 Г. Барт предпринял путешествие по Сахаре и зоне Западного Судана.
- 1851 Д. Ливингстон в верховьях Замбези.
- 1853—1856 Э. Фогель в бассейне озера Чад и в области Вадаи.
- 1854—1856 Д. Ливингстон пересек Южную Африку от Луанды (Ангола) до Мозамбика и в 1855 г. открыл водопад Виктория на Замбези. 1855 Швейцарец В. Мунцингер пересек Нубию и Эфиопию.
- 1858 Р. Бёртон и Дж. Спик достигли озера Танганьика. Спик в 1862 г. открыл озеро Виктория и истоки Белого Нила.
- 1858—1864 Д. Ливингстон открыл озеро Шире и озеро Ньяса.
- 1863—1865 Г. Рольфе исследует Северную Африку и Сахару.
- 1865—1867 Г. Рольфе пересек всю Северную Африку — от Триполи, через Борну и Бенуэ, до Лагоса (Южная Нигерия).
- 1865—1872 К. Маух предпринял путешествие по Трансваалу, государствам матабеле и шона и в 1871 г. нашел развалины Зимбабве.
- 1869—1874 Г. Нахтигаль исследует Сахару и зону Судана.
- 1871—1872 Г. Стэнли и Д. Ливингстон достигли озера Танганьика.
- 1872—1875 В. Л. Камерон пересек Экваториальную Африку с востока (Ба-гамойо) на запад (Бенгела).
- 1874—1876 Г. Стэнли исследовал озеро Виктория и открыл озеро Эдвард.
- 1876—1892 Эмин-паша (Э. Шнитцер) пересек большую часть южной зоны Восточного Судана и области примыкающих озер.
- 1878—1879 Г. Рольфс, выйдя из Триполи, достиг оазиса Куфра в Ливийской пустыне.
- 1879—1880 Де Бразза достиг с севера Конго и основал Браззавиль.
- 1879—1886 Э. Р. Флегель совершил путешествие по Северному Камеруну и бассейну реки Бенуэ.
- 1879—1880 О. Ленц пересек Западную Сахару от Танжера до Сенегамбил через Томбукту.
- 1880 Итальянец П. Маттеуччи пересек северную часть Африки от Египта до Гвинейского залива, пройдя через Кордофан, Дарфур, Вадаи, Борну.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию советских читателей книга известного историка из ГДР, автора ряда исследований по проблемам возникновения классового общества и государственности у народов Африки, проф. Теа Бюттнер — одна из немногих в литературе стран социалистического содружества попыток научно-популярного описания истории народов, населяющих Африку к югу от Сахары. У нас в стране такой работы, к сожалению, еще нет.

Задача перед автором стояла очень и очень непростая. В сравнительно небольшой и ограниченный объем текста нужно было «вместить» картину прошлого большей части огромного материка, и притом на протяжении нескольких миллионов лет: от возникновения человека как биологического вида до кануна колониального раздела континента в последние десятилетия прошлого века. И надо сказать, что с этой задачей Т. Бюттнер справилась вполне успешно, хотя и не без некоторых потерь

Такие потери были естественны и неизбежны. Учитывая объем книги, автору приходилось выбирать какой-то один аспект африканской истории, который становился центральным в авторском изложении. И конечно, другие стороны исторического процесса в связи с этим могли быть показаны лишь бегло.

В качестве центрального аспекта Т. Бюттнер избрала общий ход исторической эволюции на континенте, а также место народов Африки в развитии человечества и его культуры. Такая ориентация обеспечила книге необходимую информативность. Она же предопределила и некоторые особенности работы, прежде всего ее подчеркнутую полемичность.

Здесь следует иметь в виду еще одно немаловажное обстоятельство. Труд Т. Бюттнер обращен не только к читательской аудитории ГДР — социалистического германского государства. Он адресован также читателю, живущему в капиталистических странах, говорящих на немецком языке: ФРГ, Австрии, большей части Швейцарии. Этот читатель живет и воспитывается в совершенно иной идейной и культурной обстановке, чем граждане социалистических стран. Поэтому ему приходится систематически и настойчиво разъяснять известные истины, которые для читателей социалистических стран — нечто само собой разумеющееся. Сказанное относится и к разоблачению попыток отрицать самобытный характер африканских культур, и к классовой оценке политико-идеологической роли традиционных взглядов колониалистской историографии на прошлое африканских народов, и к борьбе с различными расистскими и великодержавными предубеждениями и предрассудками, восходящими к не столь отдаленному прошлому. И конечно же, совершенно естественным выглядит в книге немецкого историка-марксиста настойчивый показ хищнического облика германского колониализма; ему, кстати сказать, в отечественных исследованиях, уделялось меньше внимания, чем французскому, британскому или португальскому.

Всем этим и объясняется, на наш взгляд, стремление Т. Бюттнер при всяком удобном случае подчеркнуть научную несостоятельность и политическую вредность некоторых до сих пор еще имеющих хождение на Западе теорий, относящихся к истории Африки и ее народов. В книге главный акцент делается на критике антинаучных апологетических концепций, выработанных во времена колониального владычества. Такая критика, конечно, нужна и обязательна; но при этом нельзя не видеть серьезных изменений, происходящих в буржуазной науке под влиянием современной борьбы идей в мире.

К середине 70-х годов в нескольких странах Африки сложились порой очень интересные собственные исторические школы. Ученым таких стран, как Нигерия, Сенегал, Верхняя Вольта, Кения, Народная Республика Конго, принадлежит видная роль в ниспровержении тех самых колониалистских мифов, которые настойчиво критикует Т. Бюттнер. Имена таких ученых, как нигериец Дж. Аде Аджайи, вольтиец Ж. Ки-Зербо, кениец Б. Огот, и немалое число других пользуются в научном мире высоким и

заслуженным авторитетом. Именно эти историки занимают ведущее положение в подготовке выпускаемой ЮНЕСКО восьмитомной международной «Всеобщей истории Африки». К тому же со взглядами некоторых из них советский читатель познакомился по книге «Говорят африканские историки» (М., 1977).

Среди западных ученых также наблюдается рост интереса к марксистским взглядам на исторический процесс. Отнюдь не все ученые просто маскируют неокOLONиалистскую эксплуатацию и не все выполняют социальный заказ империалистических кругов, помогая оторвать национально-освободительное движение в Африке от его естественных союзников. Очень многие стремятся честно понять преимущества марксистского подхода к изучению исторического развития и научиться им пользоваться. Это естественный и прогрессивный процесс, и было бы неверно не замечать его.

Широко известны исследования советских африканистов, выполненные за последние полтора десятилетия. Они касаются таких важнейших вопросов, как причины и условия отставания Африки от некоторых других регионов земного шара, роль и характер общинной организации у народов континента, формационная принадлежность сравнительно высоко развитых доколониальных обществ Африки, характер и формы отношений эксплуатации в таких обществах. И чтобы в какой-то мере дополнить тезисы автора, относящиеся именно к названным выше аспектам социально-экономической истории народов континента, мы постарались расширить оригинальный список литературы за счет отдельных трудов советских африканистов, выпущенных в свет за указанный промежуток времени.

Т. Бюттнер особое внимание уделяет критике весьма распространенного в недавнем прошлом мнения о «неисторическом» характере африканских народов и логически вытекающего отсюда тезиса о том, что они будто бы обязаны всеми своими культурными достижениями каким-то более развитым пришельцам извне. Подобные антинаучные построения колониалистской историографии, вне всякого сомнения, должны подвергаться разоблачению. Но здесь следует учитывать также одно из важнейших положений марксистской теории — тезис о неравномерном характере исторического развития. В интересующем нас случае он означает, что Африка намного опередила остальные континенты в формировании человека как биологического вида. Древнейшие этапы развития человека и человеческого общества вообще протекали, но всей видимости, только на африканской земле. Но потом, когда человек расселился на большей части земной суши, население Африки по каким-то причинам потеряло преимущество в темпе развития, и в других районах земного шара, например на Ближнем Востоке, человеческие общества стали развиваться быстрее. Это нашло непосредственное отражение в первую очередь в орудиях труда. Археологические материалы дают достаточные основания для того, чтобы утверждать, что такое техническое отставание Африки от Передней Азии и Южной Европы началось еще с эпохи позднего палеолита. Признание неравномерности исторического развития ни в коей мере не означает недооценки великих достижений африканских народов и их вклада в мировую культуру. Оно никак не связано с теми антинаучными теориями, против которых вполне справедливо выступает Т. Бюттнер.

Именно неравномерность исторического развития человечества заставляет с известной осторожностью отнестись к тому решению вопроса о происхождении индустрии железа в Африке к югу от Сахары, которое предлагает автор. Следует иметь в виду, что в мировом историческом процессе отнюдь не все объективные благоприятные возможности, природные или социальные, претворяются в действительность. Причина этого лежит как раз в неравномерности процесса: вполне может возникнуть такое положение — и не раз возникало в действительности, — когда проще и эффективнее оказывался путь заимствования уже открытого, нежели открытие его заново. Причем происходило все это независимо от субъективных намерений той или другой

человеческой общности, так как процесс культурного взаимодействия сам по себе объективен.

И надо сказать, что как раз вопрос об автохтонном или заимствованном характере африканского железа к настоящему времени в значительном большинстве случаев решается не так, как описывается в книге. Среди виднейших специалистов по археологии Африки пока еще совершенно определенно преобладает мнение, что индустрия железа заимствовалась жителями Африки из Передней Азии. Причем шло это заимствование двумя путями, которые, кстати, упоминает и автор, а именно через долину Нила и через Северную Африку. Имеющиеся в распоряжении науки археологические материалы свидетельствуют о том, что процесс возникновения экономической и социальной дифференциации и формирования классового общества иногда был возможен и без металла — так обстояло дело, например, в Океании. К тому же, строго говоря, социальная дифференциация в любом обществе начиналась задолго до знакомства с металлическими орудиями; она предшествовала экономической и тем более классовой дифференциации. Более того, необходимой предпосылкой классовообразования служило не наличие тех или иных орудий само по себе, а наличие производящего хозяйства. А такое хозяйство первоначально существовало повсеместно на базе каменной индустрии.

Мы не располагаем, к сожалению, никакими лингвистическими доказательствами тезиса о кушитоязычном характере обитателей Африканского Рога уже в III тысячелетии до н. э., упоминаемом автором. Основные антропологические типы населения, документированные как изображениями, так и костными материалами, прежде всего сахарскими, сформировались не в IV—I тысячелетиях до н. э., а гораздо раньше. А поскольку речь идет даже не об антропологических, а о расовых типах, то, как справедливо замечает Т. Бюттнер, этап расообразования завершился еще в мезолитическое время, т. е. по крайней мере на пять тысячелетий раньше.

Здесь хотелось бы подчеркнуть значение для Африки исторического развития таких стран, как Либерия и Сьерра-Леоне. Ведь главным был самый факт существования на африканской земле в пору колониального раздела континента независимого (пусть формально) и всеми европейскими колониальными державами признанного государства (Либерия), управляемого людьми с черным цветом кожи. Точно так же при всех отрицательных сторонах британской колониальной политики в Сьерра-Леоне не стоит забывать, что именно здесь был создан первый в Африке колледж Фура-Бэй, из которого вышли многие видные деятели раннего африканского национализма. Автор совершенно справедливо показывает, какую крупную роль играли в формировании идеологических основ современных форм антиколониализма пример Либерии и деятельность новой африканской интеллигенции.

Вопрос об идеологии антиколониальных выступлений на их раннем этапе (а именно этот этап и охватывает хронологически книга Т. Бюттнер) вообще представляет немалый интерес. Автор касается его лишь в самых общих чертах, и будет полезно сказать здесь несколько слов по этому поводу.

В предложенной советскими учеными типологии форм антиколониальной борьбы выделены три главных ее типа: «1. Массовые крестьянские движения, направленные против военных захватов, зачастую облачаемые в форму вооруженной борьбы против иноверцев... 2. Движения, требующие пересмотра сложившейся системы колониального управления в сторону ее „либерализации"... 3. Движения, направленные на достижение внутренней автономии колоний, а на следующем этапе и на завоевание политической независимости...» * (* **История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976, с. 25.**). Эти типы в целом оказываются и последовательными стадиями антиколониального сопротивления.

Факты антиколониальной борьбы, о которых пишет Т. Бюттнер, целиком укладываются в рамки первых двух из перечисленных выше типов. Иначе и не могло

быть: наступление третьего этапа стало возможным лишь после победы Великой Октябрьской революции, с началом общего кризиса капитализма.

И если взглянуть под этим углом зрения на те выступления против европейских колонизаторов, которые описаны в книге, то придется признать, что, скажем, говорить о крестьянах и ремесленниках как о «самой последовательной силе» антипортугальского восстания Кимбы Виты на рубеже XVII—XVIII вв. (с. 119) можно лишь с немалой долей условности. Т. Бюттнер справедливо отмечает, что эти слои населения в организационном и идеологическом отношениях оставались покорны аристократии. Иными словами, как самостоятельная сила они не выступали, да и не могли выступать. Ведь как раз ведущая роль традиционной знати и характерна для антиколониальных движений первого типа. И по этой же причине последовательности в сопротивлении португальцам неоткуда было взяться. Точно так же не могли задаваться далекоидущими программными целями и участники восстания в Момбасе в 30-х годах XVII в. (с. 112). По уровню общественного сознания и по социальному составу руководителей никаких иных целей, кроме возврата к «доброму старому времени», да еще с религиозной окраской, у участников такого рода движения и быть не могло.

Не могли быть иными, чем они обрисованы в книге (с. 177—182), и взгляды первых представителей новой африканской интеллигенции в британских владениях в Западной Африке в XIX—начале XX в. Их стремление добиться более благоприятных условий сотрудничества с колониальной администрацией, не ставя под сомнение саму идею «цивилизующей» роли колонизатора в жизни африканских народов, тоже было исторически обусловлено. Понадобился трагический опыт нескольких десятилетий колониального режима, чтобы африканская интеллигенция окончательно поняла: не может быть сколько-нибудь равноправного сотрудничества с колониальной властью, которую по-настоящему интересует только эксплуатация природных ресурсов и населения колонии. И потребовалось коренное изменение международной обстановки в целом, чтобы идеология этой интеллигенции сделалась решительно антиколониалистской.

Мы обязаны воздать должное большому труду, проделанному автором. Теа Бюттнер сумела в общих чертах познакомить читателя с тем, как шло историческое развитие африканских народов в доколониальную эпоху, и показать ему место Африки в создании общечеловеческой культуры. Тот же из читателей, кто пожелает расширить и углубить свои познания в этой области исторической науки, сможет обратиться к приложенному списку литературы. И книга проф. Теа Бюттнер послужит ему в этом полезном ориентиром.

Л. Е. Куббель

Теа Бюттнер
ИСТОРИЯ АФРИКИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
Редактор Н. Н. Водинская
Младший редактор Н. А. Кочнева
Художник Э. С. Зарянский
Художественный редактор
Б. Л. Резников
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректор В. В. Воловик
МБ № 13880

Сдано в набор 25.02.80. Подписано к печати 14.04.81. Формат 60X90 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,25. Усл. кр.-отг. 16,375. Уч.-изд. л. 20,05. Тираж 10 000 экз. Изд. Л» 4687. Зак. 1029. Цена I р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука» Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1-я типография Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18